
**ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
«КАПИТАЛА»
К. МАРКСА**

ПОЛИТИЗДАТ

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

**ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
«КАПИТАЛА»
К. МАРКСА**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1983

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. С. ВЫГОДСКИЙ, А. И. МАЛЫШ,
 М. П. МЧЕДЛОВ (ответственный редактор),
 Л. Р. МИСЬКЕВИЧ, А. Ю. ЧЕПУРЕНКО

О-95 **Очерки по истории «Капитала» К. Маркса / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Редкол.: В. С. Выгодский и др.— М.: Политиздат, 1983.— IV, 379 с.**

Книга представляет собой сборник статей, содержащих анализ экономических рукописей К. Маркса 40—70-х гг. XIX в., большинство из которых впервые опубликовано в 46—50 томах 2-го издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке. В сборнике освещаются некоторые проблемы истории формирования и распространения экономического учения марксизма в 40—90-е гг. XIX в. В специальном разделе впервые публикуется подборка писем прогрессивных русских ученых и общественных деятелей — современников и корреспондентов Маркса и Энгельса — по поводу перевода и издания «Капитала» в России.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей и аспирантов, специализирующихся в области истории и теории марксистско-ленинской политической экономики, истории марксизма-ленинизма.

0 0102010000—298
 079(02)—83 КБ—16—1—83

11.29
 ЗК14

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой коллективное исследование ряда проблем истории формирования и развития пролетарской политической экономии в произведениях К. Маркса.

В 1981 г. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС было завершено 50-томное второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке. В 46—50 томах этого издания впервые опубликованы экономические рукописи Маркса 50—70-х гг., черновые варианты I, II и III томов «Капитала». Благодаря выходу 1—3 томов II отдела Полного собрания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА), которое издается Институтами марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и ЦК СЕПГ, стала доступной значительная часть этих рукописей также и в оригинале. Их публикация создала новые возможности и импульсы для углубленной разработки истории и теории марксизма-ленинизма в целом, актуальных проблем современного общественного развития.

В ходе подготовки рукописей Маркса к печати был проанализирован и обобщен богатый материал по истории их создания, их датировке, изучены их источники и творческая лаборатория Маркса, в более наглядном и конкретном виде предстал метод его экономических исследований. Это, в свою очередь, позволило глубже осмыслить и раскрыть огромное методологическое значение наследия Маркса, выявить некоторые новые его стороны, сильнее подчеркнуть уже известные положения марксизма: общие моменты и коренные различия в логике Гегеля и Маркса, диалектику смены форм капитала в процессе его кругооборота, заключенные в этом процессе возможности повышения эффективности производства, формальное и реальное подчинение труда капиталу и др.

Опираясь на богатейший материал, содержащийся в рукописях Маркса, в его тетрадях с выписками из работ буржуазных экономистов и статистических справочников, официальных публикаций английского парламента и т. д., авторы книги попытались детальнее, чем это было до сих пор, исследовать внутреннюю логику и последовательность разработки Марксом собственной экономиче-

ской теории, показать, как в процессе творческой критики буржуазных концепций совершался революционный переворот в политической экономии.

Данная книга продолжает исследования истории «Капитала», развития экономического учения Маркса начиная с 40-х гг. XIX в. В ней отражены основные этапы создания «Капитала» в целом и таких важнейших его разделов, как теория стоимости, теория денег, учение о кругообороте капитала, теория земельной ренты. Тщательно прослеживается становление структуры «Капитала».

Современный уровень марксоведения требует подходить к изучению «Капитала» в контексте всего литературного наследия Маркса, привлекая для этой цели черновые варианты «Капитала», рабочие (эксцерптные) тетради Маркса, его переписку, а также те произведения, в которых затрагиваются философские проблемы, в частности проблемы материалистического понимания истории. Только глубокое знание истории и методологии главного труда Маркса дает ключ к творческому овладению всем богатством его содержания.

В книге приведен материал, раскрывающий связь теории Маркса с практикой классовой борьбы пролетариата, пропаганду Марксом его экономического учения среди рабочих, использование им результатов экономических исследований для разработки стратегии и тактики международного рабочего движения.

Огромное значение для понимания марксизма, для его подлинно творческого применения к современности имеет теоретическое наследие В. И. Ленина. Рассмотрение тех «приемов материалистического метода и теоретической политической экономии», которые были выработаны Марксом и на которые опирался Ленин в своих исследованиях, развивая и обогащая марксизм в новых исторических условиях, служит надежным компасом в изучении современных общественных процессов. Открывающая книгу статья показывает непреходящую актуальность идей и выводов «Капитала», трудов В. И. Ленина, экономической теории марксизма-ленинизма для понимания экономики и политики современного государственного-монополистического капитализма, для научного руководства строительством социализма и коммунизма.

В книге впервые публикуются фрагменты писем видных русских ученых и общественных деятелей по поводу издания «Капитала» в России.

Наборный экземпляр рукописи подготовлен Р. А. Дубовенко.

УЧЕНИЕ, ПРОВЕРЕННОЕ ПРАКТИКОЙ

В стройной и цельной системе научных взглядов Маркса особое место занимает его экономическое учение. По известному определению В. И. Ленина, в экономическом учении Маркса следует видеть наиболее глубокое, всестороннее и детальное подтверждение и применение марксистской теории¹. Оно в то же время — важнейшая составная часть ее, главное ее содержание.

Критикой буржуазной политической экономии и исследованием экономики капитализма, а отчасти также и более ранних форм общества Маркс занимался с небольшими перерывами, обусловленными разными причинами, на протяжении почти 40 лет. Это была главная область его научных занятий, а «Капитал», в котором воплощены результаты этих занятий, великий труд, в котором последовательно изложено экономическое учение Маркса, является главным произведением научного коммунизма. Проследивая историю товарного производства вообще и капиталистического строя в частности, условия зарождения и экономические законы движения этого строя, Маркс обосновал и развил самые существенные разделы всей своей теории, включая философию и вопрос об исторической миссии рабочего класса. Творческая переработка научных достижений предшественников в области политической экономии, философии, социализма, превращение гипотезы Маркса и Энгельса о материалистическом понимании истории в научно обоснованную концепцию связаны прежде всего и главным образом с «Капиталом». С другой стороны, принципиально новые философские воззрения, осознание неизбежных объективных факторов и целей классовой борьбы получили предметную реализацию в процессе революционизирования политической экономии, стали залогом фундаментальных открытий в этой науке.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

С момента появления первого выпуска «К критике политической экономии» (1859 г.) и первого тома «Капитала» (1867 г.) экономические идеи Маркса озаряют путь международного социа-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 60.

листического движения. На континенте Европы, как говорил Энгельс, «Капитал» стали называть «библией рабочего класса», выводы, сделанные в «Капитале», рабочий класс в процессе своей борьбы все более и более признавал «наиболее точным выражением своего положения и своих чаяний»¹.

Однако признание, защита, а зачастую восторженный прием среди передовых рабочих, а также у наиболее дальновидных представителей интеллигенции были лишь одной стороной общественного резонанса на «Капитал». Другой стороной были преднамеренные нападки, превратные толкования и искажения.

Можно отметить попытки доказать, будто Маркс совершил не более чем экономическую начинку философских постулатов Гегеля, что конкретный фактический материал он заключал в «прокрустово ложе» гегелевских триад и других категорий классика немецкой философии, что в чисто философском плане он оставался всегда правоверным гегельянцем. На эти «уколы» не единожды убедительно отвечал сам Маркс. Напомним один из таких ответов. «В рецензии на первый том настоящего труда («Капитала». — А. М.) доктор Дюринг отмечает, что моя неизменная привязанность к скелету гегелевской логики заходит так далеко, что даже в формах обращения я открываю гегелевские фигуры умозаключений. Мое отношение к диалектике Гегеля очень просто, Гегель — мой учитель, и болтовня умничающих эпигонов, полагающих, что они покончили с этим выдающимся мыслителем, мне просто смешна. Однако я позволил себе отнестись к моему учителю критически, снять с его диалектики покров мистицизма и тем самым существенно ее изменить...»²

Марксу отказывали с преднамеренным умыслом, а иногда, возможно, из-за элементарного непонимания в оригинальности экономического мышления, объявляя его попросту комментатором А. Смита и Д. Рикардо, не сделавшего после них ни одного шага вперед. Он, во всяком случае, не выше их, он, может быть, и значительный экономист, но отнюдь не более значительный, чем многие другие известные экономисты.

При жизни Маркса наиболее приметной фигурой ученого мира, признававшего в лице Маркса мыслителя крупнейшего масштаба, экономиста, превзошедшего Рикардо, оказавшегося на несколько порядков выше завершителя классической школы в буржуазной политэкономии, был профессор Киевского университета Н. И. Зибер. В послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» (1873 г.) Маркс воздал должное Зиберу, отметив, что этот русский ученый в своем труде показал, что Марксова «теория стоимости, денег и капитала в ее основных чертах является необходимым дальнейшим развитием учения Смита — Рикардо», что в ценной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 33.

² Там же, т. 50, с. 34.

книге Зиберы «читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения»¹.

Конечно, непревзойденным истолкователем экономического учения Маркса в XIX в. был его друг и сподвижник Энгельс. Различные работы Энгельса о «Нищете философии», «Наемном труде и капитале», «К критике политической экономии» и I томе «Капитала» — рецензии, предисловия к посмертным изданиям, предисловия Энгельса к первым изданиям под его же редакцией II и III томов «Капитала», другие менее известные работы показывают в полную меру величие Маркса, его гениальность как политико-эконома. Сами по себе они вошли в золотой фонд классической марксистской мысли, составляют прочный фундамент подлинно научной истории экономического учения марксизма, теоретической деятельности Маркса.

В качестве решающе важного условия революционирования политэкономии Энгельс указал на выработку Марксом принципиально нового метода исследования экономических явлений. Гегелевский метод (диалектика) означал огромный прогресс по сравнению с метафизическим способом мышления, однако в его собственном виде был непригоден для анализа буржуазного производства и обмена. Он нуждался в освобождении его рационального ядра от той идеалистической оболочки, в которую был заключен, и эту «освободительную» работу проделал Маркс. В своем исследовании Маркс, подчеркивал Энгельс, единственно приемлемым считал логическое движение мысли от простейших отношений к более сложным соответственно ходу самой истории. Логический метод, следовательно, не только не противоречит историческому методу, а, более того, является в сущности не чем иным, как историческим методом, «только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей»². Вместе с тем логическое развитие не должно ограничиваться чистыми абстракциями, оно опирается на обобщенный опыт истории, реальную действительность.

Следует, кстати, заметить, что «основоположник» ревизионизма Э. Бернштейн имел весьма предвзятое суждение о методе Маркса, по существу, видимо, никогда не поднимался до уяснения общих черт и принципиальных различий в диалектике Маркса и Гегеля. Как это ни парадоксально для человека, кичившегося своим знанием наследия Маркса, он считал Гегеля чуть ли не злым гением Маркса, утверждал, что гегелевская диалектика «затягивает нас в петлю», что, следуя ей, «мы обязательно попадаем в болото» и что все великое, что совершили Маркс и Энгельс, было сделано не *благодаря* гегелевской диалектике, а *вопреки* ей³. В противоположность этому странное невежественному мнению научная историография марксизма разделяет три аксиомы: 1) огромное значе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 19.

² Там же, т. 13, с. 497.

³ См.: Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901, с. 78.

ние для научного познания гегелевской диалектики самой по себе; 2) подъем на огромную высоту диалектики как науки о всеобщих законах движения природы, общества и мышления, благодаря органической увязке ее с материализмом, осуществленной Марксом; 3) все великие открытия марксизма-ленинизма достигнуты на базе принципов материалистической диалектики.

Маркс, подчеркивал Энгельс, впервые определил подлинный предмет, т. е. то, чем именно и должна заниматься политэкономия: отношения между людьми и в конечном счете между классами, которые (отношения) «всегда связаны с вещами и проявляются как вещи»¹.

Принятый Марксом метод позволял прежде всего раскрывать ограниченный предмет экономического исследования, скажем, одних только буржуазных отношений, выявлять законы буржуазной экономики. Для этого в основном достаточно «дедукции». Как считал сам Маркс, «нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений*». Однако дедуктивное (логическое) рассмотрение предмета подводило также к тем пунктам, где надо было выходить за пределы данного способа производства, углубляться в прошлое, когда он еще не сложился².

Главное в экономическом учении Маркса — теория прибавочной стоимости.

Существовали ли теории прибавочной стоимости до Маркса? Да, и немало, но ни одна из них не была вполне научной и последовательной, ни один из экономистов — предшественников Маркса — не раскрыл тайны рождения капиталистического богатства. О приоритете Маркса в этой области никто лучше не сказал, чем Энгельс в предисловии к II тому «Капитала». Чтобы показать, почему теория прибавочной стоимости Маркса произвела впечатлительные грома с ясного неба, Энгельс, прибегнув к аналогии, напомнил две химические теории о сущности горения. Авторы одной из них утверждали, что при горении происходит выделение из горящего тела особого вещества — флогистона. Авторы другой теории доказывали, что при горении из горящего тела не таинственный флогистон выделяется, а, напротив, с горящим телом соединяется новый элемент, и этим элементом является кислород.

Марксу удалось до деталей изобразить действительный процесс образования прибавочной стоимости благодаря открытию особого товара — рабочей силы, благодаря выделению двух форм капитала — постоянного и переменного, благодаря тому, что он представил потребление капиталистом указанного товара как единственный источник приращения капитальной стоимости. Далее, в отличие от других экономистов, было показано, как это приращение делится между различными фракциями собственников средств производства, выступая в облике промышленной прибыли, процента и земельной ренты.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 498.

² См. там же. т. 48, с. 158.

Классическая политэкономия заимствовала из промышленной практики поверхностное представление, будто капиталист покупает и оплачивает труд своих рабочих. Признавая стоимость товара тем «устойчивым центром», вокруг которого колеблются текущие цены, и признавая, далее, основой стоимости издержки производства товара — затраты человеческого труда на его производство, она не могла ответить, откуда берется прибыль, если «труд», как и всякий другой товар, в конечном счете продается по издержкам труда. Получался заколдованный круг. Политэкономия зашла в тупик. Энгельс в своих работах об экономическом учении Маркса подчеркивал, что выход из этого тупика указал лишь Маркс. Этот выход был найден Марксом благодаря внешне простому, но по сути своей гениальному открытию: что рабочий продает не свой труд, а рабочую силу, которая оплачивается или по своей стоимости, или выше, или ниже ее, в зависимости от конкуренции и конъюнктуры рынка, но всегда ниже совокупной стоимости производимых рабочим продуктов. Неоплаченный избыток продуктов является материальным воплощением прибавочной стоимости — источника прибыли и других форм нетрудового дохода.

Исключительно важным и актуальным сегодня, как и более века тому назад, является четкое разъяснение Энгельса, что трудовая теория стоимости Маркса отнюдь не подрывается тем, что «в нашем грешном мире товары продаются то выше, то ниже своей стоимости, и притом не только вследствие колебаний, вызываемых конкуренцией»¹. Еще до выхода III тома «Капитала» Энгельс дал общее понимание развитой в этом томе проблемы средней нормы прибыли и цены производства. В специальном дополнении к III тому «Капитала» была особенно убедительно доказана несостоятельность критиков трудовой теории стоимости, подвазавшихся как до выхода III тома, так и после 1894 г., когда этот том, благодаря подвижническому труду Энгельса, увидел свет.

Австрийский экономист Е. Бем-Баверк писал, в частности, в 1896 г.: «Третий том («Капитала». — А. М.) Маркса отрицает первый. Теория средней прибыли и цен производства не согласуется с теорией стоимости. Это впечатление, как я думаю, разделяет всякий, кто логически мыслит... Лориа (итальянский экономист. — А. М.) чувствует себя вынужденным к «суровому, но справедливому приговору»: Маркс «вместо решения» впал в «мистификацию», претерпел «полнейшее теоретическое банкротство», совершил «научное самоубийство», «формально отрекся от своего учения» и «полностью примкнул к тем ортодоксальным экономистам, которых он поносил»².

Справедливости ради надо сказать, что Бем-Баверк и им цитируемый Лориа в своем противостоянии «Капиталу» отнюдь не одиноки. Они снискали сомнительную славу зачинателей критики

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 184.

² Цит. по: Nutzinger H., Wolfstetter E. (Herausgeber). Die Marxsche Theorie und ihre Kritik, I. Frankfurt — New York, 1974, S. 99.

Маркса в связи с мнимым отрицанием в III томе «Капитала» основных положений теории стоимости, изложенной в I томе. Но у них есть сторонники и в наши дни.

Проблемой превращения стоимости в цену производства в плане критики трудовой стоимости Маркса, как якобы ненужной для понимания цен, активно занимается американский экономист, автор известного учебника по политэкономии П. Самуэльсон. Используя аппарат линейной алгебры, который во времена Маркса не был известен экономической науке, он фактически гальванизирует вульгарную концепцию трех факторов производства, согласно которой в стоимости готового продукта все имеют свою справедлившую долю: рабочий — заработную плату, капитал — прибыль, земельный собственник — ренту. Таким образом, получение владельцами средств производства нетрудового дохода, эксплуатация рабочей силы есть не факт, а миф, вымысел Маркса¹.

Спекулирующие на проблеме «превращения» критики Маркса игнорируют различие в уровнях научной абстракции, не видят того, как на деле не отрицаются, а лишь модифицируются одни и те же категории по мере приближения к конкретному, в конкретной практике товарного обмена, рыночных отношений.

Из чисто классовой неприязни к марксизму эти критики не считаются с требованиями добросовестного научного исследования и с видом научного беспристрастия «доказывают» не то, что может быть доказано, а то, что им хочется доказать, — «заблуждение» Маркса, внутреннюю противоречивость его теории.

В III томе «Капитала» Маркс убедительно раскрыл, что капиталист, продающий свой товар по цене производства (средняя прибыль + издержки производства), получает то количество денег, которое соответствует величине стоимости его капитала, потребленного в производстве. Индивидуальный характер издержек его производства стирается в процессе происходящего за его спиной усреднения издержек, коль скоро они берутся как часть совокупного общественного капитала. Если один капиталист что-то выигрывает, то другой что-то проиграет, но все капиталисты, взятые как совокупность, продают свои товары по стоимости. Цена производства — это превращенная форма стоимости, а средняя прибыль, входящая в цену производства, превращенная форма прибавочной стоимости, являющейся частью (иногда большей, иногда меньшей) полной трудовой стоимости товара².

Разумеется, возможны насильственные нарушения закона стоимости, отклонения рыночных цен не только от стоимости, но и от цены производства за счет сговора между крупнейшими капи-

¹ Подробнее см.: *Вальтух К.* О Марксовой теории цены производства как превращенной формы стоимости (ответ П. Самуэльсону). — *Мировая экономика и международные отношения* (далее: МЭиМО), 1980, № 12, с. 112—127.

² Более подробно см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 154—230.

талистами, их объединениями, путем интервенции, принудительного регулирования со стороны государства. Однако такие случаи ни в какой мере не отменяют трудовой основы стоимости, закона стоимости. Они подлежат исследованию именно как особое отступление от нормы.

ПЕРВАЯ РЕВИЗИОНИСТСКАЯ АТАКА НА «КАПИТАЛ»

В конце XIX в. Э. Бернштейн публично выступил, как он сам выражался, с «возражениями» против «известных единичных положений Маркса учения»¹, находя эти «возражения», по крайней мере часть их, «неопровержимыми». Здесь, в этих словах, две неправды: 1) речь в действительности шла не просто об «единичных положениях», а о таких вещах, которые составляли основу основ теории марксизма, в частности экономического учения Маркса; 2) опровергателью хотелось бы, чтобы его возражения были «неопровержимы». Но одно дело — хотеть или выдавать нечто за желаемое, другое дело — насколько субъективно желаемое обеспечено. «Неопровержимость» возражений Бернштейна была не чем иным, как его тщеславной надеждой.

Среди прочего Бернштейн утверждал, что через весь «Капитал» — особенно ясно это прослеживается в главе об исторической тенденции капиталистического накопления — проходит известный «дуализм». «Дуализм, состоящий в том, что сочинение это желает быть научным исследованием и в то же время доказать еще до написания книги выработанный тезис; что в основе сочинения лежит известная схема, причём результат, к которому должно повести ее развитие, заранее уже предreshен... Маркс в общем усвоил решения утопистов, но признал недостаточными их способы и доказательства... По мере того как Маркс приближался к конечной цели своего исследования, его положения становятся ненадежными, сомнительными... Этот великий научный гений оказался в конце концов пленником доктрины». Далее, он стал жертвой «диалектической схемы сочинения. Он заранее возвел леса и внутри готовых лесов пытался строить свое здание. Если строительный материал не укладывался в «леса», он отбрасывал этот материал прочь, изменял самую постройку, оставляя в неприкосновенности «леса», т. е. умозрительную, спекулятивную схему и т. д. и т. п.»²

В свете этих обвинений всякие фORMALьные реверансы теряют силу, ибо заявлено, по существу, следующее: Маркс не искал истину, он ее знал наперед. Какая же это истина, если ее не надо доказывать? Это догматический постулат подстать символам веры «святого евангелия». Весь «Капитал» представляет собой не систему строгих доказательств, а сумму иллюстраций к заранее сформулированным положениям. Капиталистический способ про-

¹ Бернштейн Э. Цит. соч., с. 345.

² См. там же, с. 340, 341, 342.

изводства, обмена и присвоения отрицается теорией Маркса не в силу присущих ему объективных законов, а потому, что по Гегелю, на которого Маркс-де чересчур молился, все отрицается, повсюду неумолимо действует гегелевский принцип отрицания, или закон отрицания отрицания.

В других своих констатациях, касавшихся якобы «единичных положений» марксизма, Бернштейн ставил под сомнение трудовую теорию стоимости, теорию прибавочной стоимости, факт концентрации производства и капитала с развитием капитализма, необходимость диктатуры пролетариата для победы социализма, наконец, уверял в неспособности современного пролетариата совершить социалистическую революцию, призывал идти путем реформ.

Измышления и выводы Бернштейна не остались без ответа. Особую роль в критике знаменосца международного ревизионизма сыграл образованнейший марксист того времени Г. В. Плеханов. В. И. Ленин писал, что Плеханов был поначалу «единственным марксистом в международной социал-демократии», разоблачавшим с позиций последовательного диалектического материализма те пошлости, которые выходили из-под пера Бернштейна и других ревизионистов¹.

В постановлении ЦК КПСС от 16 октября 1956 г. «О 100-лети со дня рождения Г. В. Плеханова» подчеркивалась его выдающаяся роль в борьбе против ревизионистов-бернштейнцев².

Первая статья Плеханова против ревизионизма «Бернштейн и материализм» была напечатана в 1898 г. в журнале «Die Neue Zeit». В своих публикациях он заявил себя верным сторонником Маркса и Энгельса, доказывал, что ревизионизм является течением, глубоко враждебным научному социализму, его цель и классовая сущность сводятся к обоснованию оппортунизма и реформизма, к подчинению интересов пролетариата интересам буржуазии, к отстаиванию тех реформ, которые «не вносят ровно никаких *существенных* изменений в капиталистические отношения производства и нимало не ограничивают *существенных прав капиталистической собственности*»³.

ЛЕНИН — ВЕРНЫЙ УЧЕНИК МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА, ГЕНИАЛЬНЫЙ ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ИХ ТЕОРИИ

Новая славная страница пропаганды экономического учения марксизма, защиты его от всякого рода хулителей, дальнейшего его творческого развития написана гением В. И. Ленина. Создатель Российской Социал-демократической Рабочей партии — партии коммунистов — принадлежит глубочайшие и емкие характеристики этого учения, «Капитала» в частности.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 20.

² См.: Справочник партработника, 1957, вып. I, с. 365.

³ Плеханов Г. В. Соч. 2-е изд., т. XI, с. 254—255.

В написанной для словаря Гранат специальной статье о Карле Марксе (1914 г.) Ленин излагает содержание основных разделов экономического учения Маркса: стоимость и прибавочная стоимость. При этом подчеркивается все в высшей степени важное и новое, чем обогатил политэкономия именно Маркс, указываются те ошибки и недостатки, которые были свойственны буржуазным представителям этой науки и которые преодолел именно Маркс.

«Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса,— пишет Ленин,— является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная «теория предельной полезности»¹.

Выводы Маркса, отдельные положения его теории Ленин органически увязывает с задачами изучения эволюции капитализма в России и других странах, которые вступили на этот путь позже Англии.

Характеризуя марксизм, и в частности экономическое учение Маркса, Ленин подчеркивал, что для Маркса важно «найти закон тех явлений, которые он исследует, и притом особенно важен для него закон изменения, развития этих явлений... Маркс рассматривает общественное движение как естественноисторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения»². «Маркс,— указывал Ленин,— отрицает именно ту идею, что законы экономической жизни одинаковы и для прошедшего и для настоящего». Задача экономического исследования, согласно Марксу, «состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом»³.

Следуя материалистической диалектике Маркса и Энгельса, самому духу их теории, их прямым указаниям, Ленин видел в марксизме не собрание готовых догм, а метод и отправные пункты для дальнейшего исследования, признавал относительность наших знаний в смысле исторически обусловленного приближения к объективной, абсолютной истине. Иначе марксизм не может быть тем, что он есть и чем должен быть,— живой, постоянно развивающейся наукой.

И откровенные буржуазные противники Маркса и марксизма вообще, и прикрывающиеся левой фразой поборники «чистого», или «аутентичного», марксизма, признающие на словах Маркса и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 67.

² Там же, т. 4, с. 166.

³ Там же, с. 167.

отвергающие с порога Энгельса, уверяющие, кроме того, что Маркс был самим собой лишь в ранний период своего творчества (до «Манифеста Коммунистической партии»), и представители правого и левого оппортунизма твердят обычно одно и то же: Ленин и ленинизм представляют собой искажение идей подлинного Маркса. Самые «снисходительные» критики объявляют ленинизм специфической, всего лишь русской разновидностью марксизма, пригодной лишь для условий России. С помощью неуклюжих, произвольных и клеветнических приемов Ленина аттестуют учеником и последователем анархиста Бакунина, террориста Нечаева, якобинцем. Квазиобъективные «ленинологи» и «советологи» если и снисходят до признания Ленина марксистом, то марксистом сугубо русским или настолько русским, что стиль его мышления затрудняет марксистам других стран разработку их тактики. Отсюда логически вытекает и другой вывод: изучение Маркса через посредство Ленина является «основным препятствием для конструктивной интерпретации Маркса»¹; т. е., иначе говоря, необходимо строго разграничивать марксизм и ленинизм, необходимо элиминировать Маркса от Ленина, чтобы получился неискаженный образ марксизма и его творца — Маркса.

Замысел далеко идущий, но в той же мере и несостоятельный. Все подобные выпады против Ленина относятся к разряду дешевых и плоских инсинуаций антикоммунистов.

В. И. Ленин сделал необычайно много для защиты марксизма от всевозможных хулителей его справа и «слева». Отнюдь не для красного словца он говорил незадолго до Великого Октября: «Я все еще «влюблен» в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это — настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить»². Ленин так думал. Беречь в чистоте их имена, учиться у них, советоваться с ними — таково было жизненное кредо Ленина, которому он всегда и неизменно был верен. Советуясь с Марксом и Энгельсом, он отнюдь не повторял буква в букву их учение, а развивал его во всех направлениях. Ленин преподавал предметный урок бережного, но отнюдь не догматического отношения к трудам основоположников марксизма. Он искал у них не ошибки, как это делал, например, Бернштейн, а ответы на жгучие вопросы современности, старался понять каждое их положение, а после, где это необходимо было вследствие развития исторической практики, вносил уточнения, давал новые решения.

Противопоставление Ленина Марксу, активные попытки оторвать ленинизм от марксизма, отрицать его интернациональный характер и значение для революционной практики как марксизма современной эпохи одной из своих целей, если не главной целью, имеет расщепление международного коммунистического движе-

¹ *Lewine N. The Tragic Deception: Marx contra Engels. Oxford, 1975, p. XII.*

² *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 378.*

ния по географическому признаку, противопоставление компартий капиталистических стран их братским партиям в социалистических странах, подталкивание компартий капиталистических стран к социал-реформизму как в теории, так и в практической политике.

Присягать сейчас на верность Марксу и в то же время отречься от Ленина и ленинизма — значит фактически вносить бактерии распада и разброда в коммунистическое движение, игнорировать тот бесценный опыт, который выстрадан и накоплен поколениями революционеров после Маркса и Энгельса.

Когда некоторые «марксисты» на Западе публично отрекаются от ленинизма, то независимо от того, признаются в этом или не признаются, фактически они имеют в виду не столько те или иные теоретические положения, сколько известные ошибки и трудности в практике реального социализма, причем как раз подвергнутые принципиальной самокритике самими правящими партиями социалистических стран. Но, как справедливо заметил Первый секретарь ЦК Компартии Уругвая Родней Арисменди, «отождествлять эти ошибки с марксизмом-ленинизмом означает, хотя это и кажется парадоксальным, попасть в ловушку, расставленную теми, кто всегда отрицал его творческую сущность»¹.

Творчески развивая экономическое учение марксизма, Ленин в новых исторических условиях тщательно изучил тот новый фактический материал, которым не могли располагать ни Маркс, ни Энгельс, разработал теорию империализма и государственно-монополистического капитализма, раскрыл действие закона неравномерности развития капиталистических стран в империалистическую эпоху. Из сделанных им обобщений вытекала возможность победы социализма первоначально в одной стране, составляющей слабейшее звено в цепи империализма. Возглавляемая Лениным партия, не погрязнув в доктринерской ортодоксии, повела в 1917 г. пролетариат и беднейшее крестьянство России решительным курсом социалистической революции.

На рубеже XIX и XX вв. в экономике и политике капитализма намечались определенные изменения. При изучении этих изменений, по сути, надо было ответить на вопрос, идет ли дело здесь о закономерном изменении формы движения капитала или же имеет место коренное изменение самой природы буржуазного строя, происходит своего рода спонтанная самоликвидация капитализма, снимающая с повестки дня социалистическую революцию. Исключительно важным было также ответить на вопрос, будет ли, может ли быть исторически закономерной и успешной социалистическая революция в такой стране, как царская Россия.

Своим глубоким *марксистским* анализом высшей стадии в развитии капитализма Ленин раскрыл перспективы классовой борьбы международного пролетариата, перспективы социалистической революции, которые не существовали при жизни Маркса и Энгельса.

¹ За рубежом, 1978, № 17.

Там, где буржуазные противники марксизма, ренегаты и ревизионисты видели опровержение «устаревших догм» Маркса и Энгельса или не видели, «опираясь» на Маркса и Энгельса, объективных условий социалистического переворота, там Ленин, действуя согласно основополагающим принципам марксизма, нашел подтверждение открытых еще Марксом и Энгельсом объективных закономерностей исторического процесса. Он обогатил экономическое учение марксизма новыми важными положениями. В его трудах империализм, слияние силы монополий с буржуазным государством предстали как естественный результат непосредственного развития, расширения, продолжения тех самых глубоких и коренных противоречивых свойств и тенденций капитализма и товарного производства, которые были в общем виде и в частностях вскрыты и рассмотрены Марксом в «Капитале». Ленин показал, что «капитализм в его империалистской стадии... втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению»¹.

Ленинские положения вооружают пониманием коренных свойств современного капитализма, его антагонизмов и противоречий. Без учета этих положений немислима выработка стратегии и тактики международного коммунистического движения.

УГЛУБЛЕНИЕ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Буржуазные идеологи извели немало чернил, расписывая «историческую реабилитацию» капитализма после второй мировой войны. В частности, искусственное состояние эйфории у капитанов монополистического капитала вызывали годы бескризисного развития экономики США и других капиталистических стран, оскмину на зубах набили восхваления западногерманского и японского «чуда». Возрождение экономики ФРГ и Японии уподоблялось возрождению сказочного Феникса из пепла. В состоянии опьянения благоприятной конъюнктурой бахвалились своей мудростью «регуляторы» роста экономики, адепты теорий «социального рыночного хозяйства», государства «всеобщего благоденствия».

Марксизм, его теория обнищания, абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления, указанные Марксом исторические тенденции накопления капитала третировались как окончательно перечеркнутые опытом истории, реальной действительностью развитых капиталистических стран.

Однако на смену эйфории пришло горькое разочарование и похмелье.

Как отмечалось в документах XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС, факты экономического роста, известного приспособления

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 320—321.

современного капитализма к послевоенным условиям ни в какой мере не означают его стабилизации и избавления от острых антагонизмов. Общий кризис системы продолжается и будет неуклонно углубляться. Государственное регулирование мало помогает капиталистической экономике. Лучшее тому подтверждение — сильнейший после так называемой «великой депрессии» 1929—1932 гг. циклический кризис перепроизводства 1974—1975 гг., потрясший все развитые капиталистические страны и развернувшийся на фоне целого ряда структурных кризисов, таких, как энергетический, сырьевой, валютно-финансовый, экологический. Тому подтверждение — разложение правящей политической верхушки, скандальные разоблачения коррупции и других неприглядных дел, к которым были непосредственно причастны самые высокие чины и инстанции. Тому подтверждение — волна массовых банкротств, углубление пропасти между богатыми и бедными, дальнейшая общественная поляризация, небывало высокий уровень безработицы.

В США, по официальным данным на конец 1982 г., количество безработных составляло 11,3 млн. человек, т. е. 10,1% всего трудоспособного населения ищут работу! Кроме того, 1,6 млн. составляют так называемые «отчаявшиеся рабочие», те, которые уже прекратили поиски работы. Нынешний уровень безработицы — самый высокий после 1940 г. Сенатор Э. Кеннеди назвал положение на рынке труда США «национальной трагедией»¹.

С начала 80-х гг. США, ФРГ, Япония, Франция, Италия, Великобритания вползли в полосу нового кризиса, сопровождаемого падением производства, ростом безработицы и инфляции, обострением торговой войны, протекционизма, разбуханием дефицита торговых и платежных балансов, внутреннего государственного долга. Имеют место значительные недогрузки производственных мощностей — до 25—30%. Вялый характер носит инвестиционный процесс.

«Рейганомика» в США — экономическая политика президента Р. Рейгана — оборачивается плачевными результатами и не только для одной этой страны. Снижение налогов с крупного капитала, свертывание расходов федерального и местных бюджетов на социальные нужды, высокая банковская учетная ставка обусловили усиление внутренней напряженности, неуверенность миллионов людей в завтрашнем дне, способствовали усилению межимпериалистических противоречий. Главная капиталистическая страна как никогда выступает эпицентром неурядиц в исторически изжившем себя мире.

Все это, конечно, не значит, что современный капитализм представляет собой «бумажного тигра», что он исчерпал свои потенции. Он обладает все еще огромными материальными возможностями, активно ищет условия реализации научно-техниче-

¹ Der Spiegel, 1982, N 42, S. 161.

ского прогресса, наращивания производительного и экономического потенциала, особенно в военных отраслях. Он по-прежнему представляет собой преобладающую часть мирового хозяйства. Возглавляющие империалистический лагерь правящие круги США развязали крупномасштабную психологическую войну против СССР и всего социалистического содружества, объявили «крестовый поход» — политическое, идеологическое и экономическое наступление на социализм, то и дело провоцируют локальные вооруженные конфликты, угрожают всеобщему миру и безопасности народов.

Тяжелое кризисное состояние капиталистической экономики предопределило собой обострение кризиса современной буржуазной экономической мысли, что проявилось прежде всего в крахе господствовавшей прежде кейнсианской теории. Основатель этого направления, которое было возведено в ранг «теоретической революции», Дж. М. Кейнс утверждал возможность устойчивого функционирования капиталистической экономики, если государство, т. е. правительственные институты, обеспечит необходимый объем «эффективного спроса» с помощью так называемого «дефицитного финансирования», организации общественных работ, повышения номинальной заработной платы.

Кейнса и кейнсианцев вытеснили теперь монетаристы, основным выразителем консервативной и, в сущности, весьма старой (хотя она рекламируется как новая) «парадигмы», доктрины которых является американский экономист М. Фридмен. Представители этого течения (в противоположность кейнсианской «революции» оно именуется «монетаристской контрреволюцией» 60—70-х гг.) придерживаются того мнения, что государство лишь нарушает баланс частнокапиталистического рыночного механизма, лишь мешает бизнесу и что этот последний все свои основные проблемы может решить вполне успешно путем манипуляций с кредитом и денежной массой в обращении. Государственный аппарат, считает Фридмен, должен лишь устанавливать и охранять «правила игры» капиталистического предпринимательства, но сам не должен вмешиваться в функционирование рынка¹. Для оздоровления капиталистического хозяйства, по мнению монетаристов, достаточно того, чтобы денежная масса не росла быстрее производства благ и услуг. Их взгляды разделяют премьер-министр Великобритании М. Тэтчер, президент США Р. Рейган. Сам Фридмен был финансовым советником у чилийского диктатора Пиночета. Однако, как свидетельствуют факты, новые «мессияны» не избавили капитализм от старых проблем и появления новых.

Характерным для нынешнего этапа кризиса буржуазной политэкономии является вообще разочарование в экономической

¹ Подробнее см.: *Уоскин В.* Монетаристская школа в буржуазной политической экономии. — МЭиМО, 1982, № 6, с. 74—90.

науке, бегство буржуазных экономистов в математику или эконометрику, т. е. в математическое моделирование экономических процессов при отказе от качественного теоретического анализа этих процессов и производственных отношений.

С другой стороны, наблюдается все более частое обращение к концепциям и имени Маркса.

В докладе президента Американской экономической ассоциации на ее годичном собрании в 1975 г. отмечалось, что перед лицом тех трудностей, с которыми столкнулась официальная экономическая наука, столкнулась и фактически спасовала, многие экономисты, особенно из молодого поколения, стремятся искать радикальную альтернативу на путях более или менее марксистских. Касаясь соотношения научных догм и действительности, он говорил прямо о неспособности экономической теории адаптировать свой аналитический инструментарий к изменяющейся институциональной среде и в связи с этим называл Маркса и Шумпетера самыми выдающимися среди тех немногих экономистов, которые занимались этим делом и умели это делать. Он говорил далее: давайте позаимствуем то, что представляется подходящим из Маркса и его последователей, хотя, по его мнению, исследования Маркса гораздо более пригодны для характеристики Англии XIX в., нежели Западной Европы и США последних десятилетий XX в.¹

ДОСТИЖЕНИЯ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА — ВЕЛИЧАЙШИЙ ТРИУМФ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ МАРКСА, МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Из экономического закона движения капиталистического общества Маркс строго научно выводит превращение этого общества в социалистическое общество. «По мере сокращения числа властелинов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого периода общественной эволюции, возрастают нищета, угнетение, рабство, вырождение, эксплуатация, но вместе с тем и сопротивление рабочего класса, который становится все более многочисленным и благодаря самому механизму капиталистического производства все более и более дисциплинированным, сплоченным и организованным. Монополия капитала становится препятствием для способа производства, который рос и процветал вместе с ней и под ее покровительством. Обобществление труда и централизация его материальных средств достигают такого пункта, когда их уже невозможно удержать в их капиталистической оболочке. Эта оболочка взрывается. Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторы в свою очередь экспроприируются»².

¹ См.: МЭиМО, 1976, № 12, с. 95.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 229.

Капиталистическое присвоение, говорит далее Маркс, составляет «первое отрицание» той частной собственности, которая возникла как результат независимого индивидуального труда. «Но само капиталистическое производство с фатальностью метаморфозов природы порождает свое собственное отрицание. Это — *отрицание отрицания*. Оно восстанавливает не частную собственность работника, а его *индивидуальную собственность*, основанную на достижениях капиталистической эры, на *кооперации и общем владении всеми средствами производства, включая землю*»¹ (курсив наш. — А. М.).

Мы видим, что свой вывод о неизбежной гибели капитализма и смене его коммунизмом, строим, в котором будет иметь место «*общее владение всеми средствами производства*», Маркс извлекает не из жесткого «корсета», из строительных «лесов» гегелевской диалектики, как утверждал в свое время Э. Бернштейн, а из объективной диалектики развития капиталистических отношений. Гениальность Маркса состоит в том, что он впервые открыл эту диалектику, показал процесс материальной подготовки революционного взрыва капиталистического способа производства в недрах самого этого способа.

По прошествии более чем одного века после того, как в такой классической форме была сформулирована эта замечательная мысль, все честное и мыслящее человечество имеет возможность убедиться в силе Марксова научного прогноза, сопоставляя формулу великого мыслителя с действительным ходом исторического процесса.

Капиталистическая оболочка уже взорвана на значительной части нашей планеты. Начало было положено российским пролетариатом во главе с партией Ленина. Дорогой Ленина — а это есть также и дорога Маркса — пошли затем народы других стран. Образовалось социалистическое содружество государств, которые успешно строят социализм и коммунизм, возвели здание реального социализма, демонстрирующего миру в экономической, политической, моральной и культурной областях очевидные преимущества социализма перед капитализмом, огромные возможности и перспективы нового общественного строя.

СССР и другие социалистические страны являют пример динамичного развития экономики. Они не знают циклических кризисов и спадов производства, нищеты, безработицы, социального неравенства, социальной необеспеченности. Достижения их экономики служат материальной основой справедливой социальной политики, цель которой — максимальное удовлетворение потребностей людей, всестороннее развитие тружеников социалистического общества.

За 60 лет (1922—1982 гг.) годовой прирост общего объема промышленной продукции увеличился в СССР в 537 раз!² Свое

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 229.

² См.: СССР в цифрах в 1981 году. М., 1982, с. 102.

60-летие СССР встретил в расцвете сил и могущества. В 70-е гг. темпы экономического роста стран СЭВ были вдвое выше, чем у развитых капиталистических государств¹. В 1922 г. на долю социализма в мировой промышленной продукции приходился примерно 1%, в 1981 г. — уже более 40%². Начало 80-х гг., когда мир капитализма снова оказался в трясине тяжелого экономического кризиса, обостряющего взаимную конкуренцию и торговый протекционизм, для стран социалистического содружества было ознаменовано дальнейшим углублением экономической интеграции и братской взаимопомощи. Их позиции в мировой экономике еще более укрепились. Не менее впечатляющи достижения реального социализма в области культуры, образования, здравоохранения. Например, численность врачей на 10 000 человек населения была в 1981 г.: в СССР — 38,3, в США — 22,5, ФРГ — 25,9, Франции — 15,3, Японии — 16,2³.

Все более углубляющийся общий кризис и упадок капитализма и неуклонное, динамичное, хотя, разумеется, отнюдь не беспроблемное восхождение к новым высотам социалистического мира служат неопровержимым практическим подтверждением верности и всемогущества марксизма-ленинизма.

В наше время на Западе самым популярным экономистом становится Маркс. Предоставим слово по этому поводу одному, по-видимому, убежденному антикоммунисту: «Если бы меня попросили назвать самого великого мыслителя в области политической экономики, то я сказал бы: «Карл Маркс, к сожалению»⁴. Что ж, иногда признание врага не менее красноречиво, чем свидетельство друга.

¹ См.: Правда, 1982, 15 октября.

² См.: СССР в цифрах в 1981 году, с. 61.

³ См. там же, с. 80.

⁴ *Herlaud M. Marx économiste.— Les Cahiers du Federalisme. Karl Marx devant le tribunal révolutionnaire, 1978, Septembre, N 4, p. 71.*

О МЕСТЕ ЭКСЦЕРПТНЫХ ТЕТРАДЕЙ МАРКСА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 50-х гг. XIX в.
В ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ ДЕНЕГ

В истории создания «Капитала» недостаточно исследованной остается та сторона теоретической деятельности Маркса, основным содержанием которой было детальное критическое изучение экономических взглядов предшественников. Этот необходимый этап в формировании марксистской политической экономии в наибольшей степени отражают так называемые эксцерптные тетради, под которыми понимается объединяющая выписки и конспекты часть рукописного наследия основоположников марксизма.

Отражая во всей конкретности и наглядности поистине титаническую работу Маркса по сбору, критическому освоению огромного числа источников для разработки собственной экономической теории, эксцерптные тетради существенно расширяют наши представления об источниковой базе экономического учения марксизма. Они значительно обогащают и наши знания об уровне развития домарксовской экономической мысли и, следовательно, стимулируют исследования в этой области. С другой стороны, непосредственное сопоставление источников, осмысление которых в той или иной степени способствовало выработке положений марксистской политической экономии, с Марксовыми обобщениями изучаемого материала дает возможность глубже понять содержание совершенного им переворота в экономической теории.

Этот момент особенно важен с точки зрения критики современных буржуазно-реформистских интерпретаций экономического учения Маркса. В «марксологической» литературе нередки попытки затушевать различия между марксистской и буржуазной политической экономией, приписать заслуги Маркса в создании подлинно научной экономической теории. Стремление отождествить Марксовы взгляды с воззрениями предшественников нередко сочетается с обвинениями в прямом заимствовании им многих элементов своей экономической теории у буржуазных авторов¹.

Наряду с другими материалами рукописного наследия Маркса эксцерптные тетради дают уникальную возможность реконструи-

¹ См., например, *Fritsch B. Die Geld- und Kredittheorie von Karl Marx. Frankfurt (M.) — Wien, 1968, S. 169.*

ровать процесс зарождения и развития его идей по коренным проблемам политической экономии.

Хронологически по времени своего возникновения эксцерпты вполне укладываются в принятую в литературе периодизацию истории развития марксистской политической экономии в рамках десятилетий. Вместе с тем в больших группах тетрадей 40, 50-х и т. д. гг. можно почти всегда в соответствии с проблематикой и степенью обобщения изучаемого материала выделить отдельные группы выписок. Так, в серии 24 лондонских эксцерптных тетрадей 1850—1853 гг., сыгравших важную роль в подготовке первого чернового варианта «Капитала», рукописи 1857—1858 гг., относительно самостоятельное место занимают первые семь тетрадей, в которых Маркс знакомится преимущественно с постановкой проблем денежно-кредитного обращения и кризисов перепроизводства в буржуазной экономической литературе¹. Задачей данной статьи является анализ этих материалов с точки зрения формирования марксистской теории денег.

Выдвижение на первый план в теоретических исследованиях Маркса 1850—1851 гг., т. е. с самого начала нового, лондонского цикла его экономических занятий, задач разработки научной теории денег было далеко не случайным. В значительной степени постановка проблемы денег, причем не в своем чистом виде, а в своеобразном преломлении в целый комплекс проблем взаимосвязи денежно-кредитного обращения и кризисов, обуславливалась преобладанием этого круга вопросов в английской политической экономии первой половины XIX в., к систематическому изучению которой Маркс приступил вновь в сентябре 1850 г.²

Сфера денежно-кредитных отношений как наиболее чувствительная к изменениям в ходе капиталистического воспроизводства создает обманчивую видимость того, что кризисы вызываются нарушениями именно в этом звене капиталистического хозяйства. Периодически повторяющиеся с 1825 г. экономические кризисы, одно из наиболее ярких проявлений антагонистических противоречий капитализма, почти неизменно сводились буржуазной политической экономией середины прошлого века к расстройству денежно-кредитного механизма³.

Определенную роль в обращении Маркса к этим проблемам сыграло и то несколько прямолинейное понимание основоположниками марксизма зависимости социальных катаклизмов, революции непосредственно от кризисов перепроизводства, которое было характерно для 40-х и начала 50-х гг. Задачи разработки

¹ Эти тетради мы условно называем лондонскими эксцерптными тетрадями 1850—1851 гг. по денежному обращению.

² Впоследствии Маркс недаром отмечал, что «заслуживающая упоминания экономическая литература с 1830 г. сводится главным образом к литературе о ситгенсу [денежном обращении], кредите, кризисах» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 36).

³ Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 162.

Марксом и Энгельсом стратегии и тактики пролетарского движения в период ожидания нового революционного подъема вслед за очередным кризисом¹ настоятельно требовали создания, в противоположность буржуазной политэкономии, последовательно научной теории кризисов и выяснения действительной роли денежного обращения в их развитии. Это было важно также в свете борьбы с приобретенными в начале 50-х гг. XIX в. большую популярность среди определенной части пролетариата прудонистскими идеями о низвержении денег и превознесении товара в качестве сущности социализма².

Первые лондонские тетради Маркса содержат богатейший материал по экономической истории Англии первой половины XIX в.: о развитии капиталистического производства, торговли, железнодорожного строительства, пик которого в Англии приходился на середину 40-х гг., конкретные данные о денежно-кредитной сфере капитализма, протекании экономических кризисов 1825, 1837, 1846—1847 гг. Они объединяют выписки приблизительно из 90 сочинений более чем 70 авторов, одни из которых были изучены и воспроизведены Марксом в конспектах весьма подробно, другие — фрагментарно, выборочно, третьи — лишь резюмированы в самых общих чертах. При всем разнообразии и кажущейся пестроте тематики в тетрадях можно выделить определенные теоретические концепции, анализ которых представлял для Маркса первостепенный интерес.

Одной из наиболее значительных тем, получивших отражение на страницах лондонских тетрадей по денежному обращению, стала полемика двух ведущих в Англии направлений денежно-кредитной политики — денежной школы, исповедовавшей количественную теорию Рикардо, и ее критиков — банковской школы. Размежевание английских экономистов по этим направлениям произошло на рубеже 30—40-х гг. XIX в., в связи с обсуждением проекта банковской реформы³.

Период 30—40-х гг. XIX в. был в известной степени переломным в развитии денежной системы английского капитализма. Быстрый рост машинного производства, развитие внутреннего и международного товарооборота вызвали необходимость уничтожения остатков протекционистской системы, усовершенствования транспортных средств, строительства сети железнодорожного сообщения. Развита индустрия и торговля нуждались, в свою очередь, в широком развитии кредита и банковского дела⁴. Уже в

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 232, 310, 311.

² См. там же, т. 13, с. 70.

³ Термины «денежная школа» и «банковская школа» впервые употребил английский экономист Дж. Норман в 1840 г. в выступлении перед парламентским комитетом, назначенным для выяснения причин кризисов и разработки проектов нового банковского законодательства (*Tooke Th. A history of prices and of the state of circulation. London, 1848, p. 166.*)

⁴ К середине XIX в. Лондон стал резервуаром, в котором сосредоточивались все свободные денежные средства страны, международным денеж-

40-е гг. в Англии отчетливо намечается тенденция ко все большей замене полноценных металлических денег и государственных бумажных знаков различного вида кредитными орудиями обращения — чеками, векселями, безналичными перечислениями по банковским счетам. В связи с этими новыми явлениями возник целый ряд теоретических вопросов, касающихся понимания сущности денег и капитала, различий между металлическими, бумажными и кредитными деньгами, соотношения обращения и производства в целом. Эти проблемы, по существу, стояли в центре развернувшейся дискуссии, хотя практически речь шла прежде всего об установлении принципов эмиссионной деятельности банков в новых условиях.

Не придавая значения качественно новым процессам в сфере денежных отношений, денежная школа (Дж. Лойд, Дж. Норман, Дж. Хаббард, Дж. Арбатнот, У. Клей, Р. Торренс) автоматически распространяла на кредитное обращение постулаты теории денег Рикардо относительно определения товарных цен количеством денег в обращении. Она исходила из отсутствия принципиальной разницы между обращением полноценных металлических и бумажных денег, в том числе и банкнот. В соответствии с этими представлениями циклические изменения процесса производства денежная школа связывала только с колебаниями количества денег в обращении. Предложенный ею проект банковской реформы предусматривал установление жесткого контроля над объемом денежной массы и, следовательно, покупательной силой денег путем регламентации банкнотной эмиссии размерами банковских резервов.

Банковская школа (Т. Тук, Дж. Фуллартон, Дж. Уилсон), напротив, противилась введению законодательных ограничений на выпуск банкнот. С ее точки зрения банкноты были простой формой кредитования промышленности и регулярно возвращались в банк при погашении ссуд, поэтому был невозможен ни их избыточный выпуск, ни обесценение. Хотя концепция банковской школы и имела ряд уязвимых пунктов, но представителям этого направления удалось верно подметить исторические тенденции в развитии капиталистической денежной системы. Они выражали потребности крупного промышленного капитала, заинтересованного в широком развитии кредита.

В своем развитии полемика между денежной и банковской школами прошла два этапа, оба из которых нашли отражение в Марксовых конспектах. На первом (1837—1844 гг.) обсуждался изложенный Р. Торренсом в письме лорду Мельбурну проект разделения Английского банка на два департамента и установление его монополии на выпуск банкнот в строгом соответствии с

ным рынком, а Англия — международным банкиром также и в области коммерческого кредита, всемирной мастерской, фрахтовщиком и центральным рынком всего мира. (См.: *Кулишер И. М.* История экономического быта Западной Европы: В 2-х т. 7-е, доп. изд. М.; Л., 1926, т. 2, с. 338).

банковскими золотомонетными резервами¹. В этот период дискутировались главным образом теоретические положения, лежащие в основе проекта денежной школы. На втором этапе (1844—1847 гг.) в центре внимания была уже не только теоретическая платформа денежной школы, но и практические результаты осуществления ее проекта, известного в истории как закон Р. Пиля 1844 г. В частности, особую остроту полемика приобрела во второй половине 40-х гг., в связи с появлением явных симптомов нового кризиса, предотвратив который банковское законодательство оказалось не в силах².

Разногласия между банковской и денежной школами представляли для Маркса тем больший интерес, что в ходе этих споров, по существу, решалась судьба теории денег Рикардо. Напомним, что практически до начала 50-х гг. Маркс разделял положения количественной теории денег классика английской политэкономии³.

Сейчас уже трудно установить, почему знакомство с указанной полемикой Маркс начал с работы Фуллартона «О регулировании денежного обращения» (1844 г.), а не с сочинения Т. Тука «История товарных цен» (1848 г.), содержащего обстоятельный разбор разногласий между банковской школой и ее противниками. В процессе изучения взглядов Фуллартона, одного из крупных исследователей кредита первой половины XIX в., Маркс выяснил ряд фактов, имевших существенное значение для пересмотра его прежних оценок теории денег Рикардо. К их числу относились, прежде всего, данные о развитии кредитных отношений в 40-е гг. Так, по наблюдениям Фуллартона, до $\frac{9}{10}$ торговых операций осуществлялись в Англии уже в начале 40-х гг. путем безналичных перечислений и с помощью других видов кредитных операций, но без участия монеты⁴. Эти цифры свидетельствовали

¹ *Torrens R. A letter to the Right Hon. Lord Viscount Melbourne, on the causes of the recent derangement in the money and on bank reform. London, 1837.*

² В эти годы трибуной банковской школы стал еженедельник деловых кругов английской буржуазии «Economist». Начиная с мая 1847 г., когда стали очевидными кризисные явления в английской экономике, почти в каждом номере журнала появлялись статьи с критикой политики Английского банка. Их автором был редактор «Economist» Уилсон. В 1847 г. его выступления против денежной школы в 1844—1847 гг. были изданы отдельной брошюрой (*Wilson J. Capital, currency and banking. London, 1847*).

³ По собственному признанию Маркса, во второй половине 40-х гг. в работе «Нищета философии» он придерживался теории Рикардо. (См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 327*). Анализ Марксовых статей конца 40-х гг. убеждает в том, что своей позиции по данному вопросу он не изменил до самого отъезда в Лондон в конце 1849 г. (см., например, статью «Г-н Форстман о государственном кредите» (июль 1848 г.)), где стоимость денег также определялась их количеством (см. там же, т. 5, с. 223).

⁴ *Marx, Engels. Gesamtausgabe (MEGA), Abt. IV, Bd. 7, S. 42*. Современные авторы, правда, более скромно оценивают долю кредитных денег в общей структуре денежной массы капиталистических стран в середине XIX в. Так, по данным американского экономиста Р. Триффина, в 1848 г. кредитные деньги составляли лишь около 20% всех денег, обслуживавших

о том, что денежная школа в своих построениях исходила из фактически уже не существовавшего к середине XIX в. чисто металлического и организованного по его типу смешанного бумажно-денежного обращения. Фуллартон далее показал, что и без законодательных ограничений денежно-кредитное обращение обладает определенной эластичностью. В частности, Маркс обратил внимание на его замечание относительно недооценки теоретиками денежной школы влияния банковских запасов благородного металла на денежное обращение¹. Именно благодаря этим запасам, считал Фуллартон, поступления благородного металла в результате открытия новых рудников лишь спустя продолжительное время получают отражение в ценах товаров². По существу, Фуллартон затрагивал вопрос о роли функции денег как сокровища в регулировании размеров денежного обращения, причем в особой форме — концентрации благородных металлов в резервуарах банков³.

Как известно, Рикардо считал, что все добываемое золото, подобно любому другому товару, сразу же поступает в каналы обращения и вызывает изменения в ценах. В связи с той ролью, какую играл ввоз и вывоз золота в теории Рикардо, Маркс обратил внимание на диаметрально противоположный вывод Фуллартона относительно причин отлива золота из страны. Связывая миграцию благородного металла в первую очередь с депрессивным состоянием внутреннего рынка, исключающим выгодное помещение капитала внутри страны, Фуллартон показал, что движение золота на мировом рынке имеет свои собственные закономерности, отличные от законов обращения товаров. «Своеобразная аномалия экономики обмена,— отразил в своем конспекте Маркс вывод Фуллартона,— состоит в том, что... перемещения [золота.— Л. В.] всегда происходят из страны, где металл в данный момент *всего дороже*, в страну, где он *всего дешевле*»⁴. Теоретики банковской школы отрицали, таким образом, прямую связь ввоза и вывоза золота с количеством денег в обращении и ценами товаров. И если Фуллартон оперировал только конкретными данными о состоянии сферы обращения в начале 40-х гг. XIX в., то Тук подкреплял выводы своего единомышленника тщательным историческим анализом движения цен на основные предметы потребления в 1797—1837 гг. в сопоставлении с изменениями вексельного курса и количества денег в обращении за указанный период. «Тук,—

экономический оборот. Тем не менее и он пишет о развитии тенденции к снижению удельного веса металлических денег в обращении (*Triffin R. The evolution of international monetary system: historical reappraisal and future perspectives.*— In: *Princeton Studies in International Finance*. Princeton, 1964, N 12, pp. 55, 58—59. Цит. по ст.: *Усоскин В. Денежная сфера капитализма: структурные изменения.*— МЭиМО, 1973, № 1, с. 20).

¹ MEGA, Abt. IV, Bd. 7, S. 44.

² Ebenda.

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 119.

⁴ MEGA, Abt. IV, Bd. 7, S. 47.

фиксирует Маркс в тетради замечание Фуллартона, — доказал, что, за исключением одного или двух вполне объяснимых случаев, в течение последнего полувека всякое заметное падение вексельного курса, сопровождаемое утечкой золота, совпадало со сравнительно *низким* уровнем средств обращения, и *наоборот*»¹.

Аргументация банковской школы наталкивала на мысль об особой природе денежного товара, имеющего собственные закономерности движения, отличные от законов обращения других товаров. В процессе изучения «Истории цен» Тука Маркс встретился также с разграничением банковской школой функций денег как средства обращения и средства платежа, проведением различия между кредитными и бумажными деньгами, обращением денег и капитала. Естественно, речь шла скорее о фактически проведенном разграничении функций и видов денег, денег и капитала. Сама терминология банковской школы была весьма неопределенной. Названные функции обозначались Туком соответственно как «средство служить инструментом обмена» и «быть предметом контрактов для будущих платежей»². Различие между кредитными и бумажными деньгами, заместителями монеты в обращении, вытекало, согласно Туку, из их противоположного функционального назначения. Кредитные деньги в его классификации связаны с движением капитала и обслуживают преимущественно оптовую торговлю, между тем как сфера розничного товарооборота обслуживается собственно деньгами. Никакого качественного анализа категорий денег и капитала представители банковской школы не осуществили, а разграничение денег в функциях средства обращения и средства платежа базировалось на чисто количественном различии денежных знаков. Так, по мнению Тука, только банкноты достоинством ниже 5 ф. ст. могут рассматриваться в качестве собственно денег, обслуживающих розничный товароборот и выполняющих функцию «служить инструментом обмена». Банкноты достоинством выше 5 ф. ст. обслуживают уже исключительно оптовую торговлю и в случае изъятия из обращения заменяются уже не монетой, а разного вида кредитными деньгами — чеками, векселями, безналичными перечислениями по банковским счетам. «Различию между *кредитными... и бумажными деньгами*, — замечает в этой связи Маркс, — Тук придает очень большое значение»³. Таким образом, теоретики банковской школы в целом не смогли противопоставить количественной теории денег стройную научную теорию денежного обращения. Вместе с тем, как свидетельствуют материалы лондонских эксерптных тетрадей Маркса, ознакомление с полемикой между денежной и банковской школами, прежде всего изучение критических выступлений Тука и Фуллартона против количественной теории денег, способствовало осознанию Марксом несостоятель-

¹ MEGA, Abt. IV, Bd. 7, S. 48.

² Ebenda, S. 70.

³ Ebenda, S. 72.

ности теории денег Рикардо, вооружило его множеством конкретных аргументов для ее критики, что было необходимой предпосылкой для разработки марксистской теории денег. С другой стороны, изучение этих разногласий дало Марксу отправные пункты для дальнейшего, уже собственного исследования функционирования денег как средства обращения, средства платежа и сокровища, различных конкретных денежных форм, соотношения категорий денег и капитала и других сложных вопросов научной теории денег.

Следы этих исследований прослеживаются уже в написанном в марте 1851 г. небольшом рукописном отрывке «Размышления» в VII лондонской тетради. Здесь Марксом были высказаны первые критические оценки банковской школы. Осмысливая теоретические положения ее представителей и выделяя рациональные зерна в их построениях, Маркс вместе с тем отметил неправомочность проведения резкой грани между деньгами и капиталом. В противоположность банковской школе он наряду с различием денег и капитала рассмотрел и подчеркнул генетическое единство этих категорий с точки зрения развития стоимости¹. Это создавало предпосылки для решения в дальнейшем проблемы превращения денег в капитал.

В связи с выяснением теоретических основ концепции денежной школы Маркса заинтересовал вопрос о генезисе количественной теории денег. Анализ взглядов одного из основателей этой теории Дж. Локка, автора положения об определении цен массой обращающихся денег², показал, что внутренние противоречия в понимании сущности денег были свойственны не только Рикардо, но и первым теоретикам количественной теории денег. С одной стороны, как выясняет в своих эссе Маркс, в понимании Локка «внутренняя стоимость серебра и золота, используемых в торговле,— ничто, значение имеет их количество»³. А с другой стороны, писал Локк, «деньги имеют стоимость... и в этом случае они имеют природу товара; с той только разницей, что они служат нам главным образом в обмене и почти никогда — в потреблении»⁴.

Таким образом, Локком попросту фиксировались поверхностные связи и отношения, опосредуемые деньгами; не видя взаимноисключаемости своих формулировок, либо не придавая значения противоречивости своих высказываний, он не ставил вопроса о том, почему столь по-разному проявляют себя деньги в обращении, в одних случаях практически не отличаясь от других представите-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 44, с. 143.

² Конспекты работ Локка «Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег» и «Дальнейшие соображения относительно повышения стоимости денег» содержатся в VI лондонской эссе-тетради.

³ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 420, л. 21. (Далее: ЦПА ИМЛ).

⁴ Там же, л. 22.

лей товарного мира, в других — выступая в качестве мимолетного посредника обмена, внутренняя стоимость которого представлялась несущественной. Выявление Марксом в процессе изучения произведений Локка внутренних противоречий его воззрений на деньги способствовало выдвиганию ключевых проблем, которые должна была решить последовательно научная теория денег.

Для Маркса не были лишены интереса и имевшие принципиальное значение для теории денег разногласия между Локком и секретарем казначейства У. Лаундсом, которые возникли в 1695 г. в связи с вопросом о перечековке монет. Английские финансы находились в то время в состоянии глубокого расстройств. Уменьшение веса монеты в результате порчи достигло необычайных размеров и часто превышало $\frac{1}{3}$ ее законного содержания. Катастрофическое состояние денежного обращения имело своим следствием резкое падение вексельного курса Англии, что было особенно неблагоприятно именно в то время из-за значительных расходов на ведение войны с Францией. Разногласия между Локком и Лаундсом касались вопроса о том, должна ли новая монета чеканиться по старому образцу в отношении веса, пробы и наименования (проект Локка), или металлическое содержание не имеет значения для выполнения деньгами их функций и потому может быть понижено и при сохранении прежнего счетного названия денежной единицы (проект Лаундса). Таким образом, неспособность домарксовской политэкономии вывести деньги из стоимости товара и непонимание взаимосвязи функций денег как меры стоимости и средства обращения имели существенные последствия для практических мероприятий в области регулирования денежного обращения.

Вопрос о значении металлического содержания денег в разной форме поднимался в буржуазной политэкономии и позднее, приобретая особую остроту в кризисные моменты развития капиталистической экономики. Так, используя свои лондонские экскерпты по денежному обращению, Маркс в работе «К критике политической экономики» отметил определенную преемственность между взглядами номиналиста Лаундса и предложениями так называемой бирмингемской школы «сторонников малого шиллинга», выступивших за уменьшение металлического содержания монеты в 20-е гг. XIX в., вскоре после окончания потребовавших больших государственных расходов войн Англии с Францией. Аналогичные предложения получили распространение, как указывает Маркс в той же работе, и во время кризиса 1857 г.¹

К циклу исследований, связанных с выяснением генезиса количественной теории денег, относится и Марксов конспект работы Юма «Очерки и трактаты по разным вопросам», содержащей классическую формулировку тезиса количественной теории об определении цен товаров количеством денег в обращении. Коли-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 61.

чественная теория денег была развита Юмом в определенных исторических условиях. В частности, ему необходимо было теоретически объяснить значительный рост товарных цен в Европе в XVII в. (так называемую революцию цен), который происходил на фоне резко возросшего ввоза американского золота и серебра. Отводя деньгам мимолетную роль в процессе обмена и исходя из предположения, что стоимость благородных металлов складывается только в сфере обращения, Юм ставил вопрос не о стоимости денег и товаров, как таковой, а лишь об их количественном соотношении. Как устанавливает в своем конспекте Маркс, Юм отмечал своего рода эффект запаздывания изменений в товарных ценах при поступлении в обращение дополнительных количеств золота, связывая его с тем, что не все ввозимое в страну золото поступает в обращение. Определенное количество его оседает, считал Юм, в потреблении и, следовательно, не может воздействовать на процесс ценообразования. Таким образом он пытался объяснить, почему значительные поступления американского золота в Европу только спустя 50 лет стали проявляться в товарных ценах. Наблюдаемому явлению Юм придал характер общего закона в рамках количественной теории денег: «Очевидно,— писал он,— что цены зависят не столько от абсолютного количества товаров и денег, имеющих у данной нации, сколько от количества товаров, которые могут быть доставлены на рынок, и от количества денег, находящихся в обращении. Если монета запирается в сундук, то с ценами происходит то же самое, как если бы она была уничтожена; если товары будут накоплены в магазинах и на складах, результат будет тот же. Так как деньги и товары в этих случаях никогда друг с другом не встречаются, то невозможно и их взаимное влияние. ...*В конечном счете общий уровень цен достигает в точности пропорции, соответствующей новому количеству звонкой монеты, имеющейся в стране*»¹. Так звучал в формулировке Юма записанный Марксом основной постулат количественной теории.

Обращение к истокам количественной теории денег позволило Марксу установить, насколько обоснованными были положения этой теории, а также выявить степень оригинальности теории Рикардо. В тесной связи с этими исследованиями находится первая попытка критики количественной теории денег, предпринятая Марксом в конспекте работы Рикардо «О началах политической экономии и налогового обложения» в IV лондонской эксерптной тетради и в посланном месяце позднее, 3 февраля 1851 г., письме Энгельсу. Комментируя свои выписки из Рикардо, Маркс, в противоположность количественной теории денег, устанавливает прямую связь количества денег в обращении с объемом товарных сделок, подчеркнув тем самым зависимость сферы денежного обращения от материального производства. Он указывает далее

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 420, л. 19.

на неправомерность содержащейся в работе Рикардо трактовки вексельного курса в качестве регулятора движения денежных знаков и распространения законов металлического обращения на движение бумажных и кредитных денег¹.

Развитие взглядов Маркса на проблему денег в начале 50-х гг. протекало также в направлении углубления его знаний об историческом процессе возникновения денег, выявления различия между функционированием благородных металлов как предметов потребления и их обращением в качестве денег. Исследование этого круга проблем преобладает в выписках Маркса из произведений Ж. Гарнье «История денег» (1819 г.), И. Ф. Рейтемейера «История горного дела и металлургии у древних народов» (1785 г.) и У. Джейкоба «Историческое исследование производства и потребления благородных металлов» (1831 г.). Конспекты этих произведений в III—V тетрадах составляют особую группу лондонских эксцерптов по денежному обращению. Материалы этих тетрадей позволили Марксу накопить данные для ответа на поставленный еще в «Нищете философии» вопрос о том, почему именно благородные металлы стали на определенном этапе развития капитализма носителями денежных отношений, получить представление о динамике количественного соотношения между денежной и товарной массами в историческом разрезе, углубить понимание функции денег как сокровища, играющей важную роль в регулировании капиталистической денежной системы.

Выше, говоря о выписках из Фуллартона, мы упомянули о выделении им категории банковских запасов как непосредственного резерва обращения. Джейкоб в свою очередь показал роль образования сокровищ частными лицами как второго фактора, обеспечивающего эластичность денежной системы. Он обратил внимание на то, что золото, в отличие от других товаров, не исчезает в процессе потребления, а, благодаря функции сокровища, накапливается в течение столетий и даже тысячелетий. Поэтому при количественном определении золотого запаса, подчеркивал Джейкоб, необходимо не только учитывать абсолютное увеличение его количества, но и сопоставлять годовое производство золота с уже имеющимися запасами. Исходя из этого, он попытался установить, каким образом увеличение производства золота, в частности в результате открытия новых рудников, сказывается на денежном обращении и ценообразовании, и пришел к выводу, что тезаврация золота и банковские резервы благородного металла по-разному сказываются на внутреннем денежном обращении. «Невозможно определить отношение благородных металлов, обращенных в деньги, к тем, которые превращены в украшения или предметы потребления; только *первая часть*, — выделил в тетради Маркс заключение Джейкоба, — *а не последняя влияет на цены*

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 44, с. 74—75; т. 27, с. 162, 163.

*всех товаров»*¹. Но, с другой стороны, «во времена больших волнений и опасностей, особенно во времена внутренних потрясений и нашествий,—выписывает далее Маркс,—золотые и серебряные вещи быстро превращаются в деньги, в то время как в периоды спокойствия и процветания деньги обращаются в посуду или ювелирные изделия»². Материал, собранный Джейкобом, вызывал у Маркса особый интерес в связи с открытиями новых месторождений золота в Австралии и Калифорнии в середине XIX в. В экономической печати тех лет дискутировался вопрос о возможном влиянии открытия рудников в новых регионах на стоимость благородных металлов и стоимостные отношения товаров³. Эта проблема занимала, видимо, и Маркса. В исследованиях о производстве золота в различные периоды человеческой истории он искал данные о подобных явлениях в прошлом и стремился, опираясь на них, дать свой прогноз в этом отношении⁴.

Изучение теоретических и конкретно-исторических источников по проблемам денежного обращения расширило представления Маркса о круге проблем, которые ему предстояло решить при разработке своей качественно новой теории денег. Среди них проблема происхождения и развития денег, вопросы взаимосвязи товара, стоимости и денег, соотношения функций денег, металлического, бумажноденежного и кредитного обращения. Анализ состояния денежно-кредитной сферы капитализма в середине XIX в., проведенный Марксом на базе современных ему исследований, позволил установить преобладание уже на том этапе развития капиталистической экономики кредитных форм денежных отношений и выявить, таким образом, историческую тенденцию в развитии капиталистической денежной системы. Вместе с тем этот анализ показал, что рассмотрение какой-либо одной денежной формы само по себе не дает возможности решить вопрос о сущности денег вообще как исторически определенной формы производственных отношений. Располагая множеством данных относительно функционирования кредитных денег, Маркс тем не менее видит свою задачу не в исследовании качественного своеобразия этой, все более утверждающейся, формы денег, а в решении фундаментальных проблем теории денег, прежде всего выяснения сущности денег. Поэтому как в тетради вторичного порядка — рукописи «Завершенная денежная система» (март 1851 г.), так и в тематически тесно связанной с эксцерптами рукописи «Размышления» Маркс пытается, обобщая конкретные данные о развитии обмена и денежных форм, вскрыть общие закономерности развития товарного производства.

Значительный интерес в этом отношении представляет первый

¹ MEGA, Abt. IV, Bd. 7, S. 263.

² Ebenda, S. 376.

³ Economist, 1850, December, 21, vol. VIII, p. 1403; MEGA, Abt. IV, Bd. 7, S. 354—358.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 129; ч. II, с. 441.

раздел рукописи «Завершенная денежная система», названный Марком «Адам Смит». Еще в парижских эксерптных тетрадях 1844 г. при первом знакомстве с теоретической системой классика английской политэкономии Маркс обратил внимание на подмеченное Смитом выделение денег из мира товаров¹. В рукописи «Завершенная денежная система», развивая далее положение о превращении золота и серебра во всеобщий товар, всеобщий эквивалент продуктов каждой отдельной отрасли производства, Маркс подчеркивает общественный характер всеобщего эквивалента². Тем самым Маркс сделал в данной рукописи определенный шаг вперед не только в сравнении с классической буржуазной политэкономией, но и в развитии своих собственных взглядов на деньги. Если в работе «Нищета философии» он еще вслед за классиками английской буржуазной политической экономии называл деньги просто всеобщим средством обмена³, то сделанный в рукописи «Завершенная денежная система» акцент на общественном характере всеобщего эквивалента свидетельствовал об углублении понимания Марксом функции денег как средства обмена, так же как и самой сущности денежного товара. Констатация Марксом двойного положения денег — с одной стороны, как «всеобщего эквивалента», «всеобщего общественного продукта», с другой — товара, имеющего свою внутреннюю стоимость, — на наш взгляд, дает основание предположить, что Маркс уже нащупывает здесь противоречивую природу денежного товара и тем самым делает важный шаг к обнаружению двойственного характера товара вообще⁴.

На разработку Марксом качественных аспектов теории стоимости, имеющую принципиальное значение для создания марксистской теории денег, определенное воздействие оказал своеобразный анализ функции денег как меры стоимости, проделанный английским буржуазным экономистом С. Бейли в работе «Деньги и изменения в их стоимости» (1837 г.). Конспект этого сочинения находится в V лондонской тетради Маркса. Многим буржуазным экономистам изменения в стоимости благородных металлов казались несовместимыми с выполнением ими функции измерения

¹ MEGA, Abt. IV, Bd. 2, S. 338.

² «Всеобщим общественным продуктом» называет здесь Маркс деньги (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 524, л. 1).

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 109—110, 116.

⁴ Анализируя в экономической рукописи 1857—1858 гг. противоречивую природу товара, Маркс замечает, что «у А. Смита это противоречие еще выступает как некое полагание двух определений рядом друг с другом: наряду с особым продуктом труда (рабочим временем как особым предметом) работник должен произвести еще некоторое количество всеобщего товара (рабочее время как всеобщий предмет)». (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 113). Это замечание Маркса показывает, какое дальнейшее развитие получила идея, лишь чуть намеченная в рукописи «Завершенная денежная система», а также подтверждает наше предположение, что зачатки учения о двойственном характере товара прослеживаются уже в этой рукописи.

товарных стоимостей. Им представлялось, что стоимость товаров может быть адекватно выражена только в неизменной мере. Рикардо видел решение этой проблемы в том, что стоимость благородных металлов в меньшей, по сравнению с другими товарами, степени подвержена изменениям, что и позволяет им выполнять функцию меры стоимости. Однако сама проблема, должна ли мера стоимости быть неизменной, или это не сказывается на механизме измерения товарных стоимостей, оставалась нерешенной. Полемизируя с Рикардо, Бейли отметил, что поскольку изменения в стоимости денег в равной степени отражаются на стоимости всех товаров, не сказываясь на их относительных, выраженных в деньгах стоимостях, то для выполнения деньгами функции меры стоимости изменения в их собственной стоимости не играют роли. Хотя функция меры стоимости представляла для Бейли интерес лишь в количественном аспекте, т. е. с точки зрения величины стоимости, тем не менее своим иным, по сравнению с Рикардо, подходом к этой проблеме он в определенной мере затолкнул Маркса на ее правильное решение¹. Полемика Бейли с Рикардо помогла Марксу осознать смещение буржуазными экономистами меры стоимости, выраженной в денежном товаре, с имманентной меры, субстанцией стоимости. Подметив этот существенный недостаток буржуазной политической экономии, Маркс в своем дальнейшем анализе денег покажет их не только как количественное выражение стоимости товара, но, проанализировав качественную сторону процесса развития денежной стоимости товара, представит деньги как бытие абстрактно-всеобщего общественного труда.

В процессе осмысления накопленных материалов по теории денег Маркс углубил и понимание функции денег как средства обращения. В рукописи «Завершенная денежная система» он увязывает функционирование денег как средства обращения с движением сферы обмена в целом. Маркс показывает, что по мере развития и усложнения обмена значение этой функции денег выходит за рамки мимолетного посредника. Бытие денег именно в этой функции оказывает прямое воздействие на бесперебойный ход всего механизма буржуазного производства. «Акт обмена,— констатирует Маркс,— распадается на независимые друг от друга акты *купли* и *продажи*... Таким образом, *распадение* этих двух актов, которые в конечном счете должны выровняться, но которые, однако, в каждый отдельный момент могут быть в *дисгар-*

¹ Опираясь на свои записи, Маркс подчеркнет впоследствии: «Чтобы золото могло служить мерой стоимостей, оно должно быть стоимостью, способной *изменяться*» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 52). Изменение стоимости благородных металлов рассматривается Марксом не как препятствие для выполнения деньгами своей функции, а как неизбежное следствие закона стоимости. Положение о неизменной мере, напротив, противоречило закону стоимости, согласно которому стоимость всех товаров, включая золото и серебро, изменяется в соответствии с общественно необходимыми затратами труда на их производство.

монии, в диспропорции. С деньгами, следовательно, заложена основа кризисов»¹. Так, в процессе разработки своей теории денег Маркс делает важный шаг в теоретическом понимании механизма развития кризиса перепроизводства и уже в марте 1851 г. впервые формулирует положение о том, что развитие функции средства обращения создает потенциальную основу для возникновения экономического кризиса.

Качественно новый шаг в понимании природы денег в марксистской политэкономии был связан с выработкой подхода к деньгам как особому товару. Начало перехода Маркса от трактовки денег просто как товара к пониманию их особой природы в наибольшей степени прослеживается в рукописи «Размышления». Углубляя намеченный в рукописи «Завершенная денежная система» анализ различия и взаимосвязи денег и товара, Маркс устанавливает в «Размышлениях», что необходимость обращения товаров в деньги связана с тем, что «товары обладают меновой стоимостью, которая с необходимостью имеет *особого* заместителя, отличного от товаров»². К выводу об особом характере денежного товара Маркса подводило и исследование роли денег в развертывании экономического кризиса. Определяя в рукописи «Размышления» капитал как находящуюся в постоянном движении стоимость, он установил, что при нормальном ходе процесса воспроизводства капитал в товарной форме беспрепятственно реализует свою стоимость, обмениваясь на деньги. В этом случае различие между деньгами и капиталом остается скрытым и деньги выступают как капитал в особой вещественной форме. Кризис нарушает это движение, вследствие чего капитал «прежде всего оказывается неспособным реализовать свою стоимость»³. В этом случае, делает вывод Маркс, проявляется различие между капиталом и деньгами, заключающееся в том, что «одно не неизбежно приводит с собой в мир торговли другое в качестве своего представителя, как свою *цену*»⁴.

По мнению теоретиков банковской школы, различие между деньгами и капиталом во время кризисов сказывалось в огромной нехватке кредитных орудий обращения, представляющих капитал, в то время как средства обращения оказывались ненужными. В противоположность такой трактовке кризиса, сводившей его к недостаточному количеству кредитных денег, т. е., по существу, как и в концепции денежной школы, к нарушениям в сфере обращения, Маркс связывает кризис со сбоем в самом производственном механизме. Он подчеркивает, что «действительной трудностью является *необратимость товаров*, т. е. *действительного капитала*, в золото и банкноты... Смешно изображать деньги как нечто побочное там, где как нечто *побочное* предстает капитал»⁵.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 524, л. 1.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 44, с. 145.

³ Там же, с. 144.

⁴ Там же, с. 145.

⁵ Там же, с. 144—145.

Таким образом, от отождествления денег с другими товарами (позиции, изложенной в «Нищете философии») Маркс переходит в рукописи «Размышления» к их рассмотрению как товара особого рода, а необходимость денег в товарном хозяйстве он прямо связывает с объективной потребностью стоимости товара иметь отличное от натуральной формы товара выражение. Так постепенно, шаг за шагом, Маркс приближался к научному пониманию взаимосвязи денег со стоимостью товара. Дальнейшее развитие плодотворные идеи рукописей «Завершенная денежная система» и «Размышления» получили в экономической рукописи 1857—1858 гг. при разработке марксистской теории стоимости и денег.

Итак, лондонские эксцерптные тетради 1850—1851 гг. по денежному обращению отражают важный этап в развитии взглядов Маркса на проблему денег. Их анализ свидетельствует о том, что появление целого ряда элементов марксистской теории денег относится уже к началу 50-х гг. XIX в., предшествуя разработке целостной научной теории денег.

Изучение Марксовых эксцерптов по денежному обращению имеет, как представляется, определенное отношение к непрекращающейся в научной литературе полемике по поводу природы денег в современном капиталистическом мире. Материалы эксцерптных тетрадей, в частности, красноречиво свидетельствуют о том, что целый ряд явлений сегодняшнего дня — преимущественное развитие различных видов кредитных денег, прекращение размена денежных знаков на золото, уход золота из обращения — в той или иной форме имел аналоги в прошлом. Использование Марксовой методологии анализа этих явлений, сопоставление конкретных данных о развитии денежно-кредитной сферы капитализма, которые Маркс черпал из экономической литературы и действительности, с фундаментальными выводами подлинно научной теории денег, к которым он приходил на основе осмысления этих фактов, расширяет, на наш взгляд, возможности познания Марксова метода восхождения от конкретного к абстрактному, понимания соотношения между конкретной практикой денежного обращения и теорией, вскрывающей сущность денег и закономерности их развития. Эти проблемы, как представляется, имеют принципиальное значение для выяснения специфики современных капиталистических денег. В частности, анализ истории развития взглядов Маркса на деньги позволяет утверждать, что сосредоточение внимания исследователей только на анализе новых форм современных денег и попытки определить их сущность через функции, выполняемые деньгами в современных условиях, методологически и теоретически весьма уязвимы. Решить проблему современных денег невозможно, как подтверждает Марксов опыт разработки научной теории денег, без выяснения качественного своеобразия стоимости и ее субстанции в эпоху государственно-монополистического капитализма.

РАЗРАБОТКА МАРКСОМ ТЕОРИИ ДЕНЕГ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РУКОПИСИ 1857—1858 гг.

Важное место в истории разработки Марксом теории денег занимает его рукопись «Критика политической экономии» (черновой набросок 1857—1858 гг.) — первоначальный вариант «Капитала». В ней Маркс впервые разрабатывает свою теорию стоимости и денег, теорию прибавочной стоимости, открывает двойственный характер труда, создающего товар.

Экономическая рукопись 1857—1858 гг., по словам Маркса, предназначалась «не для печати, а для уяснения вопросов самому себе»¹. Она вводит нас в творческую лабораторию Маркса, где преобладает процесс исследования, который, как известно, с формальной стороны не может не отличаться от способа изложения. Анализ рукописи, а также непосредственно примыкающих к ней подготовительных работ позволяет, в частности, проследить, как Маркс разрабатывал теорию денег, получившую дальнейшее развитие в «Капитале»².

Теория денег занимает важное место в системе политической экономии капитализма прежде всего потому, что деньги являются исходным и конечным пунктом движения капитала. В экономической рукописи 1857—1858 гг. впервые на основе анализа противоречий производства и обмена Маркс объясняет стоимостную природу денег и показывает закономерность их возникновения в условиях товарного производства. И хотя не все вопросы теории денег анализируются в данной рукописи (в отличие от «Капитала» в ней нет, например, исследования формы стоимости), именно здесь, развивая трудовую теорию стоимости, Маркс впервые осуществляет систематическую разработку и своей теории денег. При этом он делает значительный шаг вперед не только по сравнению со своими предшественниками, но и по сравнению со своими более

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 5.

² Подробный анализ общего содержания экономической рукописи 1857—1858 гг. дан в следующих работах: Леонтьев Л. А. О предварительном варианте «Капитала» Маркса. М.; Л., 1946; Выгодский В. С. История одного великого открытия Карла Маркса. М., 1965; Малыш А. П. Формирование марксистской политической экономии. М., 1966; Выгодский В. С. К истории создания «Капитала». М., 1970; Он же. Экономическое обоснование теории научного коммунизма. М., 1975; Багатурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса. М., 1976.

ранними работами 40-х гг., где он в основном еще придерживался буржуазной количественной теории денег.

Экономическая рукопись 1857—1858 гг. открывается «Главой о деньгах». Тем самым свое исследование буржуазного общества Маркс начинает не с товара, как в «Капитале», а с денег. На наш взгляд, это было обусловлено следующими причинами. Во-первых, капиталистический способ производства основан на товарной форме продукта, и чем в большей мере развивается последняя, тем больше развиваются деньги, денежные отношения и противоречия, которые им присущи. «Потребность в обмене и превращение продукта в чистую меновую стоимость растут в той же самой мере, в какой растет разделение труда, т. е. вместе с развитием общественного характера производства. Но в той же мере, в какой развивается последний, возрастает власть *денег*, т. е. закрепляется меновое отношение, как внешняя по отношению к производителям и независимая от них сила»¹. Во-вторых, деньги играют самостоятельную роль в капиталистическом обществе, поскольку они опосредуют специфические отношения этого общества, а стоимость превращается в капитал именно в форме денег. Таким образом, деньги занимают существенное место в системе Маркса и как элемент, непосредственно превращающийся в капитал, и как результат развития отношений обмена. В-третьих, как видно из рукописи 1857—1858 гг., многолетние исследования капиталистической экономики, а также знакомство с трудами классиков буржуазной политической экономии привели Маркса к пониманию необходимой связи между стоимостью и деньгами. Чтобы раскрыть содержание стоимости как глубинной, сущностной категории, лежащей в основе всей системы товарно-капиталистического хозяйства, необходимо было рассмотреть реальный процесс обмена и *деньги* — форму, в которой стоимость проявляется на поверхности и через которую она может быть исследована.

В экономической рукописи 1857—1858 гг. анализ денег Маркс начинает не с рассмотрения теории денег А. Смита и Д. Рикардо, а с критики теории денег П. Ж. Прудона. Для Маркса была необходима детальная критика широко распространенных в то время псевдосоциалистических концепций Прудона и его последователей, пытавшихся ликвидацией денег исправить «недостатки» буржуазного общества. Прудон пытался доказать возможность существования стоимости без денег и считал, что деньги не являются обязательным, закономерным результатом развития стоимости. Исходным же в теории денег Маркса является мысль о том, что связь между стоимостью и деньгами играет определяющую роль в системе товарного производства. Поэтому естественно, что Марксу важно было прежде всего опровергнуть теорию денег Прудона. Более того, Прудон и его последователи предприняли попытку осуществить свою теорию на практике. Деятельность банков

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 88.

«справедливого обмена», созданных прудонистами и потерпевших крах, позволяла полнее осмыслить негативные стороны как теории самих прудонистов, так и теоретических посылок теории стоимости и денег А. Смита и Д. Рикардо, на которые опирался Прудон.

Прудону, в отличие от Смита и Рикардо, было чуждо представление о капитализме как о единственно возможной форме производства. Это позволило ему довести до логического конца те ошибочные теоретические посылки, которые были заложены в теории стоимости и денег классиков буржуазной политической экономии. Несмотря на то, что этим последним была известна связь между стоимостью и деньгами, они не раскрыли ее основополагающее значение и, в соответствии с этим, не смогли показать, что развитие стоимости с необходимостью порождает деньги. Тем самым не была доказана объективная *необходимость* денег, не были выявлены их глубокие корни в товарном хозяйстве. Это и способствовало возникновению теории Прудона, который, видя основную причину пороков современного ему общества в существовании денег, предлагал ликвидировать последние при сохранении стоимости. Такой вывод не мог быть сделан Смитом и Рикардо, поскольку они считали капиталистическое хозяйство вечным и естественным способом производства. Но этот вывод сделал «реформатор» Прудон, который стремился преобразовать общество и заменить его более справедливым, свободным от противоречий капитализма.

Однако, как показывает Маркс, все «нововведения» Прудона основываются на сохранении стоимостных отношений и уничтожении отрицательных сторон денег. Прудонисты хотели уничтожением денег (а фактически установлением «новых» денег) устранить те антагонизмы, которые связаны с их существованием. Они заметили осложнения и противоречия, которые проистекают из существования денег наряду с особыми товарами. Но вне их поля зрения остался тот момент, что сами деньги являются закономерным результатом развития определенных противоречий. В силу этого им не удалось научно объяснить противоречия, связанные с денежными отношениями. Их практические мероприятия были направлены против денег, но «это — всего лишь нападение на следствия, причины которых сохраняются; это есть, стало быть, такое нарушение производительного процесса, которое оставляет нетронутой самую основу, так что эта основа и в дальнейшем обладает силой путем более или менее бурной реакции сделать образовавшееся *нарушение* всего лишь мимолетным и преодолеть его»¹.

Прудон стоит на позиции теории трудовой стоимости Рикардо. Однако, по его мнению, в условиях буржуазного общества принцип, согласно которому стоимость товаров определяется количе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 186—187.

ством рабочего времени, затраченного на их производство, практически не осуществляется. Нарушение буржуазным обществом открытого классиками буржуазной политической экономии закона стоимости и приводит, по мнению Прудона, к социальной несправедливости. Ход его рассуждений таков.

Единственным источником стоимости является труд, но труд, говорит он, «становится гарантией благосостояния и равенства только в том случае, если продукт каждого частного лица находится в пропорциональном отношении ко всей массе продуктов, ибо на него может быть обменена и приобретена только стоимость, равная стоимости, заключающейся в нем самом»¹. Для обеспечения равенства, по Прудону, необходимо, чтобы товары обменивались непосредственно по количеству труда, затраченного на их производство. Однако в действительности обмен товаров опосредуется деньгами. Это опосредование, по его мнению, затрудняет реализацию товаров и препятствует осуществлению обмена в соответствии с трудовыми затратами. В отличие от классиков буржуазной политической экономии, которые видели в деньгах средство, облегчающее обмен, Прудон акцентирует внимание на трудностях обмена, которые возникают с появлением денег.

Обмен совершает своего рода отбор. Одни товары в обмене реализуются, или, как выражается Прудон, захватываются обменом, другие нет. Это приводит к тому, что часть товаропроизводителей не может продать свои товары, а следовательно, и возместить свои затраты. Кроме того, постоянно имеющееся несоответствие между спросом и предложением приводит к колебаниям рыночных цен. Отклонение цен от стоимости приводит к нарушению обмена в соответствии с трудовыми затратами, а следовательно, как считает Прудон, и к нарушению эквивалентности. Чтобы ликвидировать неэквивалентный обмен и его отрицательные стороны, необходимо, по мнению Прудона, организовать обмен по стоимости. Это возможно, если все произведенные товары будут непосредственно обмениваться друг на друга в соответствии с затратами труда на их производство. В связи с этим первая проблема, которая встает перед Прудоном,— обеспечение всем товарам участия в обмене. Для этого, считает он, необходимо придать им свойство всеобщей обмениваемости, т. е. наделить товары такими свойствами, которыми обладают деньги, всегда принимаемые в обмен и входящие в обращение независимо от их количества. Поэтому деньги и выступают прототипом тех свойств, которыми должны обладать товары, чтобы быть всегда реализуемыми.

Прудон пытается обосновать возможность придания товарам свойств денег. Он отмечает, что «деньги, как и всякий другой товар, являются знаком, представляющим труд»². По своей природе они такой же товар, как и все другие товары. Золото и серебро,

¹ Прудон П. Ж. Экономические противоречия или философия нищеты.— В кн.: Сисмонди, Луи Блан, Прудон в избранных отрывках. М.; Л., 1926. с. 237.

² Там же, с. 234.

отмечает он, первоначально были обычными товарами, однако «постепенно правители овладевают драгоценными металлами и отмечают их своей печатью. Именно эта правительственная санкция и порождает деньги»¹. На положении, согласно которому придание драгоценным металлам свойств денег является санкцией государства, а также на вытекающем из него тезисе о том, что «специальная функция служить средством обращения — есть функция вполне условная»², и основывается вывод Прудона о том, что «каждый товар мог бы выполнять ее (функцию средства обращения. — Е. М.) так же основательно, хотя, быть может, с меньшими удобствами»³.

Обоснование возможности придания всем товарам свойств денег связано у Прудона с самой их трактовкой, в которой нашли отражение его различные подходы к проблеме денег. Так, существенной чертой представлений Прудона является положение Смита о товарной природе денег. Вместе с тем он разделяет и одно из главных положений количественной теории денег Рикардо, согласно которому деньги входят в обращение независимо от их количества. Однако наряду с принятием положений классиков буржуазной политической экономии по проблеме денег Прудон делает значительный шаг назад в вопросе об их происхождении. В отличие от Смита и Рикардо, в работах которых указывается на объективный, стихийный процесс выделения денег из мира товаров, Прудон развивает положения номиналистической теории денег, в которой их выделение связывается с правительственной санкцией.

Объясняя причину привилегированного положения золота и серебра как денег, Прудон отмечает: «Чего не видел и не понял ни один экономист — так это *экономической причины* того преимущества, которым пользуются драгоценные металлы»⁴. Экономическая причина привилегии денег заключается в том, считает Прудон, что золото и серебро были первыми товарами, стоимость которых заранее устанавливается в соответствии с количеством затраченного на их производство труда. «Правительственная санкция», которая накладывает на золото и серебро штамп, тем самым фиксирует, по его мнению, их стоимость. «В монетизации золота и серебра, — говорит Прудон, — есть нечто большее, чем то, что замечают экономисты: здесь — выявление закона пропорциональности, первый акт конституирования стоимостей»⁵. Деньги, по его мнению, являются единственным товаром, стоимость которого строго определена и общественно установлена. Благодаря этому они и служат посредником при обмене.

Поскольку золото и серебро *приобрели* конституированную

¹ Прудон П. Ж. Указ. соч., с. 235.

² Там же, с. 234.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 235.

⁵ Там же, с. 237.

стоимость, то можно предположить, рассуждает Прудон, что эту стоимость могут приобрести и все другие товары, необходимо только установить (конституировать) их стоимость. В капиталистическом обществе, говорит он, стоимость товаров конституируется, если они посредством обмена входят в состав общественного богатства. Последнее Прудон сравнивает с веществом, которое получается в результате химического синтеза. Подобно тому как химические элементы, чтобы образовать новое вещество, входят в соединение в определенной пропорции, точно так же и в общественное богатство, представляющее синтез разнообразных элементов, товары входят в определенной пропорции. Эта пропорция, определяющая входящие в состав общественного богатства элементы, и есть, по Прудону, конституированная стоимость¹. «Пропорция, на основании которой каждый элемент входит в сочетание, есть то, что мы называем стоимостью; излишек, остающийся после комбинации элементов, есть *бесценность* (*non valeur*), так как благодаря сочетанию только известных количеств других элементов он не комбинируется и не обменивается»².

В этом процессе, по мнению Прудона, решающую роль играет обмен. Он объединяет отдельные товары в единое целое, и от него зависит, будет ли тот или иной товар включен в общую пропорцию. «Внутреннее движение, посредством которого осуществляется сочетание и которое определяет сродство отдельных субстанций, это движение в обществе есть *обмен*, но не обмен, рассматриваемый в своей элементарной форме между двумя индивидуумами, а обмен как слияние всех стоимостей, произведенных частными лицами, в единое и цельное общественное богатство»³.

Только включившись в состав общественного богатства, товары становятся конституированной стоимостью. «Стоимость, рассматриваемая как общественное отношение и возникающая в обществе, которое естественно образуют между собою путем разделения труда и обмена производители, является *отношением пропорциональности продуктов, составляющих богатство*»⁴. Несмотря на то что Прудон говорит здесь о стоимости как об «общественном отношении», оно понимается им лишь в смысле «пропорции», «количества», как отношение «части» и «целого». «То, что обычно называется стоимостью продукта, — пишет Прудон, — есть форму-

¹ Прудон называет конституированную стоимость также «синтетической» и «пропорциональной» стоимостью. Как отмечал Д. И. Розенберг, «каждый из этих эпитетов выражает собою одну из сторон происходящего процесса. Примирение противоположностей — потребительной стоимости и меновой — выражено эпитетом *синтетическая*; слияние отдельных элементов богатства в единое целое — эпитетом *конституированная*; а отношение, при котором это слияние происходит, третьим эпитетом — *пропорциональная*» (Розенберг Д. История политической экономии. М., 1936, ч. 3, с. 247).

² Прудон П. Ж. Указ. соч., с. 224.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 230.

ла, указывающая в монетном обозначении на пропорцию, в которой данный продукт относится к общему богатству»¹.

У Прудона в анализе стоимости, так же как и у классиков буржуазной политической экономии, преобладает количественный аспект, хотя моменты, характеризующие качественную сторону отношений, также нашли отражение в его работах. Он продолжает линию, начатую А. Смитом, при рассмотрении труда, определяющего стоимость. Так, у Смита товар обладает стоимостью, если дает его владельцу право распоряжения чужим трудом (определение стоимости трудом, полученным в процессе обмена)². Фактически у Смита речь шла об общественном признании труда товаропроизводителя. У Прудона развитие этой мысли находит выражение в том, что стоимость (у него — конституированная стоимость) создается трудом затраченным, но затраченным так, что эти затраты труда должны быть признаны обществом. По Прудону, продукт становится «конституированной стоимостью» только в том случае, если он представляет «часть» (элемент) общественного богатства, захватывается обменом, т. е. обществу нужен, обществом признан.

По мнению Прудона, стоимость, созданная трудом частного производителя, отличается от стоимости конституированной. Созданная стоимость может и не конституироваться, т. е. может, как он говорит, превратиться в «бесценность». Конституируется стоимость лишь при условии, что труд производит продукты в определенной пропорции, в которой они входят в общественное богатство, т. е. что продукты произведены в соответствии с потребностями общества. Таким образом, по Прудону, частный труд создает стоимость, но превращение этой стоимости в конституированную стоимость происходит фактически при условии, что частный труд выступает как элемент труда общественного.

Прудон близко подошел к проблеме общественной природы труда, создающего стоимость. Однако, не выявив различия и противоречия между частным и общественным характером труда, он не смог увидеть, что в товарном хозяйстве труд производителя является непосредственно частным и только опосредованно, через деньги, общественным. Прудонем осталась невыясненной необходимость опосредованного выражения субстанции стоимости в товарном хозяйстве через деньги. Вместе с тем он уловил, что «признание» товара обществом проявляется только в обмене товара на деньги. Деньги уже имеют конституированную стоимость, она у них «санкционирована» (признана) обществом. «Деньги,— пишет он,— являются законом, предписанным торговлей, типом обмена, первым звеном в той длинной цепи продуктов человеческого творчества, которые под именем товаров должны получить обществен-

¹ Прудон П. Ж. Указ. соч., с. 230.

² Развивая положение Смита о равенстве труда, затраченного на производство товара, и труда, полученного в обмене, Прудон приходит к отождествлению стоимости (труд затраченный) и денег (труд полученный).

ную санкцию и стать, если не фактически, то по праву приемлемыми, в качестве денег, при всякого рода сделках»¹. В результате того, что стоимость денег конституирована, товары, обмениваясь на деньги, конституируют свою стоимость. В силу этого деньги выступают как бы средством конституирования стоимости товаров.

Однако, как уже отмечалось, с существованием денег Прудон связывает различные осложнения и трудности реализации товаров. Поэтому, по его мнению, конституировать стоимость товаров возможно и необходимо, но не прибегая к помощи денег. Не видя внутренней связи между деньгами и стоимостью, он приходит к выводу о возможности выражения стоимости товаров непосредственно в часах рабочего времени.

Такой вывод основывается у Прудона на его представлении о содержании стоимости. По его мнению, стоимость создается трудом каждого частного производителя: поскольку создается полезная вещь, постольку эта вещь обладает стоимостью. Субстанцией этой стоимости, по его мнению, выступает частный труд, и стоимость понимается им как затраты этого труда на производство товара. Вместе с тем он исходит из предпосылки, что стоимость каждого товара может быть конституированной стоимостью.

Основная ошибка Прудона в понимании стоимости состоит, таким образом, в том, что он не видел специфики общественного характера труда в условиях товарного производства. Стоимость у Прудона искусственно расчленена: стоимость создается у него частным трудом, конституированная стоимость — общественным. Причем частный труд становится общественным только в обмене. Из этого тезиса Прудон делает вывод, что достижение всеми товарами конституированной стоимости зависит от того, как будет организован обмен и на каких началах он будет осуществляться. Поэтому и нужно, по его мнению, реформировать только обмен.

Прудон отмечает, что при наличии пропорционального распределения труда наблюдается соответствие производства и потребления, устанавливается соответствие между спросом и предложением. В результате этого товары реализуются по ценам, равным их стоимости. Отсюда он делает неправомерный обратный вывод: если товары будут обмениваться точно по стоимости, т. е. по количеству затраченного на их производство труда, выраженного в рабочем времени, то это приведет к соответствию спроса и предложения, будет соблюдаться пропорция между производством и потреблением и в результате установится пропорциональность.

Конституированную стоимость Прудона Маркс в «Нищете философии» характеризует как утопическое истолкование закона стоимости, рассмотренного в теории Рикардо. «Рикардо показывает нам действительное движение буржуазного производства — движение, конституирующее стоимость. Г-н Прудон, отвлекаясь от этого действительного движения, «бьется» над изобретением

¹ Прудон П. Ж. Указ. соч., с. 236.

новых способов устройства мира по новой будто бы формуле, представляющей лишь теоретическое выражение реально существующего движения, так хорошо изображенного у Рикардо. Рикардо берет за отправной пункт современное общество, чтобы показать нам, каким образом оно конституирует стоимость; г-н Прудон берет за отправной пункт конституированную стоимость, чтобы посредством этой стоимости конституировать новый социальный мир»¹.

По Рикардо, «конституированная» стоимость господствует в буржуазном обществе и осуществляется через рыночные колебания цен. Прудон же считает, что пока процесс обмена не сведен к обмену равных сумм труда, т. е. пока обмен не осуществляется по стоимости и цены колеблются беспорядочно, до тех пор в обществе не будут созданы необходимые условия для конституирования стоимости всех товаров. Прудон не видит, что колебания цен вокруг стоимости — это не нарушение закона стоимости, а единственно возможный способ его осуществления. Вместе с тем он отмечает, что «синтетическая идея стоимости, как основное условие порядка и прогресса общества, была отчасти понята А. Смитом, когда... он показал в труде всеобщее и неизменное мерило стоимостей и обнаружил, что всякая вещь имеет свою естественную цену, к которой она беспрестанно стремится среди колебаний текущих цен»².

Все существующие понятия о мериле стоимости, говорит Прудон, были неверными, поскольку «мы ищем не единицу меры для стоимости... что лишено смысла, а закон, определяющий отношение пропорциональности продуктов в социальном богатстве»³. Под мерилем стоимости, говорит он, нужно понимать отношение, вытекающее из сравнимости продуктов. Вся трудность заключается в том, чтобы определить пункт сравнения. Поскольку «всякий продукт есть знак, представляющий труд»⁴, то пункт сравнения всех стоимостей есть труд. В том случае, когда труд станет единицей, измеряющей отношение между всеми стоимостями, когда труд будет обмениваться на труд и станет законом обмена, только тогда труд сможет служить источником богатства для каждого и только тогда богатство будет распределяться пропорционально труду. «Положение: *труд есть принцип пропорциональности стоимостей* — не только справедливо, так как оно вытекает из неоспоримого анализа, но оно есть цель прогресса, условие и форма социального благосостояния, начало и конец политической экономии. Из этого положения и сопутствующих ему следующих положений: *всякий продукт оценивается тем, что он стоит, и продукты покупаются за продукты* — вытекает учение о равенстве условий»⁵.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 85.

² Прудон П. Ж. Указ. соч., с. 232.

³ Там же, с. 223.

⁴ Там же, с. 234.

⁵ Там же, с. 246.

Прудон ищет меру стоимости товаров для того, чтобы найти затем пропорцию, в которой рабочие должны участвовать в продаже, другими словами, чтобы определить стоимость труда. В отличие от Рикардо, он продолжил поиски мерила стоимости, которые вел Смит. Однако если Смит искал «неизменное мерило» стоимости, которое в конечном итоге свел к стоимости труда, то Прудона интересует мерило самой стоимости труда. Эквивалентом определенного количества труда, по его мнению, является та сумма продуктов, которая создана работниками, что равносильно предположению, будто все общество состоит из одних только работников, получающих свой собственный продукт в виде заработной платы. «Г-н Прудон превращает стоимость труда в «действительную причину» стоимости продуктов,— отмечает Маркс в «Ниццете философии»,— так что *заработная плата* — официальное название «стоимости труда» — составляет, по его мнению, полную цену всякой вещи»¹. Посредством конституированной стоимости Прудон стремился осуществить право рабочих на полный продукт своего труда. Для этого нужно, по его мнению, чтобы все товары имели конституированную стоимость, тогда все они смогут обмениваться друг на друга по стоимости и обмен будет совершаться в соответствии с затратами труда.

Исходные представления Прудона о стоимости и труде, ее создающем, и прежде всего положение о возможности выражения стоимости непосредственно в часах рабочего времени, привели его к проекту создания обменного банка, на основе которого он предлагал реформировать обмен и тем самым добиться осуществления конституированной стоимости для всех товаров. По этому проекту банк, принимая от товаропроизводителей товары, должен был произвести оценку их стоимости, выраженной в часах рабочего времени, исходя из затраченного на их производство труда. Тем самым, считал Прудон, банк установит стоимость товара. Как золото и серебро имеет штамп, так и товар в банке «проштампуется» согласно его стоимости. Взамен принимаемых товаров банк будет выдавать квитанции — «рабочие деньги», или боны обращения, представляющие собой удостоверение стоимости товара банком (обществом), т. е. конституированную стоимость. Гарантией обращения бон должно было явиться понимание общественной полезности идеи «взаимности услуг». Поэтому «курс «бон обращения» не обеспечивался разменом их на золотую или серебряную монету, а основывался на взаимном соглашении об обязательном приеме их в качестве платежного средства»². Боны, или «рабочие деньги», должны были предоставить право приобретения товаров, содержащих одинаковое количество труда.

Поскольку все товары — это «знаки труда», постольку «рабочие деньги» должны были выступать знаками труда, затраченного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 92.

² Мордухович Л. М. Мелкобуржуазная политическая экономия. М., 1958, с. 43.

на производство товара. В результате каждый товаропроизводитель за созданный им продукт, воплощающий определенное количество рабочего времени, получил бы в обмене любой другой продукт, воплощающий такое же количество рабочего времени. При такой организации обмена отпадала бы, по мнению Прудона, необходимость в обмене товара на деньги. Тем самым отпала бы и необходимость в самих деньгах и был бы обеспечен эквивалентный обмен по стоимости.

Однако Прудон здесь упускается из виду, что в основе конституированной стоимости лежат пропорционально распределенный труд, производящий продукты в соответствии с потребностями общества. Банк же должен «устанавливать» стоимость товара, не зная, произведен ли данный товар в соответствии с общественно необходимой пропорцией или нет. Банкротство прудоновских обменных банков явилось наглядным выражением несостоятельности его теории стоимости и денег.

Мы видим, что, будучи последователем классиков буржуазной политической экономии Смита и Рикардо, Прудон абсолютизировал как раз те положения их теории стоимости и денег, в которых не раскрывалась необходимость связи между стоимостью и деньгами, доведя эти положения до логического конца. Теория Прудона показала, что характеристика стоимости, данная классиками буржуазной политической экономии, не дает возможности вывести деньги из стоимости. Последнее послужило Марксу своеобразным импульсом для разработки принципиально новой теории денег в экономической рукописи 1857—1858 гг.

Критикуя Прудона, Маркс раскрывает необходимую связь между стоимостью и деньгами и приходит к выводу, что все проекты прудонистов проистекают из непонимания ими природы денег. В результате перед Марксом встает задача выявить эту природу, выяснить, что же собой представляют деньги. Прудоновскому подходу к проблеме денег Маркс противопоставляет свою постановку этой проблемы, основанную на развитии денег из стоимости. Классическая буржуазная политическая экономия от денег шла к стоимости, и этот путь познания стоимости, движение от конкретного, от поверхности в глубь отношений был ею в значительной степени пройден. Однако обратный путь — от стоимости к деньгам и объяснение последних на основе стоимости — не был даже намечен, что оказало отрицательное влияние на исследование самой проблемы денег.

Впервые проблема выведения денег из стоимости была разработана Марксом в рукописи 1857—1858 гг. Путь от стоимости к деньгам представлял собой дальнейшее развитие теории стоимости классиков буржуазной политической экономии, но вместе с тем это был процесс создания качественно новой теории денег, отражение того, что деньги представляют собой развившуюся форму стоимости. Не случайно Маркс в ходе работы над экономической рукописью 1857—1858 гг. пришел к решению предпослать «Главе

о деньгах» «Главу о стоимости»¹. Уже это указывает на новый уровень исследования проблемы стоимости, и особенно денег. Здесь мы видим не только преемственность по отношению к классикам, но и принципиально новое решение проблемы денег, объяснение их на основе стоимости (переход стоимость — деньги). Это явилось огромным шагом вперед не только по сравнению с классиками, но и по сравнению с работой «Ницета философии», где указанная проблема была лишь намечена.

В рукописи 1857—1858 гг. деньги «вырастают» из стоимости. Маркс доказывает закономерность их появления на основе стоимостных отношений, хотя всех звеньев в переходе от стоимости к деньгам он в этой рукописи еще не дает. Основное внимание Маркса сосредоточено на более развитых формах, т. е. на всеобщей и денежной форме стоимости.

Всякая новая теория создается в процессе обобщения новых фактов в единстве с критической переработкой унаследованного теоретического материала. Этот момент нашел отражение и в экономической рукописи 1857—1858 гг. Следуя за развертыванием концепции Прудона и критикуя его, Маркс выявляет различные аспекты проблемы стоимости и денег и разрабатывает свой подход к теории денег. Характеризуя экономическую рукопись 1857—1858 гг., А. И. Малыш отмечает, что ее часть, посвященная разбору прудоновской теории, имеет «особую... теоретическую ценность, поскольку она в последующих работах Маркса воспроизведена далеко не полностью»².

Несостоятельность прудоновских положений о стоимости и деньгах особенно наглядно проявилась в несоответствии выводов представителей школы Прудона реальным фактам. Именно с разбора конкретного материала, представленного в работе прудониста А. Даримона «О реформе банков», которую Маркс впоследствии характеризовал как сжатое изложение теории денег Прудона³, начинается его исследование денег в рукописи 1857—1858 гг.

Критический анализ прудоновской концепции, в частности взглядов Даримона, не является для Маркса самоцелью, а выступает лишь средством для разработки своего собственного подхода к проблеме денег. Прежде всего, проанализировав данные, приведенные в книге Даримона, Маркс показывает, что тот преувеличивает роль банков в регулировании денежного рынка, отождествляет кредит и денежное обращение. То, что благодаря своей мо-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 397. Указанное решение Маркс принял вскоре после того, как начал работу над «Главой о деньгах», и добавил римскую цифру II перед названием этой главы. Название первой главы претерпело в дальнейшем эволюцию: в экономической рукописи 1857—1858 гг. она фигурировала как «Стоимость», а в «К критике политической экономии» (1859) — уже как «Товар».

² Малыш А. И. Формирование марксистской политической экономии, с. 323.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 70.

нополии банк действительно регулирует кредит, Даримон делает исходным пунктом своего представления о безусловном контроле банка над денежным обращением. Поскольку банк, по мнению Даримона, выполняет регулирующую функцию, то недостатки капиталистического общества, в том числе и кризисы, считает он, можно будет ликвидировать, заменив существующую банковскую организацию новой, которая «создала бы совершенно новые условия производства и общения, а значит, вмешалась бы в дело при совершенно новых предпосылках»¹.

Маркс показывает, что в основе общей позиции прудонистов о возможности банковскими реформами изменить условия производства лежит неверное понимание ими соотношения производства и обращения. В их концепции явно преобладает примат обращения, так как именно реформами обращения они пытаются изменить условия производства. Проведенный Марксом критический анализ прудонизма наглядно показывал, что принцип примата обращения заводит в тупик анализ денег, что выход из тупика в принципиально новом подходе к постановке проблемы денег, основанной на примате производства.

Как уже отмечалось, изменение организации обращения прудонисты мыслили путем банковской реформы. Последняя заключала в себе прежде всего изменение инструмента, с которым «работает» банк, а именно, изменение существующих форм денег. Путем изменения формы денег прудонисты стремились осуществить такие преобразования, которые привели бы к ликвидации самих денег. Критика предложенной Прудоном реформы давала Марксу возможность выработать правильный подход к анализу взаимосвязи форм денег и их сущности. Критикуя Даримона, Маркс выявляет особое положение денег среди мира товаров и вместе с тем подходит к постановке вопроса о деньгах как об особом производственном отношении: «...могут ли различные цивилизованные формы денег — металлические, бумажные, кредитные, рабочие деньги (последние как социалистическая форма) — достичь того, чего от них требуют, без уничтожения самого производственного отношения, выраженного в категории денег». И далее: «...не является ли... самоуничтожающимся требованием желать избавления от существенных условий какого-либо отношения путем всего лишь формального изменения этого отношения»².

Маркс исходит из того, что различные формы денег могут в большей или меньшей степени соответствовать товарному производству, одна из них может устранить те недостатки, с которыми не справится другая, но пока они остаются формами денег, а деньги — производственным отношением, ни одна из этих форм денег не может уничтожить противоречий, присущих выраженному деньгами отношению. Как образно говорит Маркс, «один рычаг,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 60.

² Там же, с. 61.

быть может, лучше, чем другой, преодолевает сопротивление материи, находящейся в состоянии покоя. Но каждый из них основан на том, что сопротивление остается в силе»¹.

На вопрос о возможности, изменяя орудия обращения, революционизировать существующие товарно-денежные производственные отношения и ликвидировать деньги Маркс дает безусловно отрицательный ответ. Главный вопрос состоит не в том, чтобы найти форму денег, которая бы ликвидировала недостатки капиталистического способа производства. Действительный вопрос, говорит Маркс, заключается в следующем: «не вызывает ли сама буржуазная система обмена необходимости в специфическом орудии обмена? Не создает ли она необходимым образом особого эквивалента для всех стоимостей?»². Этот вопрос является главным вопросом, поставленным Марксом в первой части рукописи 1857—1858 гг.; ради обоснования правомерности его постановки и положительного ответа на него и ведется полемика с прудонистами. Таким образом, критикуя Даримона, Маркс вырабатывает важнейший методологический принцип своего подхода к проблеме денег: пока существует товарное производство, деньги не могут быть уничтожены, ибо они являются адекватной формой движения противоречий товарного производства.

В экономической рукописи 1857—1858 гг. в ходе критики прудонистов Маркс ставит проблему *существенности* связи между стоимостью и деньгами. Постановка данной проблемы органически связана и с критическим анализом взглядов Даримона на кризисы. В связи с этим обращает на себя внимание следующее. Во «Введении», которое было написано в конце августа 1857 г., т. е. до работы над рукописью 1857—1858 гг., и в котором Маркс рассматривает предмет своего исследования, проблеме кризисов отводится заключительное место в его системе³. В самом же тексте рукописи рассмотрение денег начинается с проблемы кризисов. Это, видимо, обусловлено тем, что в период кризисов наиболее ярко проявляется особая роль денег. В этот период наиболее полно проявляется не только связь денег со стоимостью, со всем товарным миром, но и их отличие от обычных товаров. Сама по себе проблема кризисов не является предметом исследования в данном разделе рукописи. Она является средством, позволяющим правильно подойти к постановке проблемы денег и показать, что самостоятельность денег, их отличие от стоимости *относительны*, что решающее значение имеет *единство* стоимости и денег.

Глубинную причину кризисов прудонисты видели в особой роли золота как денежного товара, а непосредственную причину кризисов — в вывозе золота за границу. Маркс отмечает, что при отливах драгоценного металла действительно имеют место некоторые диспропорции, поэтому «необходимо точно исследовать, как

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 62.

² Там же, с. 66.

³ См. там же, с. 42.

выглядели бы такого рода кризисы, если отвлечься от денег, и какую определенность в рамках данных здесь отношений вносят деньги»¹. Прудонисты, отмечает Маркс, обращают внимание на происходящее при кризисах повышение ценности золота по отношению почти ко всем остальным товарам. Но они не видят другой стороны — обесценения денег по отношению к остальным товарам в периоды подъема, т. е. в периоды всеобщего повышения цен. Обесценение денег в период подъема предшествует повышению их ценности в период кризиса. Прудонисты видят кризис, а с ним обесценение товаров или повышение ценности денег. В этом, по их мнению, сказывается привилегия золота, и поэтому ее нужно отменить. Поскольку же в период подъема происходит обесценение денег и рост цен, «Даримон и К^о, — говорит Маркс, — должны были бы поставить свою проблему наоборот: предотвратить периодически повторяющееся обесценение денег (на их языке — отменить привилегии товаров по отношению к деньгам)»². Но отменить эти привилегии означает предотвратить колебания цен, т. е. фактически уничтожить сами цены. Поскольку же цена представляет собой стоимость, выраженную в деньгах, то это, в свою очередь, означает отмену стоимости, т. е. фактически отмену производства и обмена в том его виде, в каком он соответствует буржуазной организации общества.

Маркс отмечает, что рассмотрение заблуждений, лежащих в основе идеи прудонистов о замене денег часовыми бонами, дает «возможность заглянуть в ту глубочайшую тайну, которая связывает прудоновскую теорию обращения с его общей теорией — его теорией определения стоимости»³. В основе прудоновской теории денег, таким образом, лежит его теория стоимости, поскольку от понимания стоимости зависит как понимание денег, так и все вытекающие отсюда построения, касающиеся проекта банка, основанного на применении «рабочих денег». Критикуя прудонистов, Маркс указывает на реальное различие между стоимостью и ценой, что имеет принципиальное значение для правильной постановки проблемы выведения денег из стоимости. Прудонисты же, вводя «рабочие деньги», пытались снять это различие. Они исходили из того, что колебания цен вокруг стоимости являются причиной неэквивалентного обмена продуктов на рынке и играют исключительно негативную роль в экономике. Чтобы ликвидировать отрицательные стороны обмена, нужно, по их мнению, чтобы обмен осуществлялся по стоимости. Для этого прудонисты и предлагали непосредственно определять стоимость в часах рабочего времени, т. е. минуя деньги (а тем самым и цены). Если цена будет равна стоимости, считали Прудон и его последователи, то спрос будет уравнен с предложением не через отклонение цены от стоимости, а непосредственно. То, что Прудон считал *возможным*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 67.

² Там же, с. 74.

³ Там же, с. 77.

отождествление стоимости и цены, показывает, что он не видел *принципиальной* разницы между ними.

Отождествляя в основном стоимость и цену, Прудон и его последователи тем самым отрицали саму постановку проблемы выведения денег из стоимости. Критика концепции «рабочих денег» давала возможность Марксу обнажить глубинную связь стоимости и денег как единства противоположностей и тем самым правильно поставить проблему денег, показав необходимость выведения их из стоимости. Вот почему Маркс в рукописи сосредоточивает внимание на критике основной теоретической посылки концепции «рабочих денег» — отождествлении стоимости и цены. Как отмечает Маркс, основная иллюзия прудонистов заключалась в том, что, уничтожая номинальное различие между стоимостью и ценой, т. е. выражая стоимость не в определенном овеществлении рабочего времени, например в золоте, а непосредственно в рабочем времени, они думают, что устраняют действительное различие между ценой и стоимостью. Но если стоимость выражена в рабочем времени, то цена должна выражаться в деньгах — в особом товаре. «Различные цены и стоимости требуют, чтобы стоимости как цены измерялись другим масштабом, а не своим собственным. Цена в отличие от стоимости необходимо должна быть *денежной ценой*. Здесь проявляется то обстоятельство, что *номинальное* различие между ценой и стоимостью обусловлено их *реальным* различием»¹. Тем самым Маркс констатирует необходимость цены как функции денежного товара. Здесь факт необходимости денег связывается с качественным отличием цены и стоимости как формы и содержания.

Маркс показывает несоответствие «рабочих денег», основанных на стоимости и требующих непосредственного выражения стоимости в часах рабочего времени, с товарной формой продукта труда. Производители обменивают свои товары на часовые бонусы, представляющие меновую стоимость переданных банку товаров. Товар обменивается на часовые бонусы как на символическое бытие меновой стоимости, превращаясь из формы товара в форму денег. Но для того чтобы этот обмен произошел, нужно, говорит Маркс, «аутентично удостоверить рабочее время, содержащееся в нем (товаре.— *Е. М.*) (что, между прочим, вовсе не так легко, как установить пробу и вес золота и серебра)»². Банк, являясь всеобщим покупателем всех товаров, должен определять рабочее время, в течение которого товары могли бы изготавливаться при средних условиях. К тому же банку пришлось бы определять время, в течение которого производится известное количество продуктов, а также «ставить производителей в такие условия, чтобы их труд был одинаково производительным (стало быть, также выравнивать и регулировать распределение средств труда)»³. Но и это-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 81.

² Там же, с. 96.

³ Там же, с. 98.

го, говорит Маркс, было бы недостаточно. Банк должен определять затраты рабочего времени в различных отраслях, регулировать распределение средств труда и самого труда между отраслями. Ему необходимо не только сводить различные виды труда к одному и выражать их в рабочем времени, имеющем один масштаб, сводить труд различной сложности к одному (что само по себе является чрезвычайно сложной задачей, если не прибегать к опосредованным способам, как это происходит в системе, основанной на стоимости), но и обеспечивать равенство спроса и предложения, производства и потребления. Тем самым банк должен «обеспечивать все производство в целом, и притом в таких пропорциях, которые удовлетворяли бы потребности обменивающихся лиц»¹. Однако это предполагает такие условия, при которых «труд отдельного лица должен был бы с самого начала быть не *особенным* трудом, а трудом *всеобщим*, т. е. должен был бы с самого начала фигурировать как звено *всеобщего* производства»². Но для этого необходимо, чтобы труд выступал *непосредственно* общественным, или, как говорит Маркс, *непосредственно* всеобщим. Участие работника в общественном производстве должно быть заранее определено. На этой основе «труд был бы *положен* в качестве всеобщего труда до обмена, т. е. обмен продуктов вообще не был бы той *промежуточной операцией*, которой опосредовалось бы участие отдельного лица во всеобщем производстве»³. Такое регулирование общественного производства возможно, но оно предполагает совершенно иную, *нестоимостную* основу. По этому поводу Маркс замечает: «...не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на *основе меновой стоимости и денег* предполагать контроль объединенных индивидов над их собственным производством, как это мы видели выше в отношении банка, выпускающего часовые боны»⁴.

В обществе обособленных производителей их отношения опосредуются «путем обмена товаров, путем меновой стоимости, путем денег, которые все являются выражением одного и того же отношения»⁵. Общественный характер производства утверждается лишь через превращение всех продуктов в меновые стоимости и их обмен. «Поэтому желать сделать труд отдельного лица (т. е. также и его продукт) непосредственно *деньгами, реализованной меновой стоимостью* — значит определять его *непосредственно* как всеобщий труд, т. е. отрицать именно те условия, при которых труду необходимо превращаться в деньги и меновые стоимости и которые ставят его в зависимость от частного обмена»⁶.

Таким образом, критически рассмотрев прудоновскую концеп-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 98.

² Там же, с. 115.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 102.

⁵ Там же, с. 116.

⁶ Там же.

цию «рабочих денег», Маркс приходит к выводу, что требование прудонистов о ликвидации денег, по существу, сводится к такой организации производства, где труд должен выступать как непосредственно общественный. Уничтожение денег может быть следствием таких условий, которые в своей основе предполагают непосредственно общественный труд. Иными словами, существование денег тесным образом связано с *характером труда*, следовательно, именно эта связь должна лежать в основе научной постановки проблемы денег.

Критика прудонизма показала, что осложнения и противоречия, протекающие из существования денег, а также сами деньги связаны со стоимостной основой общественного производства. А потому выяснение природы денег предполагает углубленное, выходящее за рамки классической буржуазной политической экономии исследование стоимости и ее субстанции — труда. Таким образом, критикуя прудонистов, Маркс подошел к пониманию того, что выведение денег из стоимости требует углубленного качественного анализа труда, создающего стоимость.

В экономической рукописи 1857—1858 гг. Маркс при исследовании денег вначале прошел путь, который был пройден классиками буржуазной политической экономии, — от поверхности буржуазной экономики, от денег к стоимости. Но если классики на этом остановились, то Маркс связал проблему денег не только со стоимостью, но и с особым характером труда в условиях товарного производства. Он пришел к выводу, что для выяснения истинной природы денег необходимо объяснить стоимость и вывести из нее деньги. Таким образом, Маркс пришел к выводу, что необходимо идти принципиально новым путем в исследовании денег: от труда как субстанции стоимости через ряд посредствующих звеньев перейти к деньгам и тем самым показать, что сама специфика труда в товарном производстве порождает необходимость их существования. В ходе критики прудонистов перед Марксом встала задача показать, почему труд в системе товарного производства принимает стоимостную форму, а та, в свою очередь, находит выражение именно в деньгах. Решение этой задачи представляло собой совершенно новый этап в исследовании денег и означало создание теории, объясняющей деньги на основе трудовой теории стоимости.

Выведение денег из стоимости Маркс осуществляет при предположении, что «меновая стоимость равна рыночной стоимости, а реальная стоимость равна цене»¹. Главное для Маркса состояло в том, чтобы показать, что деньги с необходимостью порождаются системой стоимостных отношений, что появление денег и превращение стоимости в цену — результат развития обмена. Как уже отмечалось, существенным моментом теории «рабочих денег» являлся тезис, согласно которому характерное для реально функцио-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 81.

нирующих денег несовпадение стоимости и цены, якобы разрушающее экономику, будет устранено введением «рабочих денег». Маркс же, абстрагируясь от действительного несовпадения стоимости и цены, показывает необходимость денег и при их равенстве. Ход его рассуждений таков.

Товары, если их рассматривать с точки зрения натуральных свойств, удовлетворяют различные потребности, что и обуславливает необходимость их обмена. Однако натуральные свойства товаров недостаточны для того, чтобы происходил их обмен. Товары сравниваются и обмениваются, так как имеют нечто общее (это было отмечено еще А. Смитом), «каждый товар... равен овеществлению некоторого определенного рабочего времени. Его стоимость — то отношение, в котором этот товар обменивается на другие товары или другие товары обмениваются на него, — равна овеществленному в нем количеству рабочего времени»¹. Как стоимости все товары качественно одинаковы и различаются только количественно. Однако «стоимость есть не просто способность товара к обмену вообще, а его специфическая обмениваемость»².

В отличие от классиков буржуазной политической экономии, Маркс делает акцент на качественной характеристике стоимости. Он пишет: «...стоимость — это общественное отношение товаров, их экономическое качество»³. Именно потому, что товары обладают этим «экономическим качеством», они и могут сравниваться и обмениваться со всеми другими товарами. Маркс рассматривает практическую соизмеримость качественно разнородных товаров и раскрывает, что стоит за этой соизмеримостью. Два свойства товара могут существовать наряду друг с другом только потому, что «товар приобретает двойное существование, наряду со своим натуральным существованием приобретает *чисто экономическое существование*, в котором он — всего лишь знак, символ производственного отношения, всего лишь знак своей собственной стоимости»⁴. Как стоимость каждый товар всегда способен к обмену, он всеобщ. Как потребительная стоимость товар — нечто особенное и обменивается, если удовлетворяет различные потребности. Товар «обладает обмениваемостью на другие товары не в своем натуральном равенстве с самим собой, а как положенный в качестве чего-то неравного самому себе, отличного от самого себя, в качестве меновой стоимости»⁵. Для одного лишь сравнения товаров, отмечает Маркс, достаточно мысленно фиксировать их как меновые стоимости, абстрагируясь от всех их натуральных свойств. Однако «в действительном обмене необходимо действительное *опосредование*, нужно средство для осуществления этой абстракции»⁶. Эта абстракция,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 81.

² Там же, с. 82.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 83 (курсив наш.— Е. М.).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

пишет Маркс, «должна быть, в свою очередь, овеществлена, сим-волизирована, реализована посредством какого-либо знака»¹. Последнее, по Марксу, необходимо по следующим причинам. Во-первых, подлежащие обмену товары оцениваются друг в друге. Когда же они обмениваются, то их натуральные свойства вступают в противоречие с их определением как меновых стоимостей, поскольку, например, они не могут быть делимы. Во-вторых, в действительном обмене способность каждого товара к обмену зависит от условий места и времени. Поэтому для того чтобы товар мог быть сразу реализован как меновая стоимость, он «должен быть обменян на третий предмет, который сам, в свою очередь, есть не особый товар, а символ товара как товара, символ самой меновой стоимости товара; который, стало быть, представляет, скажем, рабочее время как таковое»². Как предмет обмена каждый товар должен обладать всеобщим характером обмениваемости, противоречащим его натуральным особенностям. Это противоречие разрешается тем путем, что товар полагается двояко: в своей натуральной непосредственной форме и в опосредованной форме в качестве денег.

Внутренняя двойственность товара как натурального продукта и как меновой стоимости приводит к тому, что меновая стоимость получает материально отдельное от товара существование. Последнее возможно в том случае, если какой-то товар становится как бы всеобщей субстанцией меновых стоимостей. «Меновая стоимость, отделенная от самих товаров и существующая наряду с ними как самостоятельный товар, есть *деньги*. Все свойства товара как меновой стоимости выступают в деньгах как отличный от него предмет, как отделенная от его натуральной формы существования социальная форма существования»³. Товар должен быть обменян на этот всеобщий товар, на символическое всеобщее овеществление рабочего времени, чтобы потом обладать способностью обмениваться на любой другой товар. Меновая стоимость получает независимое существование в некотором особом материале, некотором специфическом товаре. В качестве природной субстанции меновых стоимостей, как таковых, выступают благородные металлы (золото и серебро), которые становятся носителями денежных отношений.

Марксов анализ превращения меновой стоимости в деньги сопровождается доказательством того, что само рабочее время не может быть непосредственно деньгами. Требование придать рабочему времени свойство денег, говорит Маркс, «равносильно тому, чтобы каждый товар был непосредственно своими собственными деньгами»⁴. Необходимость отличных от рабочего времени денег обусловлена тем, что рабочее время существует фактически толь-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 85.

² Там же, с. 86.

³ Там же, с. 87.

⁴ Там же, с. 111.

ко в особенных товарах, а в «качестве всеобщего предмета оно может существовать лишь символически, опять-таки именно в каком-нибудь особенном товаре, становящемся деньгами»¹. Товар должен быть обменян на этот всеобщий товар, овеществляющий символически всеобщее рабочее время, чтобы потом иметь возможность обмениваться на любой товар. «Деньги — это рабочее время как всеобщий предмет, или овеществление всеобщего рабочего времени, рабочее время как *всеобщий товар*»². В деньгах рабочее время измерено и содержится в его всеобщей, способной к обмену форме. Особый товар получает привилегию представлять, символизировать меновую стоимость всех остальных товаров, т. е. привилегию денег. Тем самым Маркс теоретически доказывает необходимость проявления стоимости в форме денег. Вместе с этим его вывод о необходимости приобретения стоимостью товара самостоятельного существования в особом товаре — деньгах показывает полную несостоятельность попыток прудонистов как выразить стоимость непосредственно в часах рабочего времени, так и при- дать всем товарам свойство денег.

Таким образом, Маркс, рассмотрев противоречие товара, выводит необходимость денег, а следовательно, и цены из противоречия между меновой стоимостью и натуральными свойствами товара. Как отмечалось выше, выделение этих свойств товара было осуществлено еще Смитом, однако в его системе оба определения товара лишь внешне находятся рядом друг с другом (как говорит Смит, наряду с особым продуктом работнику необходимо произвести некоторое количество всеобщего товара — деньги). «Сущность товара в целом еще не выступает у него (А. Смита.— *Е. М.*) захваченной и пронизанной противоречием»³. Маркс же вскрывает внутреннее противоречие товара и на этой основе выводит деньги. Но это противоречие, которое непосредственно ведет к отделению денег от товара, само является следствием еще более глубокого противоречия, которое также исследует Маркс.

«От внимания всех экономистов без исключения,— отмечал впоследствии Маркс,— ускользнула та простая вещь, что если товар представляет собой нечто двойственное, а именно: потребительную стоимость и меновую стоимость, то и воплощенный в товаре труд должен иметь двойственный характер»⁴. Акцент при исследовании необходимо было перенести на содержание (субстанцию) стоимости, ибо правильное или неправильное решение именно этого вопроса приводит к верному или ошибочному представлению о деньгах. Чтобы выявить природу денег, необходимо было показать связь возникновения денег с субстанцией стоимости. А для этого было необходимо раскрыть характер субстанции стоимости, тем самым открыть качество труда, ее создающего.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 111.

² Там же, с. 112.

³ Там же, с. 113.

⁴ Там же, т. 32, с. 9.

Перед Марксом встала задача: раскрыть содержание, которое находит свое выражение в стоимости, и объяснить, почему продукт труда частных производителей с необходимостью принимает форму стоимости, форму денег. Марксу нужно было показать, что определенный особый труд отдельного индивида предстает как его противоположность, как одинаковый общий и «в этом виде общественный труд», т. е. показать *специфически общественную природу* труда в товарном производстве, которая и находит свое выражение в деньгах. В предисловии ко второму тому «Капитала» Энгельс пишет: «Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, *какой* труд, почему и как образует стоимость, установил, что стоимость вообще есть не что иное, как кристаллизованный труд *этого* рода... Маркс исследовал затем отношение товара и денег и показал, как и почему — в силу присущего ему свойства стоимости — товар и товарный обмен должны порождать противоположность товара и денег»¹.

Исследование природы денег послужило для Маркса как бы толчком к исследованию труда в условиях товарного производства. Только открытие двойственной природы труда, правильное понимание качественной, *специфически общественной* характеристики абстрактного труда позволило Марксу научно подойти к решению проблемы денег².

Система товарного производства основана на обособленности производства отдельных товаропроизводителей. Труд каждого из них представляет собой определенную целесообразную деятельность, направленную на создание определенного вида товаров. Внешне все товаропроизводители самостоятельны и независимы друг от друга. Но фактически они должны производить продукты, которые действительно нужны обществу. Труд каждого отдельного производителя выступает как непосредственно частный, т. е. труд по собственному усмотрению. Но, поскольку продукт производится не для личного потребления, а для продажи, т. е. поскольку товар становится элементом общественного продукта, труд отдельного производителя функционирует как составная часть совокупного общественного труда. «Единичный труд, как таковой, — пишет Маркс, — вообще перестает быть производительным, а, наоборот, является производительным лишь в рамках совместного труда многих»³. Труд этот выступает не просто как индивидуальный труд, а как необходимое звено общественного труда, хотя это скрыто за внешней независимостью производителя и особенностью

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 20—21.

² Исследование абстрактного труда как специфически общественного содержится также в первоначальном тексте первого выпуска «К критике политической экономии», который был написан Марксом с октября по ноябрь 1858 г. и представляет собой первую обработку материала рукописи 1857—1858 гг.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 208.

его производственной деятельности. Следовательно, труд одного товаропроизводителя внутренне связан и обусловлен трудом всех остальных. «Если индивид производит как частный индивид — в этом случае сама эта его позиция является отнюдь не продуктом природы, а утонченным результатом некоторого общественного процесса, — то общественный характер обнаруживается в том, что в содержании своего труда индивид определяется общественной связью (курсив наш. — *Е. М.*) и работает только как ее член, т. е. для удовлетворения потребностей всех других индивидов, — следовательно, для него существует общественная зависимость, — но сам он занимается тем или иным трудом по своему выбору»¹. Формально каждый товаропроизводитель производит товары по собственному усмотрению, но реально общество признает только то их количество, которое ему необходимо. Таким образом, в условиях товарного производства труд отдельного производителя является действительным трудом только в качестве составного элемента всего совокупного труда общества. Поскольку же труд осуществляется в частной форме и производитель не знает заранее потребности общества, возникает противоречие между общественным и частным трудом. Движение этого противоречия, а следовательно, и включение частного труда в систему общественного труда осуществляется посредством уравнивания различных видов труда, обмена эквивалентов. «Равенство того, что каждый дает и берет, является здесь категорическим моментом самого процесса»².

Но чтобы труд отдельного производителя проявил себя как уравниваемая часть, как элемент общественного труда, должно произойти отвлечение от конкретных, особенных видов труда и сведение их к общей основе, т. е. к тому общему, чем обладают все виды труда как элементы труда общественного. Качественная однородность труда заключается в том, что труд каждого производителя представляет собой элемент в системе общественного труда. «Форма всеобщности труда, — пишет Маркс, — подтверждается реальностью его как члена совокупности всех видов труда, реальностью его как особенного способа существования общественного труда»³. Именно эта однородность труда и дает возможность приравнять продукты труда и тем самым «завязывать отношения» между товаропроизводителями. «Взаимное удовлетворение их (обменивающихся лиц. — *Е. М.*) потребностей через средство вещественного различия их труда и их товара превращает их равенство в наполненное социальным содержанием отношение, а их особенный труд в особенный способ существования социального труда вообще»⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 451.

² Там же, с. 453.

³ Там же, с. 448.

⁴ Там же, с. 454 (курсив наш. — *Е. М.*).

Маркс отмечает, что в потребительной стоимости товаров для обменивающихся лиц заключается особенная сторона труда, тогда как в меновой стоимости все товары одинаково выступают как ове­ществление общественного, лишенного различий труда, а их владельцы — как равные агенты общественного процесса. «Они противостоят друг другу только как владельцы меновых стоимостей и как нуждающиеся в обмене, как агенты одного и того же *всеобщего безразличного социального труда*»¹. Таким образом, Маркс исследует понятие социального труда вообще как субстанции стоимости. По существу, он здесь говорит об абстрактном труде, хотя термина этого еще не употребляет. В рукописи 1857—1858 гг. Маркс показал, что абстрактный труд — субстанция стоимости — выступает как форма движения противоречия между общественным и частным характером труда. Этого не понимали ни Смит, ни Рикардо, ни Прудон, поэтому они и не смогли вывести деньги как адекватную форму выражения специфически общественного характера труда в условиях товарного производства.

Так как все виды конкретного труда при сведении к абстрактному труду становятся одинаковыми, однокачественными, то следствием этого является такое развитие *процесса приравнивания* товаров, которое должно привести к всеобщему эквиваленту. Внутренняя соизмеримость товаров во всеобщем эквиваленте, в деньгах получает адекватную внешнюю форму выражения. «То, что продукт особенного труда должен себя подтвердить общественно как ове­ществление труда *всеобщего*, принимая форму такой вещи (*денег*), которая исключительно предполагается как непосредственная предметность всеобщего труда, а равным образом и то, что этим же самым процессом этот всеобщий общественный труд полагается как внешняя вещь, как деньги, — все эти определения образуют главную пружину, биение пульса самого обращения»². В деньгах абстрактный труд получает самостоятельное существование. Деньги выступают как наиболее осязательная форма наличного бытия абстрактного труда. Поэтому приведение отдельного частного труда товаропроизводителей к общественно необходимому труду выступает как сопоставление товаров с деньгами, с товаром, который выполняет роль всеобщего эквивалента. Труд отдельных товаропроизводителей становится общественным, если он принимает форму абстрактного труда, продукт последнего в свою очередь принимает форму стоимости, а стоимость через меновую стоимость — форму денег. Лишь через обмен продукта труда частного производителя на деньги происходит признание его труда как элемента труда общественного.

Таким образом, в отношении товара к деньгам фактически проявляется отношение частного труда товаропроизводителя к совокупному общественному труду, которое и реализуется в процессе

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 453.

² Там же, с. 448.

действительного обмена товара на деньги. Их назначение, говорит Маркс, «как раз в том и состоит, чтобы полагать товары качественно идентичными, выражать их идентичную социальную субстанцию, где имеет место только количественное различие. В обращении тогда и в самом деле товар каждого выступает как то же самое [что и товар другого], получает ту же самую общественную форму средства обращения, в которой всякая особенность продукта погашена и владелец каждого товара становится владельцем осязаемого субъективированного общезначимого товара»¹. Тем самым деньги становятся «специфическим способом» проявления общественного характера труда обособленного товаропроизводителя, а продукт последнего, продукт особенного труда подтверждает себя как овеществление всеобщего труда², только принимая форму денег. Только обмен, опосредованный деньгами, впервые полагает труд в качестве всеобщего труда. Обмен является той промежуточной операцией, которой подтверждается участие каждого индивида в общественном производстве³. Обменяв свой товар на деньги, производитель подтверждает общественный характер своего частного труда, то, что его труд представляет определенную эквивалентную часть совокупного общественного труда, его особый способ существования.

В буржуазном обществе меновая стоимость рассматривается как господствующая форма, при которой исчезает всякое непосредственное отношение производителей к своим продуктам. «Существование стоимости в ее чистоте и всеобщности предполагает такой способ производства, при котором отдельный продукт уже перестал быть отдельным продуктом для производителя вообще... и без реализации в обращении является ничем»⁴. Меновая стоимость является объективной основой всей производственной системы в целом и «с самого начала уже включает в себе принуждение индивида; ...его непосредственный продукт не есть продукт для него, а становится таковым лишь в общественном процессе и *вынужден* принимать эту всеобщую и все же внешнюю форму; ...индивид теперь только и существует как производитель меновой стоимости»⁵. В процессе обмена продукт труда становится для своего владельца *особенной* потребительной стоимостью — носителем меновой стоимости, «*средством обмена*, т. е. противоположностью непосредственной потребительной стоимости»⁶. Для самого производителя полезное свойство продукта его труда заключается теперь только в способности товара к обмену.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 454.

² «Продукт — это меновая стоимость, овеществленный всеобщий труд, хотя непосредственно он представляет собой овеществление лишь независимого частного труда индивида» (там же, с. 447).

³ См. там же, с. 453.

⁴ Там же, ч. I, с. 199.

⁵ Там же, с. 195.

⁶ Там же, ч. II, с. 465.

Существование абстрактного труда в товарном производстве проявляется наиболее отчетливо в том, что собственный труд выступает по отношению к самому товаропроизводителю скорее как процесс по созданию *денег*, чем какой-то определенной потребительной стоимости. Товаропроизводитель уже в процессе производства вместо своих продуктов мысленно представляет сумму денег, которую он получит при благополучной реализации товаров на рынке. Отсюда возникает практическое безразличие товаропроизводителя к конкретному характеру труда, лишь бы были выгодно реализованы его товары. Безразличие к полезной форме трудовой деятельности как раз свидетельствует о том, что в данном обществе все виды труда функционируют в качестве абстрактного человеческого труда¹.

Таким образом, исследовав характер труда в условиях товарного производства, Маркс теоретически доказал необходимость денег в условиях товарного производства, доказал, что деньги порождены самой системой производственных отношений и составляют ее необходимый элемент. Этим была создана принципиально новая теория денег, в основе своей отличающаяся от теории денег классической буржуазной политической экономии. Классики буржуазной политической экономии лишь положили начало научной теории денег. Они показали, что стоимость денег, как и стоимость любого товара, определяется рабочим временем, что в обмене товаров на деньги происходит обмен равных стоимостей. Однако они не вскрыли сущности денег, а также сущности процесса образования денег. Маркс, используя научные элементы теории денег своих предшественников, коренным образом переработал ее и создал новую теорию денег, основанную на теории трудовой стоимости.

Классиками буржуазной политической экономии было правильно отмечено, что деньги — товар, что стоимость товара, который играет роль денег, определяется рабочим временем, как и стоимость всякого другого товара. Но, став деньгами, отметил Маркс, этот выделившийся товар приобретает новое качество, он становится бытием стоимости всех товаров, «предметностью всеобщего труда». Классиками было отмечено, что деньги стихийно возникли из процесса производства товаров и их обмена, но этот процесс, как показал впервые Маркс в рукописи 1857—1858 гг., по своему внутреннему содержанию является процессом разрывания противоречия товара, противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью. Рассмотрев стоимость товара как выражение общественного характера труда, Маркс показал, что стоимость выражает

¹ «Безразличие к определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой данный определенный вид труда является для них случайным и потому безразличным. Труд здесь не только в категории, но и в реальной действительности стал средством для создания богатства вообще и утратил ту сраченность, которая раньше существовала между отдельными индивидами и определенными видами труда» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 41).

собой производственные отношения между товаропроизводителями, работающими друг на друга не непосредственно, а при посредстве эквивалентного обмена. В стоимости эти отношения выступают как свойство продукта труда. Рассмотрев стоимость таким образом, Маркс смог ответить на вопрос, который его предшественники и не ставили: почему продукт труда в условиях производства товаров принимает форму стоимости, а стоимость — форму денег.

Классиков буржуазной политической экономии интересовал вопрос, чем определяется величина стоимости. Маркс же прежде всего решает вопрос о том, что такое стоимость, и из определения стоимости выводит определение денег. Не выяснив, почему труд реализуется в форме стоимости, нельзя было ответить на вопрос, почему стоимость непосредственно не измеряется трудом. Тем самым буржуазные экономисты-классики способствовали возникновению иллюзии «рабочих денег», хотя сами и были весьма далеки от нее. В рукописи 1857—1858 гг. Маркс показал, что в условиях товарного производства продукт труда необходимо должен превращаться в меновые стоимости и деньги. «Труд на основе меновых стоимостей как раз и предполагает, что ни труд отдельного лица, ни его продукт не носят непосредственно всеобщего характера; что он приобретает эту форму лишь путем предметного опосредования, посредством отличных от него денег»¹. Поэтому Маркс и подвергает критике теорию денег прудонистов, которые стремились сделать продукт труда отдельного лица непосредственно деньгами, т. е. определяли этот труд непосредственно как всеобщий труд и тем самым отрицали те специфические условия, при которых продукт труда с необходимостью должен превратиться в деньги. Вскрыв сущность денег и разлив их научную теорию, Маркс научно обосновал принципиальную невозможность «рабочих денег». Только выявив качественное своеобразие труда, создающего стоимость, Маркс сумел дать ответ на вопрос, что такое деньги.

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс, раскрыв сущность денег, создал тем самым теоретическую основу для анализа их функций и дал принципиально новое решение этой проблемы. Классики буржуазной политической экономии рассматривали сущность денег через конкретные формы их проявления в отдельных функциях. Однако объяснение функций денег на основе их внутренней сущности у них отсутствовало. Исследование денег как результата развития стоимости, как ее формы дало Марксу возможность рассмотреть функции денег как проявление их внутренней сущности. Маркс дает анализ противоречивого единства трех основных функций денег (меры стоимости, средства обращения и накопления), особо уделяя внимание двум первым. Функции денег как меры стоимости и средства обращения представляют собой непосредственные формы выражения их сущности. Обе функции вырастают

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 116.

из сущности денег, они лежат как бы в одной плоскости, в отличие от других функций, которые опосредуются этими двумя.

Анализ основных функций денег дал возможность Марксу показать, каким образом глубинная, сущностная характеристика денег в качестве овеществления общественного, абстрактного труда, в качестве бытия всеобщего рабочего времени проявляется в функциях денег. Деньги как мера стоимости выражают эту сущность идеально только в представлении владельца товара. Как средство обращения они имеют реальное выражение, но поскольку в этой функции деньги выступают в качестве мимолетного посредника, они в конечном итоге заменяются своим символом. И только в функции накопления сущность денег получает реальное бытие как материализация всеобщего богатства, которое в данной функции не может быть заменено никакими символами. Деньги (золото) как всеобщее богатство выступают воплощением всеобщего характера труда, как адекватное выражение общественного абстрактного труда товаропроизводителей.

В рукописи 1857—1858 гг. Марксом не рассматриваются те функции, которые, как он говорит, «совпадают с более сложными экономическими отношениями: кредитным обращением, вексельным курсом и т. д.»¹. Так, указывая на мировые деньги и называя их «мировой монетой», он пишет, что «эта более высокая ступень нас здесь еще не касается, она еще не содержится в том простом отношении, которое мы здесь рассматриваем»². В другом месте, отмечая влияние внешней торговли на стандарт денег, он пишет: «Плодотворное рассмотрение этого вопроса предполагает анализ гораздо более сложных отношений, чем простое денежное отношение»³. Маркс неоднократно подчеркивает, что он рассматривает «простые денежные отношения», «чистую форму экономических отношений»⁴. Он отмечает, что на данной стадии он ограничивается рассмотрением денег, как таковых⁵.

Таким образом, в экономической рукописи 1857—1858 гг. анализ функций денег следует за исследованием проблемы сущности денег, объяснение которой, в свою очередь, опирается на решение проблемы стоимости, ее субстанции — абстрактного труда. Принципиально новый подход к труду, создающему стоимость, явился решающим условием научного анализа и функций денег. Положения о функциях денег, разработанные Марксом в этой рукописи, получили дальнейшее развитие и конкретизацию в первом выпуске «К критике политической экономии» и «Капитале» (1867 г.). Основное различие при анализе проблемы денег между

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 303.

² Там же, ч. I, с. 175.

³ Там же, ч. II, с. 304.

⁴ Маркс рассматривает простое денежное отношение, так как оно есть «наиболее поверхностная (в смысле вытолкнутой на поверхность) и наиболее абстрактная форма всего процесса производства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 304).

⁵ См. там же, с. 426.

рукописью 1857—1858 гг. и «Капиталом» заключается в следующем. В рукописи основное внимание уделено обоснованию *необходимости* денег в условиях товарного производства, *необходимости выведения* денег из стоимости, которое здесь осуществлено пока еще в самой общей форме. В данной рукописи Маркс не исследует еще различия между стоимостью и меновой стоимостью, не анализирует форму стоимости. В «Капитале» же Маркс значительно меньше внимания уделяет обоснованию *необходимости* денег в условиях товарного производства, *необходимости выведения* денег из стоимости. И это не случайно, поскольку, как мы видели, этот вопрос уже был им исчерпывающе решен в рассматриваемой рукописи. Вместе с тем в «Капитале» впервые был дан специальный анализ формы стоимости и тем самым раскрыты все основные посредствующие звенья между стоимостью и деньгами, т. е. осуществлено уже детальное выведение денег из стоимости.

СОЗДАНИЕ МАРКСОМ ТЕОРИИ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ В 40—60-е гг. XIX в.

Классическая политическая экономия в лице У. Петти, Ф. Кенэ, А. Смита, Д. Рикардо, Р. Джонса и ряда других экономистов заложила прочный фундамент для создания марксистской теории земельной ренты. Аналитический метод буржуазной науки позволил им вычленил практически все категории, связанные с генезисом и существованием капиталистической земельной ренты, и тем самым создать необходимые предпосылки для качественно нового шага, сделанного Марксом в теории ренты¹.

Вопросы, связанные с феноменом земельной ренты, волновали Маркса с самого начала его экономических занятий. Все же первое изложение им своих представлений о земельной собственности и ренте в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» хотя и содержит ряд интересных и верных наблюдений, является всего лишь преддверием к научному пониманию экономических проблем, связанных с существованием капиталистической земельной ренты². Превзойти классическую политическую экономию, в том числе и ее теорию ренты, можно было лишь предварительно «пройдя ее школу», т. е. встав первоначально на позиции самой научной для того времени системы теоретических взглядов на капиталистический способ производства.

Поэтому ясно, что анализ развития взглядов Маркса на земельную ренту следует начинать с «Нищеты философии», где, по словам самого Маркса, он выступал как последователь Рикардо, теория которого представляла собой вершину в развитии классической политической экономии³.

¹ О развитии буржуазных взглядов на земельную ренту как необходимой ступени для создания Марксом собственной теории ренты см. нашу статью «Вопросы теории земельной ренты в домарксовской экономической науке» (В сб.: Страницы истории марксизма и международного рабочего движения в XIX веке. М., 1979, ч. I, с. 141—180).

² Попытка представить взгляды Маркса на земельную собственность и ренту в «Экономическо-философских рукописях» была предпринята нами в статье «Вопросы теории земельной ренты в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркса» (В сб.: К 160-летию со дня рождения Карла Маркса. М., 1978, с. 20—32).

³ «В своей книге против Прудона... я еще полностью разделял теорию ренты Рикардо» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 324).

Проделав к моменту написания «Нищеты философии» большой объем работы по уяснению теоретических взглядов Рикардо¹, Маркс в этой работе выступает с критикой позиции Прудона в защиту учения английского экономиста, который научно отразил буржуазную экономику в теоретической системе, построенной на едином принципе стоимости. «Теория стоимости Рикардо есть научное истолкование современной экономической жизни... Рикардо устанавливает истинность своей формулы, выводя ее из всех экономических отношений и объясняя с ее помощью все явления, даже те, которые на первый взгляд кажутся ей противоречащими, как, например, рента... именно это и делает из его теории научную систему»².

Прочитывая необходимые места из Прудона о происхождении ренты, ее сущности и ее роли в конструировании прудоновского «равного владения», Маркс пункт за пунктом показывает несостоятельность прудоновского изложения учения Рикардо о ренте, его непонимание природы *капиталистической* земельной ренты. Прудон, следуя устоявшейся традиции в изложении теории ренты, выводил ее существование с допотопных времен. Маркс подчеркивает, что речь у Рикардо идет о капиталистической, или, по терминологии Рикардо, о коммерческой ренте. В этой связи Маркс указывает на общую ошибку буржуазных экономистов, которой не избежал и Рикардо, — представление капиталистических отношений естественными, природными, т. е. соответствующими внутренней природе человека и человеческого общества. «Предположив буржуазное производство как необходимое условие существования ренты, Рикардо тем не менее применяет свое понятие о ренте к земельной собственности всех времен и народов. Это — общее заблуждение всех экономистов, которые выдают отношения буржуазного производства за вечные категории»³. Вместе с тем Маркс в целом воспроизводит рикардовское объяснение роста земельной ренты в процессе перехода к использованию худших земель в связи с ростом народонаселения. Если в «Нищете философии» Маркс лишь упоминает об этой взаимосвязи, лежащей в основе теории Мальтуса, то в рукописи о Листе он более

¹ Уже в наброске критики работы немецкого экономиста Ф. Листа, написанном осенью 1845 г., Маркс придерживается теории ренты Рикардо. Мы специально не останавливаемся на этой незавершенной работе Маркса, так как, во-первых, почти не сохранился раздел рукописи с критическим разбором взглядов Листа на ренту. Во-вторых, положительное изложение теории ренты Рикардо в рукописи о Листе практически совпадает с ее изложением в «Нищете философии». Те фрагменты рукописи, которые дополняют картину взглядов Маркса на ренту в этот период, мы приведем при разборе «Нищеты философии».

² Маркс К., *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 86.

³ Там же, с. 173.

подробно освещает действие этого механизма. Маркс вскрывает реальное содержание экономических отношений, извращенных Мальтусом в его законе, который в искаженном виде отражал одну из специфических черт капитализма. В феодальном обществе промышленное производство было подчинено земледелию и во многом — как, например, в домашнем ткачестве крестьян — еще не отделилось от него. Крестьянское и ремесленное хозяйство, община и цех являлись замкнутыми экономическими ячейками натурального хозяйства, которые регулировали свое производство и воспроизводство в постоянно заданных масштабах. Эта регламентация касалась как продукта труда работников, так и их самих. Иначе обстоит дело при капиталистической организации общественного производства. «В самой сущности современной фабричной промышленности заложена, во-первых, тенденция отчуждать промышленность от отечественной почвы, поскольку эта промышленность обрабатывает главным образом сырье, ввозимое из-за границы, и опирается на внешнюю торговлю. В ее сущности заложена тенденция вызывать рост населения в таком масштабе, которому не соответствует использование земли в условиях частной собственности»¹.

Непонимание Прудонем теории ренты Рикардо, в известной мере вытекавшее из положения в мелком парцелированном сельском хозяйстве Франции, обнаруживается и в том, что он земельному собственнику противопоставляет абстрактного землепашца. Маркс, конкретно подходя к проблеме, показывает, что у Рикардо речь идет о капиталистическом предпринимателе. Вместе с тем качественное изменение ренты отражает определенные исторические процессы превращения феодального арендатора в капиталистического предпринимателя. «С тех пор как земельная собственность конституировалась в качестве источника ренты, — отмечает Маркс в «Нищете философии», — землевладелец получает в свою пользу лишь излишек сверх издержек производства, определяемых не только заработной платой, но также и предпринимательской прибылью»².

Маркс подверг подробному разбору положение Прудона о ренте как проценте за «никогда не уничтожающийся капитал», вследствие ограниченности которого земельной ренте в отличие от процента в промышленном производстве *присуща* тенденция к постоянному росту. Маркс вслед за Рикардо подчеркивает отличие «ренты самой по себе» от процента. В связи с этим Маркс развивает свое понимание экономического плодородия почвы, которое учитывается при установлении нижней границы земельной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 254. Маркс пока не раскрывает, почему именно невозможно в условиях частной собственности обеспечить растущее население продовольствием без стремительного роста цен и земельной ренты. Лишь последующие его исследования наполнили конкретным содержанием эту правильную по существу гипотезу.

² Там же, т. 4, с. 172.

ренты¹. Признавая верным закон ренты Рикардо, Маркс в это время разделяет взгляды Рикардо и по вопросу о жесткой одно-сторонней связи величины ренты с прогрессом земледелия. Если Прудон, хотя и в путаной форме, признавал возможность роста ренты в связи с «улучшением обработки земли», то Маркс считает, что прогресс в земледелии ведет лишь к уменьшению — хотя бы и временному — земельной ренты. «Эти улучшения не только не поднимают ренту, как утверждает г-н Прудон, но составляют, наоборот, временные препятствия к ее повышению»².

Небезынтересен тот факт, что Маркс, который в это время придерживался закона убывающего плодородия почвы как одной из предпосылок теории ренты Рикардо³, одновременно в полемике с Прудоном приводит ряд фактов о быстром развитии естествознания и перевороте на основе его достижений в представлениях о возможностях роста плодородия земли. «Рента не может служить и постоянным показателем степени плодородия данного участка земли, так как современное применение химии беспрестанно меняет природу почвы, а геологические знания начинают именно в настоящее время опрокидывать все старые оценки сравнительного плодородия»⁴. Маркс пока не осознает, что это положение противоречит закону убывающего плодородия почвы. Необходимо было определенное время для осмысления противоречий теории ренты Рикардо, уяснения ее недостаточности, и лишь с этого момента факты, накопленные на эмпирическом уровне познания предмета и противоречившие общепринятой теории, могли послужить толчком для начала преодоления этой теории.

НАЧАЛО ПРЕОДОЛЕНИЯ ТЕОРИИ ЗЕМЕЛЬНОЙ
РЕНТЫ Д. РИКАРДО: ЭКСЦЕРПТЫ 1851—1853 гг.
ОТРАЖЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РУКОПИСИ 1857—1858 гг.

Бурные революционные события 1848—1849 гг. на время прервали экономические занятия Маркса. Лишь с переездом в Лондон в конце 1850 г. Маркс снова приступает к своим исследованиям в области политической экономии. Уяснив для себя ограниченность экономической теории Рикардо, несоответствие ее реальным фактам развития капиталистической экономики и неспо-

¹ Нельзя не отметить здесь того факта, что Маркс в этом вопросе опирался на работы своих предшественников. Приводимый им пример с изнашиванием основного капитала в сельском хозяйстве и его историческая иллюстрация совпадают с аналогичными высказываниями Сисмонди в его «Новых началах политической экономии» (ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 176—177; Сисмонди С. де. Новые начала политической экономии: В 2-х т. М., 1937, т. 1, с. 279—280).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 177.

³ См. там же, с. 170—171.

⁴ Там же, с. 175.

способность последователей английского экономиста увязать теорию с практическими данными, Маркс приступает к генеральному критическому пересмотру всей буржуазной политической экономии. В период с конца 1850 по середину 1853 г. он прочел огромное количество экономической литературы. В ходе изучения материала им были заполнены 24 эксерптные тетради, отразившие не только картину развития экономической науки почти за двести лет, но и тот круг вопросов, который занимал его в этот период наибольшей степени. Значительное место в этих тетрадях занимают выписки по проблеме земельной собственности и земельной ренты. К этому же периоду относятся несколько писем Маркса, в которых он затрагивает ряд вопросов теории земельной ренты. Наибольший интерес из них представляют три письма, являющиеся как бы вехами в его исследованиях проблемы земельной ренты в этот период. Первое письмо — к Ф. Энгельсу от 7 января 1851 г., где Маркс впервые критически подходит к теоретическим предпосылкам учения Рикардо о ренте, и два письма к А. Клуссу от 5 и 18 октября 1853 г., которые подытоживают исследования, отраженные в эксерптных тетрадях.

В нашей литературе высказывалось мнение о том, что уже в письме к Энгельсу содержится опровержение теории ренты Рикардо и обоснование Марксом собственной теории дифференциальной ренты¹. При этом под созданием собственной теории подразумевается обоснование Марксом возможности роста земельной ренты и при постоянно прогрессирующем развитии земледелия. Постараемся выяснить, соответствует ли данное утверждение материалам, содержащимся в Лондонских эксерптных тетрадях предшествующего периода, самому Марксу и, что не менее важно, дальнейшему ходу исследований Маркса в 1851—53 гг., нашедших отражение в письмах к А. Клуссу.

Прежде всего встает вопрос, каким образом Маркс подошел к идее об ошибочности теории ренты Рикардо, так как в «Нищете философии», как мы видели, Маркс в основном разделяет точку зрения Рикардо; какими фактическими и теоретическими источниками он пользовался при этом.

Непосредственным толчком для изложенных в письме к Энгельсу выводов, как нам представляется, послужило опубликованное в журнале «Economist» небольшое письмо анонимного автора². В этом письме, исходя из факта падения цен на пшеницу в период с 1815 по 1847 г. и одновременного повышения земельной ренты, выдвигалась идея о возможности роста ренты одновременно с ростом производительности земледелия: «Тридцать бушелей

¹ См.: Тушунов А. В. Вопросы аграрной теории. М., 1976, с. 39.

² Нельзя согласиться с мнением Г. Йеруцель (ГДР), что письмо Маркса Энгельсу 7 января было обобщением выписок из работ английского экономиста Джейкоба в IV эксерптной тетради (*Yeruzel G. Die Entstehung und Entwicklung der marx'schen Grundrententheorie bis zum Jahre 1863. Halle, 1974, S. 84* (диссертация)).

по 5 шиллингов с акра на земле, подвергшейся дренажу, приносят ренты на 10 шиллингов больше, чем двадцать бушелей с акра по 7 шиллингов, на земле, не подвергавшейся дренажу»¹. Именно это письмо явилось основой для осознания Марксом в качестве научной проблемы необходимости доказательства несовместимости закона земельной ренты, отразившего рост ренты в процессе развития капиталистического способа производства в XIX в., с законом убывающего плодородия почвы Мальтуса.

Изложив в письме исторические факты, противоречащие теории ренты Рикардо, Маркс следующим образом формулирует задачу своих *последующих* исследований. «Главной задачей остается согласовать закон ренты с прогрессом производительности земледелия вообще; только таким образом можно будет объяснить исторические факты, а с другой стороны, *опрокинуть теорию Мальтуса об ухудшении* не только рабочих рук, но также и *земли*»². Выдвижение подобной экономической гипотезы было, несомненно, шагом вперед, но это ни в коей мере не означало создания собственной теории ренты. Для этого нужно было объяснить процесс постоянного повышения цен на пшеницу и рост ренты в период с середины XVIII в. по 1815 г. не простым переходом к возделыванию менее плодородных земель, как это делал Рикардо, т. е. чисто природными трудностями производства, а действительными экономическими явлениями этого периода. С другой стороны, на повестку дня встал вопрос о понятии плодородия, его естественнонаучном объяснении с позиций созданной уже к этому времени науки о земле. Здесь же знаний Марксу явно не хватало. Не случайно поэтому, что в рассматриваемом письме, говоря о влиянии научно-технического прогресса на изменение плодородия почвы, Маркс не идет дальше общих положений, высказанных им уже в «Нищете философии»: «Несомненно, что с прогрессом цивилизации в обработку вовлекаются все худшие земли. Но столь же несомненно и то, что в силу прогресса науки и промышленности эти худшие земли относительно хороши по сравнению с теми, которые прежде считались хорошими»³.

Маркса, конечно, не могли удовлетворить в качестве обоснования нового взгляда на закон ренты такого рода общие рассуждения. Поэтому в течение 1851 г. он тщательно изучает различного рода материалы. По своей направленности его выписки можно сгруппировать по трем направлениям: во-первых, история земельной собственности и земельной ренты в предшествующие эпохи; во-вторых, факты об изменении цен на продукты сельского хозяйства и размера земельной ренты в различные периоды английской истории; в-третьих, обосновывается возможность роста земельной

¹ The Economist, 1850, Dec. 14, p. 1379. Маркс законспектировал это письмо в V Лондонской тетради (MEGA, Abt. IV, Bd. 7, S. 358).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 149—150 (курсив наш.— М. Т.).

³ Там же, с. 149.

ренты при увеличении производительности земледелия, выясняется ложность одной из предпосылок теории ренты Рикардо — ее связь с законом убывающего плодородия почвы. Помимо чисто политико-экономических трактатов и различного рода статистических источников Маркс интенсивно изучает работы естествоиспытателей, которые в своих произведениях дали научно обоснованную картину возможности значительного роста плодородия почвы.

Уже в марте — апреле 1851 г. Маркс ищет у Рикардо подтверждения своей гипотезы. Заново конспектируя его работу «Начала политической экономии», Маркс отмечает те места, где речь идет о росте земельной ренты как следствии роста плодородия, превращения процента на вложенный в землю капитал в ренту, как только улучшения, сделанные арендатором, переходят к земельному собственнику по истечении срока арендного договора¹. Он выписывает замечания о влиянии роста производительных сил на цены сельскохозяйственных продуктов и на величину ренты. В конспекте работы Р. Джонса «Опыт о распределении богатства и об источнике налогов. Часть I: Рента» Маркс, наряду с подробными выписками о природе земельной ренты в докапиталистических формациях, сделал ряд записей об идеях этого английского экономиста, который показал возможность роста земельной ренты с увеличением вложений капитала в обрабатываемые земли².

Но главное слово в вопросе о законе убывающего плодородия почвы оставалось за естествознанием. Подводя итоги своим изысканиям в этой области, Маркс сообщает Энгельсу 13 октября 1851 г., что он усиленно изучает «агрономию, чтобы получить хоть некоторое представление об этой пакости»³. В XII, XIII и XIV экскурптивных тетрадах (июль — сентябрь 1851 г.) содержатся конспекты трудов по агрохимии, главным образом двух авторов: родоначальника агрохимии как науки немецкого ученого Юстуса Либиха и английского естествоиспытателя Джемса Джонстона.

Помимо заполнения пробелов своего образования по части естествознания (чему посвящена добрая половина этих конспектов) Маркса интересовали в работах агрохимиков вопросы, непосредственно связанные с практикой ведения сельскохозяйственного производства. В конспекте книги Либиха он отмечает его оценки результатов капиталистического ведения земледелия, нерациональность и хищнический характер агрикультуры капиталистических фермеров. Убывающая плодородность почв, как следует из приводимых Либихом свидетельств, ни в коей мере не является результатом «природного» закона, а является следствием системы капиталистического земледелия, приводящего к истощению почв. Выписав пример Либиха об истощении почв в Виргинии, Маркс особо выделил мысль немецкого агрохимика о том,

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 99.

² ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 453, л. 80—81.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 321.

что в таком же плачевном состоянии *«находятся вообще все культурные земли в Европе»*¹.

Изучение работ виднейших агрохимиков позволило Марксу не только научно аргументировать свой вывод о возможности значительного роста производительности земледелия и тем самым опровергнуть закон убывающего плодородия почвы, но и показать, что данный «закон» является отражением одной из сторон реальной практики капиталистического земледелия, ведущего к истощению земли.

С другой стороны, изучение агрохимии и практики капиталистического земледелия, как мелкого, так и крупного, позволило Марксу сделать уже в это время научно обоснованный вывод о неизбежности и необходимости перехода после победы пролетарской революции к крупномасштабному земледелию, ведущемуся на научной основе. «Чем больше я занимаюсь этой дрянью, тем больше убеждаюсь,— писал Маркс Энгельсу 14 августа 1851 г.,— что преобразование земледелия, а следовательно, и основанного на нем собственнического свиноводства, должно стать альфой и омегой будущего переворота. Иначе — прав окажется папаша Мальтус»².

В результате своих исследований Маркс мог уже более критически оценить теорию ренты Рикардо. В октябре 1853 г. А. Клусс попросил его высказать свое мнение о критике американским экономистом Кэри учения Рикардо о ренте. В своих письмах Клуссу от 5 и 18 октября Маркс, как и раньше в «Нищете философии», основное внимание уделяет выяснению верных положений у Рикардо и лишь после этого поясняет в самой общей форме то новое, что он получил в процессе своей работы за этот период, и ставит вопрос о преодолении теории Рикардо на подлинно научной основе.

Маркс подчеркивает, что Кэри абсолютно не понял теории ренты Рикардо, раз предполагает, что ее основу составляет положение о постепенном переходе к худшим землям. В основе теории Рикардо лежит закон рыночной конкуренции, который регулирует цену продуктов земледелия худшими условиями производства, говорит Маркс, и эта теория правильна лишь для исторически определенного периода в развитии общественного производства — для полностью развитого буржуазного общества, в котором отсутствуют все прошлые формы производства, в частности натуральное крестьянское хозяйство. К развитому капиталистическому производству в земледелии, которое, по существу, рассматривал Рикардо, «не имеет никакого отношения утверждение, что в *различные* исторические эпохи последовательно возделывались не худшие, а лучшие земли»³.

Опираясь на выводы агрохимии, Маркс раскрывает здесь понятие плодородия почвы, его относительный характер и его пря-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 485, л. 2.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 281.

³ Там же, т. 50, с. 419.

мую зависимость от развития науки, иллюстрируя это положение конкретными материалами, почерпнутыми из работ по агрохимии. «В качестве факта, имеющего общее значение, могу указать на то, что повсюду в средние века, особенно в Германии, возделывались преимущественно *тяжелые суглинистые почвы*, как по *своей природе* более плодородные. Но в течение последних 4—5 десятилетий, благодаря разведению картофеля, овцеводству и связанному с этим внесению удобрений и т. д., на первый план выдвинулись *легкие песчаные почвы*, тем более что они не требуют расходов на дренаж и т. д.; с другой стороны, химические удобрения легко восполняют то, чего в этих почвах не хватает»¹. Вместе с тем Маркс подчеркивает, что относительный характер плодородия не устраняет для капиталистического производства положения Рикардо о зависимости величины ренты, или, как пишет Маркс, *уровня ренты*, от естественного плодородия. Если даны земли с равновеликими капиталами и одинаковыми условиями для сбыта, то земельная рента будет зависеть исключительно от естественного плодородия. И в таком случае переход к обработке худших земель опосредован ростом цен на сельскохозяйственную продукцию. «Следовательно, *издержки производства худших земель определяют ренту с лучших*. (Это — закон Рикардо)»².

Маркс далее в абстрактной форме показывает несостоятельность закона убывающего плодородия почвы как теоретической предпосылки закона ренты. Рост плодородия лишь изменил величину ренты и мог бы устранить прежнюю базу — земли с самыми худшими условиями производства, издержки производства которых определяли ренту. В связи с этим Маркс здесь в общих чертах намечает правильный путь создания научной теории ренты: «Из чего возникает рента? Не из земли, как полагает Рикардо, а из *рыночной цены* и законов, которые ее регулируют... Следовательно, чтобы опрокинуть ренту, следует не филантропически ее интерпретировать, а опрокинуть законы *рыночной цены* и тем самым цены вообще, то есть всю систему буржуазной политической экономии»³.

Следующий этап в разработке Марксом вопросов теории земельной ренты как раз и связан с решением общих проблем политической экономии: созданием теории стоимости и прибавочной стоимости. Подход Маркса к проблеме земельной ренты в эконо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 50, с. 425.

² Там же, с. 420. На этот момент в теории ренты Маркс обратил внимание еще в своем конспекте «Начал» в 1851 г.: «Таким образом, здесь Рикардо признает, что сперва повышается *цена*, а затем менее плодородная земля вовлекается в обработку и что вовлечение этой земли в обработку зависит от повышения цены» (там же, т. 44, с. 95).

³ Там же, с. 421. Вместе с тем из содержания рассматриваемых писем видно, что Маркс еще не осознал недостаточность теории Рикардо в плане отрицания абсолютной ренты: «Если бы плодородие земли повысилось до такой степени, что достаточно было бы обрабатывать лишь I, наилучшую землю, то рента *совсем исчезла бы*» (там же, с. 420).

мической рукописи 1857—1858 гг. во многом определялся его первоначальным планом большого экономического исследования, в ходе реализации которого в первую очередь должен был быть рассмотрен «капитал вообще», т. е. те производственные отношения, которые определяют капитализм как особую общественно-экономическую формацию¹. Поэтому он касается там теории земельной ренты лишь попутно, в связи с общим ходом исследования, опираясь при этом на свои изыскания 1851—1853 гг. Вместе с тем выделение самой существенной стороны капиталистического способа производства — процесса производства прибавочной стоимости, рассмотрение стоимости как основы буржуазной экономики позволило ему также конкретизировать свои выводы о месте и роли земельной собственности и земельной ренты при капитализме и в докапиталистических формациях. Именно анализ стоимости и процесса капиталистического производства позволил Марксу определить четкие политико-экономические границы в истории эксплуататорских обществ. Маркс показал, что в основе буржуазного общества лежит производство стоимости, тогда как в предшествующие эпохи главную роль играла потребительная стоимость, производство ради непосредственного потребления. Для последнего типа производства характерна тесная связь непосредственного производителя с природными факторами производства, и в первую очередь с основным средством производства — землей. Отсюда огромная, главенствующая роль земельной собственности в докапиталистических формациях. «Так как меновая стоимость здесь играет лишь побочную роль, — писал в этой связи Маркс, — по сравнению с потребительной стоимостью, то в качестве реального базиса такого общества выступает не капитал, а отношение земельной собственности»².

При господстве земельной собственности на первое место выступали не общественные, а природные связи. Подобные отношения соответствуют низкому уровню развития производительных сил общества, когда природный фактор — земля — непосредственно представлял большую часть средств производства и был основным источником жизненных средств. С развитием же производительных сил общества капитал разрывает эти узкие природные связи и придает им все более общественный характер. Исторически капитал выступает в форме денежного богатства нового буржуазного общества в противовес старой форме богатства — земельной собственности феодального общества. Развитие капиталистических отношений ведет к тому, что в сельском хозяйстве — основной опоре феодализма — меняется способ производства: на место натурального хозяйства крестьянина, который выменивал лишь излишек

¹ «Я рассматриваю систему буржуазной экономики, — писал Маркс в предисловии к «К критике политической экономии», — в следующем порядке: капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 5).

² Там же, т. 46, ч. I, с. 199.

своего продукта, встает товарное хозяйство капиталистического фермера, работающего всецело на рынок. Маркс отмечает также, что при этом «подверглись разложению все соответствовавшие ему старые отношения народонаселения и производства, все старые экономические отношения»¹. Это выразилось, с одной стороны, в устранении всех прежних отношений крепостничества, мелкой аренды и т. д., т. е. в создании свободного от средств производства непосредственного производителя. Это «свойство» земельной собственности — отделение рабочего от земли как чуждой ему собственности — есть продукт капитала и постоянно им воспроизводится как предпосылка его существования. Ссылаясь на теорию колонизации английского экономиста Уэйкфилда, Маркс показывает значение этой предпосылки для капиталистического способа производства: задача земельной собственности состоит в том, чтобы не допустить наемных рабочих к земле. Это значение земельной собственности как предпосылки существования капитализма ясно обнаруживается в колониях, где наличие свободных земель подрывает базу капитала — эксплуатацию наемного труда. «Если кое-где в Америке, — писал Маркс, — наемный рабочий еще может быстро достигнуть чего-то, то это происходит вследствие воспроизводства прежних способов производства и форм собственности (например, независимого крестьянства) на основе капитала»².

С другой стороны, на месте старой феодальной собственности возникает новая, капиталистическая. Земельного собственника интересует теперь доход не в его натуральной форме, а в форме его денежного эквивалента. В капиталистическом обществе владельца земли интересует не земельная собственность, как таковая, а возможность ее экономической реализации — земельная рента. «Как по своей природе, так и исторически капитал есть *создатель* современной земельной собственности, земельной ренты; поэтому его действие выступает также и как разложение старой формы земельной собственности»³. Вместе с тем анализ капитала как господствующего отношения в буржуазном обществе и прибавочной стоимости как основной формы прибавочного труда рабочих уже позволил Марксу определить земельную ренту как производную форму прибавочной стоимости.

В этот период Маркс еще не подошел к пониманию проблемы абсолютной ренты, по существу, он отрицает ее. Это являлось следствием его тогдашнего понимания действия закона земельной ренты. Маркс связывает существование земельной ренты только с действием общих законов капиталистического производства. В земледелии они проявляются таким образом, что избыточная прибавочная стоимость, создаваемая на лучших участках земли, попадает в карман земельного собственника. Вопрос об абсолютной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46. ч. I, с. 205.

² Там же, ч. II, с. 74.

³ Там же, ч. I, с. 226—227.

земельной ренте как следствии низкого органического строения капитала в земледелии и монополии земельной собственности остается вне поля зрения Маркса: «Норма прибавочной стоимости, понимаемой в смысле прибыли, определяется 1) величиной самой прибавочной стоимости, 2) отношением живого труда к накопленному... Необходимо отдельно исследовать обе причины, определяющие первый и второй. Например, закон ренты относится к первому пункту»¹. Нетрудно заметить, что подобный подход связан с неразработанностью проблемы цены производства, т. е. отсутствием более конкретного анализа капиталистического способа производства. Но и абстрактное рассмотрение предмета — на уровне анализа прибавочной стоимости — позволило Марксу сделать целый ряд шагов в направлении создания собственной теории земельной ренты. Одной из главных ошибок Рикардо, как показывает Маркс в данной рукописи, являлось то, что увеличение стоимости, а вместе с тем и прибавочной стоимости связывалось у него, во-первых, с ростом трудности производства продукта в земледелии и, во-вторых, с абсолютным увеличением численности рабочего класса. Опираясь на свои исследования в области агрохимии, Маркс показывает неправильность первого постулата Рикардо. Рикардо ошибочно полагает, «что производительная сила труда растет в промышленности вместе с накоплением капитала, но уменьшается в земледелии. Из политической экономии он перебегает к органической химии... Но что физиологический постулат Рикардо, выраженный как всеобщий закон, ложен, — это доказала современная химия»².

С другой стороны, Маркс показывает, что Рикардо здесь полностью игнорировал влияние роста производительных сил на величину прибавочной стоимости. Открытие неоднозначности понятий прибавочной стоимости и прибыли опрокинуло утверждение Рикардо о падении нормы прибыли как результате роста земельной ренты. В следующем месте Маркс убедительно показывает ошибочность хода рассуждений своего предшественника: «Рикардо видел тенденцию к понижению нормы прибыли при увеличении капитала; и так как он смешивал прибыль с прибавочной стоимостью, он должен был заставить заработную плату возрастать, чтобы объяснить понижение прибыли. Но так как он одновременно видел, что реальная заработная плата скорее уменьшалась, чем увеличивалась, он заставил возрастать ее стоимость, т. е. количество необходимого труда, не заставляя возрастать потребительную стоимость заработной платы. Поэтому у него фактически возрастает только земельная рента»³.

Рикардо исходил при этом из отставания сельского хозяйства от промышленности, придав ему абсолютный характер вечного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 332.

² Там же, с. 268.

³ Там же, с. 270—271.

закона. Маркс, напротив, вскрывает объективные корни этого отставания и его исторически преходящий характер. В связи с рассмотрением различия рабочего периода и времени производства Маркс подчеркивает, что для сельского хозяйства эти два понятия не совпадают, что, в свою очередь, не безразлично для величины авансированного капитала и скорости его оборота. Поэтому буржуа на первых ступенях своего развития избегал сельского хозяйства как сферы приложения капитала. Следовательно, капиталистические отношения в земледелии развиваются в полном объеме лишь на довольно высокой ступени развития капиталистического способа производства. Вместе с тем механика как научная основа фабричного производства была уже достаточно развита; тогда как собственно научные основы сельского хозяйства — естественные науки еще только делали свои первые шаги¹. Это также оказывало влияние на органическое строение капитала в сельском хозяйстве в сторону увеличения живого труда по отношению к овеществленному.

Таким образом, Маркс уже вплотную подошел к решению тех проблем земельной ренты, которые были слабым пунктом в теории дифференциальной ренты Рикардо. Но для окончательного разрешения этих сложных вопросов необходим был конкретный анализ прибыли и цены производства, а также всего круга связанных с ними производственных отношений. Само рассмотрение взаимосвязи прибыли и земельной ренты предполагалось Марксом в специальном исследовании земельной собственности. Подобное исследование было возможно лишь после анализа «действительного капитала», «действительного процесса капитала, процесса, который выступает как взаимодействие капиталов и всех остальных, определяемых капиталом, отношений производства и обмена»².

РЕШАЮЩИЙ ЭТАП В РАЗРАБОТКЕ МАРКСОМ
СОБСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РУКОПИСЬ 1861—1863 гг.

Приступив к подготовке второго выпуска «К критике политической экономии» для печати, Маркс первоначально не собирался специально рассматривать в этой части своей работы вопросы теории земельной ренты. Но необходимость — в историко-критическом разделе выпуска, в «Теориях прибавочной стоимости» — дать критику буржуазных представлений о ренте побудила его обратиться к работе К. Родбертуса «Социальные письма к фон Кирхману. Письмо третье: Опровержение учения Рикардо о земельной ренте и обоснование новой теории ренты». Критический разбор этой книги привел Маркса к исследованию решения проб-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 266.

² Там же, с. 155.

лемы земельной ренты не только Родбертусом, но и другими буржуазными экономистами и к обоснованию своей собственной теории ренты. Предпосылки для этого — как мы пытались показать выше — уже были подготовлены. Работа Родбертуса послужила как удобным поводом, так и удачным объектом для критики, побудила Маркса к изложению его собственных взглядов на земельную ренту.

Как бы подытоживая результаты своих прежних исследований, Маркс в начале главы о Родбертусе воспроизводит в концентрированном и систематизированном виде выводы и положения, касающиеся теории ренты, которые были разрозненными вкраплениями в ткань анализа капитала вообще. Вывод об отставании земледелия от промышленности при капитализме объяснял более низкое органическое строение капитала в земледелии, откуда следовало, что в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью затрачивается больше живого труда по отношению к овеществленному. Вследствие этого в земледелии, даже с учетом всех противодействующих обстоятельств, имеет место более высокая норма прибавочной стоимости. Сам факт существования избыточной прибавочной стоимости, следовательно большей нормы прибыли в земледелии, должен привести — при наличии монополии земельной собственности — к тому, что «эта добавочная прибыль, вместо того чтобы войти в процесс выравнивания общей нормы прибыли, консолидировалась бы и доставалась бы земельному собственнику»¹. Но каким образом может этот излишек прибавочной стоимости превратиться в земельную ренту, что позволяет ему избежать участи остальных частей прибавочной стоимости — попасть в «общий котел» средней нормы прибыли? Вопрос о возможности земельной (абсолютной) ренты свелся тем самым к выяснению действия общих законов капиталистического способа производства. На примере Родбертуса Маркс как раз и показывает несостоятельность представлений буржуазной политической экономии о процессе образования средней нормы прибыли и цены производства и ее неспособность объяснить на этой основе природу абсолютной ренты.

Классическая политическая экономия представляла дело таким образом, что конкуренция капиталов, выравнивая норму прибыли, ведет тем самым к продаже товаров по их стоимости. Маркс указывает на ошибочность этого представления. Различие в органическом строении капитала и другие конкретные факторы в различных сферах производства, пишет Маркс, напротив, должны были бы натолкнуть буржуазных экономистов на мысль, что «конкуренция устанавливает общую норму прибыли как раз тем путем, что превращает стоимости товаров в средние цены, в которых часть прибавочной стоимости одного товара перенесена на другой товар»². Следовательно, действительный процесс капита-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 12.

² Там же, с. 21.

листического производства осуществляется таким образом, что при образовании общей нормы прибыли и цены производства среди различных отраслей экономики должны существовать и такие, в которых произведенная стоимость будет больше, нежели общая цена производства. В таком случае вопрос о возможности земельной ренты сводится к следующему: существуют ли в данной отрасли, например в земледелии, такие факторы, которые могли бы воспрепятствовать действию конкуренции, т. е. не давали бы стоимости ее продуктов понизиться до цены производства. Маркс в абстрактной форме делает вывод о том, что собственность на природные условия производства, без которых невозможен процесс производства в этих сферах, как раз и является фактором, препятствующим выравниванию стоимости в цену производства. Монополия земельной собственности ведет к тому, что полученный избыток прибавочной стоимости переходит в карман собственника земли. «Это объясняет современную земельную ренту, ее существование»¹.

Здесь следует заметить, что в начале своего анализа Маркс отождествляет земельную ренту вообще и абсолютную ренту. На наш взгляд, это было неизбежно на данной ступени абстрактного исследования. Процесс формирования дифференциальной ренты на основе закона стоимости был в общем показан Рикардо, тогда как проблема абсолютной ренты оставалась открытой. Поскольку существование данного вида ренты отрицалось многими экономистами, Маркс неизбежно должен был — при развитии собственных взглядов на ренту — уделять наибольшее внимание именно этому виду ренты². Но поскольку абсолютная рента есть разница между стоимостью и ценой производства и поскольку земельная рента вообще и абсолютная рента рассматриваются как тождественные понятия, то первоначальное определение общего понятия земельной ренты неизбежно принимает вид избытка стоимости над ценой производства продукта.

Подчеркивая значение земельной собственности для существования земельной ренты, Маркс вместе с тем показывает ненаучность критики Родбертусом и другими экономистами ряда исходных предпосылок теории ренты Рикардо. Их представления во

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 37.

² По горячим следам только что законченного исследования Маркс писал Энгельсу 9 августа 1862 г.: «Единственное, что я должен теоретически доказать, это возможность абсолютной ренты без нарушения закона стоимости. Это тот пункт, вокруг которого вертится теоретический спор со времени физиократов и до наших дней» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 225). Анализ земельной ренты Маркс предполагал уже в это время включить в качестве главы-вставки в раздел, трактующий проблемы действительного движения капитала, как «иллюстрацию» к открытому им различию стоимости и цены производства (см. там же, т. 26, ч. I, с. 425). В связи с этим Маркс на заключительной стадии работы над рукописью 1861—1863 гг. делает множество замечаний, относящихся к истории развития взглядов на земельную собственность и трактовки земельной ренты в работах буржуазных экономистов (см. там же, т. 48, с. 104, 470).

многим опирались на докапиталистические отношения в странах, где земельный собственник оставался главной фигурой в земледелии. Для подобной экономической структуры буржуазные отношения являлись всего лишь надстройкой. В этой связи Маркс подчеркивает правильность позиции Рикардо при объяснении земельной ренты, когда последний исходит из условий развитого капиталистического способа производства. С одной стороны, здесь земельный собственник не является необходимым агентом капиталистического производства. С другой — само земледелие ведется капиталистически: все элементы производства входят в него как товары. Это опять-таки предполагает, что сельскохозяйственным производством занимается капиталистический фермер, тогда как земельному собственнику отводится роль получателя дохода. Владелец земли присваивает часть прибавочной стоимости лишь благодаря правовому отношению собственности. «Из самой сущности капиталистического способа производства — в отличие от феодального, античного и т. д. — проистекает то, что те классы, которые непосредственно участвуют в производстве, а следовательно, являются и непосредственными участниками в дележе произведенной стоимости... что эти классы сводятся к капиталистам и наемным рабочим и что здесь исключается земельный собственник, появляющийся лишь *post festum*, вследствие тех отношений собственности на силы природы, которые *не выросли* из капиталистического способа производства, а *унаследованы* им»¹.

Унаследованный капитализмом феодальная земельная собственность видоизменяется таким образом, что не мешает капиталистическому ведению сельского хозяйства, но препятствует — применительно к земледелию — действию внутренних законов капиталистического способа производства, регулированию производства исключительно прибылью. Она является причиной того, что продукты земледелия продаются по стоимости, а не по ценам производства. Здесь обнаруживается экономическое, т. е. связанное с процессом капиталистического производства, значение земельной собственности. В этой связи Маркс и говорит, что абсолютная рента — разница между стоимостью и ценой производства — является адекватным выражением этого «свойства» земельной собственности².

В процессе разработки теории абсолютной ренты Маркс рассматривает помимо взглядов Родбертуса два других подхода буржуазных экономистов к проблеме взаимосвязи земельной соб-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 163. В самом начале рукописи 1861—1863 гг., при анализе превращения денег в капитал, Маркс замечает: «Легко понять, что если существуют такие классы, которые не принимают участия в производстве товаров и тем не менее обладают товарами или деньгами... то это означает, что они владеют определенной долей товаров без обмена, посредством не подлежащих здесь дальнейшему объяснению юридических или же насильственных актов» (там же, т. 47, с. 8).

² См. там же, т. 26, ч. II, с. 363.

ственности и ренты. Первая группа экономистов — Бьюкенен, Гопкинс и, до некоторой степени, Смит — выводили абсолютную ренту из продажи продукции земледелия выше ее стоимости, что вытекало у них из монопольного положения земельной собственности. Вторая — Рикардо и его сторонники — отрицали особое экономическое значение земельной собственности, ее способность быть «создателем» стоимости в форме ренты. Маркс показывает, что при всей кажущейся противоположности эти два направления сходятся в обосновании своих конечных положений. Чтобы объяснить продажу сельскохозяйственных продуктов постоянно выше их стоимости, постоянное несоответствие спроса и предложения, первая группа экономистов исходит из предположения, что раз «*добавочное предложение* стоит большего количества труда, то земледелие становится менее производительным». Здесь их воззрения совпадают с теорией Рикардо. С другой стороны, земельная рента у Рикардо есть результат действия закона рыночной стоимости — продажи всей массы продукции данной сферы производства по единой цене. И в этом пункте теория Рикардо совпадает с первой, так как «здесь цена продуктов, приносящих ренту, есть *монопольная цена*, но это та же монополия, которая встречается во всех сферах производства и которая лишь в данной сфере фиксируется и поэтому принимает отличную от сверхприбыли форму ренты»¹. Маркс в своей теории преодолевает ограниченность этих суждений, в основе которых лежит в конечном счете отождествление стоимости и цены производства².

Маркс не собирался при исследовании общих определений капитала специально заниматься анализом земельной собственности. Земельная рента, как отмечалось, рассматривалась им лишь под углом зрения развития общего понятия капитала, как специфическая форма прибавочной стоимости. Но по ходу исследования капиталистической земельной ренты он делает ряд замечаний, которые выходят за эти общие рамки и которые являются, как нам кажется, переходом, согласно задуманному им плану создания большого экономического исследования — «плану шести книг», ко второй книге, специально трактующей вопрос о земельной собственности. Так, в частности, Маркс указывал на необходимость в дальнейшем анализа различных форм аграрных отношений и перехода от одних к другим³, а также более конкретно рассмотренного влияния на общий закон ренты усложняющих моментов: местоположения земель и дополнительных вложений

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 174—175.

² Дальнейшее развитие вопроса о монополии в капиталистическом сельском хозяйстве принадлежало В. И. Ленину. Полемизируя с Булгаковым и другими противниками марксизма, Ленин развивает и конкретизирует положение Маркса; он показывает, что различные отношения, порождающие дифференциальную и абсолютную ренту, выражаются соответственно в монополии на землю как на объект хозяйства и в монополии частной земельной собственности.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 36.

капитала в один и тот же участок земли. Специальный характер носят также его замечания о соотношении земельной ренты, получаемой с главного растительного продукта, т. е. пшеницы, и с других сельскохозяйственных продуктов. Материальную основу регулирующей роли ренты с производства растительной пищи — собственно хлеба — составляет тот факт, подтверждаемый и фактическими данными буржуазных экономистов, что хлеб является основной пищей подавляющей части населения. «Само существование капиталистического производства предполагает, что главным элементом жизненных средств является растительная пища, а не животная»¹. В крупном скотоводстве, которое при существующем в нем относительно высоком органическом строении капитала не давало бы ренты, в рыночную цену продукта входит как конституирующий элемент земельная рента, которую могла бы давать данная земля, если бы она использовалась для выращивания хлеба. С другой стороны, использование худших земель под другие сельскохозяйственные культуры и для ведения скотоводства объясняет наличие ренты и «на такой земле, на которой хлеб не дает ренты»².

В связи с проблемой анализа капитала в наиболее «поверхностных» формах его проявления Маркс рассматривает также земельную ренту как один из видов дохода. Он неоднократно возвращается в рукописи 1861—1863 гг. к мысли, что открытие закона дифференциальной ренты возможно было — как это показывал пример Андерсона и Мальтуса — и без понимания природы стоимости, просто из факта продажи продукции данной отрасли по единой рыночной цене. В связи с этим Маркс подвергает критическому разбору теорию ренты Мальтуса, пытавшегося дать цельную картину происхождения и природы земельной ренты. Начав с природной производительности сельскохозяйственного труда, без которой невозможно существование прибавочного продукта, Мальтус сразу же перепрыгивает к капиталистической действительности, чтобы показать, за счет чего происходит из-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 324.

² Там же, ч. III, с. 542. Оценивая значение одной работы конца XVIII в., Маркс писал: «Следующее сочинение важно для истории теории ренты. Хотя Андерсон открыл теорию дифференциальной ренты, он был далек от того, чтобы объяснить ею рост цены хлеба и [вообще] продовольствия. Здесь, в ниженазванном сочинении, впервые дается такое объяснение в отличие от всех предыдущих сочинений. Во всяком случае автор обычно рассматривает ренту как одну из статей издержек производства и, в частности, объясняет подорожание мяса отчасти огораживанием общинной земли, вследствие чего большее число арендаторов уже не откармливало, как прежде, свой скот, не выплачивая за это ренты. То обстоятельство, что рента рассматривается непосредственно не как следствие, а как причина удорожания скота и т. д., соответствует не только теории Смита, но и теории ренты Рикардо... так как смитовская теория... относительно цен на все прочие [кроме хлеба] продукты земледелия, определяемых хлебными ценами, вообще никем не оспаривалась и даже не разбиралась» (там же, т. 48, с. 487—488).

быток — рента земельных собственников. Вся его конструкция держится на предположении, что с «развитием цивилизации» происходит падение нормы прибыли вследствие перехода к возделыванию худших земель и одновременного падения заработной платы вследствие роста населения, согласного работать за меньшее количество жизненных средств. Таким образом, по мнению Мальтуса, происходит понижение издержек производства. С другой стороны, он заставляет расти стоимость продукта — в его понимании то количество труда, которым можно распорядиться. Вместе с тем он трактует ренту физиократически — как природный дар. Вскрыв ненаучные предпосылки теории Мальтуса, непонимание им влияния производительности труда на величину стоимости, а также взаимосвязи заработной платы и прибыли, Маркс заключает: «Здесь в этой мальтусовской нелепости, согласно которой издержки производства понижаются, а стоимость продукта повышается, обнаруживается, что он не понял теорию дифференциальной ренты»¹.

Еще дальше по пути запутывания проблемы ренты пошла последующая буржуазная политическая экономия. Маркс подробно прослеживает, каким образом в теориях вульгарных экономистов завершается абсолютизация формы земельной ренты, которая полностью отрывается от ее содержания — от добавочной прибыли и в конечном счете стоимости, а ее источником признается земля (природа). Наиболее извращенный характер земельная рента принимает тогда, когда она отрывается от реальной связи с функционирующим в производстве капиталом и с прибылью как той основой, на которой она вырастает, когда она исчисляется не на капитал, а на определенное количество земли. Здесь теряется связь с внутренними процессами капиталистического производства, и земельная рента растет или падает по видимости только из-за улучшения или ухудшения самой почвы безотносительно к затратам капитала. Маркс показывает, что причиной этого представления являются действительные процессы обособления различных частей вновь созданной стоимости в самостоятельные источники дохода. Обособление конкретных форм прибавочной стоимости превращает антагонизм отношения рабочих — капиталист в его полную противоположность — в «гармонию интересов», так как сами агенты капиталистического производства противостоят здесь друг другу как совершенно безразличные и посторонние лица. Их различные доходы проистекают из совершенно разных источников: земельная рента из земли, заработная плата из труда, прибыль из капитала, следовательно, «они не находятся друг с другом во враждебной связи, ибо вообще не находятся ни в какой внутренней связи»².

Эта кажущаяся самостоятельность, подчеркивает Маркс, отра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 467.

² Там же, т. 26, ч. III, с. 529.

жает реальные процессы капиталистического производства, когда его результаты — различные формы прибавочной стоимости — становятся его предпосылками. Для обыденного сознания капиталиста и для практики его хозяйствования они являются таковыми и в действительности, так как земельная рента выступает для него как авансированная им часть его издержек производства. Земельная рента является для него ценой земли, которую он точно так же покупает на рынке, как и все другие товары, входящие в процесс производства в качестве его элементов. Затупеванный и совершенно извращенный характер этого отношения, когда земля, не являющаяся продуктом труда, имеет цену и как бы обладает стоимостью, не бросается здесь в глаза. Для вульгарного экономиста, для которого скрыты все посредствующие звенья анализа процесса производства и обращения капитала и который исходит из этих окостенелых форм прибавочной стоимости, совершенно «очевидно», что каждая ее часть происходит из особого источника, базирующегося на совершенно различных вещественных элементах. Эта видимость заключается в том, что «приносящий ренту капитал приносит ренту только как земледельческий капитал, только как капитал в особой сфере, т. е. приносящий ренту капитал выступает в такой форме, которая *переносится с него на тот элемент, который отличает его от промышленного капитала вообще*»¹. В связи с рассмотрением доходов и их источников Маркс завершает в основном критическое преодоление буржуазных теорий ренты, показывает, что как верные, так и ошибочные представления буржуазных экономистов о земельной ренте связаны с отражением различных уровней капиталистического производства и социально обусловленной ограниченностью буржуазного мышления.

Важное место в рукописи 1861—1863 гг. занимает вопрос о земельной ренте вообще. Анализируя определение ренты Д. Рикардо, Маркс вскрывает его ограниченный характер и показывает, что эта ограниченность является следствием отрицания Рикардо особого экономического значения земельной собственности. Наиболее отчетливо проявилось это в тех случаях, когда необходимо было объяснить ренту за использование таких факторов производства, на которые не было затрачено человеческого труда, где самый факт существования ренты указывает на ее связь с ее необходимым условием — земельной собственностью. Рикардо в этих случаях — когда рента уплачивается владельцу девственных лесов или каменоломен, — по существу, отходит от трудовой теории стоимости. Показав несостоятельность позиции Рикардо в данном вопросе, Маркс дает наиболее общую характеристику категории земельной ренты вообще: «*Рента это — цена, уплачиваемая собственнику сил природы или просто продуктов природы за право пользования этими силами или за право присвоения (шутем прило-*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 547.

жения труда) этих продуктов»¹. Подчеркивая экономическое значение земельной собственности, это определение вместе с тем наиболее абстрактно: его можно отнести, с определенными оговорками, к любой исторической форме земельной ренты. Поэтому Маркс дает и более конкретное определение ренты, учитывающее специфику капиталистического способа производства, определение ее как формы добавочной прибыли: «Особую характерную форму прибавочной стоимости в буржуазной системе рента образует лишь постольку, поскольку она есть избыток над прибылью (общей)»².

Исходя из этих определений, Маркс в ходе своего дальнейшего исследования устанавливает различие между двумя основными видами капиталистической земельной ренты — абсолютной и дифференциальной. Вначале — при абстрактной постановке вопроса о возможности существования абсолютной ренты как специфической формы дохода — Маркс не давал самостоятельной характеристики дифференциальной ренты как специфической формы добавочной прибыли при капитализме. Она еще не имела самостоятельного значения для исследования земельной ренты, поэтому она определялась только как *разница в величине* земельной ренты. При этом Маркс указывал на противоположность своих взглядов позиции Рикардо об экономической роли земельной собственности: на основе теории цены производства получает «свое объяснение *существование земельной ренты*, в то время как Рикардо объясняет только *существование различных земельных рент* и фактически лишает *земельную собственность* всякого *экономического значения*»³.

В ходе дальнейшего исследования Маркс впервые намечает принципиально новое решение проблемы дифференциальной ренты на основе анализа внутриотраслевой конкуренции и образования рыночной стоимости. Показывая отличие земледелия от промышленности в отношении формирования прибыли в этих отраслях, Маркс подчеркивает, что единственное различие здесь заключается в *фиксированности* добавочной прибыли в земледелии, так как она покоится на данном природой базисе. Но эта добавочная прибыль образуется не благодаря природному плодородию земли, а вследствие общественного закона рыночной конкуренции, на основе которого средние условия производства определяют рыночную стоимость продукта данной отрасли и, следовательно, образуют добавочную прибыль при производстве той части продукта отрасли, индивидуальная стоимость которого лежит ниже этого среднего уровня. (Маркс при постановке проблемы рыночной стоимости в рукописи 1861—1863 гг. не анализирует подробно понятие средних условий производства.) В связи с этим Маркс указывает на различную роль природных факторов при образовании абсолютной и дифференциальной ренты и показывает, что она обусловлена

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 268.

² Там же, с. 23.

³ Там же, с. 96.

двумя различными процессами в движении общественного капитала: процессом образования рыночной стоимости и процессом образования единой цены производства. Земля в земледелии составляет физическую основу, главный предмет и средство производственной деятельности капиталистического фермера, поэтому земельная рента равна здесь избытку *стоимости* продукта, создаваемого на земле, над ценой производства этого продукта. Если же какой-либо природный элемент входит в процесс производства, но в него не вкладывается капитал, то в этом случае земельная рента «состоит только в избытке *общей* средней цены этого продукта над его *собственной средней ценой*»¹.

В связи со сказанным следует заметить, что хотя Маркс в экономической рукописи 1861—1863 гг. и исходит при обосновании своей теории земельной ренты из цены производства и рыночной стоимости, эти категории и соответствующие им производственные отношения не являются здесь самостоятельными объектами исследования, их рассмотрение необходимо лишь для решения проблемы земельной ренты. В самом деле, цена производства, ее отличие от стоимости товара исследуются здесь Марксом на примере земельной ренты; конкретный же механизм образования рыночной стоимости рассматривается Марксом опять-таки в связи с земельной рентой, применительно к земледелию и добывающей промышленности. При этом главной для Маркса продолжает оставаться задача объяснения конкретных явлений в движении нормы и массы земельной ренты на основе закона стоимости. Не случайно, рассматривая ошибки Рикардо и Родбертуса в обосновании роста нормы ренты, Маркс противопоставляет им свои выводы, которые охватывают более широкий круг комбинаций различных условий капиталистического производства, связанных с образованием нормы и массы земельной ренты. Практически в этой части рукописи Маркс впервые *конкретно исследует* земельную ренту, в отличие от предыдущего ее рассмотрения на уровне абстрактных понятий.

При анализе формирования рыночной стоимости и земельной ренты Маркс предполагает, что земля находится в руках земельных собственников, полностью оторванных от непосредственного процесса производства, а органическое строение капитала в данной отрасли принимается одинаковым для всех ее участников. Но это общее для данной отрасли производства органическое строение капитала ниже, чем в среднем для всей экономики, что находит свое выражение в величине общей цены производства. Различная производительность шахт (или земельных участков) определяется их различной природной продуктивностью. Маркс анализирует главные варианты регулирования рыночной стоимости

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 132. С точки зрения права «лендлорд обладает в земельной собственности (для абсолютной ренты) и в природном различии разрядов земли (дифференциальная рента) такой привилегией, которая дает ему возможность класть в карман часть этого прибавочного труда или прибавочной стоимости» (там же, с. 360).

продукта при условии действия общего закона ренты, т. е. при наличии частной земельной собственности.

Приступая к исследованию проблемы, Маркс делает общее замечание, что норма абсолютной ренты не зависит от различных уровней продуктивности земли. Ошибка Рикардо, который отрицал теоретически возможность абсолютной ренты, заключалась в том, что он рассматривал земельную собственность как факт, не имеющий значения для анализа ренты. Но, как показывает Маркс, анализируя условный пример, когда предполагается одинаковое плодородие всей земли и, согласно Рикардо, не может быть ренты, низкое органическое строение капитала в земледелии при наличии монополии земельной собственности должно привести к образованию земельной ренты. С другой стороны, здесь отпадает и предпосылка Рикардо об убывающей производительности земли как необходимом условии существования ренты. Независимо от того, совершается ли переход в обработке земли по восходящей или нисходящей линии, первый из обрабатываемых разрядов сразу должен приносить абсолютную ренту.

Анализируя исходную ситуацию образования дифференциальной ренты, Маркс указывает на одностороннее понимание Рикардо процесса формирования рыночной стоимости. Один из *возможных* случаев, когда рыночная стоимость равна индивидуальной стоимости продукта I разряда с худшими условиями производства и когда остальные разряды дают такое количество хлеба, которое покрывает лишь добавочный спрос, Рикардо объявляет *всеобщим* случаем. «Закон,— писал Маркс,— в силу которого *рыночная стоимость* не может быть *выше* индивидуальной *стоимости* продукта, произведенного при *наихудших условиях производства*, но составляющего часть необходимого предложения, Рикардо перетолковывает в том смысле, что рыночная стоимость не может упасть *ниже* стоимости этого продукта, т. е. всегда должна определяться ею»¹. В абсолютизации данного положения обнаруживается недостаточность метода исследования Рикардо. Сведение всего многообразия комбинаций к одному-единственному случаю хотя и позволило увязать земельную ренту с законом стоимости, однако не давало возможности до конца правильно решить проблему земельной ренты. Здесь, как и во всей системе Рикардо, проявляется односторонний характер аналитического метода — непосредственное подведение более развитых отношений (в данном случае земельной ренты) к их всеобщей основе — понятию стоимости. Преодолеть ограниченный характер рассмотрения ренты у Рикардо Маркс смог лишь путем предварительного выведения из стоимости цены производства и рыночной стоимости.

Анализ других ситуаций позволяет Марксу сделать вывод, что при увеличении предложения хлеба и с вовлечением в обработку лучших земель возможен и прямо противоположный случай, когда

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 294.

владельцы лучших земель, чтобы протолкнуть на рынок весь свой продукт, понижают рыночную цену, а тем самым и рыночную стоимость. В этом случае, как отмечает Маркс, был бы прав русский экономист А. Шторх, считавший, что рента с лучших участков определяет ренту с менее плодородной земли. В условиях, когда продажная цена такова, что рыночная стоимость лишь покрывает цену производства на худших по условиям производства разрядах, последние не платят ренты. Подчеркивая общественный характер закона, регулирующего рыночную стоимость, Маркс вместе с тем показывает и его связь с природной основой. Отсутствие ренты в данном разряде обуславливается: 1) относительным неплотородием данного разряда земли, которая, будь она немного более плодородной, могла бы давать ренту; 2) абсолютным плодородием разрядов с лучшими условиями производства — будь они менее плодородны, рыночная стоимость была бы выше и, следовательно, превышала бы цену производства на худших участках, что позволило бы им платить ренту. Тем самым Маркс устранил односторонний характер рассмотрения влияния плодородия почвы на земельную ренту; для ее существования важна как абсолютная производительность земли (на чем строил свою теорию земельной ренты А. Смит), так и относительное плодородие, лежавшее в основе теории ренты Рикардо.

Подводя итоги рассмотрению различных комбинаций формирования рыночной стоимости, Маркс вновь подчеркивает значение низкого органического строения капитала для объяснения абсолютной ренты в земледелии. В связи с этим он рассматривает общее строение капитала в сельском хозяйстве и промышленности. Приводимый им условный пример отражал реальную структуру издержек производства применительно к условиям тогдашней Англии: соотношение 80 с + 20 v соответствовало строению капитала в наиболее развитой в техническом отношении отрасли английской промышленности — хлопчатобумажной. С введением машин и применением удобрений быстро приближался по своему строению к 60 с + 40 v земледельческий капитал¹. При анализе различия в органическом строении капитала Маркс развивает свое понимание исторических границ существования абсолютной ренты. Так как отставание земледелия от промышленности есть всего лишь *исторический* факт, связанный со спецификой развития материальной и научной базы промышленности и сельского хозяйства, то оно может в конце концов исчезнуть даже при сохранении частной собственности на землю².

Вместе с тем Маркс показывает, что само по себе более низкое органическое строение капитала в земледелии не обеспечивает земельному собственнику абсолютную ренту при всех комбинациях производственных отношений. Закон рыночной стоимости не

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 220—222.

² См. там же, т. 26, ч. II, с. 263—264.

зависит от земельной собственности. Поэтому в вышеприведенном примере, когда земельная рента должна исчезнуть на худшей земле (здесь Маркс рассматривает земельную ренту в собственном смысле слова, т. е. как избыток над средней прибылью) и ее обработка может принести лишь цену производства, возделывать ее может лишь тот фермер, который сам является земельным собственником. Здесь земельная собственность для владельца земли не служила бы специфической преградой для приложения капитала¹.

Хотя Маркс и не анализирует специально в этой рукописи дифференциальную ренту II, процесс ее образования в общем виде был, конечно, для него ясен. С добавочными вложениями капитала в тот же самый участок Маркс связывает и второй случай отпадения земельной собственности как преграды для применения капитала: в течение срока действия арендного договора фермер является фактическим земельным собственником и поэтому земельная собственность не мешает применению капитала².

Наконец, в рукописи 1861—1863 гг. Маркс показывает также несостоятельность *фактических* предпосылок теории земельной ренты Рикардо. Свой вывод о том, что земельная собственность не оказывает влияния на определение стоимости сельскохозяйственных продуктов, Рикардо иллюстрирует положением дел в колониях. Но Маркс показывает, что реальные отношения в колониях таковы, что, во-первых, большинство фермеров, ведущих зерновое хозяйство, по своему социальному положению являются крестьянами, которые ведут производство не капиталистическое, а натуральное. Наличие свободных земель также препятствует земельной собственности проявить свою экономическую силу³. Во-вторых, там, где ведется собственно капиталистическое товарное производство — на плантациях по выращиванию табака и хлопка, земельный собственник и капиталист соединены в одном лице. Поэтому земельная собственность также не препятствует здесь вложению капиталов и действию закона конкуренции, сводящего стоимости к ценам производства. Таким образом, ошибка Рикардо проистекает из того, что для объяснения ренты он берет такие примеры, когда земельная собственность юридически или фактически отсутствует.

С признанием одной только дифференциальной ренты как нормального случая ренты для капитализма связана и другая ошибка Рикардо — суждение о невозможности увеличения цены хлеба вследствие существования земельной ренты. Действительно, раз признается только дифференциальная рента, а рыночная стоимость регулируется худшими условиями производства, то рента не может оказывать влияния на цену продукта. Но в данном случае Рикардо, по существу, также предполагает отсутствие земельной

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 332.

² См. там же, с. 367.

³ См. там же, с. 329.

собственности. Раз земельная собственность налицо, то она приводит к повышению цены хлеба, так что он продается по своей стоимости, которая превышает его цену производства. Исходя из этих положений, Маркс делает вывод, что с устранением частной земельной собственности понизилась бы цена продукции сельского хозяйства.

Маркс показывает также ограниченный характер понимания Рикардо возможных улучшений в земледелии и их влияния на величину ренты. Последний рассматривает эту проблему только применительно к дифференциальной ренте, оставляя в стороне главный вопрос: происходит ли в результате роста агрикультуры изменение в органическом строении капитала. С непониманием Рикардо значения различий в уровнях органического строения капитала в промышленности и земледелии связано его объяснение роста нормы земельной ренты абсолютным ухудшением почвы. Общественное явление роста ренты вследствие относительно менее быстрого роста производительности земледелия Рикардо вынужден был выводить из природного «закона» убывающего плодородия. Опираясь на свои занятия агрохимией в 1851—1853 гг., Маркс показывает отвлеченно-абстрактный характер понимания категории «худших условий производства» у Рикардо. Маркс подчеркивает относительный характер данной категории, ее исторически преходящую, а не абсолютную применимость, зависимость ее «наполнения» от уровня развития производительных сил, в том числе и научных знаний о химическом составе почвы и его изменении путем механической обработки и внесения удобрений.

Научный подход Маркса к категории «худшие земли» дал ему возможность конкретно показать те экономические процессы, которые привели к значительному росту ренты в XIX в., причем Маркс указывал, что излишняя абстрактность анализа Рикардо не позволила ему реализовать даже те научные достижения, которые были к этому времени получены наукой, в частности понимание различия и единства естественного и искусственного плодородия. Рассматривая тот же реальный факт — вовлечение на рубеже XVIII—XIX столетий в обработку большого количества ранее не возделывавшихся земель, Маркс показал относительность отнесения последних к «худшим землям»: «Вновь обрабатываемая земля может быть столь же плодородной, как старая, и даже более плодородной, чем была эта последняя *до тех пор, пока* в ней не накопилась *культура столетий*. Но что требуется от повои земли — для того чтобы она продавала свой продукт по цене *не более дорогой*, — так это то, чтобы ее плодородие равнялось сумме, *во-первых*, естественного плодородия обработанной почвы, и, *во-вторых*, ее *искусственного*, созданного культурой, но теперь *ставшего естественным, плодородия*»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 148—149.

Всесторонний анализ земельной ренты, рассмотрение ее существования через призму рыночной стоимости и цены производства позволили Марксу указать еще на один существенный недостаток взглядов Рикардо. Стремясь объяснить тенденцию нормы прибыли к понижению, Рикардо, по существу, исходил при этом из тождества стоимости и прибавочной стоимости, с одной стороны, и цены производства и прибыли — с другой. Принимая во внимание факт снижения реальной заработной платы, феномен падения нормы прибыли при этих предпосылках мог быть объяснен лишь ростом земельной ренты. Отсюда попытки Рикардо связать выводы теории с фактическими данными, которые, по-видимости, объясняли указанное явление. Как показывает Маркс, Рикардо, по существу, исходил из ошибочного представления о том, что прибыль арендатора на худшей земле, не дающей ренты, регулирует общую норму прибыли. Маркс подчеркивает историческую и теоретическую несостоятельность этого тезиса: «Верно только то, что на наихудшей земле, приносящей прибыль, но не ренту, и продающей свой продукт по цене издержек, *проявляется*, явственно выступает средняя норма прибыли, но отнюдь не верно, что средняя прибыль этим *регулируется*, что означало бы нечто совсем другое»¹.

Маркс указывает в этой связи на господствующее положение промышленности при капиталистическом способе производства, которое определяет и главенствующую роль промышленной прибыли как регулятора капиталистического производства. Образование средней нормы прибыли, а вместе с ней и цены производства есть имманентный закон капитализма. Средняя норма прибыли и цена производства образуют предпосылку для ведения капиталистического земледелия, они навязываются ему как база отсчета земельной ренты. Специфическое свойство земледелия, обусловленное земельной собственностью — продажа земледельческой продукции выше цены производства, т. е. по стоимости, выступает производным моментом как в истории развития капиталистических отношений, так и в теории. Капиталистическая земельная рента выступает поэтому как избыток над средней прибылью, как форма прибавочной прибыли.

Таким образом, рассмотрение земельной ренты в экономической рукописи 1861—1863 гг. представляло, по существу, создание Марксом собственной теории ренты, причем здесь ярко проявился процесс *исследования* предмета: Маркс неоднократно возвращается к тому или иному вопросу, рассматривает его под тем или иным углом зрения, «расчленяет» свое рассмотрение взглядов на ренту предшествующих экономистов на собственно критический анализ и на выяснение и подчеркивание положительных сторон их теорий. Рассмотрение земельной ренты дается на двух уровнях: анализ общих определений, выяснение общих предпосылок существования земельной ренты вообще, с одной стороны, конкретный

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 519.

анализ общей величины ренты — с другой. Отсюда вытекали задачи для последующего этапа развития теории ренты. Необходимо было на основе анализа капитала, процессов его производства и обращения — этого господствующего производственного отношения буржуазного общества — дать более конкретное рассмотрение земельной ренты как превращенной формы добавочной прибыли; диалектически расчленив само исследование земельной ренты, представить ее как определенную подсистему категорий, отражающих специфику производственных отношений в капиталистическом сельском хозяйстве. Все это было возможно сделать лишь на основе создания теоретической системы «Капитала» в целом.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ В РУКОПИСИ 1864—1865 гг.¹

Анализ превращения добавочной прибыли в ренту в рукописи 1864—1865 гг. явился завершающим этапом в создании Марксом собственной теории ренты. Капиталистическая земельная рента рассматривается им в систематизированном виде. Развитие и конкретизация Марксом взглядов на ренту в этот период становятся понятны на фоне дальнейшего развития всей теории капиталистического способа производства. Земельная рента появляется на довольно высокой ступени конкретизации анализа, когда рассматриваются такие превращения капитала, которые «шаг за шагом приближаются... к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства»².

Анализируя ренту как превращенную форму добавочной прибыли, Маркс отмечает ряд методологических особенностей подобного исследования этой категории. В отличие от Рикардо, который непосредственно выводил земельную ренту из стоимости, Маркс показывает объективную необходимость рассмотрения ее на более конкретном уровне. Во-первых, земельную ренту нельзя непосредственно выводить из прибавочной стоимости, а тем более из условий существования прибавочного продукта вообще. Маркс критикует вульгарную политическую экономию за возвращение к первоначальным представлениям о естественных условиях существования прибавочного труда и прибавочного продукта, за пережевывание физиократических представлений о природном происхождении ренты, а также за отождествление земельной ренты и процен-

¹ Экономическая рукопись 1864—1865 гг. послужила для Энгельса основой для выпущенного им III тома «Капитала». Раздел о земельной ренте, за немногим исключением, полностью вошел в окончательный текст этого тома. Поэтому все ссылки на данную рукопись мы даем по тексту III тома «Капитала».

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 29.

та. Уже классики выделили ренту как специфическую часть и особую форму прибавочной стоимости, поэтому, замечает Маркс, необходимо «объяснить избыток земледельческой прибыли над средней прибылью, объяснить не прибавочную стоимость, а свойственную этой сфере производства избыточную прибавочную стоимость, следовательно, опять-таки не «чистый продукт», а избыток этого чистого продукта над чистым продуктом других отраслей производства»¹. Предпосылкой для выяснения этой специфики земельной ренты служит весь предшествующий анализ и, более конкретно, исследование средней прибыли, цены производства, рыночной стоимости и соответствующего им круга экономических отношений, в процессе которого впервые рассматривается и добавочная прибыль — эта субстанция земельной ренты².

Во-вторых, Маркс выясняет историческую специфику земельной собственности при капитализме. Уже в предшествующий период были в общем выяснены место и роль земельного собственника в буржуазном обществе. В рукописи 1864—1865 гг. дается в сжатой форме все основное, что необходимо для конкретного анализа земельной ренты. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве ведет к тому, что в какой бы юридической форме ни выступала земельная собственность, она имеет при этом единое экономическое содержание. При капитализме земельная рента выступает как экономическая форма реализации земельной собственности. Саму же земельную собственность Маркс определяет как правовое отношение, как нахождение в руках определенных лиц участков земли. Но сама по себе эта юридическая власть не создает ренты. Появление земельной ренты обусловлено определенными экономическими отношениями, которые связаны с приложением капитала к земле. Их-то Маркс и исследует. Но вместе с тем капиталистическая земельная собственность порождает ряд затемняющих этот анализ явлений, которые, с одной стороны, противоречат понятию и природе земельной ренты, но с другой — в реальной действительности выступают как формы ее проявления: все то, что уплачивает арендатор за право пользоваться землей, выступает как земельная рента. Однако в его арендную плату, о чем уже писали Маркс и его предшественники, могут входить элементы, отличные от собственно земельной ренты³.

Наконец, важное место в анализе земельной ренты должна была занимать проблема возрастания доли земельных собственников в стоимости сельскохозяйственных товаров в XIX в. Маркс ставит перед собой задачу показать, на чем основана эта специ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 345.

² См. там же, ч. I, с. 217—218.

³ См. там же, ч. II, с. 175. О специфике анализа капиталистической земельной ренты как выражении частной земельной собственности у Маркса см.: Шкредов В. П. Социалистическая земельная собственность. М., 1967, с. 3—23; Он же. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М., 1973, с. 127—134.

фическая сила земельной собственности, какие экономические процессы стоят за ростом ренты и как они модифицируются конкретными явлениями, лежащими за рамками собственно экономических отношений.

Содержание и порядок изложения теории земельной ренты в этой рукописи неразрывно связаны с предшествующими исследованиями. Маркс прежде всего отмечает отличие своего подхода к проблеме ренты от подхода буржуазных экономистов. Он подробно рассматривает специфическое влияние земельной собственности на процесс ценообразования в тех отраслях производства, где одним из важнейших условий производства выступает земля. Поэтому вначале он излагает свое решение проблемы абсолютной ренты, где земельная собственность «сама создает ренту». Иллюстрацией силы земельной собственности служит также примыкающий к анализу абсолютной земельной ренты раздел о ренте за строительные участки и рудники. Точно так же на примере генезиса капиталистической земельной ренты Маркс прослеживает изменение роли собственности на землю в процессе перехода от феодальных производственных отношений к капиталистическим. Однако, и это надо подчеркнуть, еще до начала изложения своего понимания абсолютной ренты он предполагал, что в окончательном виде в главе о ренте будет сначала изложена теория дифференциальной ренты. Приступая к анализу абсолютной ренты, Маркс делает следующее замечание: «Под b) прежде всего необходимо изложить дифференциальную ренту, и это изложение предполагается при рассмотрении с) (т. е. абсолютной ренты.— М. Т.)»¹. После же завершения анализа дифференциальной ренты II, т. е. в самом конце текста главы о земельной ренте, Маркс набросал план для будущей переработки всего материала о земельной ренте: «Вопросы, по которым нужно исследовать ренту, таковы:

А. Дифференциальная рента.

- 1) Понятие дифференциальной ренты. Иллюстрация данными о силе воды. Переход к собственно земледельческой ренте.
- 2) Дифференциальная рента I, происходящая из различия в плодородии различных земельных участков.
- 3) Дифференциальная рента II, происходящая из последовательной затраты капитала на одной и той же земле. Дифференциальная рента II подлежит исследованию:

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1848, л. 469. Это замечание Маркса ясно показывает, что для него с самого начала была ясна структура этой главы, и вряд ли можно согласиться с утверждением И. Б. Загайтова, что в результате анализа дифференциальной ренты II в этой рукописи «Маркс пересмотрел порядок изложения и поместил главу об абсолютной ренте *после* дифференциальной» (МЭиМО, 1966, № 5, с. 90). Вызывает также сомнения тезис Загайтова о том, что Маркс в этой рукописи совершил «открытие дифференциальной ренты II» (там же, с. 89). Это утверждение совершенно не согласуется со всем предшествующим развитием теории земельной ренты как буржуазными экономистами, так и самим Марксом.

- а) при постоянной,
- б) при убывающей,
- в) при повышающейся цене производства.

И далее

- д) превращение добавочной прибыли в ренту.
- 4) Влияние этой ренты на норму прибыли.

В. Абсолютная рента.

С. Цена земли.

Д. Заключительные замечания о земельной ренте»¹.

В этом плане нашли отражение идеи Маркса о последовательности исследования земельной ренты как экономической формы реализации земельной собственности при капитализме. Он рассматривает ее в процессе диалектического развития, начиная с анализа образования ее субстанции — добавочной прибыли и затем все более приближаясь к поверхностным формам ее проявления — цене земли и арендной плате.

Следует заметить, что в ряде работ, посвященных изложению Марксовой теории земельной ренты, имеют место ошибочные, на наш взгляд, представления о порядке ее рассмотрения; некоторые авторы считают, что необходимо начинать изложение с анализа абсолютной ренты². Между тем при рассмотрении капиталистической земельной ренты в системе категорий и законов политической экономии исходной формой может быть только дифференциальная рента, которая отражает превращение добавочной прибыли в земельную ренту на основе действия внутренне присущих этому способу производства законов (в первую очередь сведение стоимости к цене производства), и лишь потом следует переходить к абсолютной ренте как результату специфического воздействия земельной собственности на механизм капиталистических отношений в сельском хозяйстве³. С другой стороны, рассмотрение земельной ренты порой стремятся вести не в логическом плане, а следуя, хотя бы они того или нет, историческому методу, что приводит к тому, что так или иначе пытаются в исследовании капиталистической земельной ренты включить рассмотрение ее предшественницы — феодальной земельной ренты⁴. У Маркса ничего подобного нет, сначала капиталистическая земельная рента рассматривается им в связи с предшествующим анализом капиталистических отношений, на основе которого только и можно правильно понять ее, и лишь в конце Маркс делает ряд замечаний относительно генезиса капиталистической ренты, процесса постепенного превращения в нее феодальной ренты.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 283.

² См.: Любимов Л. Учение о ренте. М.; Л., 1927, с. 19—20.

³ На необходимость подобного подхода к теории земельной ренты Маркса уже указывалось в нашей литературе. (См.: Козодоев И. И. Земельная рента при капитализме. М., 1956, с. 54; Багагурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса, с. 125).

⁴ См.: Лысов Е. Е. Важнейшие методологические проблемы марксистско-ленинской теории земельной ренты. Куйбышев, 1968, с. 6—7.

Маркс начинает свой анализ с рассмотрения превращения в ренту той формы добавочной прибыли, которая имеет всеобщий характер для капиталистического способа производства. Уже в рукописи 1861—1863 гг. Маркс останавливался на своеобразном характере образования дифференциальной ренты, раскрывал физическую основу этого явления. В рукописи 1864—1865 гг. он развивает соответствующие положения при рассмотрении общего понятия дифференциальной ренты. Маркс показывает, что данная форма добавочной прибыли базируется на всеобщей для капитализма основе: продаже товаров по ценам производства. Эта добавочная прибыль может иметь место в любой отрасли производства, она есть постоянная разница между индивидуальной ценой производства у тех производителей, которые поставлены в более благоприятные условия, и общей ценой производства, регулирующей рынок всей этой отрасли. Но в случае использования какой-либо ограниченной природной силы, например водопада, имеется определенная особенность в дальнейшей судьбе этой добавочной прибыли. В общем случае добавочная прибыль капиталиста, являясь результатом движения самого капитала, постоянно исчезает, конкуренция капиталов приводит к тому, что более совершенный метод производства, благодаря которому получалась эта добавочная прибыль, становится всеобщим и она исчезает. Но в случае с водопадом этого нет. Капиталист не может создать эту естественную силу, не опосредованную человеческим трудом. Добавочная прибыль происходит здесь не из функционирования общественных сил, не из капитала, как такового, а из использования капиталом естественной силы, которая отделена от него земельной собственностью и монополизирована ею. «Поэтому добавочная прибыль, происходящая от этого пользования водопадом, возникает не из капитала, а из применения капиталом этой могущей быть монополизированной и фактически монополизированной естественной силы. При таких обстоятельствах добавочная прибыль превращается в земельную ренту, то есть она достается собственнику водопада»¹.

Такую ренту, которая не принимает участия в образовании общей цены производства, а предполагает ее, Маркс назвал дифференциальной. Но сама по себе земельная собственность не имеет никакого отношения к созданию добавочной прибыли, которая пристокает из общих экономических условий действия капитала. Здесь «земельная собственность — причина не создания этой добавочной прибыли, а ее превращения в форму земельной ренты»². Это сразу обнаружилось бы, как отмечает Маркс, если бы способ производства изменился таким образом, что получение двигательной силы при помощи угля и пара, т. е. в результате затрат труда, давало бы такие преимущества, которые сводили бы на

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 196—197.

² Там же, с. 198.

нет преимущества от использования даровой силы водопада. В этом случае новый способ производства устранил бы добавочную прибыль капиталиста, использовавшего водопад, а тем самым и земельную ренту.

Выяснив общую природу дифференциальной ренты, Маркс переходит к анализу ее конкретных форм. В первую очередь он исследует дифференциальную ренту I, которая образуется при затратах равновеликих капиталов на равных площадях исключительно вследствие различия в плодородии различных участков земли. Маркс в период написания экономической рукописи 1864—1865 гг. вновь обращается к работам по агрохимии, в первую очередь к произведениям Ю. Либиха. Какое значение он придавал агрохимии в обосновании теории дифференциальной ренты, видно из его письма к Энгельсу 13 февраля 1866 г.: «Новая агрономическая химия в Германии, особенно Либих и Шенбейн, для этого дела (для обоснования теории земельной ренты.— *М. Т.*) важнее, чем все экономисты, вместе взятые»¹.

Новое детальное знакомство с работами Либиха позволило Марксу четко сформулировать и обобщить выводы новейшего естествознания о составе почвы и его изменении в результате механического и химического воздействия, о естественном и экономическом плодородии. Эти моменты служили единственно верными и научно обоснованными положениями, опровергающими закон убывающего плодородия, который являлся предпосылкой в теории дифференциальной ренты Рикардо и его последователей². Вместе с тем из работ Либиха Маркс собирался заимствовать ряд конкретных данных об ограниченном характере действия этого «закона». Это видно, в частности, из желания Маркса дать по Либиху иллюстрацию о понижающейся производительности почвы при последовательных вложениях капитала³ и раскрыть, в каком смысле следует понимать эту «понижающуюся производительность». В эксерптной тетради Маркса за 1865 г. содержится небольшой конспект работы Ю. Либиха «Г-н д-р Эмиль Вольф в Готтергейме и агрономическая химия», из которой он выписал фактические данные об уменьшении отдачи, при прочих равных условиях, от внесения удобрений, количество которых возрастало по отношению к выходу дополнительной продукции.

Осмысление развития естествознания как необходимой базы для научной теории ренты позволило Марксу в рукописи 1864—1865 гг. дать объективную оценку исторической обусловленности привлечения закона убывающего плодородия почвы в качестве «естественной основы» для теории ренты Рикардо. Буржуазным экономистам не были известны «естественные причины истощения земли», причины, «которые, впрочем, были неизвестны всем писавшим о дифференциальной ренте экономистам *из-за состояния*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 150.

² См. там же, т. 25, ч. II, с. 202—203.

³ См. там же, с. 302.

агрохимии в их время»¹. Обращает на себя внимание глубокое проникновение Маркса в проблему плодородия в связи с возможным в будущем понижением естественного плодородия земли и компенсацией этого понижения за счет создания общественными производительными силами его искусственного заменителя. «Возможно, что увеличением общественной производительной силы в земледелии лишь компенсируется, или даже не полностью компенсируется, уменьшение естественной силы — эта компенсация во всяком случае может оказывать влияние лишь в течение некоторого времени, — так что, несмотря на технический прогресс, продукт не удешевляется, а лишь предотвращается еще большее его вздорожание»².

Новым моментом в анализе Марксом дифференциальной ренты по плодородию было то, что исследование поднялось на более конкретный уровень. Маркс подчеркивает, что для объяснения многих фактов, связанных с дифференциальной рентой I, недостаточно простого определения ее как разницы между индивидуальной и общей ценой производства на акр земельной площади, важным моментом в конкретном анализе этой формы ренты является выяснение того, «сколько акров каждой категории земли подвергается обработке»³. При исчислении общей суммы ренты, получаемой со всех разрядов земель, и последующего расчета средней ренты на акр всей возделываемой земли исчезает специфика дифференциальной ренты — то, что ее единственным условием является неравенство категорий земли, так как оказывается, что средняя рента на акр соответствует абсолютному, а не относительному плодородию земледелия. Тем самым «рента определяется не отношением дифференциального плодородия, а абсолютным плодородием, и... таким образом закон дифференциальной ренты уничтожается»⁴. При этом забывают о модифицирующей роли учета количественного соотношения всех категорий земель по отношению к простому исчислению ее на акр. Чем большая часть новых земель, поступивших в обработку, относится к разряду лучших, подчеркивает Маркс, тем выше поднимается средняя норма ренты. Если же возрастание возделываемых земель идет за счет участков, не приносящих ренты или дающих небольшую дифференциальную ренту, «несмотря на повышение и даже значительное повышение общей суммы ренты, совершающееся с расширением обрабатываемой площади и увеличением затраты капитала, средняя рента на

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 342 (курсив наш.— М. Т.). Разумеется, понимание Марксом влияния на плодородие почвы тех или иных приемов агрикультуры соответствовало уровню, достигнутому агрохимией в это время, с присущими ей недостатками. В частности, укажем на факт отрицания Марксом вслед за Либихом способности ряда бобовых культур повышать плодородие земли — путем накопления азота — независимо от внесения удобрений.

² Там же, с. 327.

³ Там же, с. 213.

⁴ Там же, с. 220.

акр и средняя норма ренты на капитал понижаются»¹. Этот факт роста нормы ренты за счет использования лучших категорий земли играет еще большую роль в процессе создания дифференциальной ренты II.

Вторая форма дифференциальной ренты связана с более высоким уровнем развития капиталистического способа производства, когда в земледелии на место экстенсивной приходит интенсивная агрикультура, связанная с концентрацией капиталов на ограниченном количестве участков земли. Маркс подчеркивает, что в силу своей собственной природы эта интенсивная агрикультура развивается преимущественно на лучших землях, где имеются наибольшие шансы прибыльного применения добавочных вложений капитала. При этом Маркс ссылается на пример Англии, где после отмены хлебных законов капиталистическое производство пшеницы было сконцентрировано на наиболее плодородных участках земли. Поэтому дифференциальная рента I как результат применения капиталов на землях различного качества является для дифференциальной ренты II основой и исходным пунктом. Общим для них является то, что в конечном итоге дифференциальная рента является результатом различной производительности капиталов, вложенных в землю. «Добавочные прибыли и различные нормы добавочной прибыли с различных частей капитала образуются в обоих случаях одинаково. Рента же есть не что иное, как форма этой добавочной прибыли, образующей ее субстанцию»².

Но уже сам процесс образования добавочной прибыли при последовательных вложениях капитала обнаруживает ряд особенностей. Если при дифференциальной ренте I добавочная прибыль на лучших категориях земли фиксирована во времени и в пространстве, то при дифференциальной ренте II этого не происходит. Добавочные вложения капитала и получаемые при их помощи части продукта не существуют сами по себе: реально *всему* затраченному капиталу соответствует *весь* полученный продукт. Поэтому процесс превращения добавочной прибыли в дифференциальную ренту усложняется тем, что на каждом участке земли индивидуальные цены производства последовательных затрат капитала выравниваются в единую индивидуальную среднюю цену производства. При отсутствии частной земельной собственности это вело бы к тому, что дополнительные вложения капитала могли бы производиться до тех пор, пока индивидуальная средняя цена производства на данном участке не стала бы равной регулирующей общей цене производства на худшем разряде почвы. Но земельная собственность, как показывает Маркс, не допускает тех дополнительных вложений капитала, которые ведут к уменьшению добавочной прибыли, а тем самым и земельной ренты. И хотя, как отмечает Маркс, дифференциальная рента есть всего лишь формальное пре-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 219.

² Там же, с. 227.

вращение добавочной прибыли в ренту, но сужение границ свободного применения капитала в земледелии приводит к тому, что земельная собственность в форме дифференциальной ренты вмешивается в процесс образования цены производства. Общая цена производства гораздо быстрее должна подняться, чтобы обеспечить ставшее необходимым увеличение производства сельскохозяйственного продукта, нежели в том случае, если бы отсутствовала частная земельная собственность.

На основе анализа дифференциальной ренты II Маркс показывает также возможность образования дифференциальной ренты и на худшем участке, который до сих пор выступал как регулятор общей цены производства. Образование ренты было бы возможно здесь в двух случаях. Во-первых, когда дополнительные вложения капитала на следующем по плодородию разряде земли привели бы к тому, что последний продукт, производимый при определенной индивидуальной цене производства, превышающей цену производства на худшем участке, стал бы выполнять функцию общей цены производства. Во-вторых, когда дополнительные затраты имеют место непосредственно на худших землях. В этом случае добавочная прибыль могла бы превратиться в дифференциальную ренту, так как «выравнивание цены производства на земле А по средней цене продукта, получаемого с земли А при увеличении затрат капитала, могла бы задерживаться фиксированием в форме ренты той добавочной прибыли, которая получается от этой увеличенной затраты капитала»¹. Вместе с тем дифференциальная рента с наихудшей из возделываемых земель образует переход к рассмотрению Марксом абсолютной ренты. Земельная собственность здесь до некоторой степени так же создает ренту — фиксируя различные результаты от вложения различных частей капитала в землю, — как и в случае абсолютной ренты. С другой стороны, указанный переход осуществляется и тем, что рента уплачивается здесь со *всех* используемых земель, что также является характерной особенностью абсолютной ренты.

В разделе об абсолютной земельной ренте Маркс обобщает свои идеи о возможности существования этой формы ренты. В начале содержится переход от анализа дифференциальной ренты к абсолютной и постановка проблемы этой формы ренты. Что Маркс именно так понимал первую часть этого раздела, говорит и первая его фраза, опущенная Энгельсом: «Переход от дифференциальной ренты к абсолютной необходимо осуществить следующим образом»²; далее Маркс показывает, что если даже с земли худшего

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 301.

² ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1848, л. 469. Е. Е. Лысов в своей работе делает — на основе анализа первоначальной постановки вопроса об абсолютной ренте у Маркса — вывод о том, что здесь у Маркса помимо абсолютной ренты присутствует некая другая, монополия рента, обусловленная монополией земельной собственности. (См.: Лысов Е. Е. Указ. соч., с. 46, 48). Подобные представления возникают всякий раз, когда авторы пытаются построить некую искусственную конструкцию, игнорируя весь ход Марксова исследования ренты.

качества уплачивается рента, то этим отнюдь не устраняется закон дифференциальной ренты. Именно в том, что абсолютная рента не противоречит дифференциальной, содержится одновременно как постановка проблемы абсолютной ренты, так и переход к ее анализу от предшествующего рассмотрения дифференциальной ренты. Факт существования земельной собственности давал о себе знать уже при рассмотрении дифференциальной ренты — особенно при анализе дифференциальной ренты II, — тем более он обнаруживается в стремлении земельных собственников получить ренту и за использование худших земель. Но сама по себе земельная собственность, как Маркс отмечал уже во вводных замечаниях к главе о ренте, это всего лишь юридическая власть над определенными участками земли, и поэтому она не может создавать земельной ренты для владельца земли¹. Но эта юридическая собственность «наделяет его властью воздерживаться от эксплуатации своей земли до тех пор, пока экономические отношения не сделают возможным такое использование ее, которое принесет ему известный избыток, независимо от того, найдет ли земля применение для собственно земледелия или для иных производственных целей»².

В общей форме проблема абсолютной ренты сводится к следующему: экономические процессы должны привести к такому положению дел, что рыночная цена поднимается выше цены производства на худших землях и с них поэтому может уплачиваться рента. Как подчеркивает Маркс, существо вопроса об этой форме ренты заключается в том, чтобы показать, что она выступает не как надбавка к стоимости товара, что она происходит не из продажи по монополярной цене, как это представлялось Бьюкенену, Гопкинсу и другим буржуазным экономистам, обращавшимся к проблеме абсолютной ренты, т. е. что она — не превышение стоимости земледельческого продукта, а *часть этой стоимости*. Маркс дает *теоретическое* объяснение абсолютной ренты, излагая результаты своего исследования в рукописи 1861—1863 гг., и вновь формулирует вывод о том, что абсолютная рента образуется благодаря более низкому органическому строению капитала в земледелии по сравнению с промышленностью. Он подчеркивает специфическую роль земельной собственности в образовании данной формы ренты, которая препятствует действию имманентных законов капиталистического способа производства, сводящих стоимости товаров к их ценам производства. В земледелии, писал Маркс, «капитал наталкивается на чуждую силу, которую он может преодолеть лишь отчасти или совсем не может преодолеть и которая ограничивает его приложение в особых сферах производства, допускает его лишь на условиях, вполне или отчасти исключающих упомянутое общее выравнивание прибавочной стоимости в сред-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 165.

² Там же, с. 316.

нюю прибыль... в таких сферах благодаря превышению товарной стоимостью цены производства возникает добавочная прибыль, которая может превратиться в ренту и, как таковая, обособиться от прибыли»¹. Тем самым земельная собственность создает земельную ренту.

Уже при рассмотрении абсолютной земельной ренты Маркс констатирует возрастающую способность земельной собственности захватывать часть прибавочной стоимости. Это еще более отчетливо проявляется в ренте за строительные участки, где земельный собственник имеет возможность взвинтить цену до ее монопольного уровня, оставаясь при этом совершенно пассивной фигурой, просто эксплуатируя общественный прогресс. Иллюзия всесильности земельной собственности возрастает при рассмотрении цены земли — этой превращенной формы проявления земельной ренты. В ней особенно ярко выступает специфическая определенность земельной собственности при капитализме. С одной стороны, земля, титул земельной собственности в капиталистическом обществе, фигурирует как всякий другой товар на рынке. Поэтому земельная рента представляется ее получателю процентом на капитал, затраченный им при покупке земли. С другой стороны, возможность получения земельной ренты вытекает из производственных отношений, определяющих формирование ренты как специфической формы прибавочной стоимости. Цена земли выступает как застывшая форма этих отношений. Дело усложняется тем, что цена земли связана непосредственно не только с движением земельной ренты; на нее в равной мере влияет и движение ставки процента. Вместе с тем Маркс подчеркивает тот факт, что капитализации подвергается не только земельная рента, как ее субстанция, но и вся арендная плата. Важным элементом фетишизации производственных отношений, складывающихся в процессе образования ренты является то, что цена земли сама по себе выступает на поверхности капиталистических отношений просто как плата за участок земли. Это представление подкрепляется тем, что на рынке наряду с обработанной землей функцио-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 321. В ходе дискуссии в журнале «Мировая экономика и международные отношения» в 1966—1969 гг. об исторических судьбах абсолютной ренты в современных условиях обнаружилось, что ряд авторов плохо представляют себе, что же, собственно, нового внес Маркс в решение проблемы абсолютной ренты. Ясное и четкое указание Маркса на стоимостной характер источника абсолютной ренты почему-то представлялось как одно из альтернативных решений Марксом вопроса об ее источнике. Так, Ф. Палкин и Е. Соллертинская связывали ее существование с вычетом из нормальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих (МЭиМО, 1966, № 10, с. 103; 1967, № 2, с. 90). Между тем Маркс ясно говорил о необходимости анализа земельной ренты в экономическом смысле слова, под которой он понимал избыток стоимости над издержками производства фермера и его средней прибылью. Другой же участник дискуссии — М. Мясчанковский — возвращался, по существу, к старой буржуазной трактовке абсолютной ренты как результата монопольной цены (МЭиМО, 1968, № 2, с. 120).

нируют также и невозделанные участки. Дополнительное затемнение реальных отношений, связанных с образованием земельной ренты, говорит Маркс, происходит оттого, что ренту рассчитывают на определенную площадь, приравнивая заведомо несоизмеримые величины. Как и в рукописи 1861—1863 гг., Маркс указывает на иррациональность подобного исчисления ренты, которая приводит в конце концов вульгарных экономистов к признанию источником земельной ренты непосредственно земли¹.

В связи с рассмотрением генезиса капиталистической земельной ренты Маркс указывает на отрицательные последствия внедрения капиталистических отношений, в частности цены земли, в неразвитые формы общественного производства. Особенно четко это прослеживается в парцеллярном хозяйстве, где мелкий производитель выступает одновременно и как собственник обрабатываемой земли. Затрата крестьянином капитала в виде денег на покупку земли сужает его производственные возможности и одновременно отдает его хозяйство в руки ростовщика. Как пишет Маркс, «при мелком земледелии цена земли, эта форма частной собственности на землю и результат такой собственности, выступает сама как ограничение производства»².

Анализ земельной ренты в буржуазном обществе дополняется у Маркса рассмотрением становления этой формы прибавочной стоимости. Маркс показывает в этой связи те видоизменения, которые претерпевает рента, ее постепенное превращение из земельной ренты, выступавшей как главная форма прибавочного труда, в капиталистическую земельную ренту, выступающую всего лишь

¹ Сложный характер форм проявления земельной ренты — цены земли и арендной платы — не был учтен некоторыми авторами, пытавшимися обосновать тезис о возможности абсолютной ренты безотносительно к соотношению органического строения капитала в земледелии и промышленности в современных условиях. Так, Ф. Семенов заявляет, что «арендная плата, взимаемая с худших земель, есть абсолютная рента в чистом ее виде» (МЭиМО, 1966, № 10, с. 95). Но в такой формулировке это положение было высказано Сисмонди и Родбертусом и подвергнуто критике Марксом.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 377. Во время дискуссии об абсолютной ренте Л. Любошиц и А. Петрушов пытались обосновать возможность абсолютной ренты при условии, когда органическое строение капитала в сельском хозяйстве достигло среднего уровня в промышленности, ссылаясь на якобы имеющееся у Маркса альтернативное решение — выведение абсолютной ренты из монополярной цены, превышающей стоимость продукта (МЭиМО, 1966, № 6, с. 68; 1967, № 9, с. 95). Действительно, в главе «Генезис капиталистической земельной ренты», в параграфе о крестьянской парцеллярной собственности содержится такая фраза: «Абсолютная рента или предполагает, что реализуется избыток стоимости продукта над его ценой производства, или предполагает избыточную монополярную цену, превышающую стоимость продукта» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 370). Но весь ход Марксова исследования в этом параграфе говорит за то, что речь идет здесь не об абсолютной ренте, а о цене земли и ее влиянии на цену земледельческого продукта в условиях мелкой земельной собственности, существование которой, по существу, противоречит капиталистической форме организации сельскохозяйственного производства (см. там же, с. 369—370, 375—377).

как производная форма этого прибавочного труда, как избыток над средней прибылью. Вместе с тем Маркс раскрывает социально-экономические изменения в положении агентов производства: с развитием производительных сил общества развивается все большая самостоятельность непосредственных производителей, которые все более активно включаются в руководство процессом производства. Постепенное развитие ренты приводит в конце концов внутри земледельческого производства к системе издольного хозяйства, которую Маркс характеризует как переходную форму от феодальной к капиталистической организации сельскохозяйственного производства. Ее переходный характер обусловлен тем, что арендатор доставляет помимо труда часть производительного капитала, необходимого для производства продукта. В этом случае его доход частично является уже прибылью, с другой стороны, «та доля, которую получает здесь земельный собственник, не обладает чистой формой ренты... Существенное заключается в том, что рента здесь уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще»¹. В связи с развитием капиталистических отношений изменяется и функция земельной собственности. Из базиса предшествующих общественных формаций она превращается в чисто юридический фактор, который становится все большим тормозом для рационального ведения земледелия и требует его устранения уже в рамках капиталистического способа производства. Тем самым Маркс заложил основы не только для обоснования лозунга национализации земли как одного из требований грядущей пролетарской революции, но и показал необходимость преобразования сельского хозяйства на социалистических началах.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 367.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РУКОПИСЬ 1861—1863 гг.— ВТОРОЙ ЧЕРНОВОЙ ВАРИАНТ «КАПИТАЛА»

В сентябре 1982 г. вышла в свет 6-я, последняя книга 3-го тома II отдела МЭГА, содержащего экономическую рукопись 1861—1863 гг. Это — первая публикация на языке оригинала огромной, в 200 печатных листов, экономической рукописи Маркса, представляющей собой, по существу, второй черновой вариант «Капитала»¹.

Рукопись 1861—1863 гг. представляет собой важный этап в творчестве Маркса, в исследовании и изложении экономического закона движения капиталистического общества, а также в критике политической экономии. На предыдущем этапе, в рукописи 1857—1858 гг., Маркс уже разработал теорию стоимости и теорию прибавочной стоимости в ее основных чертах, представил стоимость и прибавочную стоимость независимо от их особых форм. После этого он дополнил эту теорию рядом фундаментальных открытий. Во втором черновом варианте «Капитала» была впервые в зрелом виде разработана теория средней прибыли и цены производства, созданы учение об особых формах прибавочной стоимости — промышленной прибыли, ренты и процента, а также существенные элементы теории воспроизводства, кризисов и производительного труда. В рукописи содержится также первое связное изложение теории относительной прибавочной стоимости, включающее основные положения о развитии науки и техники при капитализме. Наконец, рукопись имеет важное значение из-за историко-критического раздела, озаглавленного Марксом «Теории прибавочной стоимости». Эта часть рукописи содержит Марксову критику теории стоимости и цен, теорий прибыли, средней прибыли, земельной ренты и процента буржуазной политической экономии. Таким образом, она фактически представляет собой историю теории прибавочной стоимости в широком смысле: черновой набросок IV тома «Капитала», по более поздней характеристике Маркса². Не в последнюю очередь то особое место, ко-

¹ Значительная часть этой рукописи была опубликована как «Теории прибавочной стоимости». Не вошедшие туда части этой рукописи были впервые опубликованы на русском языке в 47-м и 48-м томах второго русского издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 238.

торое рукопись 1861—1863 гг. занимает в истории создания «Капитала», объясняется тем, что именно здесь сформировался окончательный взгляд Маркса на структуру и содержание его главного произведения, выработан способ последовательного и законченного изложения экономического закона развития буржуазного общества.

Рукопись 1861—1863 гг. писалась первоначально Марксом как второй выпуск его работы «К критике политической экономии», первый выпуск которой вышел в июне 1859 г., поэтому она и озаглавлена «К критике политической экономии». Маркс считал второй выпуск, который должен был содержать главу о капитале, «решающим по важности. Тут, действительно, самая суть всей буржуазной пакости»¹. Он рассматривал разработку и публикацию этой главы как «прямую революционную задачу»². По первоначальному замыслу, три главы «Товар», «Деньги», «Капитал вообще» должны были составить первый выпуск. Затем, однако, Маркс решил задержать выпуск последней, «основной главы» по политическим соображениям. «Как раз с третьей главы начинается настоящая битва, и мне казалось неблагоприятным нагонять страх с самого начала»³, — писал он. Но в процессе создания самой рукописи Маркс изменил свое намерение. Это объясняется тем, что в то время как он собирался придать полученным результатам исследований по возможности совершенную и окончательную форму изложения, он натолкнулся на недостаточные разработанные проблемы.

РУКОПИСЬ 1861—1863 гг.
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ «КАПИТАЛА»

Публикацию своей политической экономии Маркс начал в 1859 г. систематическим изложением существенных элементов трудовой теории стоимости. Исходя из результатов исследования, достигнутых в рукописи 1857—1858 гг., он в первом выпуске «К критике политической экономии», состоявшем из двух глав, дал в первую очередь научное обоснование товарной формы продукта труда и стоимости как экономического качества товара, обосновал двойственный характер товара и труда, овеществленного в нем. Наконец, этот выпуск содержит детальную разработку принципиально нового учения о сущности, происхождении и функциях денег.

В. И. Ленин наряду с «Капиталом» называл работу «К критике политической экономии» произведением, которое революционизировало политэкономическую науку⁴. Без сомнения, Ленин

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 407.

² Там же, т. 30, с. 465.

³ Там же, т. 29, с. 479.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 49.

имел в виду при этом не только Марксов анализ товара и денег, но также и сжатое классическое изложение материалистического воззрения на историю в предисловии к этой работе. Это учение послужило Марксу руководящей нитью в его экономическом исследовании. Применяемое в качестве мировоззренчески-методологического принципа к исследованию капиталистического способа производства, оно требует выяснения исторических условий его существования, вообще познания каждой экономической формы в процессе ее возникновения и исчезновения, что и было сделано — применительно к капитализму — уже в работе «К критике политической экономии». Классики буржуазной политической экономии рассматривали товар, стоимость и деньги как вечно существующие, естественные явления, что было обусловлено присутствием их взглядам принципиальным антиисторизмом. Поэтому они исследовали исключительно величину стоимости товара, а не его субстанцию — труд, создающий стоимость, не раскрыли двойственный характер труда, создающего товар. Они рассматривали деньги, по существу, только как орудие обмена. Маркс же, напротив, вскрыл прежде всего противоречия капиталистического товарного производства и доказал, что все противоречия товара и труда, товара и денег коренятся в противоречии между общественным характером труда и трудом, выполняемым изолированно, в форме частного труда. Причем Маркс отмечал, что как коренные, так и определяемые ими противоречия капиталистического товарного производства носят специфически общественный и, следовательно, исторически преходящий характер¹.

Маркс указывал на задачу, стоящую перед ним, — всесторонне исследовать антагонизмы и противоречия капиталистических отношений. Однако противоположность товара и денег выступала до сих пор лишь как «абстрактная и всеобщая форма всех противоположностей, заключенных в буржуазном труде»². Капиталистическое производственное отношение не может быть сведено к простому понятию меновой стоимости. Тем самым оно было бы вырвано «из этой определенности» и было бы абстрагировано «от всего капиталистического отношения в его специфической определенности» и возвращено «назад к неразвитому отношению обмена товара на товар»³. Каждую попытку действовать подобным образом при анализе капитала Маркс считал «детской абстракцией», «грубой неспособностью улавливать реальные различия»⁴. В этом смысле наиболее абстрактная часть политической экономии капитализма должна быть конкретизирована путем исследования антагонистического противоречия между капиталистом и наемным рабочим, путем систематического изложения теории

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 375.

² Там же, т. 13, с. 80.

³ Там же, т. 46, ч. 1, с. 196—197.

⁴ Там же.

прибавочной стоимости. Важнейшие элементы этой теории Маркс разработал уже в рукописи 1857—1858 гг. Здесь возникло учение о рабочей силе как товаре, здесь он впервые произвел разделение капитала на постоянный и переменный и открыл в производстве абсолютной и относительной прибавочной стоимости формы и пути увеличения прибавочной стоимости. Здесь же он развил основные идеи о накоплении и об обороте капитала, а также сформулировал законы, определяющие норму прибавочной стоимости и норму прибыли.

Такова была та исходная позиция, с которой Маркс приступил к созданию второго выпуска. В ходе работы над рукописью выявилось, что некоторые проблемы нуждаются еще в дальнейшем исследовании.

Одной из этих проблем была связь стоимости и цены. Маркс не раз в рукописи 1857—1858 гг. обращал внимание на то, что стоимость и цена всегда различаются, а совпадают только в качестве исключения. Он указывал также, что «всеобщая норма прибыли» образуется в условиях конкуренции, в борьбе капиталистов за самые выгодные условия для капитала и что эта «всеобщая норма прибыли» преобразует стоимость в цену. Капиталы разной величины производят неравные прибавочные стоимости, что обусловлено неодинаковым органическим строением этих капиталов, однако они реализуют среднюю прибыль. И таким образом основной закон, по которому стоимость товара определяется рабочим временем, затраченным на его производство, в условиях конкуренции приобретает дальнейшие определения. Ими являются «спрос, предложение, цена», т. е. «цена как рыночная цена, или всеобщая цена»¹.

Таким образом, здесь прежде всего была развита лишь та мысль, что распределение между капиталистами совокупной прибавочной стоимости, созданной наемными рабочими, совершается в известной мере в нарушение простого уравнивания цен². Важное посредствующее звено теории превращения стоимостей в цены производства — образование рыночной стоимости — еще не было исследовано. Более того, некоторые определения стоимости в условиях конкуренции были разработаны Марксом лишь в первом приближении, в понятиях, которые еще не устоялись. Решение проблемы в целом было дано только в рукописи 1861—1863 гг., в «Теориях прибавочной стоимости». Маркс пришел здесь к выводу, что двоякое действие конкуренции вызывает два различных вида перелива капитала, благодаря чему порождается «двоякое движение выравнивания»³ цен. Он определил его результат как рыночную стоимость и цену производства, установил непо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 162.

² Там же, с. 332.

³ Там же, т. 26, ч. II, с. 132.

средственную связь последних с формированием средней нормы прибыли. Это было связано с критикой теории Рикардо, который точно так же, как и Смит, исходил из идентичности стоимости и цены производства, был не в состоянии объяснить кажущееся противоречие между определением стоимости товара и тем явлением, что равновеликие капиталы дают равную прибыль; и все это потому, что он «не понял генезиса общей нормы прибыли»¹. Маркс подчеркивал необходимость исследования посредствующих звеньев между законом стоимости и законом цен производства и таким путем шаг за шагом разрешал кажущееся противоречие между всеобщей и превращенными формами. В качестве таких посредствующих звеньев он рассматривал различие между прибавочной стоимостью и прибылью (соответственно между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли), различие органического строения капитала в отдельных отраслях производства, соответственно изменение этого строения и, наконец, выравнивание норм прибыли в среднюю норму в различных сферах производства. Тем самым было убедительно подтверждено, что цена производства может быть понята «лишь на основе стоимости и ее закона», что она «без этой предпосылки... становится бессмысленной нелепостью»².

В связи с теорией превращения стоимостей в цены производства в рукописи 1861—1863 гг. вызревало также учение о производных превращенных формах прибавочной стоимости: промышленной прибыли, ренте и проценте. Буржуазная политическая экономия была не в состоянии прийти к этому различению, постоянно смешивала, отождествляла прибавочную стоимость, как таковую, с ее особыми формами. Ядро той детальной и конкретной критики буржуазной политической экономии, которая содержится в «Теориях прибавочной стоимости», было фактически ясно Марксу уже в рукописи 1857—1858 гг., где он создал важнейшие элементы своего учения. Во-первых, Маркс разработал здесь теорию прибавочной стоимости в узком смысле, последовательно различая понятия прибавочной стоимости и прибыли. Прибыль он характеризовал как «вторичную, производную и трансформированную форму прибавочной стоимости, буржуазную форму, в которой стерлись следы ее происхождения»³. Во-вторых, здесь были сформулированы некоторые исходные положения теории земельной ренты, торговой прибыли и процента.

Теория ренты Маркса, как она была разработана в рукописи 1861—1863 гг.⁴, исходит из того, что средние условия производ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 182.

² Там же, с. 79—80; Abend H. Der Zusammenhang zwischen Wert- und Mehrwert und Durchschnittsprofit in der Herausbildung und Entwicklung der marxistischen politischen Ökonomie (1844—1858). Dissertation, vorgelegt der Martin-Luther-Universität. Halle (Saale), 1972.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 92.

⁴ Подробнее см. статью М. В. Терновского в настоящем сборнике.

ства и тем самым производительность труда в сельском хозяйстве были в XIX столетии ниже, чем в промышленности. Между промышленностью и сельским хозяйством имелось *«историческое различие»* «в соотношении между органическими составными частями капитала»¹, так что прибавочная стоимость, производимая в сельском хозяйстве, превосходила средний уровень прибавочной стоимости, получаемой в промышленности. Стоимость здесь не сводилась — в силу монополии частной собственности на землю — к цене производства, и, следовательно, земельный собственник извлекал сверхприбыль. Он использовал указанную монополию на землю, чтобы лишить класс капиталистов возможность распоряжаться добавочной прибылью. Сельскохозяйственный капитал не участвовал в образовании средней нормы прибыли посредством конкуренции. Из разницы между стоимостью и ценой производства и образуется абсолютная рента; в результате было доказано, что в сельском хозяйстве производство также осуществляется на основе закона стоимости. Другими словами, разрабатывая теорию земельной ренты, Маркс конкретизировал свои представления о процессе выравнивания цен, который в общем виде был выражен в теории средней нормы прибыли. Таким образом, теория ренты явилась дальнейшим обоснованием, конкретизацией теории средней прибыли и цены производства.

Особое значение рукописи 1861—1863 гг., как отмечалось, определяется еще и тем, что она содержит первое обширное и последовательное изложение теории относительной прибавочной стоимости. Уже в рукописи 1857—1858 гг. Маркс начинает различать абсолютную и относительную прибавочную стоимость. Теперь, основываясь на новом обширном материале, который содержится в тетрадях III—V, XIX и XX рукописи 1861—1863 гг., Маркс пришел к результатам, имевшим решающие последствия для его теории. Это исследование прошло три этапа. На первом этапе создания рукописи Маркс сформулировал закон относительной прибавочной стоимости, впервые предпринял анализ способов ее производства: простой кооперации, разделения труда в мануфактуре, а также промышленности, основанной на применении машин, — и указал на социальные следствия капиталистического применения машин. На втором этапе, в процессе создания «Теорий...», Маркс точнее, чем прежде, раскрыл некоторые аспекты положения рабочего класса в капиталистическом обществе: вытеснение рабочих из производства машинами, их растущую неуверенность в завтрашнем дне. Очевидно, что именно во время работы над этой частью рукописи Маркс ощутил необходимость рассмотреть различие между простым орудием и машиной, до тех пор недостаточно исследованное в политической экономии. Эта проблема была в центре внимания при исследовании относитель-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 110. См. также с. 263.

ной прибавочной стоимости на третьем этапе создания рукописи 1861—1863 гг.— в тетрадах XIX и XX. Прежде всего, Маркс исследовал здесь рабочую машину, которая была создана в процессе промышленной революции, оценил применение науки капиталом и, наконец, обосновал, в какой мере революция в применяемых средствах труда ведет к окончательному становлению капиталистического способа производства.

В 1861—1863 гг. был создан еще ряд составных элементов пролетарской политической экономии, таких, как теория производительного и непроизводительного труда, основные элементы теории воспроизводства и кризисов, учение о заработной плате и в основных чертах теория народонаселения. Как следствие этих открытий созрела, наконец, окончательная структура «Капитала». Трехчленное деление: процесс производства капитала, процесс обращения капитала, капитал и прибыль, сложившееся в рукописи 1857—1858 гг., было серьезно усовершенствовано в наброске плана января 1863 г.¹ Он включал, наряду со стоимостью и прибавочной стоимостью в «чистом» виде, и другие понятия, прежде всего среднюю прибыль и цену производства, а также особые формы прибавочной стоимости: промышленную прибыль, ренту и процент — и подготовил тем самым непосредственно создание главного труда Маркса. Именно поэтому рукопись 1861—1863 гг. по своему теоретическому содержанию может быть охарактеризована как второй, правда, еще не полностью во всех деталях разработанный черновой вариант «Капитала».

В тетрадах I—V и XIX—XXIII нашли свою разработку такие пункты плана января 1863 г., как «Превращение денег в капитал», «Абсолютная прибавочная стоимость», «Относительная прибавочная стоимость», «Соотношение (пропорция) между наемным трудом и прибавочной стоимостью. Формальное и реальное подчинение труда капиталу», «Производительность капитала. Производительный и непроизводительный труд», а также «Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал», — одним словом, то, что впоследствии легло в основу первой книги «Капитала». Рукопись 1861—1863 гг., по словам Энгельса, была «первой из имеющихся редакций этой книги»².

Однако в этой рукописи еще нет окончательного решения проблем, изложенных впоследствии во второй книге. Тем не менее и здесь, и ранее — в рукописи 1857—1858 гг. — были рассмотрены различные проблемы процесса обращения капитала: метаморфозы товарного, денежного и производительного капитала, а также такие формы производительного капитала, как основной и оборотный капитал. Это относится в равной степени и к рассмотрению оборота капитала; здесь Маркс выделил такие вопросы, как

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 424—426.

² Там же, т. 24, с. 4.

время оборота, время производства и время обращения. Кроме того, сложились предпосылки решения основной проблемы второй книги — воспроизводства и обращения совокупного общественного капитала¹. Исходя из критики догмы Смита и теории накопления Рикардо, а также анализа экономической таблицы Кенэ в «Теориях...», Маркс высказал в разделе «Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал» ряд важных мыслей о реальной форме процесса накопления, т. е. об основополагающих условиях реализации совокупного общественного капитала. Сюда же относится обобщающее и наглядное изложение теории воспроизводства в форме нескольких таблиц². Одна из них — экономическая таблица совокупного процесса воспроизводства — наряду с кратким обобщением существенных научных выводов содержится в письме Маркса Энгельсу от 6 июля 1863 г. Ленин, который изучал переписку Маркса и Энгельса, так оценил этот результат исследования: «...Том II в черняке (I, II процесс воспроизводства etc.). Ясно!»³. Некоторые другие принципиальные соображения Маркса также свидетельствуют о том, что во время работы над рукописью 1861—1863 гг. фактически в основном был найден общий подход к изложению той части всего труда, в которой должен был быть раскрыт «Процесс обращения капитала».

Наконец, раздел «Капитал и прибыль» рукописи содержит, по существу, первоначальную редакцию первых основных отделов третьего тома «Капитала». В XVI тетради Маркс изложил превращение прибавочной стоимости в прибыль, теорию средней прибыли и цены производства, а также закон тенденции нормы прибыли к понижению. Однако для *систематической* разработки особых превращенных форм прибавочной стоимости имелись лишь некоторые наметки в «Теориях...». Это относится как к теории абсолютной и дифференциальной ренты, так и к теории торговой прибыли и процента. Что касается последнего, то в основу систематического изложения этой темы могло быть положено начатое в тетрадях XVII и XVIII исследование по теме «Торговый капитал. Капитал, занятый в денежной торговле».

28 декабря 1862 г. Маркс сообщил в письме Л. Кугельману, что вторая часть его работы появится «самостоятельно под заглавием «Капитал», а название «К критике политической экономии» будет лишь подзаголовком»⁴.

В ходе работы над рукописью 1861—1863 гг., таким образом, были разработаны и углублены не только теоретическое содержа-

¹ Müller W. Zum Stand der Ausarbeitung der Marxistischen Theorie über die Reproduktion und Zirkulation des gesellschaftlichen Gesamtkapitals.— In: Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung. Halle (Saale), 1980, Nr. 11, S. 59—81.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 160—166.

³ Ленин В. И. Конспект переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг. М., 1968, с. 342.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 527.

ние и структура будущего труда, но также дано его окончательное заглавие.

Маркс планировал дополнить систематическое изложение своей критики буржуазной политической экономии критикой ее «в историко-литературной форме». Первоначально он намеревался, очевидно, сделать это в виде «исторических экскурсов» по всем существенным элементам его учения. «Теории...» — во всяком случае, первоначально — и были задуманы как такой экскурс к четырем разделам: «Превращение денег в капитал», «Абсолютная прибавочная стоимость», «Относительная прибавочная стоимость», а также «Сочетание абсолютной и относительной прибавочной стоимости». набросок плана января 1863 г. проясняет также, что материал, содержащийся в подробной критической истории теории прибавочной стоимости и характеризующий ее исторический генезис в широком смысле слова, в итоге должен был быть включен в отдельные разделы теоретической части. Идея эта родилась еще во время работы над рукописью 1857—1858 гг., затем она получила воплощение в работе «К критике политической экономии».

В связи с разработкой трех теоретических книг «Капитала» как «художественного целого» Маркс пришел к мысли о необходимости относительно самостоятельного связного изложения истории буржуазной политической экономии, т. е. повторения того, что раньше было изложено в систематическом виде, в исторической форме¹. Почти два года спустя он еще раз уточнил предмет историко-теоретической части. Она должна была охватить историю политической экономии с середины XVII столетия². Первоначальный замысел — излагая собственную теорию, время от времени делать критические замечания относительно других экономистов, но в целом критику и историю политической экономии и социализма³ оставить для отдельной работы, равно как и «план шести книг» (капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, международная торговля и мировой рынок), — подвергся в процессе разработки Марксовой теории существенно изменению, как и сама структура произведения. Важное значение в этой связи имело то, что Маркс во время работы над рукописью 1861—1863 гг. окончательно разработал развитое впоследствии в «Капитале» всеобщее понятие капитала.

План января 1863 г. был создан в процессе работы над «Теориями...», которые писались Марксом прежде всего для уяснения самому себе основополагающих теоретических и методологических вопросов. Если Маркс писал позднее, что он начал свое произведение «с третьей, исторической, части»⁴, то потому, что эта часть по широте и многообразию рассматриваемых проблем при-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 111—112.

² См. там же, с. 454.

³ См. там же, т. 29, с. 449.

⁴ Там же, т. 34, с. 238.

ближается к «Капиталу». Без сомнения, Маркс мог устранить при доработке «Теорий...» места, уже изложенные в «Капитале», а также все, что было непосредственно связано с уяснением вопросов самому себе, дополнить изложение некоторыми новыми проблемами, развить определенные положения. Поэтому Энгельс, ознакомившись с рукописью 1861—1863 гг., собирался издать «Теории...» как IV том «Капитала», так как полагал, что история теории «в основном написана»¹.

Маркс продолжал работу над исторической частью своего труда. Это подтверждается историческим очерком об У. Петти, который был написан в мае 1863 г. во время работы над тетрадью ХХI. В очерке были отражены взгляды Петти на производительный и непроизводительный труд, на стоимость, на «стоимость труда», а также на прибавочную стоимость, ренту и процент. Тем самым, с одной стороны, был определен круг проблем, которые следовало учитывать в запланированной истории теории: теория стоимости и прибавочной стоимости в широком смысле. С другой стороны, это косвенно свидетельствует о том, что изложение исторической части «Капитала» Маркс намеревался начать с Петти, основоположника современной политической экономии, и, как Маркс позднее указал, изложение это должно включать в себя работы, появившиеся в период с 1691 по 1752 г. (от Дж. Локка и Д. Норса до Д. Юма²), так как этот период является «наиболее важным для исследования постепенного генезиса политической экономии»³.

Предварительные наброски с целью дальнейшего совершенствования историко-теоретической части своего труда Маркс продолжал еще на последнем этапе работы над рукописью 1861—1863 гг. Несмотря на все «отступления» Маркса, которые привели к разработке новых важных элементов его учения, логика изложения в «Теориях...» проступает достаточно четко. Маркс рассматривает основные этапы генезиса буржуазной политической экономии, история которой, по существу, в основных чертах отражает историю развития капиталистического способа производства. Способ изложения, избранный Марксом в «Теориях...», является развитием способа изложения теоретической части «Капитала» и одновременно дополняет его.

Рукопись 1861—1863 гг. является важной подготовительной работой к «Капиталу»; здесь было завершено создание теории стоимости и прибавочной стоимости Маркса. Уже эксерцтные тетради 40-х и 50-х гг., «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Нищета философии», а также «Наемный труд и капитал» свидетельствуют о том, что Маркс овладел материалом в деталях и занимался поисками его «внутренней связи». Он подошел при этом к методологическим предпосылкам и отдельным

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 175.

² См. там же, т. 20, с. 246—247.

³ Там же, с. 246.

элементам своей будущей теории стоимости и прибавочной стоимости. Основная проблема обмена между капиталом и наемным трудом оставалась, однако, теоретически невыясненной, поэтому указанный период относится к предыстории «Капитала». Решающая фаза процесса восхождения от абстрактного к конкретному началась, как видно, осенью 1857 г. созданием рукописи 1857—1858 гг. Эта рукопись, которую Маркс писал не для печати, завершает разработку теории стоимости и прибавочной стоимости в узком смысле, так же как и методологически обоснованного понятия «капитал вообще» с его тройным подразделением — процесс производства капитала, процесс обращения капитала, капитал и прибыль, — которое отражено и в окончательной структуре «Капитала». Эта чрезвычайно плодотворная фаза уяснения вопроса самому себе нашла свое завершение в тех научных открытиях, которые Маркс сделал в 1861—1863 гг.

Вместе с рукописью 1857—1858 гг. и работой «К критике политической экономии» рукопись 1861—1863 гг. отразила критическую переработку эмпирического материала и теорий буржуазных политэкономов в последовательное рассмотрение капиталистических отношений как исторически преходящих.

Энгельс писал в 1885 г., находясь еще под впечатлением открытий, которые он обнаружил у Маркса при изучении рукописи III книги «Капитала», что разработка Марксом политической экономии уже «до 1859 г. ...была готова не только в основных чертах, но и в важнейших подробностях»¹.

В 50-е гг. Маркс завершил свою, начатую в 40-е гг., разработку политической экономии, отмечал Энгельс несколько лет спустя². Но вынести на суд читателей свою экономическую теорию Маркс считал возможным лишь после уяснения самому себе всех ее выводов. «Потому-то и не вышли в свет второй и следующие выпуски «К критике политической экономии»»³. Особое значение для целостной разработки пролетарской политической экономии имели рукописи Маркса, созданные между 1857 и 1863 гг.

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Когда Маркс осенью 1857 г. суммировал результаты своих экономических исследований, он руководствовался не только тезисом о том, что производство материальных благ в капиталистическом обществе является определяющим моментом общественного развития. Он подчеркнул еще две — уже изложенные в «Немецкой идеологии» — мысли. Там отмечалось, во-первых, что материальное производство имеет в любом обществе конкретно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 11.

² См. там же, т. 22, с. 204.

³ Там же, т. 39, с. 22.

историческую форму, что производительные силы и производственные отношения соответствующего общества находятся в специфическом отношении друг к другу. Общественное отношение обусловлено природным, с ним связано и им производится. В изложении должно быть показано, в какой мере производству непосредственной жизни на известной ступени развития соответствует определенный уровень общественных отношений. Маркс подчеркивает во «Введении» 1857 г.: «Всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее»¹.

Далее, в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс показали, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями является источником и движущей силой общественного развития. Все революции коренятся в этом важнейшем противоречии.

В рукописи 1857—1858 гг. главной задачей Маркса было рассмотрение указанного противоречия в его исторически конкретной капиталистической форме. При этом он исходит из того, что данное противоречие уже получило достаточное развитие, т. е. капитал является господствующим отношением общества.

Понятие капитала в этой рукописи отражает современную историю капиталистического способа производства, т. е. его развитую форму, а также процесс возникновения капитала как «зародыша» целого². Правильное рассмотрение приводит к тем пунктам, «где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему... Современные условия производства выступают как *устрашающие самих себя*, а потому — как такие условия производства, которые полагают *исторические предпосылки* для нового общественного строя»³. Маркс решил эту научную проблему путем разработки теории прибавочной стоимости. Он превратил тем самым материалистическое понимание истории из гипотезы в «научно доказанное положение»⁴.

Впервые сформулированное в рукописи 1857—1858 гг. учение о товаре рабочая сила, Марксов анализ абсолютной и относительной прибавочной стоимости, а также рассмотрение накопления капитала, раскрытие источника прибавочной стоимости вообще, характеризуют капитал как отношение эксплуатации, а отношение капиталиста и наемного рабочего — как антагонизм. Открытие тайны прибавочной стоимости, показ того, что принудительный труд выступает в капиталистическом обществе как господствующее отношение, позволили Марксу сделать вывод, что из четкого

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 23.

² См. там же, с. 264.

³ Там же, с. 449.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 140.

понимания этой основной предпосылки капитала должны «выявиться все противоречия буржуазного производства»¹.

Важное значение для раскрытия данного тезиса имело различие абсолютной и относительной прибавочной стоимости, причем Маркс придавал особое значение относительной прибавочной стоимости в изложении экономического закона движения буржуазного общества. Производство относительной прибавочной стоимости он определял как форму, в которой непосредственно проявляется «промышленный и отличительный исторический характер»² капиталистического способа производства. В системе машин капитал приобретает адекватную себе форму. Она создается самим капиталом и соответствует ему³.

В рукописи 1861—1863 гг. Маркс уточнил это положение, углубил свое представление о внутренней необходимой взаимосвязи между материальным содержанием и общественной формой капиталистического производства. Маркс раскрыл здесь закономерное единство порожденной промышленной революцией крупной машинной индустрии и капиталистического отношения. Он установил, что промышленная революция исходила не от машины-двигателя, а от рабочего механизма, который меняет сам процесс труда, замещая человеческую руку и беря на себя «обработку, непосредственное воздействие на обрабатываемый материал»⁴. Теперь это уже не орудие рабочего, не его инструмент, «производительность которого зависит от его виртуозности и требует приложения его труда как посредника в рабочем процессе»⁵, а техническое средство, осуществляющее функцию труда, — рабочая машина. За вытеснением орудия труда рабочей машиной последовало, наконец, в качестве следующей ступени развития введение паровой машины — процесс, который Маркс рассматривал как вторую промышленную революцию. Он критически заметил: «Если... обращать взор только на двигательную силу, то будет упущено из вида как раз то, что исторически явилось поворотным пунктом»⁶. Ибо существенным моментом является возникновение рабочей машины. Она представляла собой, как уже было сказано, исходный пункт для переворота в производстве, и от нее путь вел к системе машин как соединению рабочей машины и машины-двигателя, а также передаточного механизма. И именно эта промышленная революция характеризует процесс труда при капиталистическом производстве.

Промышленная революция привела к утверждению капиталистического способа производства и его окончательной победе. Исторической задачей и оправданием капитала было создание

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 288.

² Там же, ч. II, с. 284.

³ См. там же, с. 203.

⁴ Там же, т. 30, с. 262.

⁵ Там же, т. 47, с. 442.

⁶ См. там же, с. 406.

широкой системы видов производства и всеохватывающей системы потребностей. Причем тенденция к революционизированию всех исторически унаследованных отношений, к уничтожению всяческих исторических ограничений и предрассудков в конечном счете вытекает из такого развития производительных сил¹. С одной стороны, развивая производительные силы общественно-труда и тем самым впервые создавая возможность применения сил природы, науки и системы машин в непосредственном производстве, капитал изменяет облик материального производства. С другой стороны, на основе таких изменений производства развивается и капитал, «адекватная форма которого поэтому соответствует лишь определенной ступени развития материальных производительных сил»². Следовательно, качественно новые производительные силы возникают, будучи «отчасти следствием, отчасти базисом развития капиталистического отношения»³.

Маркс рассматривал основное противоречие, таким образом, как движущую силу капиталистического способа производства. В этом смысле в теории относительной прибавочной стоимости нельзя было ограничиться лишь указанием на необходимое соотношение между системой машин и капиталом. Следовало выяснить также противоречивое взаимоотношение обеих сторон, лишь после этого все существенное об их закономерной связи было бы сказано.

Как показал Маркс в теории относительной прибавочной стоимости, общественные производительные силы в буржуазном обществе представляются силами капитала, наемным рабочим общественный характер их труда противостоит в известной мере в капитализированном виде. «И это принимает все более реальную форму по мере того как, с одной стороны, сама рабочая сила этих рабочих претерпевает под воздействием указанных форм такие видоизменения, что она в своем самостоятельном существовании, т. е. *вне* этой капиталистической связи, становится бессильной, ее самостоятельная способность к производству подрывается; а с другой стороны, с развитием системы машин условия труда все более выступают как силы, господствующие над трудом также и технологически; и в то же время они заменяют труд, угнетают его, делают его излишним в его самостоятельных формах»⁴.

С указанными наблюдениями относительно противоречивого развития капиталистического способа производства Маркс ставил в прямую связь общие выводы о материальных и социальных предпосылках свободного от эксплуатации, коммунистического общества. Его высказывания о превращении науки в непосредственную производительную силу в этой связи относятся к числу

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 387.

² Там же, т. 48, с. 17.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 36.

наиболее замечательных. Уже в рукописи 1857—1858 гг. Маркс пришел к мнению, что с возрастанием роли науки в обществе меняется и место в нем человека, отныне его господствующее положение в одно и то же время с необходимостью требует и является условием того, чтобы он соответственно относился и к комбинации различных видов собственной деятельности и формированию общественных отношений, т. е. чтобы он сознательно управлял всем процессом¹. Во втором варианте «Капитала» эти соображения значительно развиты, прежде всего благодаря подробной характеристике машинного производства при капитализме, а также рассмотрению развития науки в отдельных странах. Маркс указал на историческую заслугу капитализма, заключающуюся в том, что «научный фактор впервые сознательно и широко развивается, применяется и вызывается к жизни в таких масштабах, о которых предшествующие эпохи не имели никакого понятия»². На том уровне развития общества, который предполагает существование капитала, при новых условиях производства и соответственным образом значительно возросших возможностях наука становится «самостоятельным фактором», «функцией процесса производства»³. Маркс тем самым развил свой сформулированный уже в рукописи 1857—1858 гг. тезис о том, что превращение науки в непосредственную производительную силу станет таким же революционизирующим элементом при переходе от капитализма к коммунизму, каким были система машин и фабрика в период утверждения и победы капитализма.

Предвидение Маркса о материальных предпосылках будущего общества исходит из коренных изменений в процессе труда и складывания нового отношения работника к условиям производства. Но оно содержит также доказательство того, что капитал в равной мере создает решающие социальные предпосылки этого общества, изменяя отношение зависимости наемного рабочего от капиталиста таким образом, что наемный труд в итоге выступит как самостоятельная сила⁴.

С ростом накопления расширяются, во-первых, могущество и богатство капитала. Это означает, что он становится постепенно господствующим во всех сферах производства общественным отношением и сам создает новые сферы производства, что он увеличивается по массе — командует все большим числом рабочих сил и средств производства, что возрастает число индивидуальных капиталов и в той же мере происходит концентрация и централизация капиталов. В той мере, в какой накопление идентично с данным процессом, прогресс в пределах самого капитализма заключается, по Марксу, в уничтожении частной собственности и

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 213—215.

² Там же, т. 47, с. 556.

³ Там же, с. 553.

⁴ См. там же, т. 46, ч. I, с. 231.

частного производства, если даже поначалу это и происходит в противоречивой форме¹. Ибо капитал, с одной стороны, концентрирует средства производства в немногих руках, тем самым превращая их в потенции общественного богатства. Средства производства еще являются собственностью «неработающих капиталистов. Последние являются в буржуазном обществе их опекунами и пользуются всеми плодами этого опекунства»². С другой стороны, под воздействием капитала труд организуется в масштабе общества и ставится в связь с «результатами господства общества над силами природы»³. С ростом могущества капитала обособление общественных условий производства от непосредственных производителей становится «все более бросающимся в глаза», развивается «противоречие между *всеобщей общественной силой*, в которую превращается капитал, и *частной властью отдельных капиталистов* над этими общественными условиями производства», которое «предполагает уничтожение этого отношения...»⁴.

Во-вторых, процесс накопления капитала, как доказал Маркс, делает силой рабочий класс, вызывая его количественный рост и качественные изменения. Он становится силой, которой общественные по своему существу условия производства также придают всеобщий, а потому коллективный, требующий совместного использования, характер. Зависимость наемных рабочих и их отчуждение от капитала все возрастают. С ходом накопления ухудшается положение рабочего как несобственника средств производства, усиливается принуждение к постоянному неоплаченному труду на капиталиста. Положение наемных рабочих «относительно *ухудшается* в той же пропорции, в какой возрастает общественное богатство»⁵, в какой умножается богатство капиталистов. Наконец, на фоне все более могучих средств производства, все более многочисленных противостоящих рабочему социальных сил «для рабочего отпадает возможность самому овладеть ими, как это иногда бывало при мелком производстве»⁶.

Однако капитал «создает *объединение* рабочих в производстве»⁷. Возрастает степень эксплуатации, а также концентрация производства и капитала; тем самым увеличивается и плотность сосредоточения наемных рабочих. Они вынуждены приспосабливаться не только к движениям и операциям, производимым системой машин, но и к «детально разработанной на фабрике деспотии и военной дисциплине капитала»⁸. В соответствии с этим Маркс охарактеризовал положение наемного рабочего как «подъем на

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 151—152.

² Там же, т. 26, ч. III, с. 442.

³ Там же.

⁴ Там же, т. 48, с. 328.

⁵ Там же, т. 26, ч. III, с. 346.

⁶ Там же, с. 364.

⁷ Там же, т. 46, ч. II, с. 83.

⁸ Там же, т. 47, с. 550.

более высокую социальную ступень» по сравнению с положением раба: наемный рабочий *«учится владеть самим собой в противоположность рабу, которому нужен хозяин»*¹. Он обосновал это тем, что наемный рабочий формально свободен, работает в силу необходимости удовлетворения собственных жизненных потребностей и получает эквивалент в обмен за свой труд, причем в форме заработной платы его прибавочный труд предстает как труд в его собственных интересах. Благодаря различию в размерах заработной платы у рабочего появляется даже стимул развивать свою рабочую силу. Кроме того, в определенных пределах он волен продавать ее тому или иному капиталисту, так что сознание свободного самоопределения и ответственности делает его лучшим работником, нежели раб. «Все эти изменившиеся отношения делают деятельность свободного рабочего интенсивнее, непрерывнее, подвижнее и искуснее, чем деятельность раба, не говоря уже о том, что они делают его самого способным к совершенно другой исторической акции»².

Естественно складывающаяся организация пролетариата постоянно возрастает уже в силу того, что накопление капитала объективно усиливает стремление к объединению. «Сколько бы бед оно вновь и вновь ни приносило» рабочему³, накопление все же создает материальные предпосылки перехода к свободному от эксплуатации, коммунистическому обществу — прежде всего оно создает рабочий класс как революционную силу. «Развивается,— пророчески заметил Маркс,— отношение рабочих к условиям производства как к совместным, общественным величинам»⁴.

В рукописи 1857—1858 гг. говорится, что развитие производительных сил, под влиянием которого возрастает и сила рабочего класса, должно на определенном этапе привести к уничтожению самого капиталистического отношения⁵. Однако Марксу нельзя приписывать мысль об автоматическом крахе капитализма, о перевороте в общественных отношениях, происходящем без всякого «вмешательства» сознания и стихийно. Он исходил из того, что «все попытки взрыва были бы донкихотством», если бы в капиталистическом обществе не имелись налицо в скрытом виде материальные условия производства и соответствующие им общественные отношения — предпосылки бесклассового общества⁶. Но Маркс в то же время подчеркивал, что результатом усиливающейся враждебности и зависимости наемного рабочего от капитала должно быть «признание продуктов труда своими собственными продуктами и оценка отделения труда от условий его существования как несправедливого, насильственного», рассматривал это

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 11.

² Там же.

³ См. там же, с. 151.

⁴ Там же, с. 152.

⁵ См. там же, т. 46, ч. II, с. 34—35.

⁶ См. там же, ч. I, с. 103.

как проявление «огромной сознательности» — такой сознательности, которая предвещает конец капитализма¹. Без сомнения, это потребует от рабочих научного понимания, ибо иначе невозможно разглядеть сущность эксплуатации сквозь неверные, маскирующие буржуазные производственные отношения формы товарного, денежного и капиталистического фетишизма, заработную плату как превращенную форму стоимости рабочей силы и т. д. Они должны также осознать, что общественное развитие осуществляется не через примирение капитала и наемного труда, действительный прогресс возможен лишь при революционном разрешении противоречия между ними. Практика ставит рабочего в противоречие со всем капиталистическим отношением, следовательно, также с соответствующими этому отношению представлениями, понятиями и образом мышления².

Анализ основного противоречия капиталистического способа производства в рукописи 1861—1863 гг. по сравнению с первоначальным вариантом «Капитала» углублен также благодаря рассмотрению следующего существенного обстоятельства. Как уже отмечалось выше, Маркс разработал здесь свое учение об оборотах, превращенных формах прибавочной стоимости — промышленной прибыли, проценте и ренте. Он основывается на том, что собственность на землю в ее различных формах образует реальный базис, определяющее производственное отношение предшествующей капиталу феодальной общественной формации, а потому образует наличную историческую предпосылку. Но превращение денег в капитал прежде всего предполагает отделение непосредственного производителя от земли как естественного условия производства. Насильственный сгон производителей с земли, а также разложение феодальных отношений их зависимости от земельных собственников представляют собой «основное условие для... производства капитала»³. Наконец, для первоначального образования капитала необходим еще определенный денежный капитал, который также имеется налицо в образе торгового и ростовщического капитала. Это те формы капитала, которые превращаются в «капитал в собственном смысле — в промышленный капитал». Маркс охарактеризовал их в то же время как «более ранние формы богатства», как «предпосылки для капитала»⁴.

В теории стоимости и прибавочной стоимости в широком смысле слова Маркс описал специфически исторический процесс возникновения промышленного капитала и роста сферы его влияния, как он происходит по мере превращения феодальной собственности на землю в современную, а торгового и ростовщического капитала — в элементы производительного капитала. Причем лишь в

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 451—452.

² См. там же, т. 48, с. 248.

³ Там же, т. 26, ч. I, с. 23.

⁴ Там же, т. 46, ч. I, с. 496.

результате данного исторического процесса наемный труд существует «в его *классической* форме наемного труда, распространяющегося в обществе во всю его ширь...»¹.

При «переворачивании» последовательности категорий, т. е. при трансформации исторических условий возникновения производительного капитала речь идет, следовательно, не просто о смене понятий, но о систематическом научном отображении сложного исторического процесса. Здесь отражен процесс «слома», т. е. подчинения капиталу тех форм, которые являются историческими условиями его зарождения. В ходе более или менее длительного процесса развития они превращаются в производные, преобразованные основной формой, коренным образом измененные ею элементы качественно нового целого. Капитал преобразовывает эти древние формы из не им самим установленных предпосылок² в моменты своего собственного процесса жизнедеятельности. С исторической точки зрения они представляют собой результат развития, «лишь» продукты постоянно расширяющегося и упорчаивающегося могущества капитала.

Точно так же процесс превращения стоимостей в цены производства есть «лишь следствие и результат развития капиталистического производства»³. Производство товаров, обладающих стоимостью, есть, напротив, первичное; в понятиях «стоимость» и «прибавочная стоимость» в «чистом» виде отражается всеобщее, существенное в капитале в смысле (исторических) предпосылок его возникновения. Поскольку их рассмотрение, следовательно, органически связано с рассмотрением особых форм цен производства, а также промышленной прибыли, процента и ренты, производные, превращенные формы выводятся из первичных, основных при помощи ряда посредствующих категорий; это означает, что действительный процесс формообразования капитала понят в его решающих фазах. Капитал в таком случае предстает как развитое во всей полноте его проявлений, господствующее над всеми другими отношение. Тем самым генетическое рассмотрение обеспечивает более дифференцированное, но сконцентрированное на основных моментах представление о характере действия законов капитализма. С одной стороны, Маркс стремился показать, что между капиталистами, этими враждующими «братьями», идет ожесточенная борьба за максимальную долю производимой рабочими прибавочной стоимости. С другой стороны, он показал, что капиталисты эксплуатируют рабочих, действительно объединившись во враждебное последним масонское братство, а стало быть, капитал как общественное отношение может быть упразднен лишь в борьбе с ним развитого, организованного рабочего класса.

В ходе общественного развития раскрывается основное условие существования капитала — его отношение к наемному труду. Оно

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 228.

² См. там же, т. 26, ч. III, с. 490.

³ Там же, ч. II, с. 365.

образует и со всевозрастающей силой определяет структуру буржуазного общества. «Капитал, раз возникнув и развиваясь, подчиняет себе все производство, — установил Маркс, — и повсюду развивает и проводит разъединение между трудом и собственностью, между трудом и объективными условиями труда»¹. Отделение непосредственных производителей от условий производства и их соединение в руках капиталистов в капиталистическом обществе представляет собой нормальное, имеющее всеобщее значение условие, образует содержание постоянно углубляющегося основного противоречия капиталистического способа производства, является движущим мотивом его развития и изменения.

В своем изображении существенных противоречий Маркс, во всяком случае, исходил из того, что «это все в большей степени и происходит, представляет собой принципиальную цель», и называл поэтому такое направление развития «тенденцией» буржуазного общества. Лишь благодаря неограниченному господству капитала, которое «выражает предел [указанного процесса], которое, следовательно, постоянно все более приближается к тому, чтобы стать точным воплощением действительности», общественные производительные силы «развиваются до наивысшего уровня»².

Капитал как крайняя форма отделения работников от средств производства в то же время способствует наивысшему развитию производительных сил общественного труда. «Первоначальное единство может быть восстановлено лишь на той материальной основе, которую создает капитал, и лишь при посредстве тех революций, которые в процессе этого созидания претерпевают рабочий класс и все общество»³.

Открытый Марксом экономический закон движения буржуазного общества и те революционные выводы, которые он сделал, с давних времен подвергаются массивным атакам буржуазных идеологов. Маркс предвосхитил их критику, охарактеризовав как филистеров и вульгарных экономистов тех, в чьих представлениях «всегда отражается лишь непосредственная форма проявления отношений, а не их внутренняя связь»⁴. Как он выразился в письме к Энгельсу незадолго до выхода I тома «Капитала», он не предполагал уже в нем анализировать несовпадение стоимости и цены производства, равно как и прибавочной стоимости и ее превращенных форм, ибо тем самым был бы испорчен «весь диалектический метод исследования». Последний «имеет то преимущество, что он ставит этим господам на каждом шагу ловушки и тем вынуждает их преждевременно обнаружить свою непроходимую глупость»⁵.

Действительно, критики Маркса в своей реакции на «Капитал» вплоть до наших дней обнаруживают принципиальное непонима-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 504.

² Там же, т. 48, с. 59.

³ Там же, т. 26, ч. III, с. 439.

⁴ Там же, т. 31, с. 266.

⁵ Там же.

ние Марксова метода, его критически революционного характера. Эти критики метафизически противопоставляют друг другу понятия, схематически отделяя явление от сущности. Утверждают, что Маркс, начиная изложение своей теории, действительно оперировал «чистыми» понятиями или категориями, а затем шаг за шагом непосредственно перешел к эмпирическим, конкретным явлениям¹. Другие буржуазные теоретики, формально отвергая пресловутое противоречие между I и III томами «Капитала», «открытое» еще Бем-Баверком, трактуют внутреннюю взаимосвязь между основополагающими понятиями теории стоимости и прибавочной стоимости как «излишество», рассматривая теорию превращения стоимости в цены производства как в принципе «ошибочную». Ибо непосредственный процесс производства капитала выступает, по их мнению, у Маркса исключительно как метатеоретический «объект познания», тогда как сама цена (соответственно цена производства) является собственно экономической проблемой и должна была быть проанализирована им только на стадии исследования конкуренции².

Ясно обнаруживается стремление этих критиков изгнать Марксов анализ непосредственного процесса производства, который вскрывает коренные противоречия буржуазного общества, из экономической науки, поместить его в сферу «чистых» абстракций. Тем самым за ним отрицается, по существу, всякое реальное содержание. В то же время критики Маркса хотели бы оспорить внутреннюю логику и завершенность его изложения экономического закона движения буржуазного общества, в особенности то, что Маркс сформулировал всеобщие условия возникновения и гибели капиталистического способа производства. В его теории стоимости и прибавочной стоимости этот способ производства предстает как ступень общественного развития, как исторически ограниченная система, движение которой осуществляется через нарастание неустраняемых внутренних противоречий. Учение Маркса научно обосновывает вывод о том, что на смену капитализму под влиянием необратимых качественных изменений в производственных отношениях с неизбежностью приходит общество, свободное от эксплуатации. Именно поэтому критики Маркса стремятся поставить его выводы под сомнение, доказать их мнимую научную несостоятельность. Ибо учение Маркса и сегодня служит мощным духовным оружием коммунистического движения при разработке программы свержения господства капитала и построения социализма и коммунизма.

¹ *Nutzinger H. G.* Wirtschaftstheorie.— In: *Kernig C. D. u. a.* (Hrsg.). Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie. Freiburg — Basel — Wien, 1972, Bd. IV, S. 312—313.

² *Nutzinger H. G., Wolfstetter E.* (Hrsg.) Die Marxsche Theorie und ihre Kritik. I. Eine Textsammlung zur Kritik der politischen Ökonomie. Frankfurt (M.), 1974, S. 26—27, 232—233; *Wolfstetter E.* Wert, Profitrate und Beschäftigung. Aspekte der Marxschen und der klassischen Wirtschaftstheorie. Frankfurt (M.) — New-York, 1977, S. 28—29 u. a.

Вопрос о том, какую позицию заняли буржуазные экономисты по отношению к внутренне противоречивому процессу капиталистического способа производства, Маркс исследовал в «Теориях прибавочной стоимости». В этой части рукописи 1861—1863 гг. Марксом анализируется в первую очередь вопрос, в какой мере буржуазная политическая экономия могла постичь законы капиталистического способа производства, вскрыть источник и движущие силы общественного развития. Обусловленный классовой позицией буржуазных экономистов антиисторизм, объявляющий капитал абсолютно необходимым и разумным отношением, явился непреодолимым барьером для них в решении этих вопросов. «Погруженность в буржуазное производство, представляемое как производство вообще»¹, приводила буржуазных теоретиков к тому, что историческое явление они понимали как вечный закон². Критикуя буржуазную политэкономия за ее антиисторизм, Маркс, конечно, учитывал, что исторически преходящий характер капитализма и вытекающая отсюда историческая роль пролетариата обнаруживаются лишь на определенной стадии реального развития капитализма. Смертный час научной буржуазной политической экономии, по его мнению, пробил в 1830 г., а ее место заняла «предвзятая, угодливая апологетика»³. Решающей причиной этого было то, что английская и французская буржуазия окончательно завоевала политическую власть и противоречие классовых интересов буржуазии и пролетариата приобрело открыто выраженный враждебный характер.

Формирование буржуазной политической экономии, которая отражала в основных чертах возникновение капитала, началось с Петти и Стюарта и привело через физиократов к системам выдающихся представителей классической школы — Смита и Рикардо. Джемс Стюарт был для Маркса «рациональным выразителем монетарной и меркантилистской системы»⁴. Эта система отражала и защищала интересы ростовщического и торгового капитала в период становления капиталистического способа производства, в период перехода к мануфактурной стадии развития капитализма. Физиократы, которые перенесли исследование о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу непосредственного производства, — правда, лишь в одну-единственную сферу сельскохозяйственного производства — заслужили тем самым, по словам Маркса, звание «настоящих отцов современной политической экономии»⁵. Они теоретически выразили исторический про-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 588.

² См. там же, с. 9.

³ Там же, т. 23, с. 17.

⁴ Там же, т. 26, ч. I, с. 11.

⁵ Там же, с. 12.

цесс отделения земельной собственности от труда как основного условия развития капитала: земля выступает в их системе самостоятельной силой и земельный собственник — действительным капиталистом. Мануфактурная стадия развития капитализма образует, наконец, материальную основу для возникновения классической буржуазной политической экономии. В то время как Смита Маркс характеризовал как обобщающего экономиста мануфактурного периода, Рикардо был для него глашатаем промышленной буржуазии Англии¹.

В системе Рикардо нашло «теоретически меткое, хотя и неосознанное выражение»² развитие реальных противоречий в Англии, прежде всего противоречие между растущим богатством капиталистов и увеличивающейся нищетой рабочих. Это удалось ему сделать на базе трудовой теории стоимости, хотя он и не понял субстанции стоимости и не решил проблему превращения стоимости в цену производства. Так же мало он смог сделать — из-за непонимания природы товара рабочая сила — для сведения прибыли к прибавочной стоимости, приравнивая ошибочно последнюю к ее особой, производной форме. Но он свел эту форму прибавочной стоимости, по меньшей мере, к форме прибыли и эту последнюю к неоплаченному труду. Рикардо тем самым продвигает вперед рассмотрение обмена между трудом и капиталом, и, как Маркс неоднократно подчеркивал, он «вскрывает и формулирует экономическую противоположность классов — так, как ее показывает внутренняя связь, — и... в результате этого в политической экономии ухватывается и вскрывается самый корень исторической борьбы и исторического процесса развития»³.

Работы Мальтуса, Дж. Милля и Мак-Куллоха, Бастиа и Сэя открыли новую фазу в развитии буржуазной политической экономии. Их работы характеризовало полное игнорирование внутренних противоречий капиталистического производства; отсюда — процесс разложения классической школы и вообще общий упадок буржуазной науки, возникновение вульгарной политической экономии и апологетики. Правда, Мальтус настойчиво выпячивал антагонизм буржуазного производства, но лишь для того, чтобы обосновать необходимость нищеты трудящихся, с одной стороны, а с другой — защитить необходимость существования аристократии, государства и церкви от нападок промышленных капиталистов. Он «приемлет буржуазное производство, поскольку оно не революционно, поскольку оно образует не момент исторического развития»⁴.

Тем самым Мальтус выступает против Рикардо, который провозглашал неограниченные возможности развития капиталистического способа производства. Консервативная оппозиция Мальту-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 364; т. 26, ч. II, с. 123.

² Там же, т. 26, ч. III, с. 268.

³ Там же, ч. II, с. 179.

⁴ Там же, ч. III, с. 47.

са — представителя интересов земельной аристократии — нашла свое выражение как в отрицании трудовой теории стоимости, которая была направлена у Рикардо против феодальной земельной собственности, так и в тезисе, что капиталист ожидает одинаковой прибыли от всех частей капитала. Постоянный и переменный капитал смотря по обстоятельствам выступали бы, таким образом, как самостоятельные источники прибавочной стоимости, а противоречие между трудом и капиталом являлось бы вечно действующим природным законом.

В противоположность Мальтусу Милль исходил из того же принципа, что и Рикардо, — из противоположности интересов промышленной буржуазии и феодальной земельной собственности. Тем не менее он уклоняется от анализа противоречий капиталистического способа производства и лишь пытается придать теории Рикардо «формально логическую последовательность»¹. Несколько страницами ниже Маркс развивает эту мысль: «Противоречие между общим законом и более развитыми конкретными отношениями» нельзя разрешить «путем прямого подведения конкретного под абстрактное и путем непосредственного приспособления конкретного к абстрактному», и это не достигается «словесной фикцией»², как это имело место у Милля. Решение этого противоречия было бы возможно лишь с помощью посредствующих звеньев. Он превращает единство противоположностей в непосредственное тождество этих противоположностей³.

Принципиальное отличие Милля от его учителя, теория которого родилась из анализа противоречивой действительности, состоит в том, что Милль брал уже добытые теоретические принципы как материал для своей научной работы, обходя стороной парадоксальное отношение этой теории к действительности. При этом он не замечал — как и С. Бейли, — что трудности и противоречия в теории возникают в принципе не из-за недостатков словесной формы или различных взглядов, а что они сами лежат в противоречивой определенности предмета исследования и поэтому выражаются в словесных парадоксах⁴. Поэтому там, где Рикардо еще видел проблему, догадывался о ее существовании и наивно высказывал ее, его ученики при дальнейшей разработке этой проблемы должны были неизбежно потерпеть крах. Другими словами, Милль стремился, во-первых, представить противоречия капитализма как мнимые и, во-вторых, устранить теоретические противоречия в учении Рикардо, представить его систему и сам капиталистический способ производства как абсолютные. При зрелом капитализме с его обострившимися антагонистическими противоречиями это должно было привести к разложению теории, чему, конечно, способствовал не только Милль. В известном смысле кульминаци-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 81.

² Там же, с. 85.

³ См. там же, с. 99.

⁴ См. там же, с. 133, 139.

ей этого процесса стали работы Мак-Куллоха, который вульгаризировал учение Рикардо и Милля, чтобы взять под защиту существующие отношения.

Наряду с разложением классической школы формируется — также на основе учения Рикардо — пролетарское направление в политической экономии, которое «существует... в более или менее экономической, утопической, критической и революционной форме»¹. В памфлете «Источник и решение национальных трудностей...», автор которого является представителем этого направления, прибавочная стоимость прямо рассматривается как неоплаченный труд, но это положение не стало основой для движения вперед по сравнению как со Смитом и Рикардо, так и со всей буржуазной политической экономией, в остальном же памфлет отражал противоречивость и непоследовательность ее учения о прибавочной стоимости². Из неосознанно высказанного Рикардо положения о противоположности — капитал *или* труд — другой социалист-рикардианец делал тот вывод, что капитал излишен, т. е. говорил об отсутствии исторической необходимости капитализма. Маркс высоко оценивал страстные выступления Годскипа, Грея и других в интересах промышленного пролетариата против капиталистов, но одновременно указывал на их ограниченность. Как раз в силу буржуазного фундамента их теории они не смогли развить экономически обоснованную программу борьбы пролетариата³.

Достойным внимания Маркс считал тот факт, что в условиях высокоразвитого капитализма некоторые английские экономисты сами приходили к пониманию исторически преходящего характера этого способа производства. Это относится к Рамсею, но в первую очередь к позднему классику Р. Джонсу, в теории которого имелись «элементы понимания *исторического* различия способов производства»⁴ и который в этом пункте значительно превосходил Рикардо. Так, он констатировал, что капиталистическая фаза развития общественного производства «в присущей ей форме антагонизма между «владельцами накопленного богатства» и «фактическими работниками» заключает в себе необходимость своей гибели»⁵. Тем не менее ему не удалось этот фундаментальный принцип теоретического познания применить в собственно экономическом анализе, а именно представить отделение рабочих от условий производства как процесс образования капитала. Так, например, Джонс акцентировал свое внимание на социальном характере капитала, но одновременно на это его правильное понимание наслаивается антиисторизм и ограниченность буржуазного представле-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 526.

² См. там же, с. 262. См. также предисловие Ф. Энгельса к II тому «Капитала». Там же, т. 24, с. 14—17.

³ См. там же, т. 26, ч. III, с. 268—270.

⁴ Там же, с. 414.

⁵ Там же, с. 445.

ния, сообразно которому капитал есть «накопленный запас», как таковой¹.

Маркс высоко оценивал это достижение буржуазных экономистов, которым, по его словам, заканчивается научная буржуазная политическая экономия. Начиная с работ Петти, через Стюарта и физиократов, Смита и Рикардо, наконец, в работах Р. Джонса буржуазной наукой открывается «перспектива нового общества»²; классическая школа подготовила широкую критику капитализма и его законов, а также обосновала его характеристику как непосредственной формы перехода к коммунистическому обществу. «Противники [буржуазной] политической экономии — социализм и коммунизм — находят свою теоретическую предпосылку в трудах самой классической политической экономии»³.

Отнюдь не случайно «Теории прибавочной стоимости» заканчиваются разделом «Доход и его источники», в котором Маркс ведет принципиальную полемику с вульгарной политической экономией. Ее представители, как показывает Маркс, постоянно противостоят классической школе, которая пыталась, во-первых, постичь противоречивое отношение сущности и явления, во-вторых, проводила, правда не всегда последовательно, различие между внутренне необходимой связью и разнообразными формами ее проявления, в-третьих, стремилась проникнуть в глубь капиталистической экономики — хотя также неосознанно — и показать противоречия буржуазного общества. Напротив, для вульгарного экономиста «выразить явление в его наиболее плоской форме означает то же самое, что познать законы этого явления»⁴. Представители вульгарной политической экономии вместе с тем сознательно маскировали корящиеся в капиталистическом производстве классовые противоречия, выражая антагонистическое отношение между наемным трудом и капиталом в виде гармонии. Для них не прибавочная стоимость является основной, первичной формой, а прибыль на затраченный капитал. Стоимость определяется заработной платой, прибылью и земельной рентой в качестве издержек производства, и проблема цены производства для них не существует. Сэй развил так называемую триединую формулу: прибыль — капитал, рента — земля, заработная плата — труд. Здесь различные виды дохода вытекают из различных источников, эти последние стоят рядом «как посторонние и индифферентные друг для друга, как всего лишь различные, без антагонизма... Следовательно, они не находятся друг с другом во враждебной связи, ибо вообще не находятся ни в какой внутренней связи»⁵.

Период между 1820 и 1830 гг., как писал Маркс, «представляет собой в метафизическом отношении самый значительный период в истории английской политической экономии»⁶. Он породил ре-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 444.

² Там же, с. 446.

³ Там же, т. 46, ч. I, с. 4.

⁴ Там же, т. 48, с. 280.

⁵ Там же, т. 26, ч. III, с. 529.

⁶ Там же, с. 109.

акционную критику Мальтусом позиции Рикардо. Он породил также на основе рикардовской теории литературу эпигонов, которая внесла свой вклад в разложение этой теории, догматизируя ее. В этот же период появляются работы пролетарских противников буржуазной политэкономии. Все это вело к тому, что сама буржуазная политическая экономия нападала на свои собственные предпосылки, расшатывая их. В этот же период расцвела вульгарная политическая экономия, которая похорошила все полученные до этого в науке положительные результаты. Ее появление указывает на развитие противоречий капитализма. Вульгарная политическая экономия отрицает антагонистические противоречия и первые, еще только единичные классовые битвы, провозгласившие противоречие между рабочими и капиталистами: «Ведь развитие политической экономии и порожденной ею самой антитезы идет нога в ногу с *реальным* развитием присущих капиталистическому производству общественных противоречий и классовых битв»¹. Своими эклектическими, поверхностными конструкциями вульгарная политическая экономия противостоит реальным, развивающимся противоречиям и должна стать «все более апологетической»². Абстракции Бастиа, как отмечает Маркс, поэтому не только «неисторичны», но и «антиисторичны»³. Этим он хотел сказать, что буржуазная политическая экономия должна стать враждебной историзму, лишь только рабочим классом осознается антагонизм между капиталом и наемным трудом, и он требует «разрешения» этого противоречия.

ПОНЯТИЕ «КАПИТАЛА ВООБЩЕ» И РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ «КАПИТАЛА»

В период 1857—1863 гг. исследование и изложение экономического закона движения капитализма в значительной степени связаны с разработкой понятия «капитал вообще». Однако совершенно очевидно, что выражаемые этим понятием отношения не идентичны изложенным в «Капитале» капиталистическим производственным отношениям вообще, которые также, согласно их понятию, могут быть определены как капитал. Во всяком случае в экономической рукописи 1857—1858 гг. «капитал вообще» неоднократно определяется как «всеобщее понятие» или как «простейшее определение капитала»⁴, и в то же время Маркс замечает, что в «реальном» движении капитала, в условиях конкуренции, то, «что соответствует природе капитала, основанному на капитале способу производства, понятию капитала»⁵, становится для отдельного капитала внешней необходимостью. Следовательно, уже

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 526.

² Там же, с. 527.

³ Там же, т. 46, ч. I, с. 9.

⁴ Там же, с. 378, 434—437; ч. II, с. 152—156.

⁵ Там же, ч. II, с. 154.

к тому времени «всеобщее понятие» и понятие капитала отличаются друг от друга; последнее, несомненно, предполагает изложение «реального» движения капитала.

Как со всей очевидностью свидетельствует рукопись 1857—1858 гг., концепция «капитала вообще» первоначально включала в себя понятия товара, стоимости и денег, учение о товаре рабочая сила, деление капитала на постоянный и переменный, изложение учения о рабочем дне, норме и массе прибавочной стоимости, производстве абсолютной и относительной прибавочной стоимости и, наконец, показ общих условий накопления капитала, соответственно отдельных капиталов. Тем самым была дана характеристика основных элементов структуры капитала — так, как они возникают в непосредственном процессе производства. На этой ступени абстракции капитал раскрывается как постоянно углубляющееся противоречие между трудом и капиталом, содержащееся в нем самом, базирующееся на отношениях материального производства.

Для Маркса было совершенно очевидно, что это определение процесса производства отражает только один из моментов в истории возникновения капитала. Жизненный процесс капитала содержит в качестве второго момента еще и обращение, поскольку без обмена нет реализации, как таковой. В этом смысле определение метаморфозов капитала наряду с понятиями основного и оборотного капитала входит в Марксову концепцию того времени. Она впоследствии будет дополнена характеристикой прибыли как производной, превращенной формы прибавочной стоимости. Эта концепция также связана с понятием «капитала вообще», подобно тому как связаны различные законы, определяющие норму прибавочной стоимости и норму прибыли. Ибо прибыль капитала рассматривается «не как прибыль, получаемая одним капиталом за счет другого, а... как *прибыль класса капиталистов*»¹.

В процессе работы над рукописью 1861—1863 гг. Маркс решил не только детально рассмотреть закон стоимости как основной закон капитализма, но также изложить теорию средней прибыли и цены производства. Он хотел, не ограничиваясь более изложением закона прибавочной стоимости, как таковой, дать характеристику производных форм прибавочной стоимости. Наконец, наряду с потребительной стоимостью и стоимостью товара рабочая сила он должен был рассмотреть и заработную плату. Тем самым Маркс наметил существенные изменения по сравнению с первоначальным «планом шести книг». Маркс решил не проводить резкой грани между «капиталом вообще» и «реальным» движением капиталов, а всеобщие, существенные моменты общественных отношений, конкуренции, кредита, земельной собственности и наемного труда органически связать с общественными отношениями, заключенными в понятии «капитал вообще».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 282.

Рассматривая основные элементы структуры капитала, Маркс хотел, таким образом, раскрыть непосредственную, внутреннюю необходимую взаимосвязь конкуренции, кредита, земельной собственности и наемного труда со стоимостью и прибавочной стоимостью. Об этом свидетельствуют также рассмотренные выше планы разделов «Процесс производства капитала» и «Капитал и прибыль», которые он составил в январе 1863 г.¹ Они представляют собой почти законченную концепцию «Капитала», возникшую в процессе работы над рукописью 1861—1863 гг.

Маркс считал, что сущность капитала под воздействием конкуренции представляется в превратном, искаженном, виде. В явлениях капиталистической экономики отражается, правда, тот факт, что наемный труд эксплуатируется капиталистом и что неравный, неэквивалентный обмен между трудом и капиталом базируется на частной собственности на средства производства. Однако отношения, лежащие в основе указанных явлений, нельзя непосредственно распознать. В условиях конкуренции «все определения выступают в обратном порядке по сравнению с тем, как они выступают в капитале вообще»². Конкуренция создает видимость того, что между сущностью и явлением существует перевернутое отношение, будто первая определяется вторым. «Чтобы навязать капиталу его имманентные законы как внешнюю необходимость, конкуренция по видимости переворачивает их все. *Извращает их*»³. Поэтому Маркс сознательно абстрагируется от «реального» движения капиталов и обращается прежде всего к исследованию «капитала вообще».

В экономической рукописи 1857—1858 гг. Маркс отмечал, что «капитал вообще» — это абстракция, «которая ухватывает *differentia specifica* [специфическую отличительную черту] капитала в отличие от всех других форм богатства... Это такое определение, которое присуще каждому капиталу, как таковому»⁴. Он указывал, что это понятие не является чистой, произвольной абстракцией: «Если, например, я рассматриваю совокупный капитал какой-либо нации в отличие от совокупного наемного труда (или также земельной собственности) или же рассматриваю капитал как всеобщий экономический базис одного класса в отличие от другого класса, то я рассматриваю капитал вообще»⁵. В содержании этого понятия Маркс видел общую историю возникновения капитала⁶, становление капиталистических отношений, представленное в систематическом виде. В этом определении мы, по его словам, имеем дело не с какой-нибудь особой формой капитала и не с отдельным капиталом, отличающимся от других отдельных

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 425.

² Там же, т. 46, ч. II, с. 162.

³ Там же, с. 276.

⁴ Там же, ч. I, с. 436—437.

⁵ Там же, ч. II, с. 366.

⁶ См. там же, с. 20.

капиталов. «Мы присутствуем при процессе его возникновения»¹. Показ этого процесса, в понимании Маркса, охватывает непосредственный процесс производства и процесс простого обращения капитала как его рост, его жизненный процесс². В этом смысле Маркс назвал главу «Капитал вообще» также «основной главой»³ своего экономического труда, которая содержит «квинтэссенцию»⁴ всего.

Безусловно, уже при разработке главы «Капитал вообще» Марксу была ясна известная ограниченность этого понятия. Посредством абстракции подчеркивается общее всех отдельных капиталов. В действительности же, однако, капиталы не существуют безразлично и независимо друг от друга, как «отдельное единичное». Их возникновение, движение и изменение, т. е. их существование вообще как отдельных капиталов, базируется на том, что они являются звеньями совокупного общественного капитала, взаимно воздействующими друг на друга. Несмотря на определенные различия — а именно благодаря им каждый капитал есть нечто единичное и особенное, — они могут выступать только как элементы всего общественного капитала. Наконец, каждый частный труд требует общественного признания, благодаря которому все виды труда связываются неразрывно друг с другом, обнаруживается их объективно существующая взаимосвязь, их единство. Движение единичного, следовательно, определяется всеобщим, сущностным, общественным отношением данного способа производства.

Понятие «капитал вообще» указывает лишь формально на эту взаимосвязь отдельных капиталов. Оно означает, что отдельный капитал проявляется здесь исключительно как частица некой суммы, как часть целого. Тем самым выражен тот факт, что капитал как господствующая система буржуазного общества возникает или исторически возник из отдельных частей, отдельных капиталов. На этой ступени развития еще нет действительного взаимодействия капиталов, не существует собственно конкуренции. Внутренние законы капитала еще не «утвердились как законы», капитал не выступает как «готовый», т. е. как «целое», в единстве процесса производства и обращения⁵.

Маркс следующим образом сформулировал отношение отдельных капиталов на данной ступени абстракции в исследовании и изложении: «До сих пор в процессе увеличения стоимости капитала мы отмечали лишь безразличие отдельных моментов по отношению друг к другу; то, что они внутренне обуславливают, а внешне ищут друг друга; однако при этом они могут найти друг друга или не найти, могут совпасть друг с другом или не совпасть,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 264.

² См. там же, ч. II, с. 7.

³ Там же, т. 29, с. 479.

⁴ Там же, т. 30, с. 358.

⁵ См. там же, т. 26, ч. III, с. 505.

могут соответствовать друг другу или не соответствовать. Уже внутренняя необходимость взаимосвязанного целого и его существование в виде самостоятельных, безразличных друг к другу моментов представляют собой основу противоречий»¹.

Следовательно, первоначально Маркс отказался от анализа конкуренции, хотя хорошо знал, что в действительности капитал существует только в форме многих отдельных капиталов, а их самостоятельность обнаруживается только в процессе конкуренции.

В этой связи важна принципиальная критика Марксом метода исследования буржуазных экономистов. Он характеризует их абстракцию как чисто формальную, указывая, правда, на историческую обусловленность подобного подхода у классиков английской буржуазной политэкономии, в особенности у Рикардо. Маркс высоко оценил тот факт, что Рикардо сознательно абстрагировался от явлений конкуренции, для того чтобы постичь законы, как таковые. Но в то же время он упрекал Рикардо за то, что тот не развил всеобщие законы, а принимал формы их проявления за непосредственное осуществление этих законов. Претендовать на знание истины может только тот, кому удалось объяснить явления, кажущиеся якобы противоречащими закону, т. е. развить капиталистические противоречия, последовательно проводя при этом принцип историзма.

Непосредственно в полемике с буржуазной политэкономией, в процессе создания «Теорий прибавочной стоимости» становилась все более очевидной ограниченность понятия «капитал вообще» для всеобъемлющего изложения учения о капитале, и в конце концов оно было «подорвано» разработкой трех существенных разделов Марксовой теории.

Во-первых, речь идет о теории средней прибыли и цены производства. Маркс установил, что средняя норма прибыли «никогда не выступает как нечто непосредственно данное, а только как средний результат противоречивых колебаний»². Он характеризовал ее также как «идеальное *среднее* число» или как абстракцию именно потому, что это выравнивание Маркс рассматривал «как очень сложное движение»³. Во всяком случае, среднюю прибыль следует рассматривать как механизм, посредством которого, по существу, регулируется распределение прибавочной стоимости между отдельными капиталистами, т. е. внутри капиталистических групп. «Капиталисты, как собратья-враги, делят между собой добычу — присвоенный чужой труд, так что каждый из них присваивает себе в среднем такую же долю неоплаченного труда, какую присваивает и всякий другой капиталист»⁴. Конкуренция капита-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 392.

² Там же, т. 26, ч. III, с. 484.

³ Там же, с. 486.

⁴ Там же, ч. II, с. 21.

листов порождает при этом цену производства, которую Маркс рассматривал как абстракцию из конкуренции¹.

В условиях конкуренции стоимость проявляется в модифицированном виде, непосредственно как цена производства. Вот почему Маркс решил перейти к показу взаимосвязи обеих в форме учения о превращении стоимостей в цену производства.

Вторым существенным элементом, подорвавшим концепцию «капитала вообще», оказалось также учение о превращенных формах прибавочной стоимости. В рукописи 1861—1863 гг. Маркс не только открыл существование абсолютной ренты, а также завершил теорию дифференциальной ренты, но и впервые обстоятельно обосновал, каким образом капитал, приносящий процент, и торговый капитал получают доли от прибыли промышленного капитала, которые выступают соответственно как процент и как торговая прибыль. В разделе «Доход и его источники» Маркс с особой силой подчеркнул, что речь идет только об относительно самостоятельных частях некоего единства, о кажущейся самостоятельности этих особых форм. Таким образом, была установлена необходимость представить эти формы как органическое целое, исходя из их изначальной формы — прибавочной стоимости в чистом виде.

Важным элементом в процессе изложения экономического закона движения капитализма является, в-третьих, анализ заработной платы как превращенной формы стоимости товара рабочая сила. Уже в экономической рукописи 1857—1858 гг. Маркс установил, что рабочий продает капиталисту не свой труд, а свою рабочую силу как товар и что оплачивается не «цена труда», как ошибочно полагали буржуазные экономисты. Поскольку они говорили о «цене труда», то для них оставалось непостижимым, почему она не равняется стоимости продукта труда. Маркс объяснил этот факт, одновременно заметив, что это выражение буржуазных экономистов превращает определение стоимости в его противоположность, порождает видимость того, что рабочему оплачивается весь продукт его рабочего дня. Поэтому Маркс принимает решение при рассмотрении капиталистических отношений наряду с учением о товаре рабочая сила изложить свою теорию заработной платы, ликвидировать и здесь разрыв между сущностью и формой проявления. Необходимо развить, писал он, где «практически и в непосредственном явлении выступает *стоимость* рабочей силы»². Ибо заработная плата — результат не ошибочного способа рассмотрения, она с необходимостью вытекает из капиталистических производственных отношений. «Но она выступает в этой превратной форме и в реальном процессе конкуренции, в котором все представляется в превратном виде, и в сознании как рабочих, так и капиталистов»³.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 254.

² Там же, т. 47, с. 602.

³ Там же.

По существу, тем самым было установлено, что отношение капитала в его всеобщности не может быть ограничено исследованием и изложением его как абстрактно-всеобщего, а должно всегда пониматься как конкретно-всеобщее. Уже в первом наброске плана книги о «Капитале» в ноябре 1857 г. Маркс в первом приближении в абстрактной форме решил для себя вопрос о способе изложения. Это решение содержится в пунктах «I. Всеобщность»; «II. Особенность» и «III. Единичность»¹. Тем самым становится совершенно очевидной непрерывность Марксовых исследований, начиная с экономической рукописи 1857—1858 гг. и кончая «Капиталом», теоретическая часть которого разделена на три книги. Последовательное различение понятий «капитал вообще» и «реальное» движение капиталов образует, таким образом, важную теоретическую и методологическую базу Марксова исследования. На ее основе были фактически сделаны все важнейшие открытия Маркса в период 1857—1863 гг.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 226.

РАБОТА МАРКСА НАД «КАПИТАЛОМ»
В 1863—1865 гг.

I

В самом конце 1862 г., когда работа над рукописью «К критике политической экономии» (1861—1863 гг.) была еще в разгаре, Маркс пришел к выводу об окончании данной стадии подготовки своего экономического труда и необходимости перехода к новой, завершающей стадии. «Вторая часть наконец готова, — писал он 28 декабря Л. Кугельману, — если не считать переписки начисто и окончательной отделки для печати... Являясь продолжением первого выпуска, она выйдет самостоятельно под заглавием «Капитал», а название «К критике политической экономии» будет лишь подзаголовком. Она, собственно, содержит только то, что должно было составить третью главу первого отдела, а именно — «Капитал вообще». Таким образом, туда не включена конкуренция капиталов и кредит¹. Содержание этого тома составляет то, что англичанин называет «началами политической экономии». Это — квинтэссенция (вместе с первой частью), а разработку дальнейших вопросов... на основе уже сделанного могли бы легко осуществить и другие».

Указав затем на причины столь длительной задержки работы, в первую очередь связанные с материальными затруднениями, Маркс пророчески отмечал: «Вероятно, что те же самые причины затянут окончательную подготовку моей работы к печати на более длительный срок, чем мне бы этого хотелось». «Как только рукопись будет отделана и переписана начисто (к этому приступлю в январе 1863 г.), — писал он далее, — я сам отвезу ее в Германию, потому что лично договориться с издателем легче». (Как мы знаем, Маркс осуществил это свое намерение лишь весной 1867 г.) Наконец, Маркс сообщал о своих дальнейших планах: «Я хочу или

¹ В соответствии с разработанным в 1857—1859 гг. планом научных исследований Маркса («план шести книг») система буржуазной экономики рассматривалась им в следующем порядке: 1) Капитал, 2) Земельная собственность, 3) Наемный труд, 4) Государство, 5) Международная торговля, 6) Мировой рынок. Первая книга — «Капитал» — подразделялась на четыре отдела: а) Капитал вообще (первые две главы этого отдела составили первый выпуск работы «К критике политической экономии», опубликованный в 1859 г., третья глава называлась так же, как и весь отдел, — «Капитал вообще»), б) Конкуренция капиталов, в) Кредит, г) Акционерный капитал. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 5; т. 29, с. 254).

написать по-немецки продолжение, то есть завершить изложение капитала, конкуренции и кредита¹, или резюмировать для *английской* публики в одной книге две первые работы... Способ изложения в первом выпуске, конечно, весьма непопулярный. Отчасти это объясняется абстрактным характером предмета, ограниченностью предписанного мне объема и самой целью работы. Вторая часть более доступна, потому что она трактует о более конкретных отношениях»².

Из этого программного письма вытекает, во-первых, что содержанием следующей стадии работы должна была стать переписка начисто и окончательная отделка рукописи — а именно рукописи 1861—1863 г. — для печати. (Эта формулировка в точности была повторена Марксом в письме к Энгельсу от 29 мая 1863 г.³) Во-вторых, Маркс окончательно отказался от полной реализации «плана шести книг», в крайнем случае собираясь в дальнейшем довести до конца только первую книгу — «Капитал». В связи с этим, на наш взгляд, и отпала необходимость в заголовке «Капитал вообще», которым, в отличие от первой книги, обозначался ее первый отдел, так как вся работа ограничивалась теперь рамками только данного отдела. Поэтому Маркс и дал своему труду более короткой заголовок — «Капитал». Это, однако, не означало принципиального изменения общего — очень высокого — уровня абстракции, на котором создавалась рукопись 1861—1863 г. Восхождение от абстрактного к конкретному при переходе от раздела «Процесс производства капитала» к разделам «Процесс обращения капитала» и «Капитал и прибыль» осуществлено в этой рукописи в рамках указанного общего уровня, обусловленного, прежде всего, исследованием прибавочной стоимости — категории, которая играла главную роль на данном этапе создания теории, определяя «экономический закон движения» капитализма. Все остальные категории — цена, прибыль, рента и др. — рассматривались в рамках первого отдела первой книги (см. «план шести книг») как непосредственно подчиненные стоимости и прибавочной стоимости. Поэтому Маркс и в рукописи 1861—1863 г., и впоследствии в «Капитале» исходил, например, из совпадения цены и стоимости, прибыли и прибавочной стоимости⁴ и т. д. Относительно самостоятельное движение указанных категорий, как это следует из «плана шести книг»,

¹ В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (т. XXV, с. 412) дан более точный перевод: «т. е. окончить изложение капитала, дать изложение конкуренции и кредита». (Ср. Marx — Engels Werke: «d. h. den Schluß der Darstellung des Kapitals, Konkurrenz und Kredit, deutsch schreiben» (Bd. 30, S. 640)).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 527—528.

³ См. там же, с. 287.

⁴ «Во всем нашем исследовании,—пишет Маркс в III томе «Капитала»,—мы исходим из предположения, что повышение или понижение цен является выражением действительных колебаний стоимости» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 125). «Прибыль, как мы ее сначала здесь имеем перед собой, есть то же самое, что и прибавочная стоимость» (там же, с. 44).

должно было явиться предметом рассмотрения остальных отделов первой книги и остальных пяти книг данного плана.

Тем не менее переход к новой структуре экономического труда, отказ от реализации «плана шести книг» не мог не повлиять на расширение привлекаемого к рассмотрению материала. В первую очередь это касалось содержания III и IV книг «Капитала». «Видоизменения капитала, как мы их развиваем в этой книге, — говорится в начале III тома «Капитала», — шаг за шагом приближаются... к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства»¹.

Наконец, в-третьих, в процитированном письме отчетливо прозвучала мысль о недостаточно популярном способе изложения теории стоимости и денег в первом выпуске «К критике политической экономии». Последующим развитием этой мысли явилось намерение Маркса заново написать особую главу о товаре и деньгах, к которой — при прохождении корректур I тома «Капитала» — было добавлено еще и приложение о форме стоимости.

Выполняя программу, намеченную в письме к Л. Кугельману, Маркс уже в январе 1863 г. в XVIII тетради рукописи 1861—1863 гг. составил наброски планов первой и третьей частей своего экономического труда — разделов о процессе производства капитала и о капитале и прибыли.

«Первый отдел — «Процесс производства капитала», — писал Маркс, — разделить следующим образом: 1) Введение: Товар, Деньги. 2) Превращение денег в капитал. 3) Абсолютная прибавочная стоимость... 4) Относительная прибавочная стоимость... 5) Сочетание абсолютной и относительной прибавочной стоимости... Формальное и реальное подчинение труда капиталу. Производительность капитала. Производительный и непроизводительный труд. 6) Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал. Первоначальное накопление... 7) Результат процесса производства... 8) Теории прибавочной стоимости. 9) Теории о производительном и непроизводительном труде»².

«Третий отдел — «Капитал и прибыль» — разделить следующим образом: 1) Превращение прибавочной стоимости в прибыль. Норма прибыли в ее отличии от нормы прибавочной стоимости. 2) Превращение прибыли в среднюю прибыль. Образование общей нормы прибыли. Превращение стоимостей в цены производства. 3) Теории прибыли и цен производства у Смита и Рикардо. 4) Земельная рента (Иллюстрация различия между стоимостью и ценой производства). 5) История так называемого рикардовского закона земельной ренты. 6) Закон падения нормы прибыли... 7) Теории прибыли... 8) Распадение прибыли на промышленную прибыль и процент. Торговый капитал. Денежный капитал. 9) Доход и его

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 29.

² Там же, т. 26, ч. I, с. 424.

источники... 10) Возвратные движения денег в совокупном процессе капиталистического производства. 11) Вульгарная политическая экономия. 12) Заключение. Капитал и наемный труд»¹.

Отдельно Марксом был составлен план 2-й главы третьей части, трактующей об образовании общей нормы прибыли:

«1) Различное органическое строение капиталов... 2) Различия в соотношении стоимостей составных частей различных капиталов, не проистекающие из их органического строения... 3) Неодинаковость норм прибыли в различных сферах капиталистического производства... 4) ...Образование общей нормы прибыли (Конкуренция). 5) Превращение стоимостей в цены производства. Различия между стоимостью, издержками производства и ценой производства. 6) Чтобы включить еще разбор рикардовских представлений об этом предмете, добавить такой пункт: Влияние общих колебаний заработной платы на общую норму прибыли, а отсюда на цены производства»².

По поводу набросков этих планов необходимо заметить следующее. 1) Каждый из них содержит исторические экскурсы, которые, таким образом, на этой стадии еще не были объединены Марксом в отдельную историко-критическую часть его экономического труда. 2) Подробная разработка в этот период плана именно 2-й главы третьей части — раздела об общей норме прибыли — объясняется, на наш взгляд, тем, что этот раздел в наименьшей степени (по сравнению с другими разделами будущей III книги «Капитала») был исследован в рукописи 1861—1863 гг. Кроме того, именно данный раздел непосредственно связан с отмеченным выше расширением рассматриваемого экономического материала, включением в структуру экономической теории уже на этой стадии детального анализа конкуренции. 3) Отсутствие среди указанных набросков плана второй части объясняется, вероятно, тем, что структура последней еще не была в этот период ясна Марксу. (Раздел о процессе обращения капитала, как отмечал Энгельс³, не был специально разработан в рукописи 1861—1863 гг.) Однако вскоре Маркс составил план также и этой части «Капитала».

Дальнейшие тетради рукописи 1861—1863 гг. (тетради XIX — XXIII), заполненные Марксом в январе — июле 1863 г., содержат преимущественно материал первой части — раздела о процессе производства капитала, к которому на новой, завершающей стадии работы Маркс намеревался, по-видимому, приступить в первую очередь⁴.

Маркс продолжил в этих тетрадях детальное рассмотрение ка-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 425.

² См. там же, с. 425—426. Все три наброска были составлены в такой последовательности: план 2-й главы III части (с. 1109 рукописи 1861—1863 гг.), план III части (с. 1139), план I части (с. 1140).

³ См. там же, т. 24, с. 4.

⁴ Подробнее о содержании этих тетрадей см. статью М. Мюллера в настоящем сборнике.

капиталистического применения машин¹, начиная с генезиса машинного производства в недрах мануфактурного, ремесленного периода в развитии буржуазного общества и кончая автоматической фабрикой, системой машин, применением науки к производству².

В разделе об относительной и абсолютной прибавочной стоимости³ дан анализ заработной платы как превращенной формы стоимости рабочей силы, сформулированы условия, при которых эта стоимость возрастает; сохранение ее среднего уровня выступает как одна из важных задач профсоюзов в борьбе с классом капиталистов⁴.

В завершающей части рукописи 1861—1863 гг. детально исследованы процессы формального и реального подчинения труда капиталу, в частности формы перехода к капиталистической эксплуатации труда, развивающиеся в докапиталистических формациях⁵. Важное место в этой связи занимает анализ производительного труда в буржуазном обществе⁶. В «Теориях прибавочной стоимости» эта проблема была рассмотрена в историческом аспекте, теперь Маркс дал ее теоретическое резюме, впервые раскрыл тенденцию капиталистической экономики к образованию «совокупного работника» — единого производственного коллектива, объединяющего как физический, так и умственный труд⁷.

Исследование процесса первоначального капиталистического накопления, опиравшееся в рассматриваемый период на новый обширный фактический материал, позволило Марксу впервые охарактеризовать его в качестве *так называемого* первоначального накопления⁸.

Раздел о воспроизводстве⁹ в XXII и XXIII тетрадях рукописи 1861—1863 гг., завершившийся созданием «Экономической таблицы совокупного процесса воспроизводства», писался Марксом в рамках темы о процессе производства капитала¹⁰. Раскрывая содержание своей «таблицы» в письме к Энгельсу от 6 июля 1863 г., Маркс отнес этот раздел к «одной из последних глав» своего труда¹¹, однако по своему *фактическому* содержанию он представляет собой составную часть анализа процесса обращения капитала¹². Маркс впервые провел здесь разделение всего общественного про-

¹ В письме к Энгельсу от 28 января 1863 г. он подробно обрисовал ход этих своих исследований. (См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 261).

² См. там же, т. 47, с. 401—583.

³ См. там же, с. 584—612; т. 48, с. 457—458.

⁴ См. там же, т. 48, с. 453, 475.

⁵ См. там же, с. 3—33.

⁶ См. там же, с. 34—62.

⁷ См. там же, с. 60—61.

⁸ См. там же, с. 96—117.

⁹ См. там же, с. 124—166; т. 26, ч. I, с. 383—385.

¹⁰ См. там же, т. 48, с. 124—125.

¹¹ См. там же, т. 30, с. 297.

¹² Именно так квалифицировал этот материал Ленин в своем «Конспекте «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.»» (М., 1968, с. 342).

изводства на два «класса»: производство жизненных средств (класс I) и производство постоянного капитала (класс II).

В рассматриваемый период начал также формироваться замысел Маркса относительно историко-критической части его труда. Об этом в какой-то мере свидетельствуют сделанные им весной 1863 г. «выписки по истории литературы, относящейся к обработанной уже... части политической экономии»¹. Этими выписками Маркс заполнил 8 «добавочных тетрадей» (Beihefte), материал которых был им использован уже в последних тетрадях рукописи 1861—1863 гг.² Более того, в мае 1863 г. в XXII тетради данной рукописи Маркс написал специальный очерк «Из области истории: Петти»³, выходящий за рамки не только «Теорий прибавочной стоимости», но и любого другого написанного до этого исторического экскурса и явно предназначавшийся для историко-критической части «Капитала». Но даже и создание «Теорий прибавочной стоимости» Маркс характеризовал впоследствии уже как работу над «исторической частью» «Капитала»⁴.

Таким образом, на завершающей стадии создания рукописи 1861—1863 гг. Маркс провел исследования, в результате которых им был собран недостающий материал для всех пунктов приведенного выше наброска плана раздела о процессе производства капитала, за исключением пункта «Результат процесса производства».

II

Маркс прекратил работу над рукописью «К критике политической экономии» в июле 1863 г., а не позднее августа уже полным ходом развернулся новый, на первых порах действительно рассматривавшийся им как завершающий, этап подготовки «Капитала». Его цель, которая была сформулирована Марксом уже 29 мая, заключалась в том, чтобы «переписать политическую экономию *начисто* для печати (а также и отделать ее окончательно)»⁵. «Моя работа (подготовка рукописи к печати) в одном отношении подвигается хорошо,— сообщал он Энгельсу 15 августа.— Вещи эти в окончательной обработке принимают, как мне кажется, довольно *популярную* форму, не считая некоторых неизбежных *D — T* и *T — D*. С другой стороны, несмотря на то, что я пишу целыми днями, дело все же подвигается не так быстро, как это желательно моему столь долго испытываемому терпению. Во всяком случае, это будет на 100 процентов понятнее, нежели первая часть... я теперь смотрю на всю эту махину и вспоминаю, как мне пришлось решительно все опрокинуть и даже *историческую* часть обрабо-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 287.

² См. там же, т. 48, с. 21, 114, 476—541.

³ Там же, т. 26, ч. 1, с. 356.

⁴ См. там же, т. 34, с. 238.

⁵ Там же, т. 30, с. 287.

тать на основе частью совершенно не известного до тех пор материала»¹.

Теперь можно считать доказанным², что работу над «Капиталом» на данной стадии Маркс начал с подготовки I книги; сохранилась обложка этой рукописи, содержащая заголовок: «Книга первая. Процесс производства капитала»³. Работа над I книгой началась на данном этапе с главы о превращении денег в капитал (раздел о товаре и деньгах в этот период не был написан⁴; он пока еще мыслился Марксом в качестве введения, резюмирующего содержание 1-го выпуска «К критике политической экономии») и продолжалась примерно до лета 1864 г. За этот период Маркс написал шесть глав I книги, из которых, если не считать отдельных страниц, полностью сохранилась только «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства», занимающая страницы 441—495 рукописи данной книги⁵. О предполагаемой структуре и заголовках остальных пяти глав рукописи I книги мы можем с известной долей вероятности судить по первому изданию I тома «Капитала» (1867 г.), созданному на основе этих глав⁶. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в 1866—1867 гг., когда Маркс на основе созданной в 1863—1864 гг. рукописи I книги готовил окончательный текст I тома, он мог внести определенные изменения и в ее структуру, и в заголовки глав. (В самом деле, скорее всего именно в этот период Маркс написал для I книги специальную главу о товаре и деньгах и, напротив, исключил из нее «главу шестую». Определенные изменения могли коснуться и других глав I книги.) Если же отвлечься от этого обстоятельства, то структура рукописи I книги (1863—1864 гг.) имела, вероятно, следующий вид: 1) Превращение денег в капитал; 2) Производство абсолютной прибавочной стоимости; 3) Производство относительной прибавочной стоимости; 4) Дальнейшие исследования производства абсолютной и относительной прибавочной стоимо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 302.

² Здесь и далее использованы результаты исследования, проведенного в Секторе произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС. (См.: *Выгодский В., Миськевич Л., Терновский М., Чепуренко А.* О периодизации работы К. Маркса над «Капиталом» в 1863—1867 гг.— Вопросы экономики, 1981, № 8, с. 97—107). Периодизация работы Маркса в 1863—1867 гг. рассматривалась также Л. А. Леонтьевым (Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII). М., 1933, с. XIII—XIV), Л. Р. Миськевич (Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС, № 23. М., 1973, с. 59—70), И. А. Болдыревым (Вопросы экономики, 1980, № 2, с. 23—34), исследователями из ГДР И. Конрадом и Э. Клапперштуком (Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. Berlin, 1980, Nr. 6, S. 165—183).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 3.

⁴ В противном случае Маркс в «главе шестой» ссылался бы на этот раздел, а не на работу «К критике политической экономии». (См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 49, с. 4, 8).

⁵ См. там же, с. 3—136.

⁶ *Marx K.* Das Kapital. Erster Band. Hamburg, 1867.

сти; 5) Процесс накопления капитала; 6) Результаты непосредственного процесса производства.

Сравнение этой структуры с приведенным выше наброском плана I части «Капитала», составленным Марксом в январе 1863 г., выявляет весьма существенное различие: создавая в 1863—1864 гг. рукопись I книги, Маркс опустил все исторические экскурсы (в указанном наброске их было два)¹, что, наряду с прямыми ссылками на I—IV книги, содержащимися в «главе шестой»², свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в данный период Маркс уже представлял себе структуру «Капитала» в виде четырех книг, о чем он впервые упомянул 13 октября 1866 г. в письме к Л. Кугельману³. Прочитанное выше письмо Энгельсу от 15 августа 1863 г. также позволяет заключить, что уже в самом начале работы над рукописью I книги в структуру «Капитала» входила, по мысли Маркса, и его «историческая часть». Целостный анализ истории теории, впервые намечавшийся в IV книге «Капитала», также означал существенное расширение ее содержания. Об этом свидетельствует уже материал «Теорий прибавочной стоимости», поскольку этот раздел рукописи 1861—1863 гг. значительно вышел за рамки исторического экскурса к разделу о непосредственном процессе производства капитала.

Анализ сохранившейся части рукописи I книги показал, что первая ее половина (от нее остались страницы 24—25, 96—107, 259—260) создавалась как чистовой текст со сплошной нумерацией подстрочных сносок к каждой главе. Дальнейшие же страницы рукописи (страницы 263—264, 379—380), в том числе и страницы «главы шестой», уже не содержат сплошной нумерации сносок, на многих из них оставлены пропуски, предполагающие последующую обработку текста. Отсюда можно заключить, что пачиная с весны 1864 г. (возможно, после четырехмесячного перерыва в работе, вызванного болезнью и поездкой на континент) Маркс уже перестал рассматривать данную стадию подготовки «Капитала» как окончательную. На наш взгляд, существенную роль здесь сыграл процесс создания «главы шестой», материал которой — в отличие от других глав I книги — почти не имеет аналогов в предыдущих экономических рукописях. Уже в самом начале «главы шестой», формулируя три раздела, из которых должна была складываться ее структура, Маркс замечает: «Из этих трех разделов первый должен быть при последней обработке для печати поставлен в конце»⁴. Таким образом, «последняя обработка для

¹ Совпадение — за исключением указанного различия — пунктов наброска I части с предполагаемой структурой рукописи I книги является подтверждением правильности данного предположения.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 25, 52 (ссылки на I книгу), 3, 30, 34, 101 (ссылки на II книгу). 104 (ссылка на III книгу). 106 (ссылка на IV книгу — первое *прямое* упоминание о IV книге «Капитала» в рукописях Маркса).

³ См. там же, т. 31, с. 448.

⁴ Там же, т. 49, с. 3.

печати», по крайней мере, в отношении «главы шестой», отодвигалась Марксом за пределы рассматриваемого периода.

Генезис этой главы прослеживается в рукописи 1857—1858 гг.¹ В «Рефератах к моим собственным тетрадям» Маркс характеризовал указанные страницы рукописи 1857—1858 гг. следующим образом: «Все условия капиталистического производства выступают теперь как результат самого (наемного) труда»². В наброске плана первой части «Капитала» (январь 1863 г.) данная тема, как мы видели, впервые получила *структурное* оформление в виде самостоятельного раздела: «Результат процесса производства». Теперь, в 1864 г., приступив к созданию текста самой главы, Маркс выделил три основные проблемы³, составляющие ее содержание: а) анализ товара как продукта капиталистического производства; б) производство прибавочной стоимости как главная характеристика последнего; в) производство и воспроизводство капиталистических производственных отношений как главное проявление специфически капиталистического характера непосредственного процесса производства. (Маркс, как уже говорилось, зафиксировал и *порядок* рассмотрения трех названных проблем при окончательной обработке текста главы: первая из них должна была быть рассмотрена в конце, так как она составляет переход к II книге «Капитала».)

Вопрос о товаре как продукте капитала лишь кратко и мимоходом исследовался в рукописи 1861—1863 гг.⁴ Теперь Маркс подробно анализирует эту проблему. Рассмотрим основные моменты Марксова анализа.

1) *Логический* переход от рассмотрения товара как предпосылки возникновения капитала к рассмотрению его в качестве продукта последнего соответствует *историческому* переходу от докапиталистического товарного производства к капиталистическому. Только в рамках последнего товар становится всеобщей формой продукта, «всеобщей элементарной формой богатства»; с одной стороны — постоянной элементарной предпосылкой процесса производства, с другой — его необходимым результатом. «Только при капиталистическом производстве становится всеобщим то, что потребительная стоимость опосредствуется меновой стоимостью», а закон стоимости «реализуется в особой форме денежного обращения»⁵. (Попутно заметим, что в качестве одного из двух факторов товара Маркс здесь еще рассматривает не стоимость, а меновую стоимость. Дифференциация этих понятий была последовательно проведена в I томе «Капитала».) Таким образом, обращение также выступает как предпосылка и результат капиталистического производства.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 438—447.

² Там же, ч. II, с. 504.

³ См. там же, т. 49, с. 3.

⁴ См. там же, т. 47, с. 344—345; т. 26, ч. II, с. 60, 285, 454; ч. III, с. 71, 111—113, 170, 390; т. 48, с. 121, 340.

⁵ Там же, т. 49, с. 4—5.

Соотношение между товаром как предпосылкой и результатом капиталистического производства, осмысленное Марксом в рамках соотношения логического и исторического, существенно проясняет, на наш взгляд, вопрос о предмете первого отдела I тома «Капитала». Абстрактная форма, в которой здесь анализируется товар, обусловлена в первую очередь тем, что он анализируется здесь Марксом только как предпосылка, но не как результат капиталистического производства. Абстрактной ступени анализа товара в реальной действительности соответствует, как показал Маркс, та ступень развития докапиталистического производства, на которой обменивается только излишек продукта, обмен не охватывает и не определяет еще производства в целом. Следовательно, в первом отделе I тома «Капитала» в *абстрактной* форме анализируются отношения капиталистического товарного производства; в то же время здесь дан анализ *реальных* докапиталистических товарных отношений.

2) Товар в качестве результата капиталистического производства отличается от товара как предпосылки последнего следующими основными моментами: оуществленный в нем труд представляет собой сумму оплаченного и неоплаченного труда; отдельный товар выступает как часть товарной массы, совокупного продукта, а затраченный на него труд — как кратная часть совокупного труда; соответственно определяется и цена единицы товара; товарная масса в качестве продукта капитала выступает «как превращенная форма капитала»¹. Отсюда вытекает, что реализация всей этой товарной массы является условием реализации стоимости и прибавочной стоимости капитала; поэтому товар в качестве совокупного продукта капитала можно считать единой потребительной стоимостью, совокупная стоимость которой выражается в совокупной цене. (Маркс исходит здесь из суммарного равенства цен и стоимостей, из того, что «*совокупная цена* произведенной капиталом массы товара равна *совокупной стоимости* этой массы»²; уже отсюда он выводит равенство между стоимостью и ценой для единицы товара.)

3) Проведенные Марксом расчеты показали, что при изменяющихся товарных ценах норма и масса прибавочной стоимости могут оставаться неизменными (в этой связи Маркс формулирует тенденцию капиталистического способа производства к уменьшению цен посредством роста производительности труда) и наоборот, при постоянных товарных ценах норма и масса прибавочной стоимости могут изменяться³.

Оба выведенные здесь Марксом соотношения — он называет их «законами», так как они имеют всеобщее значение, «действительны вообще для всех товаров»⁴ — были важны для критики буржу-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 9.

² Там же, с. 22.

³ См. там же, с. 21.

⁴ Там же.

азной концепции «железного закона» заработной платы, а стало быть, для обоснования возможности борьбы рабочего класса за ее повышение. Это повышение, как впоследствии показал Маркс, понижая норму прибавочной стоимости, не оказывает никакого влияния на стоимости и цены товаров¹.

4) Различие между товаром как продуктом капитала и отдельным товаром по мере прослеживания процесса производства и обращения становится все более явным и все более влияющим «на реальное определение цены товаров»². В рамках «главы шестой», вообще I книги «Капитала», товар выступает как продукт капитала в отношении к процессу ценообразования лишь *формально*, тогда как в рамках III книги — уже *действительно* в ценах производства³. Что же касается II книги, то и в ней, замечает Маркс, «основу... исследований» составляет «предпосылка, что товары продаются по ценам, соответствующим их стоимостям»⁴. Маркс констатирует здесь, на наш взгляд, то обстоятельство, что тема «товар как продукт капитала» может быть полностью раскрыта только в III книге «Капитала», где рассматривается процесс превращения стоимости в цену производства. (Действительно эта тема в какой-то мере нашла там свое отражение⁵.) Может быть, данное обстоятельство и явилось основной причиной того, что Маркс впоследствии отказался от рассмотрения указанной темы в рамках I тома «Капитала»⁶.

5) Товары как продукт капитала должны проделать тот же процесс обращения, что и простой товар, но, пишет Маркс, «они теперь самый капитал, увеличившийся в стоимости, чреватый прибавочной стоимостью. И в этом отношении их обращение, которое теперь вместе с тем есть процесс воспроизводства капитала, включает в себя дальнейшие определения, которые были чужды абстрактному рассмотрению товарного обращения», выступает уже как «процесс обращения капитала»⁷. Прочитированное место было в сокращенном виде включено Марксом в текст первого издания I тома «Капитала»⁸. (Во втором издании Маркс убрал этот заключительный абзац, знаменовавший переход к II книге, так как подготовка ее к печати затягивалась.)

Следующий большой раздел «главы шестой» характеризует капиталистическое производство как производство прибавочной стоимости. Последняя образует внутреннюю движущую силу, тенден-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 142.

² Там же, т. 49, с. 25.

³ Там же, с. 26.

⁴ Там же, с. 31.

⁵ См. там же. т. 25, ч. I, с. 192, 213, 250—251, 460, 488—489; ч. II, с. 420, 451—453.

⁶ Подробнее см.: Antonowa I. Der Platz des Sechsten Kapitels «Resultate des unmittelbaren Produktionsprozesses» in der Struktur des «Kapitals» (Beiträge zur Marx — Engels — Forschung. Berlin, 1980, Nr. 11, S. 63—72).

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 31.

⁸ Marx K. Das Kapital. Erster Band. Hamburg, 1867, S. 756.

цию капитала, выступает как конечный результат капиталистического производства и — соответственно — как цель капиталиста¹. В этой связи Маркс подытоживает содержащийся в I книге анализ процесса капиталистического производства. Последовательно применяя свой метод различения вещественного содержания и социальной формы экономических процессов и выражающих их категорий, он прежде всего констатирует двойственный характер данного процесса, выступающего как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости и проявляющегося в двойственном характере его продукта — товара. Введением в процесс, его «имманентным моментом»², является превращение авансированного капитала в средства производства и рабочую силу. Капитал внутри непосредственного процесса производства также имеет двойственный характер; он состоит из объективных, вещных средств производства и рабочей силы — субъективного условия процесса производства. При этом форма потребительной стоимости средств производства обусловлена природой процесса труда и поэтому ее определение «становится здесь существенным для развития *экономического отношения, экономической категории*»³. Действующую рабочую силу также носит специфический характер, обусловленный природой средств производства.

Из того обстоятельства, что процесс капиталистического производства есть — с точки зрения его вещественного содержания — процесс труда вообще, «на какой бы ступени экономического развития и на базисе какого бы способа производства он ни происходил», проистекает отождествление его социальной формы с его вещественным содержанием: «капитал рассматривается как *вещь*»⁴. Фетишизация капитала становится еще более рельефной при рассмотрении социальной формы капиталистического производства — процесса увеличения стоимости, где дело представляется таким образом, что «не рабочий применяет средства производства, а средства производства применяют рабочего», выступают как «средства командования живым трудом и его эксплуатации»⁵. Процесс самовозрастания капитала одновременно выступает «как процесс обнищания рабочего, который создаваемую им стоимость создает вместе с тем как *ему самому чуждую стоимость*»⁶. Цитированное положение существенно, прежде всего, для понимания места категории обнищания рабочего в Марксовой экономической теории. Так же как и в рукописи 1861—1863 гг., Маркс говорит здесь об обнищании рабочего исключительно в том смысле, что в процессе производства «рабочий функционирует лишь как олицетворенный *труд*, который для него только мука, напряжение», что

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 32—33.

² Там же, с. 35.

³ Там же, с. 36; ср. т. 48, с. 330.

⁴ Там же, т. 49, с. 38.

⁵ Там же, с. 45.

⁶ Там же.

в результате этого процесса рабочий «по-прежнему остается только рабочей силой»¹. Иными словами, Маркс в первую очередь интересуется *качественные* аспекты обнищания рабочего, характеризующиеся как «*процесс отчуждения его собственного труда*»². (Мы видим также, что концепция отчуждения труда в буржуазном обществе, разработанная Марксом еще в 40-е гг., впоследствии органически влилась в его теорию прибавочной стоимости.) Рабочий в качестве «жертвы» этого процесса «с самого начала восстает против него и воспринимает его как процесс порабощения»³.

В текст «главы шестой» Маркс вставил несколько страниц из предыдущих глав I книги (страницы 96—107 и 263—264). На этих страницах подробно анализируется фетишистская позиция буржуазных экономистов (различная у классиков и вульгарных экономистов) в отношении капитала, позиция, которая «вытекает из самой природы капиталистического процесса производства» и представляет собой «удобный метод для того, чтобы доказывать вечность капиталистического способа производства»⁴. Закономерной реакцией на эту позицию явилось отрицание «пролетарскими противниками» буржуазной политической экономии необходимости капитала «даже для определенной исторической ступени развития общественного процесса производства»⁵.

В рамках данного раздела «главы шестой» Маркс рассматривает, далее, вопросы формального и реального подчинения труда капиталу, производительного и непроизводительного труда, валового и чистого продукта и, наконец, мистификации общественных отношений, приносимой капиталом. (При этом он широко опирается на материал рукописи 1861—1863 гг. — вплоть до того, что вырезает из этой рукописи отдельные страницы и наклеивает их на страницы «главы шестой»⁶.) Цель указанного рассматривания заключается, в частности, в том, чтобы дать картину «*изменившегося образа капитала*, как результата капиталистического способа производства»⁷. Три обстоятельства, по мысли Маркса, играют решающую роль в фетишизации капитала: 1) общественная комбинация труда, выступающая как совокупная рабочая сила, «навязывается» рабочим, «противостоит им как *капиталистическая организация*»; 2) производительные силы общественного труда исторически развиваются вместе со специфически капиталистическим способом производства и выступают поэтому «как нечто имманентное капиталистическому отношению и от него неотделимое»; 3) объективные условия общественного труда, «благодаря масштабу, в котором они применяются, и экономии, с которой

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 46; т. 47, с. 126.

² Там же, т. 49, с. 47.

³ Там же; ср. т. 48, с. 248.

⁴ Там же, т. 49, с. 54.

⁵ Там же, с. 55.

⁶ См. там же, т. 48, с. 552; т. 49, с. 80—93, 104—114.

⁷ Там же, т. 49, с. 93.

они применяются», выступают «как способ существования капитала»¹.

Заключительный раздел «главы шестой» содержит анализ воспроизводства капиталистических отношений в процессе капиталистического производства. Это воспроизводство является расширенным: «возрастание капитала и рост пролетариата являются связанными между собой, хотя и полярно разделенными продуктами одного и того же процесса»². Его систематическое осуществление подрывает видимость того, что отношение между рабочим и капиталистом есть отношение равноправных товаровладельцев, обменивающихся продуктами *собственного* труда: в процессе капиталистического производства формируется и увековечивается господство капитала над рабочим, овеществленного труда над живым.

Резюмируя, наряду со своими предшествующими исследованиями, все изложенное в «главе шестой», Маркс подчеркивает следующие существенные моменты³: 1) Предпосылками возникновения капиталистического отношения являются «определенная историческая ступень и форма общественного производства», определенный уровень развития — «в рамках прежнего способа производства» — средств производства и общения, а также потребностей, «которые выходят за пределы старых производственных отношений и вынуждают их превратиться в капиталистическое отношение». Указанные предпосылки «должны быть развиты лишь настолько, чтобы имело место формальное подчинение труда капиталу». 2) На базисе изменившегося отношения развивается новый способ производства, «который, с одной стороны, создает новые материальные производительные силы, с другой стороны, сам развивается лишь на их основе... Вместе с тем наступает полная экономическая революция». Она завершает реальное подчинение труда капиталу и одновременно в развитых ею средствах производства и общения «создает реальные условия нового способа производства, снимающего противоречивую форму капиталистического способа производства, создает, таким образом, материальный базис по-новому устроенного общественного процесса жизни и тем самым — новой общественной формации». Созданием материальных условий разложения капитализма «упраздняется его историческое право как *необходимой формы* экономического развития, производства общественного богатства». Буржуазная политическая экономия не видит ни возникновения капиталистического отношения, ни создания материальных условий его разложения; она видит лишь, «как осуществляется производство в рамках капиталистического отношения».

Эта характеристика, на наш взгляд, развивает и конкретизирует — на основе политико-экономического исследования капиталистической экономики — некоторые классические положения ма-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 107—108.

² Там же, с. 116.

³ Там же, с. 118—119.

териалистического понимания истории, которые содержатся в предисловии к «К критике политической экономии», и тем самым дает этим положениям дальнейшее экономическое обоснование. В названном предисловии говорилось: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»¹. Теперь Маркс существенно развивает это положение, во-первых, фиксируя тот уровень развития материальных предпосылок, который необходим для возникновения нового способа производства; во-вторых, указывая на тот исторический момент, когда старый способ производства перестает быть необходимым фактором экономического развития; и в том и в другом случае критерием является развитие материальных предпосылок, необходимых для функционирования — пока еще не на своей собственной, а на старой основе — нового способа производства.

В самом конце «главы шестой»² Маркс написал ее несколько измененный заголовок, вернувшись к формулировке января 1863 г.³, — «Результат непосредственного процесса производства» — и начал изложение с только что рассмотренного им третьего раздела, но тотчас же прервал его⁴. Таким образом, в окончательном варианте структура этой главы, по-видимому, должна была строиться в обратном порядке — от третьего раздела ко второму и первому.

«Глава шестая» занимает, как видим, важное место в истории «Капитала», в экономическом наследии Маркса. Впервые осуществленное здесь исследование товара как продукта капитала, продолженное затем во II и III книгах, дает возможность осознать тот существенный факт, что изложение теории стоимости в «Капитале» отнюдь не ограничивается первым разделом I тома; напротив, там это изложение только начато и осуществлено в наиболее абстрактной форме. В процессе восхождения от абстрактного к конкретному в трех томах «Капитала» Маркс развил и конкретизировал также и свою теорию стоимости; в первую очередь здесь должна быть названа теория средней прибыли и цены производства. Подытоживая в «главе шестой» свои предшествующие исследования, Маркс дал здесь также обобщающие характеристики капиталистического способа производства, условий его возникновения, его исторического места в общественном развитии, в создании материальных предпосылок коммунизма. Эти характеристики имеют общее значение, они обогащают марксистскую теорию общественных формаций, Марксов метод экономического исследования.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

² См. там же, т. 49, с. 119.

³ См. там же, т. 26, ч. I, с. 424.

⁴ См. статью И. К. Антоновой в настоящем сборнике.

Подобный обзор содержания «главы шестой» свидетельствует о том, что рукопись I книги (1863—1864 гг.) необходимо рассматривать как новый вариант по сравнению с соответствующей частью рукописи 1861—1863 гг. Это можно подтвердить и прямым сопоставлением текста отдельных сохранившихся страниц.

Так, сравнивая сохранившиеся страницы 24—25 рукописи 1863—1864 гг. с соответствующим местом рукописи 1861—1863 гг.¹, мы констатируем дальнейшую существенную работу Маркса над текстом. Маркс говорит здесь о рабочей силе как о специфическом товаре, являющемся предметом сделки между рабочим и капиталистом, и подчеркивает то, что сближает его с любым другим товаром: «Меновая стоимость этого товара, как и всякого товара, определена до того, как он вступает в обращение, так как он продается как способность, как сила, и требовалось определенное рабочее время, чтобы произвести эту способность, эту силу»². Указанное обстоятельство, которое не было отмечено в рукописи 1861—1863 гг., позволило Марксу более рельефно подчеркнуть различие между потребительной и меновой стоимостью рабочей силы³. Дальнейшую обработку рассматриваемого текста Маркс произвел в 1866—1867 гг., в процессе завершающей работы над текстом 1-го издания I тома «Капитала»⁴; в частности, он заменил термин «способность к труду» термином «рабочая сила» и указал на общественный характер создающего ее труда. (В этой связи необходимо подчеркнуть важное значение периода 1866—1867 гг. в создании I книги.)

Сопоставление других сохранившихся страниц рукописи 1863—1864 гг., например страниц 96—107 и 263—264, относящихся к разделу о капиталистическом процессе производства как единстве процесса труда и процесса увеличения стоимости⁵, с соответствующими страницами рукописи 1861—1863 гг.⁶, также подтверждает характеристику рукописи 1863—1864 гг. как нового варианта I книги.

III

Прекратив работу над «главой шестой» и тем самым — над рукописью I книги «Капитала», Маркс в конце лета 1864 г. приступил к созданию III книги — рукописи 1864—1865 гг., послужив-

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 49, с. 119—121; т. 47, с. 52; Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII). М., 1933, с. 230—232; MEGA, Abt. II, Bd. 3. 1, S. 46—47.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 49, с. 120.

³ Во 2-м издании I тома «Капитала» (*Marx K. Das Kapital. Erster Band. Zweite verbesserte Auflage.* Hamburg, 1872, S. 159—161) Маркс говорит не о меновой стоимости, а о стоимости рабочей силы.

⁴ *Marx K. Das Kapital. Erster Band.* Hamburg, 1867, S. 137—139.

⁵ В ходе работы над «главой шестой» Маркс пришел к выводу о необходимости включения указанных страниц в ее состав.

⁶ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 49, с. 52—74; т. 47, с. 98—111.

шей Энгельсу основой при подготовке им к печати III тома «Капитала» (1894 г.).

Факт работы Маркса над III книгой в этот период подтверждается рядом его писем, относящихся к ноябрю и декабрю 1864 г., а также апрелю и августу 1865 г.¹ Работа над ней началась со 2-й главы — о превращении прибыли в среднюю прибыль. (Страницы этой главы были пронумерованы Марксом позднее, уже после создания 1-й главы.) Выше мы видели, что среди набросков планов I и III частей «Капитала», составленных в январе 1863 г., имелся подробный план именно этой главы.

Процесс создания текста III книги первоначально шел, по всей вероятности, по следующему плану, преобразованному из приведенного выше наброска января 1863 г.: 1) Превращение прибавочной стоимости в прибыль; 2) Превращение прибыли в среднюю прибыль; 3) Закон тенденции общей нормы прибыли к понижению в связи с прогрессом капиталистического производства; 4) Превращение товарного и денежного капитала в товарно-торговый и денежно-торговый капитал. Распадение прибыли на процент и промышленную прибыль. Капитал, приносящий проценты; 5) Превращение добавочной прибыли в земельную ренту; 6) Доходы и их источники; 7) Возвратные движения денег в совокупном процессе капиталистического производства; Заключение: капитал и наемный труд.

Формулировки пунктов этого плана воспроизводят названия глав в рукописи III книги, хотя они могли и несколько отличаться от них. Реальность данного плана, так же как и приведенного выше плана I книги, доказывается многочисленными ссылками на пункты того и другого, содержащимися в рукописях 1863—1865 гг. Подробный анализ этих ссылок и позволил с достаточной степенью надежности датировать указанные рукописи.

Ссылка на один из пунктов плана III книги, содержащаяся в «главе шестой»², показывает, что набросок января 1863 г. был — мысленно или на бумаге — преобразован Марксом в данный план еще до начала работы над III книгой. Основные моменты этого преобразования заключались в том, что Маркс — так же как и в случае с I книгой — опустил все исторические экскурсы, входившие в набросок января 1863 г. (т. е. пункты 3, 5, 7 и 11 этого наброска), и, кроме того, изменил место раздела о земельной ренте в структуре III книги. Это последнее изменение отнюдь не является формальным. Разработав теорию земельной ренты в рукописи 1861—1863 гг., Маркс сначала не хотел включать соответствующий раздел в главу о капитале вообще³, так как рассмотрение ренты предполагало детальный анализ двух форм конкуренции (внутри- и межотраслевой), что, в соответствии с «планом шести книг», должно было войти в специальный раздел о конку-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 16, 22, 32, 89, 125.

² См. там же, т. 49, с. 104.

³ См. там же, т. 30, с. 204.

ренции капиталов. Однако вскоре Маркс все же решил включить в III часть своего труда главу о ренте в качестве «иллюстрации» различия между трудомостью и ценой производства¹. В таком виде она и фигурировала в приведенном выше наброске плана января 1863 г. Теперь в плане III книги земельная рента уже выступала как превращенная форма добавочной прибыли, т. е. была включена в рамки теории прибавочной стоимости в широком смысле и в этом своем качестве закономерно вошла в общую систему категорий «Капитала». Анализ земельной ренты в рамках новой структуры «Капитала» предполагал наряду с исследованием конкуренции рассмотрение монополии капиталистического хозяйства на земле и монополии частной собственности на землю, что также означало расширение подлежащего рассмотрению материала, расширение, подчеркнем еще раз, в рамках прежнего общего уровня абстракции, обусловленного местом раздела о «капитале вообще» в «плане шести книг».

31 июля 1865 г. Маркс в письме к Энгельсу следующим образом обрисовал ход работы над «Капиталом»: «Осталось написать еще три главы, чтобы закончить теоретическую часть (первые 3 книги). Затем еще нужно написать 4-ю книгу, историко-литературную... я не могу решиться что-нибудь отослать, пока все в целом не будет лежать передо мной»². Из переписки Маркса и Энгельса мы знаем, что в это время Маркс работал над разделом о денежном капитале и проценте³. Для того чтобы иметь ясное представление о том, какие главы имеет в виду Маркс в процитированном письме, надо вернуться к приведенному выше плану III книги. Уже в ходе создания самой рукописи Маркс несколько видоизменил этот план: во-первых, он разбил 4-ю главу на две — 4-ю и 5-ю, — посвятив их соответственно торговому и ссудному капиталу. (Отсюда следует, что в рассматриваемый момент времени Маркс писал 5-ю главу.) Во-вторых, Маркс отказался от включения в состав III книги главы о возвратных движениях денег; в 1864—1865 гг. он вообще не написал этой главы. Раздел на эту тему содержится в рукописи 1861—1863 гг.⁴, однако по своему фактическому содержанию он относится не к III, а к II книге «Капитала». Может быть, это обстоятельство и побудило Маркса исключить соответствующую главу из состава III книги. Сказанное подтверждается тем, что вопрос о возвратных движениях денег в процессе воспроизводства был впоследствии (в 1868—1870 гг.) детально разработан Марксом во втором полном варианте II книги «Капитала»⁵. Таким образом, в письме Маркса к Энгельсу от 31 июля 1865 г. имелись в виду, скорее всего, главы III книги, посвященные ссудному капиталу, земельной ренте и доходам

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 216.

² Там же, т. 31, с. 111—112.

³ См. там же, с. 125.

⁴ См. там же, т. 48, с. 167—241.

⁵ См. там же, т. 50, с. 186—259.

и их источникам. Эти главы и были написаны Марксом в оставшиеся месяцы 1865 г.

Упоминавшееся выше расширение проблематики III книги шло по двум основным направлениям: теория средней прибыли и цены производства и теория земельной ренты. В XVI тетради рукописи 1861—1863 гг., заполненной в декабре 1862 г., раздел о средней прибыли занимал подчиненное место в рубрике «Идержки производства» и весьма небольшой объем¹. «Более подробное рассмотрение этого пункта,— писал Маркс по поводу раздела о средней прибыли,— относится к главе о конкуренции. Однако здесь все же должны быть изложены наиболее важные общие моменты»². Создавая в 1864—1865 гг. рукопись III книги, Маркс руководствовался уже новым представлением о ее структуре и поэтому включил в изложение частично разработанный в «Теориях прибавочной стоимости» вопрос о формировании рыночной стоимости в процессе внутриотраслевой конкуренции и о превращении рыночной стоимости в цену производства в результате межотраслевой конкуренции.

Для раздела о земельной ренте³ Маркс провел в этот период специальные исследования, представление о которых дает его письмо Энгельсу от 13 февраля 1866 г.: «трактат о земельной ренте, предпоследняя глава⁴, составит, в настоящем виде, чуть ли не целую книгу. День я проводил в Музее, а по ночам писал. Новая агрономическая химия в Германии, особенно Либих и Шёнбейн, для этого дела важнее, чем все экономисты, вместе взятые; с другой стороны, огромный материал, собранный французами со времени моих последних занятий этим предметом,— все это я должен был проштудировать, работая, как вол. Свои теоретические исследования земельной ренты я закончил два года тому назад. Как раз за это время появилось много нового, вполне, впрочем, подтверждающего мою теорию. Тут важны были также новые данные о Японии»⁵.

* * *

Специфика рукописи III книги «Капитала»⁶ заключается в том, что экономические явления в ней исследуются Марксом в той форме, «в которой они выступают на поверхности общества»⁷, стало быть, в форме извращенной, скрывающей действительное

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 242—243, 267—282.

² Там же, с. 271.

³ Содержание этого раздела рассмотрено в настоящем сборнике в статье М. В. Терновского.

⁴ Глава о земельной ренте стала «предпоследней» в III книге после того, как Маркс отказался от главы о возвратных движениях денег. Кроме того, изменился ее порядковый номер. После разделения 4-й главы на две — 4-ю и 5-ю — глава о ренте стала 6-й, а глава о доходах и их источниках — 7-й.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 150.

⁶ Мы цитируем эту рукопись по III тому «Капитала», исходя из того, что по содержанию они эквивалентны.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 29.

положение вещей. Уже категория издержек производства, с которой начинается рассмотрение процесса капиталистического производства, взятого в целом, представляет рабочего в качестве составной части авансированного капитала, а прибавочную стоимость — как порождение этого последнего, т. е. в форме прибыли, маскирующей (также и количественно, ибо норма прибыли всегда меньше нормы прибавочной стоимости) происхождение прибавочной стоимости из неоплаченного труда. Издержки производства выступают для капиталиста в качестве нижнего — недопустимого — предела рыночной цены товара, в качестве его внутренней стоимости; прибыль при таком понимании выступает как избыток цены над стоимостью, т. е. представляет собой «прибыль от отчуждения». (Именно из этой вульгарной концепции проистекал взгляд Прудона на издержки производства как на действительную стоимость товара: «Это сведение стоимости товаров к издержкам их производства,— писал Маркс,— образует в действительности основу его «Народного банка»¹.)

Анализ издержек производства показал связь этой категории с тенденцией капитала к удлинению рабочего дня и росту интенсивности труда, имеющей своим результатом экономию в применении как постоянного капитала (сюда же относится и моральный износ машин), так и переменного, «расточение жизни и здоровья рабочего»².

Дальнейшая мистификация производственных отношений капитализма имеет место в связи с превращением стоимости в цену производства, а прибыли в среднюю прибыль. В результате маскируется трудовое происхождение стоимости, а прибыль окончательно отрывается от своего источника. В то же время именно эти превращенные формы выражают объективный факт совместной эксплуатации рабочего класса классом капиталистов. «Мы имеем здесь,— пишет Маркс, развивая идеи, сформулированные им впервые в рукописи 1861—1863 гг.,— математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым»³.

Исследуя закон тенденции нормы прибыли к понижению и с необходимостью вытекающий из него рост избыточного числа рабочих, Маркс подчеркивает, что этот закон связан лишь с относительным уменьшением переменного капитала по сравнению с постоянным и допускает абсолютное возрастание как того, так и другого. Поэтому уменьшение нормы прибыли вполне возможно при возрастании ее массы. «Это не только *возможно*. На основе капиталистического производства так *должно* быть, если оставить

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 47.

² Там же, с. 98.

³ Там же, с. 217.

в стороне преходящие колебания»¹. Пытаясь противодействовать данному закону, капиталисты повышают степень эксплуатации, но факторы этого повышения — удлинение рабочего дня и интенсификация труда — в свою очередь влияют на понижение нормы прибыли. Эта двойственность еще больше маскирует глубинные процессы капиталистической экономики: росту нормы эксплуатации труда капиталом на поверхности буржуазного общества соответствует уменьшение нормы прибыли.

Норма прибыли является стимулом капиталистического производства, поэтому тенденция к ее понижению характеризует предел развития последнего, его исторически преходящий характер. Маркс показывает, что преодоление этой тенденции в рамках капитализма с необходимостью осуществляется посредством кризисов, посредством периодического обесценения существующего капитала — не только постоянного, но и переменного. «Рабочие становятся уже лишними, как только исчезает необходимость заставлять их работать в течение 12—15 часов ежедневно. Если бы развитие производительных сил уменьшило абсолютное число рабочих, т. е. в действительности дало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то, — делает вывод Маркс, — это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы не у дел»².

Маркс показывает, что господствующая при капитализме анархия производства с необходимостью порождает тенденцию к регулированию процесса производства путем создания «ассоциаций» капиталистов; он отмечает противоречивый характер этой тенденции, действующей в общих рамках капиталистической конкуренции³.

Детальный анализ противоречий капитализма, содержащийся в III книге «Капитала», стимулировал дальнейшее прогнозирование коммунистических производственных отношений⁴, которые, по мысли Маркса, отличаются, прежде всего, строгой закономерностью, хотя и познанной обществом⁵. Далее, расширение или сокращение производства в условиях коммунизма определяется отношением производства к общественным потребностям, здесь восстановлена непосредственная связь между производством и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 238—239.

² Там же, с. 289.

³ См. там же, с. 133. В своем примечании к этому месту Энгельс подчеркнул важность открытой Марксом тенденции к монополизации процесса капиталистического производства.

⁴ Это прогнозирование выступает как требование метода исследования Маркса. «Наш метод, — писал он в 1858 г., —...приводит к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 449). Поэтому оно осуществлялось Марксом на всех этапах разработки экономической теории.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 282.

потреблением. Маркс делает важный вывод о сохранении при коммунизме прибавочного труда как «труда сверх меры данных потребностей», необходимого для создания страхового фонда и обеспечения расширенного воспроизводства¹.

Капитализм выступает как непосредственная предпосылка коммунизма (среди материальных «элементов высшей новой формы»² Маркс рассматривает английские кооперативные фабрики рабочих, акционерный капитал, кредитную систему), и это позволяет Марксу, опираясь на анализ вещественного содержания экономики этого отживающего строя, сделать выводы относительно цели коммунистического способа производства. Коммунистическая формация коренным образом меняет характер труда в сфере материального производства, но она рассматривает эту сферу как всего лишь необходимый базис («царство необходимости») всеобщего развития человека, которое и является истинной целью общества и общественного производства. «Царство свободы, — пишет Маркс, — начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»³. Маркс указывает на сокращение рабочего дня как на «основное условие» расписания «царства свободы».

В рукописи III книги наиболее отчетливо проявилась методология прогнозирования экономики коммунизма, выявления вещественного содержания важнейших экономических категорий. Под этим углом зрения Маркс подходит, например, к таким категориям, как стоимость и заработная плата, когда он хочет определить их место в коммунистической экономике. Вещественное содержание стоимости обуславливает ее «господствующий» характер при коммунизме и заключается в «регулировании рабочего времени и распределении общественного труда между различными группами производства», в «охватывающей все это бухгалтерии»⁴. Вещественное содержание заработной платы при коммунизме Маркс выводит из оптимального соотношения между достигнутым на данной ступени экономического развития уровнем производительности труда рабочего и необходимостью возможно полного развития его индивидуальности, обеспечения непрерывного процесса расширенного воспроизводства, образования страхового и резервного фонда, содержания нетрудоспособных членов общества⁵. Перестав быть иррациональной формой стоимости и цены рабочей силы, «заработная плата» при коммунизме становится средством удовлетворения потребностей рабочего, развития его индивидуальности.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 385—386.

² Там же, с. 386.

³ Там же, с. 386—387.

⁴ Там же, с. 421.

⁵ См. там же, с. 448. Эти положения были впоследствии конкретизированы Марксом в «Критике Готской программы».

Обобщая свой метод научного прогнозирования, Маркс пишет: «...если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства»¹.

В заключительных разделах III книги Маркс резюмирует исследованный им «мистифицирующий характер» капиталистических производственных отношений. Уже категории товара и денег были первыми формами фетишизации этих отношений. В более конкретных категориях «этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развитие»². Так, с развитием относительной прибавочной стоимости производительные силы труда выступают как производительные силы капитала. Далее, процесс обращения выступает как равноправный источник прибавочной стоимости; в то же время в действительном процессе производства, представляющем собой единство непосредственного процесса производства и процесса обращения, «отношения производства все более приобретают самостоятельное существование по отношению друг к другу, а составные части стоимости закаменевают в самостоятельные одна по отношению к другой формы»³. Такие категории, как прибыль, норма прибыли, средняя прибыль, цена производства, скрывают истинную природу прибавочной стоимости, действительный механизм функционирования капитала, отрывают цены товаров от их стоимостей. Наконец, деление прибыли на процент и предпринимательский доход еще больше обособляет прибыль от ее действительного источника. Земельная собственность также выступает как самостоятельный источник прибавочной стоимости наряду с капиталом. В результате «оказывается завершенной мистификация капиталистического способа производства, овеществление общественных отношений производства с их исторически-общественной определенностью»⁴. Все это находит свое выражение в известной формуле вульгарной политической экономии: «капитал — процент, земля — рента, труд — заработная плата», которая, замечает Маркс, «соответствует интересам господствующих классов, так как она прокламирует и возводит в догму естественную необходимость и вечное оправдание источников их дохода»⁵.

IV

В процессе создания III книги Маркс в первой половине 1865 г. дважды прерывал свою работу, для того чтобы написать первый вариант II книги «Капитала», а также выступить с док-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 448.

² Там же, с. 394.

³ Там же, с. 396.

⁴ Там же, с. 398.

⁵ Там же, с. 399.

ладом о стоимости, цене и прибыли на заседании Генерального Совета I Интернационала. Есть веские основания предполагать, что Маркс создал рукопись II книги именно в тот период, когда писалась 4-я глава III книги, т. е. во всяком случае в первой половине 1865 г. (Об этом свидетельствуют некоторые ссылки на III книгу, содержащиеся в рукописи II книги, и, наоборот, ссылки на II книгу, содержащиеся в рукописи III книги¹.)

Тот факт, что Маркс после завершения I книги приступил к книге III, а не к II, объясняется, возможно, тем, что эту последнюю он рассматривал как связующее звено между I и III книгами и поэтому собирался написать ее в последнюю очередь. Однако по мере работы над III книгой все более нарастала необходимость в материале книги II. Это, по-видимому, и побудило Маркса прервать работу над III книгой и написать первый вариант книги II.

Впоследствии Маркс пронумеровал варианты II книги «Капитала» римскими цифрами, обозначив рассматриваемую рукопись цифрой I; в соответствии с этой нумерацией Энгельс в предисловии к II тому «Капитала» называет ее: «рукопись I»². Созданию данной рукописи предшествовало составление на отдельном листке плана II книги, явившегося первым наброском ее структуры: «Первая глава. Обращение капитала... Вторая глава.оборот капитала... Третья глава»³. Две первые главы в этом наброске были разбиты на параграфы, а третья — даже не названа. Однако уже в «главе шестой» I книги Маркс характеризовал 3-ю главу II книги как главу «о процессе воспроизводства»⁴. В самом тексте «рукописи I» эта глава получила название «Обращение и воспроизводство».

Не касаясь теоретического материала «рукописи I»⁵, хотим лишь обратить внимание на впервые разработанную здесь Марксом трехчленную структуру II книги, которая затем неизменно воспроизводилась во всех последующих ее вариантах⁶.

Замысел доклада, прочитанного 20 и 27 июня 1865 г. в Генеральном Совете I Интернационала, мог возникнуть у Маркса еще в апреле — после выступления члена Генерального Совета Уэстона 4 апреля⁷. Утверждения Уэстона: «1) что общее повышение уровня заработной платы не может принести рабочим никакой

¹ См.: Вопросы экономики, М., 1981, № 8, с. 104—105.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 7.

³ Там же, т. 49, с. 233.

⁴ Там же, с. 101.

⁵ Ее содержание рассмотрено в настоящем сборнике в статье А. Ю. Чепуренко.

⁶ Структура соответствующего раздела в рукописи 1857—1858 гг. была совершенно иной (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 377—508; ч. II, с. 5—257). В рукописи 1861—1863 гг. самостоятельного раздела об обращении капитала не было вовсе.

⁷ См.: Генеральный Совет I Интернационала. 1864—1866. Протоколы. М., 1961, с. 46—47.

пользы; 2) что вследствие этого и пр. тред-юнионы приносят вред»¹ — стали предметом дискуссии, развернувшейся в Генеральном Совете в мае — августе 1865 г.; в ходе этой дискуссии Маркс и зачитал свой доклад.

В письме Энгельсу от 20 мая 1865 г. Маркс дает общую оценку положений Уэстона, вместе с тем письмо это свидетельствует, что к этому времени *текста* доклада у Маркса еще не было. «Мне, собственно, следовало, — пишет он, — приготовить свой ответ к сегодняшнему вечеру, но я счел более важным продолжать писать свою книгу и должен поэтому полагаться на импровизацию. Я, разумеется, знаю заранее, к чему сводятся оба основных пункта: 1) что стоимость товаров определяется *заработной платой*; 2) что если капиталисты платят сегодня 5 шилл. вместо 4, то они будут завтра (возросший спрос даст им эту возможность) продавать свои товары за 5 шилл. вместо 4. Хотя все это плоско и затрагивает только поверхность явлений, однако не легко разъяснить людям несведущим все связанные с этим экономические вопросы. Невозможно изложить курс политической экономии в течение одного часа. Но постараюсь сделать все, что в моих силах»².

Мы видим, что в своем выступлении в Генеральном Совете Маркс собирался дать краткое изложение «курса политической экономии», т. е. своей экономической теории, прежде всего разъяснить учение о стоимости, так как ошибочная позиция Уэстона вытекала из ложной концепции стоимости вульгарных буржуазных экономистов, которой он придерживался. Протокол заседания от 20 мая не сохранился. Можно предположить, что выступление Маркса на этом заседании явилось основой будущего доклада.

Спустя месяц³, 24 июня, уже прочитав первую часть своего доклада, Маркс писал Энгельсу: «Я прочел в Центральном Совете доклад. Первая часть — это ответ на уэстоновский вздор; вторая — теоретическое рассуждение, насколько это было уместно в данном случае ... во второй части этот доклад содержит в чрезвычайно сжатой, но относительно популярной форме много нового, предвосхищающего изложение в моей книге, хотя мне и пришлось по необходимости лишь бегло и вскользь касаться многих проблем»⁴.

Таким образом, к 24 июня 1865 г. Марксом был уже написан весь текст доклада объемом примерно в 3½ печатного листа⁵. Это было первое, после работы «К критике политической экономии» (1859 г.), публичное изложение экономической теории Маркса,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 103.

² Там же.

³ Весь этот месяц Маркс не прекращал работы над «Капиталом». (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 102, 104).

⁴ Там же, с. 105.

⁵ В письме от 24 июня Маркс ошибочно оценил объем своего текста в 2 печатных листа.

краткое резюме всех трех теоретических книг «Капитала». Можно предположить, что одной из причин отказа Маркса от намечавшейся публикации своего доклада явилось отчетливое понимание им того, что окончательная подготовка «Капитала» требует еще определенного времени¹, что поставленное Энгельсом условие публикации доклада (в письме Марксу от 15 июля: «..я не вижу особого вреда в том,— писал Энгельс,— чтобы предварительно опубликовать отдельные положения из твоей книги — *Nota bene*, если ты ее действительно теперь закончишь»²) выполнено быть не может.

Рукопись доклада, написанного Марксом по-английски, была найдена уже после смерти Энгельса и опубликована на языке оригинала в 1898 г. дочерью Маркса Элеонорой и ее мужем Эдуардом Эвелингом под редакционным заголовком «Стоимость, цена и прибыль»³. Одновременно в журнале «*Neue Zeit*»⁴ печатался по частям немецкий перевод доклада уже под другим заглавием: «Заработная плата, цена и прибыль» (*Lohn, Preis und Profit*).

Сама рукопись доклада никак не озаглавлена Марксом; она открывается записью: «Прочитано в Центральном Совете во вторник 20 июня 1865 г.» — и расчленена на 14 разделов, пронумерованных арабскими цифрами. Маркс снабдил заголовками разделы с 7-го по 14-й. В немецкой публикации рукописи был изменен не только общий заголовок, данный Эвелингами, но и сформулированные ими заголовки первых пяти разделов.

При публикации рукописи в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса на русском, а затем и немецком языках были использованы редакционные заголовки из издания Эвелингов, но общий заголовок был взят из публикации рукописи в «*Neue Zeit*»⁵. Однако, на наш взгляд, заголовок «Стоимость, цена и прибыль» больше соответствует содержанию рукописи.

Хронологические рамки доклада делают его существенным звеном в истории создания «Капитала» — промежуточным звеном между лишь частично сохранившейся рукописью I книги (1863—1864 гг.) и I томом «Капитала» (1867 г.). Такому утверждению несколько не противоречит популярный характер этой работы, о котором Маркс говорит в цитированном выше письме Энгельсу от 24 июня 1865 г.: «...относительно популярная форма». Вообще деление работ Маркса и Энгельса на «научные» и «популярные» является весьма условным. Достаточно вспомнить лекции о наемном труде и капитале, которые в 1847 г. Маркс читал рабочим и которые вместе с тем явились значительным шагом вперед в разработ-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 111, 113—114.

² Там же, с. 108.

³ *Karl Marx*. Value, price and profit. Addressed to working men. Ed. by his daughter Eleanor Marx-Aveling. London, 1898.

⁴ Die Neue Zeit. Sechzehnter Jahrgang. Stuttgart, 1898, Zweiter Band, S. 4—13, 36—42, 111—118, 131—140.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 101—155; Marx — Engels Werke, Bd. 16, S. 101—152.

ке теории прибавочной стоимости. Именно так их расценивал Энгельс¹. Очевидно, такого рода работы выполняли двойную функцию: представляя собой определенный шаг в разработке теории, они вместе с тем благодаря своей «относительно популярной форме» сыграли важную роль в популяризации и распространении марксизма. Нас, естественно, интересует сейчас политико-экономическое содержание Марковского доклада.

Прежде всего Маркс рассмотрел аргументацию Уэстона и показал, что она противоречит *фактическому* положению вещей. (В этом смысле структура доклада напоминает структуру рукописи 1857—1858 гг., где Маркс сначала фактически опроверг построения Даримона, а затем перешел к критическому анализу прудонистских концепций стоимости².)

Уэстон исходил — осознанно или нет — из того, что масса национальной продукции представляет собой неизменную величину, откуда, по его мнению, вытекала также неизменность общей величины реальной заработной платы. (Уэстон повторил здесь ошибку Рикардо, зафиксированную Марксом еще в 1851 г.³) Маркс показал несостоятельность позиции Уэстона и обратил внимание на конкретные факторы роста национальной продукции: население, накопление капитала, производительная сила труда. При этом Маркс заметил, что если бы даже национальная продукция оставалась неизменной, рост заработной платы тем не менее был бы возможен за счет уменьшения прибыли капиталиста. Маркс заметил также, что если принять другую предпосылку Уэстона — о постоянстве заработной платы, то из нее вытекает необходимость сопротивления рабочего класса постоянным попыткам капиталистов повысить заработную плату.

Уэстон исходил из того, что повышение заработной платы автоматически приводит к росту цен на жизненные средства. В основе этой предпосылки опять-таки лежала идущая еще от физиократов⁴ концепция буржуазной политической экономии о жестком определении заработной платы минимумом жизненных средств. Маркс показал, что механизм ценообразования в этом случае играет лишь роль посредствующего звена в соотношении между заработной платой и нормой прибыли. Маркс иллюстрировал это обширным фактическим материалом, свидетельствовавшим о том, что повышение заработной платы, которое произошло в Англии в 1849—1855 гг. вследствие введения в 1848 г. закона о 10½-часовом рабочем дне, сопровождалось падением цен как на промышленные, так и на сельскохозяйственные продукты.

Буржуазная трактовка национальной продукции как неизменной величины имела своим следствием, как установил Маркс, также и отрицание возможности какого-либо сокращения рабочего

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 11.

² См. там же, т. 46, ч. I, с. 77.

³ См. там же, т. 44, с. 101—102, 108—109.

⁴ См. там же, т. 26, ч. I, с. 13—14.

дня без нарушения нормального функционирования капиталистического процесса производства. Заметим в этой связи, что Марксова критика Сениора, Юра и других буржуазных экономистов в рассматриваемом докладе существенно дополняет материал I книги «Капитала» по этому вопросу. В «Капитале» показано, что ошибка Сениора и других проистекала из непонимания ими различной роли постоянного и переменного капитала в процессе образования стоимости продукта. В докладе Маркс находит еще один источник указанной ошибки: представление о национальной продукции как неизменной величине.

Обобщая свое критическое рассмотрение концепции Уэстона на данной стадии исследования, Маркс пишет: «Если свести аргументацию гражданина Уэстона к ее абстрактной форме, то она состоит в следующем: всякое повышение спроса всегда происходит на основе данной массы продукции. Поэтому оно никогда не может увеличить предложения требующихся товаров, а может только повысить их денежные цены»¹. Конкретный анализ, данный Марксом ранее, уже фактически опроверг это утверждение Уэстона. Но его теоретическое опровержение требовало предварительного выяснения законов, «в силу которых увеличение спроса вызывает увеличение предложения, а вовсе не обязательное повышение рыночных цен»².

Помимо прочих «неизменностей и окончательностей»³, Уэстон исходил также из неизменного количества денег в обращении, делающего якобы невозможной выплату большей суммы заработной платы. Маркс отметил в этой связи, что действующий в Англии развитый механизм отсроченных платежей и не предполагает увеличения количества наличных денег в том случае, когда находящаяся в обращении сумма стоимостей увеличивается. Хотя денежная заработная плата на европейском континенте гораздо ниже, чем в Англии, для выплаты ее, вследствие неразвитости кредитных отношений, требуется гораздо большая сумма, так как «там каждый соверен не столь быстро перехватывается банкиром и не столь быстро возвращается промышленному капиталисту»⁴. Приведя подробные данные о величине заработной платы, количестве денег в обращении и сумме товарных цен в Англии в 40—60-е гг., Маркс пришел к выводу, что даже при неизменной величине заработной платы «догма о якобы неизменной сумме денег представляет собой чудовищное заблуждение», в основе которого лежит «непонимание законов денежного обращения»⁵.

Здесь Маркс делает дальнейшее обобщение: «Я... попытаюсь свести его догму... к ее простейшему теоретическому выражению»⁶.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 114.

² Там же.

³ Там же, с. 112.

⁴ Там же, с. 115.

⁵ Там же, с. 118.

⁶ Там же, с. 119.

Он ставит вопрос об «исследовании природы... стоимости»¹, регулирующей цены всех товаров.

Уэстон же в качестве регулятора товарных цен выдвинул «цену труда» — заработную плату. Маркс делает вывод, что если отвлечься от временных отклонений цен от стоимости, здесь имеет место определение стоимости товаров «стоимостью труда», т. е. порочный круг, в который задолго до Уэстона уже попала буржуазная политическая экономия, даже в лице таких своих выдающихся представителей, как А. Смит. В этой связи Маркс делает важное методологическое замечание: «...«цена» есть меновая стоимость,— а говоря о стоимости, я всегда имею в виду меновую стоимость,— меновая стоимость, выраженная в деньгах»². На наш взгляд, процитированное положение существенно для понимания постепенного углубления Марксова анализа стоимости в ходе разработки экономической теории. Различие между стоимостью и меновой стоимостью Маркс проводил уже в рукописи 1857—1858 гг., особо подчеркивая при этом, что «меновая стоимость выражает собой социальную форму стоимости»³. В первом выпуске «К критике политической экономии» он употреблял только термин «меновая стоимость». Причина этого, как видим, указана в рассматриваемом докладе. В I томе «Капитала» Маркс счел необходимым разграничить оба термина, однако в первом издании он еще исходил из процитированного выше положения своего доклада⁴.

Решая поставленную задачу, Маркс приступает «к действительному выяснению рассматриваемого вопроса» о природе стоимости: «...что такое стоимость товара? чем она определяется?»⁵. С ответа на этот фундаментальный вопрос начинается вторая — собственно теоретическая — часть доклада Маркса. Кратко излагая ее содержание, мы обращаем особое внимание на формулировки, так или иначе дополняющие или поясняющие текст «Капитала».

Так как стоимости, меновые стоимости товаров, замечает Маркс, представляют собой их общественные функции, то общей им всем общественной субстанцией является общественный труд, мерой которого служит общественно необходимое рабочее время. Характеризуя производительную силу труда, Маркс указывает на ее зависимость: «1) от естественных условий труда, как-то: плодородия почвы, богатства рудников и т. д.; 2) от прогрессирующего совершенствования общественных сил труда, которое обуславливается производством в крупном масштабе»⁶. Резюмируя свою характеристику стоимости, Маркс пишет: «Стоимости товаров прямо пропорциональны рабочему времени, затраченному на их произ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 120.

² Там же, с. 122.

³ Там же, т. 46, ч. II, с. 384.

⁴ Marx K. Das Kapital. Hamburg, 1867, Erster Band, S. 4, Anm. 9.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 123.

⁶ Там же, с. 128.

водство, и обратно пропорциональны производительной силе затраченного труда»¹.

Следующий шаг в изложении теории связан в докладе с рассмотрением цены как денежного выражения стоимости. Посредством цены стоимости всех товаров «получают самостоятельную и однородную форму... как количества одинакового общественного труда»². Рыночные цены отклоняются от стоимостей под влиянием спроса и предложения, которые, однако, стремятся уравновесить друг друга. Поэтому товары продаются в среднем по их стоимости.

Перейдя к рассмотрению «стоимости труда», Маркс прежде всего указывает на то, что объектом сделки между рабочим и капиталистом является не труд, а рабочая сила, продаваемая на определенный срок. В рассматриваемой рукописи Маркс употребляет исключительно термин «labouring power», соответствующий немецкому термину «Arbeitskraft» («рабочая сила»), тогда как в предшествующих экономических рукописях преобладал термин «Arbeitsvermögen» или «Arbeitsfähigkeit» («способность к труду»), с введением которого в рукописи 1857—1858 гг. было связано у Маркса решение ключевой проблемы теории стоимости и прибавочной стоимости, объяснение на стоимостной основе механизма капиталистической эксплуатации³. Можно утверждать, что именно рассматриваемый доклад знаменовал собой окончательный переход от термина «способность к труду» к термину «рабочая сила». Это подтверждается следующей таблицей, характеризующей сравнительное применение Марксом указанных терминов в рукописях 1863—1865 гг. (см. табл. на с. 166).

Таблица служит, на наш взгляд, дополнительным подтверждением приведенной выше датировки рукописей 1863—1865 гг. Она свидетельствует, в частности, о том, что рукопись II книги «Капитала» действительно создавалась Марксом в первой половине 1865 г., во всяком случае до осени 1865 г., а также о том, что заключительная глава I книги — «глава шестая» — была написана Марксом до начала работы над III книгой, т. е. еще в 1864 г.

Почему же Маркс перешел от одного термина к другому? Вероятно потому, что в термине «рабочая сила» синтезируются потенциальный характер сделки между рабочим и капиталистом, выражаемый термином «способность к труду», и активный, деятельный характер продаваемого рабочим товара. Может быть, на Маркса повлияло в какой-то мере процитированное им в докладе высказы-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 128.

² Там же, с. 129.

³ «Рабочий за [стоимость] своей способности к труду, вступающую как некоторая наличная величина, отдает свою творческую силу» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 260). Вместо «способности к труду» в процитированном месте рукописи первоначально стоял термин «труд», замененный сначала термином «Arbeitsvermögen», а затем термином «Arbeitsfähigkeit» (MEGA, Abt. II, Bd. 1, S. 831, вариант 226.28).

	Способность к труду (Arbeitsvermögen)	Рабочая сила (Arbeitskraft)
Отдельные сохранившиеся страницы рукописи I книги «Капитала» (1863—1864 гг.)	только этот термин	—
«Глава шестая» рукописи I книги (1864 г.)	148 раз	9 раз
Рукопись III книги (1864—1865 гг.)	38	88
Рукопись III книги: пять первых глав (1864—1865 гг.)	38	35
Рукопись II книги (первая, половина 1865 г.)	28	23
Доклад о стоимости, цене и прибыли (май — июнь 1865 г.)	—	только этот термин
Рукопись III книги: две последние главы (после октября 1865 г.)	—	53

вание Т. Гоббса о том, что рабочий продает капиталисту «пользование его силой»¹ (the Use of his Power). Во всяком случае, после выступления в Генеральном Совете Маркс окончательно остановился на термине «рабочая сила», однако в I томе «Капитала» он указал на его равнозначность с термином «способность к труду»².

Маркс показал далее, что появление на рынке товара рабочая сила, так же как и нуждающихся в нем собственников средств производства, связано с первоначальным накоплением, которое «следовало бы назвать первоначальной экспроприацией». Результатом этого процесса явилось отделение рабочего от средств труда, которое «в дальнейшем сохраняется и воспроизводится в постоянно расширяющемся масштабе вплоть до тех пор, пока новая и коренная революция в способе производства не уничтожит его и не восстановит первоначально существовавшего единства в новой исторической форме»³.

Определив стоимость рабочей силы, Маркс охарактеризовал капиталистический процесс производства как процесс прибавочного труда, воплощающегося в прибавочной стоимости и в прибавочном продукте. Такого рода обмен (эквивалентный по форме, но неэквивалентный по существу) между капиталом и трудом «должен постоянно приводить к тому, что рабочий воспроизводится как рабочий, а капиталист — как капиталист»⁴.

Стоимость рабочей силы, отмечает затем Маркс, с необходимостью выступает в виде стоимости, цены самого труда и порождает обманчивую видимость того, что оплачивается весь труд рабочего.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 132.

² См. там же, т. 23, с. 178.

³ Там же, т. 16, с. 132.

⁴ Там же, с. 135.

«Эта обманчивая видимость отличает *наемный труд* от других исторических форм труда»¹.

После того как была раскрыта стоимостная основа прибавочной стоимости, можно было показать, как это и сделал Маркс, что «нормальная и средняя прибыль получается не от продажи товаров *выше* их действительной стоимости, а при продаже их *по их действительной стоимости*»². Прибавочная стоимость или прибыль, как показывает далее Маркс, распадается на собственно прибыль, ренту и процент, но отнюдь не складывается из этих компонентов; иначе она превратилась бы в «произвольную величину»³.

Заключительный теоретический вывод, к которому пришел Маркс, состоит в том, что «общее повышение заработной платы повело бы к падению общей нормы прибыли, но не повлияло бы на стоимости товаров»⁴. В заключительной части доклада этот вывод был существенно конкретизирован Марксом применительно к положению и борьбе рабочего класса с классом капиталистов.

Рассмотрев различные случаи борьбы рабочих за повышение заработной платы, Маркс показал, что она может быть обусловлена повышением стоимости рабочей силы, ухудшением «относительного общественного положения»⁵ рабочего по сравнению с капиталистом, удлинением рабочего дня, увеличением его интенсивности, сменой фаз капиталистического цикла и т. д. Во всех этих случаях, подчеркивает Маркс, борьба рабочего класса является лишь «противодействием, которое труд оказывает предшествующему действию капитала»⁶. Это обстоятельство обуславливает необходимость указанной борьбы.

В том случае, отмечает Маркс, когда повышение заработной платы «не соответствует увеличению выжимаемого из рабочего количества труда и ускоряющемуся вследствие этого разрушению рабочей силы», например вследствие возросшей интенсивности труда, «капиталист может платить *более высокую заработную плату* и тем не менее хуже оплачивать *стоимость труда*». При этих условиях «может оказаться необходимым повышение заработной платы хотя бы только для того, чтобы удержать оплату *стоимости труда* на прежнем уровне»⁷. Аналогичное место есть и в I томе «Капитала»: «...возрастание цены рабочей силы не связано необходимо с повышением этой цены над стоимостью. Оно может, наоборот, сопровождаться падением ее ниже стоимости. Последнее имеет место во всех тех случаях, когда повышение цены рабочей силы не компенсирует ее ускоренного изнашивания»⁸. Сопоставление этих

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 136.

² Там же, с. 138.

³ Там же, с. 140.

⁴ Там же, с. 142.

⁵ Там же, с. 144.

⁶ Там же, с. 149.

⁷ Там же, с. 147. Слово «оплату» в оригинале отсутствует: «to keep up the old standard value of labour».

⁸ Там же, т. 23, с. 534. Слово «ниже» также отсутствует в оригинале: «Fall ihres Werts».

мест показывает, что, скорее всего, никакой описки ни в том, ни в другом тексте нет; можно говорить лишь о специфическом способе выражения у Маркса. Ведь под «стоимостью», как отмечалось, Маркс на данной стадии создания «Капитала» имел в виду «меновую стоимость». В рассматриваемой ситуации меновая стоимость рабочей силы действительно уменьшается несмотря на рост заработной платы. Сказанное подтверждается еще одним местом из I тома «Капитала», где Маркс исходит из того, что «средний период, в продолжение которого средний рабочий может жить при разумных размерах труда, составляет 30 лет». Тогда годовая доля стоимости его рабочей силы составляет $\frac{1}{30}$, а однодневная — $\frac{1}{10\ 950}$ ее совокупной стоимости. «Но если, — говорит рабочий, обращаясь к капиталисту, — ты потребляешь ее в 10 лет и уплачиваешь мне ежедневно $\frac{1}{10\ 950}$ вместо $\frac{1}{3\ 650}$ всей ее стоимости, т. е. лишь $\frac{1}{3}$ дневной ее стоимости, то ты, таким образом, крадешь у меня ежедневно $\frac{2}{3}$ стоимости моего товара. Ты оплачиваешь мне однодневную рабочую силу, хотя потребляешь трехдневную»¹.

Приведенное место не оставляет сомнений в том, что, по мысли Маркса, рост интенсивности труда, «расхищение» рабочей силы, сопровождаемое ростом ее стоимости, вместе с тем может привести к уменьшению ее меновой стоимости.

В рассматриваемом докладе Маркс исследовал специфический характер стоимости рабочей силы, характеризуемой физическим и историческим, или социальным, элементами. Первый образует низшую границу стоимости рабочей силы. Ее социальная граница «определяется в каждой стране традиционным уровнем жизни»², фактический же ее уровень устанавливается путем постоянной борьбы между классом капиталистов и рабочим классом. Необходимость этой борьбы как раз проистекает из различий между физическим и социальным уровнями стоимости рабочей силы: «...капиталист постоянно стремится понизить заработную плату до ее физического минимума и удлинить рабочий день до его физического максимума, тогда как рабочий постоянно оказывает давление в противоположном направлении. Дело сводится к вопросу о соотношении сил борющихся сторон»³.

Соотношение между спросом на труд и его предложением, отмечает Маркс, складывается не в пользу рабочих. Развитие крупного производства обесценивает труд, относительно уменьшает спрос на него, поэтому тенденция капитала к минимизации стоимости рабочей силы носит объективный характер. Это обуславливает, в свою очередь, необходимость постоянного сопротивления рабочего класса. Отказавшись от борьбы, рабочие «выродились бы в сплошную массу опустившихся бедняков, которым уже нет спасения»⁴. На примере борьбы за законодательное ограничение рабочего дня

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 245.

² Там же, т. 16, с. 150.

³ Там же, с. 151.

⁴ Там же, с. 154.

Маркс показал «необходимость *общего политического действия*» рабочего класса, так как «в своих чисто экономических действиях капитал является более сильной стороной»¹.

Сама система наемного труда, подчеркивает Маркс в заключение, «создает *материальные условия и общественные формы*, необходимые для экономического переустройства общества»². Это обстоятельство служит обоснованием революционного стремления рабочего класса к уничтожению этой системы.

* * *

Таким образом, доклад Маркса в Генеральном Совете, помимо его бесспорного значения в истории I Интернационала, явился существенным этапом также и в истории экономического учения марксизма. Написанный в период создания третьего чернового варианта «Капитала» — рукописей 1863—1865 гг., доклад самым тесным образом связан с этими рукописями. Во-первых, он представляет собой краткое резюме теоретической части «Капитала»: в нем дано обоснование закона стоимости, примененного к объяснению прибавочной стоимости, цен, прибыли. (Эта основная логическая связь рукописи правильно отражена в заголовке издания Эвелингов: «Стоимость, цена и прибыль».) Во-вторых, по тексту доклада мы можем судить о степени зрелости отсутствующей в своей большей части рукописи I книги «Капитала» (1863—1864 гг.) по сравнению с текстом I тома (1867 г.). Кроме того, доклад позволяет лучше понять ряд содержащихся в этом томе положений: о производительной силе труда, о стоимости и меновой стоимости товаров, в том числе и товара рабочая сила, о первоначальном накоплении, о предпосылках перехода к коммунизму и др. В-третьих, доклад оказал существенное влияние на терминологию I тома «Капитала» (переход от термина «способность к труду» к термину «рабочая сила»), а также на его структуру. Как раз ко времени создания доклада — к середине или ко второй половине 1865 г. — относится вывод Маркса о необходимости включения в I книгу «Капитала» в качестве ее первой главы раздела о товаре и деньгах. Вплоть до середины 1865 г. в планах Маркса данный раздел фигурировал как введение, как краткое резюме первого выпуска «К критике политической экономии». (Мы можем судить об этом по ссылкам, содержащимся в рукописи III книги. В *первой* части указанной рукописи Маркс еще ссылается на «введение», во *второй* части — на первую главу.) Этот вывод непосредственно связан, на наш взгляд, с дискуссией в Генеральном Совете о природе стоимости. Разъясняя в письме к Л. Кугельману от 13 октября 1866 г. свое решение, Маркс писал: «Я счел это необходимым не только в интересах цельности изложения, но и потому, что даже хорошие головы не совсем верно понимают предмет. Очевидно, первоначальное изло-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 152.

² Там же, с. 154.

жение было недостаточно ясным, в особенности *анализ товара*»¹. Далее в качестве примера Маркс приводит опубликованную в 1864 г. работу Лассалья «Herr Bastiat-Schulze von Delitsch...», однако приведенное высказывание в полной мере относится и к упомянутой дискуссии.

Политико-экономическое значение Марксова доклада обусловлено также тем, что полемика с Уэстоном была, по существу, полемикой с буржуазной политической экономией, из выводов которой неосознанно исходил Уэстон.

Наконец, изложение основных моментов экономической теории было доведено в докладе до такой степени конкретизации, которая позволила сформулировать важные выводы относительно положения и борьбы рабочего класса в буржуазном обществе. Это обстоятельство позволяет охарактеризовать доклад Маркса также и как существенный вклад в экономическое обоснование теории научного коммунизма.

* * *

Над рукописью III книги «Капитала» Маркс работал по меньшей мере до самого конца 1865 г.², однако уже в ноябре он снова стал думать об окончательном завершении своей работы, в первую очередь I книги³. Этот, теперь уже действительно завершающий, этап переписки начисто и стилистической обработки рукописей 1863—1865 гг. наступил 1 января 1866 г.⁴ В середине января Маркс сообщал И. Ф. Беккеру о том, что ему предстоит «переписать 1 200 страниц рукописи»⁵, а именно: 495 страниц I книги, 149 страниц II книги и 575 страниц III книги (всего — 1 219 страниц). То обстоятельство, что Маркс перешел к завершающей работе над I книгой, так и не написав — на основе «Теорий прибавочной стоимости» — IV книги «Капитала», означало, на наш взгляд, что уже в начале 1866 г. он принял вынужденное решение отказаться от более или менее одновременной публикации всех четырех книг «Капитала».

Таким образом, к началу 1866 г. Марксом были созданы тексты трех книг «Капитала», в совокупности представляющие собой *третий черновой вариант* всей его теоретической части. Мы видели, что основным отличием третьего чернового варианта «Капитала» от второго (от рукописи 1861—1863 гг.) является, наряду с дальнейшим развитием теории, структурное различие между ними, существенно новая организация материала. Третий черновой вариант «Капитала» был создан уже в рамках нового плана экономического труда, насчитывавшего четыре книги, из которых были написаны три. Генезис этого нового плана ясно прослеживается в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 448.

² См. там же, с. 150.

³ См. там же, с. 134.

⁴ См. там же, с. 146—147, 150—151.

⁵ Там же, с. 414.

первом и втором черновых вариантах «Капитала», где была разработана трехчленная структура его теоретической части и фактически создан набросок исторической части; однако уже новые названия III и IV книг — «Формы всего процесса в целом» и «К истории теории»¹ — свидетельствовали о дальнейшей конкретизации структуры, предполагающей привлечение нового теоретического материала. Добавим, что Маркс рассматривал созданные им в 1863—1865 гг. рукописи первых трех книг «Капитала» как *единую рукопись*², и это вполне понятно: ведь это были части одной книги, написанные на одном уровне теоретической зрелости. (То обстоятельство, что каждая из них имеет собственную нумерацию страниц, отличается по степени обработки материала и т. п., имеет в данном случае второстепенное, скорее, формальное значение.) Поэтому характеристика этих рукописей как нового, третьего чернового варианта «Капитала» относится в первую очередь к их совокупности, а уже затем к каждой из них в отдельности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 448.

² См. там же, с. 113, 150.

РАЗРАБОТКА МАРКСОМ
СТРУКТУРЫ I ТОМА «КАПИТАЛА»
(1857—1867 гг.)

Завершая работу над первым томом «Капитала», Маркс писал в 1866 г.: «В таком труде, как мой, неизбежны недостатки в деталях. Но композиция, внутренняя связь целого представляют собой триумф немецкой науки»¹. Маркс справедливо оценивал свой вклад в развитие как политической экономии, так и диалектического метода, сознавая преемственную связь своего учения со всем предшествующим развитием науки.

Структура «Капитала», так же как и сама экономическая теория Маркса, явилась результатом многолетних исследований. Ее становление представляет собой звено в общей цепи научного творчества Маркса, несет на себе отпечаток всей его теоретической деятельности. Здесь нашли отражение как историко-материалистическая концепция Маркса, так и его диалектический метод.

Важен также исторический аспект этой проблемы. Исследование структуры результата — I тома «Капитала» — с необходимостью должно быть дополнено исследованием процесса, приведшего к нему. В решении этой задачи ключевое значение приобретает изучение становления основных понятий Марксовой политической экономии, главным образом понятия капитала, так как элементы структуры «Капитала» возникли в результате взаимодействия конкретного научного анализа экономических категорий и диалектико-материалистической теории познания Маркса.

Принимая во внимание сложность и многогранность данной проблемы, представляется необходимым ограничиться в настоящей статье главным образом рассмотрением формирования структуры I тома «Капитала» с 1857 по 1867 г., т. е. с момента начала работы Маркса над первоначальным вариантом «Капитала» до выхода в свет первого издания I тома.

ПЕРВЫЙ НАБРОСОК СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТРУДА
(1857 г.)

Приступая в августе 1857 г. к созданию первого варианта «Капитала», Маркс уже имел вполне определенное представление о предполагаемой структуре своего труда. Это объясняется тем, что за его спиной стояли многолетние исследования в области истории

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 154.

и теории политической экономии, а также разработанная в 40-х гг. концепция исторического материализма, которая заключала в себе рассмотрение структуры общества, выделяла производительные силы в качестве фактора, определяющего общественные и производственные отношения, а в конечном счете также и политическую надстройку, и формы общественного сознания, раскрывала поступательный характер исторического процесса и таким образом утверждала преходящий характер буржуазного общества, а следовательно, необходимость перехода к коммунистической формации. Обогащение опыта революции 1848—1849 гг. позволило Марксу обогатить и разработать дальше учение о государстве и его взаимодействии с экономикой, о классах, а также о пролетарской революции. Связь Марксова учения о социалистической революции с его экономической теорией несомненна, так как разработка экономического учения была подчинена цели дать пролетариату оружие для борьбы с буржуазией.

Таким образом, можно обозначить следующие взаимообусловленные моменты, определившие первоначальное представление Маркса о структуре его труда: конкретный историзм, анализ структуры общества и революционная направленность теории Маркса, а также его диалектическая методология научного исследования.

Историзм Маркса обусловил рассмотрение общества на определенной — буржуазной — стадии его развития, где господствующая роль принадлежит капиталу. Именно «капитал определяет собой экономическую организацию современного общества», писал Маркс¹. Капитал, являясь главенствующим фактором развития производительных сил, подчиняет себе все сферы производства, определяет форму государства. В ходе развития капиталистического отношения должны выявиться все противоречия буржуазного общества.

В то же время Маркс исходил из того, что экономическая теория должна отражать структуру общества. Открытая в 40-х гг. зависимость: производительные силы — производственные отношения — политическая надстройка — формы общественного сознания², а также взаимоотношение между капиталом, земельной собственностью и наемным трудом, которое Маркс начал исследовать тогда же, легли в основу первого Марксова «расчленения предмета» во «Введении» к рукописи 1857—1858 гг.:

«Категории, которые составляют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношение друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 174.

² О формировании взглядов Маркса на структуру общества см.: Багагурия Г. А. Первое великое открытие Маркса (формирование и развитие материалистического понимания истории). — В кн.: Маркс — историк. М., 1968.

между ними. Обращение. Кредит (частный)... Концентрированное выражение буржуазного общества в форме государства. Рассмотрение последнего в его отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Публичный кредит. Население. Колонии. Эмиграция»¹.

Политико-экономические исследования Маркса были, как уже говорилось, подчинены цели показать необходимость и закономерность замены буржуазного общества коммунистическим, поэтому один из последующих набросков плана заканчивался словами: «Разложение способа производства и формы общества, основанных на меновой стоимости. Реальное превращение индивидуального труда в общественный и vice versa»². С учетом этого можно, по-видимому, объяснить наличие следующих пунктов цитировавшегося выше плана: «Международные отношения производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс... Мировой рынок и кризисы»³. Маркс считал, что социалистическая революция произойдет более или менее одновременно во всех развитых странах. В «Немецкой идеологии» Маркс прямо связывал существование рабочего класса с наличием мирового рынка. Понятно поэтому, что для того чтобы обосновать переход к коммунистическому обществу, необходимо было исследовать те международные производственные отношения, которые являются предпосылкой этого перехода. В статье «Будущие результаты британского владычества в Индии» (1853 г.) Маркс писал: «Буржуазный период истории призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны, развить мировые сношения, основанные на взаимной зависимости всего человечества, а также и средства этих сношений; с другой стороны — развить производительные силы человека и обеспечить превращение материального производства в господство при помощи науки над силами природы»⁴. Кроме того, в 40-е и 50-е гг. Маркс еще считал, что пролетарская революция непосредственно связана с экономическим кризисом. *«Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего»*⁵.

Первый набросок плана научного труда Маркса, содержащий-ся во «Введении» 1857 г., послужил ему в дальнейшем основанием для последующей разработки «плана шести книг»: 1. О капитале. 2. Земельная собственность. 3. Наемный труд. 4. Государство. 5. Международная торговля. 6. Мировой рынок»⁶. Этот набросок

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 45.

² Там же, с. 213.

³ Там же, с. 45.

⁴ Там же, т. 9, с. 230.

⁵ Там же, т. 7, с. 100.

⁶ Там же, т. 29, с. 254. Детальный анализ плана шести книг дан А. М. Коганом в книге «В творческой лаборатории Карла Маркса» (М., 1983).

содержит в себе темы, которые Маркс намечал обсудить в каждой из перечисленных шести книг. Даже краткое упоминание этих тем представляет интерес потому, что «план шести книг» был реализован Марксом лишь частично.

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о триаде: капитал, земельная собственность, наемный труд. Как отмечалось, Маркс начал исследовать это соотношение еще в 40-х гг., а в рукописи 1857—1858 гг. указанное исследование нашло свое дальнейшее развитие. Так, во «Введении» к этой рукописи Маркс провозглашает необходимость рассмотрения капитала в качестве исходного пункта исследования, т. е. до анализа земельной собственности и наемного труда. А в «Главе о капитале» он обосновывает это положение следующим образом: «Как по своей природе, так и исторически капитал есть *создатель* современной земельной собственности», а *«наемный труд в своей полноте впервые создается в результате воздействия капитала на земельную собственность... в этой классической форме наемный труд впервые создается лишь современной земельной собственностью, т. е. земельной собственностью как созданной самим капиталом стоимостью»*¹.

В набросок плана, сформулированного во «Введении», Маркс включил рассмотрение государственного и частного кредита. Маркс отмечал, что кредит является необходимым условием существования буржуазного государства, одной из форм обратного воздействия государства на экономику, средством эксплуатации, обусловленным тем, что «весь комплекс отношений буржуазного производства, весь буржуазный строй остается нетронутым и неприкосновенным». Революционные события, потрясая устои буржуазного общества, отражаются на кредите, который, по тогдашнему представлению Маркса, выступал в качестве экономического термина, непосредственно показывающего интенсивность революции: *«В той самой мере, в какой падает кредит, повышается накал революции и растет ее творческая сила»*².

Конкретные исторические исследования послужили одним из источников для теоретических выводов Маркса. В этом смысле интересно сопоставление того пункта плана «Введения», где речь идет о государстве и, в частности, о налогах, с рассуждениями Маркса о налоге в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «Налог — это источник жизни для бюрократии, армии, попов и двора — словом, для всего аппарата исполнительной власти. Сильное правительство и высокий налог — тождественные понятия»³. В этой работе, а также в целом ряде статей послереволюционного периода Маркс исследовал налог как одно из средств воздействия государства на экономику, как источник существования непродуцированных классов.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 226—228.

² Там же, т. 7, с. 20.

³ Там же, т. 8, с. 211—212.

Понятно, что на стадии исследования буржуазного общества в целом Марксу было свойственно в большей мере социологическое толкование экономических понятий. В дальнейшем эти понятия нашли у Маркса собственно экономическое обоснование. Так, уже в начале 50-х гг., возобновив прерванные революционными событиями экономические запытия, Маркс анализировал, в частности, проблемы кредита, международной торговли, населения, колониальной политики государств. А впоследствии они были объяснены им, так сказать, с другой стороны: как они вытекают из основного капиталистического отношения. Но это стало возможным лишь после того, как им был исследован капитал, как таковой. Таким образом, ограничение рамок предмета исследования капиталом стало необходимым условием дальнейшего развития теории.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОЛЬ ПОНЯТИЯ «КАПИТАЛ ВООБЩЕ»
В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ «КАПИТАЛА»
В 1857—1861 гг.

В разгар работы над рукописью 1857—1858 гг., 14 января 1858 г., в письме к Энгельсу Маркс писал: «Для метода обработки материала большую услугу оказало мне то, что я по чистой случайности вновь перелистал «Логику» Гегеля»¹. Попытки диалектически представить экономическую систему существовали и до Маркса. Проблема отношения к Гегелю, к диалектике как методу познания всегда волновала Маркса. Маркс вскрыл противоречие между идеализмом Гегеля и положительными моментами его диалектического метода, по существу, защитил диалектический метод от догматического, некритического отношения к нему, которое в конечном счете основано на идеалистическом отношении к историческому процессу и метафизическом способе его познания. В этой связи важна, прежде всего, критика Марксом взглядов Прудона и Лассаля. Еще в «Нищете философии» в 1847 г. Маркс подчеркивал, что «экономические категории представляют собой лишь теоретические выражения, абстракции общественных отношений производства... эти категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собой *исторические и переходящие продукты*»². Прудон же, наоборот, видел в общественных отношениях воплощение принципов и категорий. Он не сумел выделить исходное противоречие капиталистической системы и затем, восходя от абстрактного к конкретному, диалектически представить систему экономических категорий. Более того, чтобы вывести наиболее простые категории, Прудон вынужден был прибегать к помощи более сложных. Само диалектическое движение у Прудона состояло, по выражению Маркса, в «догматическом различении хорошего и дурного»³. Таким образом, оказалось, что диалектика

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 212.

² Там же, т. 4, с. 133.

³ Там же, с. 135.

Прудона отнюдь не тождественна диалектике Гегеля. Со своей стороны Маркс, разъясняя суть гегелевского диалектического метода, говорит, что он состоит в единстве и борьбе взаимно противоречащих сторон.

Скептически Маркс относился и к намерению Лассалья «изложить политическую экономию по-гегелевски»¹. Лассаль, так же как и Прудон, идеалистически понимал исторический процесс. Их роднило и то, что оба они опирались на теорию Рикардо, методологическая основа которой была в целом метафизичной, в то время как диалектическая система категорий предполагает органическое единство содержания теории и ее метода, а также определенный уровень развития самой науки. На это обращает внимание Маркс, объясняя причины своего отрицательного отношения к указанному намерению Лассалья: «Одно дело — путем критики впервые довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически, и совсем другое дело — применить абстрактную, готовую систему логики к туманным представлениям о такой именно системе»². Эта задача критики была в основном реализована Марксом в 1857—1858 гг. Одним из ее результатов явилось выделение Марксом противоречия товарно-денежного обмена в качестве исходного для развития понятия капитала.

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс предполагал начать изложение своего труда о капитале с наиболее абстрактных категорий, характеризующих общественное производство, а сам раздел о капитале — с тех его определений, которые присущи каждому капиталу и резюмируются в понятии «капитал вообще». Маркс исходил при этом из сформулированного во «Введении» к рукописи принципа восхождения от абстрактного к конкретному, согласно которому развитие того или иного явления в соответствии с действительным историческим процессом изображается от его простейших определений до наиболее развитых форм.

Использование Марксом — вслед за Гегелем — так называемых всеобщих понятий, т. е. таких простейших теоретических понятий, которыми начинается процесс восхождения от абстрактного к конкретному, не отменяет того факта, что метод Маркса в корне противоположен гегелевскому. Это было убедительно доказано Марксом, в частности, в «Святом семействе»³.

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс развивает дальше материалистическую теорию познания, указывая на положительную роль всеобщих понятий в науке. Эти абстракции, выделяя общее из целого круга явлений, избавляют нас от повторений; однако в теории необходимо не только изложение всеобщего, но и его взаимодействия с особенным и единичным. Таким образом, материалистически ис-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 224; Skambraks H. «Das Kapital» von Marx — Waffe im Klassenkampf. Berlin, 1977, S. 46—64.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 224.

³ См. там же, т. 2, с. 62—67.

толкованные всеобщие понятия имеют большое теоретико-познавательное значение.

Понятие «капитал вообще» сыграло значительную роль в развитии Марксовой политической экономии. Фактически в рамках этого понятия Маркс развил основы своей теории стоимости и теории прибавочной стоимости. Возможность выделения понятия «капитал вообще» была обусловлена развитостью капиталистических производственных отношений, реально существующим взаимодействием многих капиталов в процессе капиталистического производства. Лишь в условиях конкуренции, замечает Маркс, «отдельный капитал реально ставится в условия капитала вообще... Воздействие отдельных капиталов друг на друга приводит именно к тому, что они должны вести себя как *капитал*; кажущиеся независимыми действия отдельных капиталов и их беспорядочные столкновения друг с другом как раз представляют собой полагание их всеобщего закона»¹.

Категория «капитал вообще», или «всеобщее понятие капитала», стала для Маркса основой при изучении сущности капитала в связи с ее внешним появлением — реальным движением капиталов, при изучении условий функционирования капитала. Являясь абстрактным понятием, «капитал вообще» послужил Марксу базисом и для более конкретных определений капиталистического способа производства. В этой связи необходимо подчеркнуть структурную сложность этой теоретической абстракции. Гегель отмечал: «*Всеобщее* же — это такое *простое*, которое точно так же есть *самое богатое внутри самого себя*»². (Можно добавить, что такой же структурной сложностью характеризуется товар в качестве «элементарной клеточки» капитализма. В противном случае он не мог бы содержать в зародыше всех противоречий капиталистического способа производства.) Рассмотрим различные значения употребления Марксом понятия «капитал вообще» в рукописи 1857—1858 гг.

1) Маркс употребляет понятие «капитал вообще» для того, чтобы противопоставить капитал стоимости, деньгам и другим формам богатства, показать его качественно более высокий уровень. «Капитал, поскольку мы рассматриваем его здесь как такое отношение, которое надлежит отличать от стоимости и денег, есть *капитал вообще*, т. е. совокупность тех определений, которые отличают стоимость как капитал от нее же как простой стоимости или денег»³.

2) Второе, непосредственно связанное с первым употребление этого понятия заключается в выделении с его помощью существенных характеристик любого капитала, его сущности. «Капитал вообще — это такое определение, которое присуще каждому капита-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 162.

² Гегель. Наука логики: В 3-х т. М., 1972, т. 3, с. 36.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 263—264, 436—437.

лу, как таковому, или которое делает капиталом всякую определенную сумму стоимостей»¹. В этом смысле «капитал вообще» противопоставлен особым и конкретным капиталам.

3) Использование понятия «капитал вообще» связано с необходимостью показать адекватные формы капитала. «Система машин выступает... как наиболее адекватная форма капитала вообще»².

4) Основное методологическое значение понятия «капитал вообще» связано с определенным уровнем абстракции в Марксовом исследовании капитала. В этом смысле он пишет: «Обращение... нас еще не касается, так как мы имеем здесь дело с капиталом вообще»³. Подчеркивая различные уровни абстракции в развитии теории, Маркс противопоставляет «капитал вообще» реальному движению капиталов, таким понятиям, как конкуренция капиталов, кредит и т. д. и связанному с ними перевороту в проявлениях законов капитала. «В условиях конкуренции все определения выступают в обратном порядке по сравнению с тем, как они выступают в капитале вообще»⁴.

5) Анализируя понятие «капитал вообще», Маркс абстрагируется от подчас противоречивых реальных условий существования капитала. «Действительные затруднения этого... процесса,— пишет Маркс, имея в виду противоречия реального процесса обращения капитала, от которых он абстрагируется на уровне «капитала вообще»,— существуют только как возможности, а поэтому и снимаются тоже как возможности»⁵. Таким образом, служа цели изучения капитала в чистом виде, понятие «капитал вообще» является необходимым элементом процесса исследования. Недаром Маркс, употребляя это понятие, часто добавляет: «...на той стадии исследования, на которой мы теперь находимся, рассматривая лишь капитал вообще...»⁶

Однако ограничиться исключительно теоретико-познавательной характеристикой «капитала вообще» недостаточно. «Капитал вообще,— пишет Маркс,— сам обладает реальным существованием, отличным от особенных, реальных капиталов... Например, капитал в этой всеобщей форме, хотя он и принадлежит отдельным капиталистам, образует, в своей элементарной форме капитала, тот капитал, который накапливается в банках... Он... образует также, посредством займов и т. д., некий общий уровень для различных стран»⁷. Эта Марксова характеристика «капитала вообще» сближается с понятием *совокупного капитала*, к которому Маркс обращается, раскрывая объективный характер возникновения прибавочной стоимости⁸.

Выделение различных смыслов употребления Марксом понятия

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 437; ч. II, с. 11, 41.

² Там же, ч. II, с. 203, 205.

³ Там же, ч. I, с. 307, 383.

⁴ Там же, ч. II, с. 162, 9, 152.

⁵ Там же, ч. I, с. 434—435; т. 49, с. 458.

⁶ Там же, т. 46, ч. I, с. 434—435.

⁷ Там же, с. 437.

⁸ См. там же, т. 47, с. 263.

«капитал вообще» помогает установить действительное содержание этого понятия, а также изменение этого содержания в процессе исследования Марксом капитала, оказавшее значительное влияние на формирование структуры его экономического труда.

Приступая в рукописи 1857—1858 гг. непосредственно к исследованию капитала, Маркс составил план этого исследования, первым пунктом которого значилось: «1) Общее понятие капитала»¹. Здесь «общее понятие капитала» фигурирует у Маркса в наиболее абстрактном смысле — как противопоставление капитала стоимости, деньгам, другим формам богатства. Это понятие конкретизируется в следующих далее пунктах: «2) Особенность капитала: оборотный капитал, основной капитал. (Капитал как жизненные средства, как сырье, как орудие труда.) 3) Капитал как деньги»². Спустя несколько страниц Маркс набрасывает новый план:

«КАПИТАЛ.

I. *Всеобщность*: 1) а) Становление капитала из денег. б) Капитал и труд (опосредствование *чужим* трудом). в) Элементы капитала, сгруппированные сообразно их отношению к труду (продукт, сырье, орудие труда). 2) *Обособление капитала*: а) Оборотный капитал, основной капитал. Оборот капитала. 3) *Единичность капитала*: Капитал и прибыль. Капитал и процент. Капитал как *стоимость*, отличающийся от самого себя как процента и прибыли.

II. *Особенность*: 1) Накопление капиталов. 2) Конкуренция капиталов. 3) Концентрация капиталов (количественное различие капитала как вместе с тем качественное различие, как *мера* величины и действия капитала).

III. *Единичность*: 1) Капитал как кредит. 2) Капитал как акционерный капитал. 3) Капитал как денежный рынок»³.

Приведенный план свидетельствует, в частности, об уточнении и дальнейшей разработке «общего понятия капитала». Таковым является пункт I («Всеобщность»), пункты же II и III («Особенность» и «Единичность») отражают проблематику «реального» движения капиталов. Анализ «всеобщего понятия капитала» Маркс начинает, как видно из приведенного плана, с раздела о «становлении капитала из денег», т. е. исследование капитала начинается с внешних условий его возникновения⁴. Маркс пишет: «Сперва капитал происходит из обращения, а именно из денег как своего исходного пункта... деньги, вступающие в обращение и одновременно возвращающиеся из него в самих себя, являются той последней формой, в которой деньги себя отрицают. Вместе с тем это — первое понятие капитала и первая форма его проявления»⁵.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 213.

² Там же, с. 213.

³ Там же, с. 226.

⁴ Это движение от видимости к сущности является общим законом познания. (См.: Розенталь М. М. Дialeктика «Капитала» К. Маркса. М., 1967, с. 347).

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 200.

Рассматривая торговлю и товарно-денежное обращение как историческую и логическую предпосылку капитала, Маркс тщательно их анализирует, прослеживая при этом — также исторически и логически — возникновение денег. Маркс выделяет момент двойственного существования товара как определенного продукта и как меновой стоимости, что является источником всех последующих противоречий. Обособление меновой стоимости в качестве особого товара представляет собой процесс возникновения денег. Различные определения денег обусловлены их разными функциями в самом обмене, две противоположные фигуры которого Маркс анализирует в рукописи. Показывая истоки и развитие противоречий товарно-денежных отношений, Маркс противопоставляет свою концепцию взглядам А. Смита, у которого противоречие еще выступает как некое полагание двух определений рядом друг с другом. «Сущность товара в целом еще не выступает у него захваченной и пронизанной противоречием»¹.

Первое определение денег как меры стоимости Маркс раскрывает через понятие цены. Цена — это меновая стоимость, выраженная в определенности денег. С другой стороны, в своем втором определении деньги выступают как посредник обмена, как средство обращения. Обмен как единство двух различных актов, купли и продажи, содержит в себе возможность кризисов, которая находит свое развитие при капитализме. Деньги же «разрешают противоречия... тем путем, что придают им всеобщий характер»². Деньги в их третьем определении являются синтезом первых двух. Это деньги, вышедшие за пределы простого обращения. В этом определении деньги являются как предпосылкой, так и результатом обращения. Здесь в скрытом виде уже содержится их определение как капитала.

Таким образом, капитал, с одной стороны, наемный труд — с другой, являются лишь другими формами меновой стоимости и денег³. Но если в простом обращении меновая стоимость материализуется в потребительной стоимости и, таким образом, «их единство еще непосредственно распадается, а их различие находится еще непосредственно в единстве»⁴, то противоречие между капиталом и трудом имеет более развитый характер: это противоречие между овеществленным и живым трудом, противоречие между капиталом и не-капиталом. Рассматривая взаимодействие капитала и труда как два акта — акт обмена между капиталом и трудом и непосредственно процесс труда, — Маркс видит в акте обмена зародыш социальных противоречий буржуазного общества, таких, как отделение собственности на продукт труда от самого труда, отделение труда от богатства.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 113.

² Там же, с. 145.

³ См. там же, с. 171.

⁴ Там же, с. 218.

Следующий этап в анализе капитала — исследование его движения в непосредственном процессе производства, который распадается на процесс труда и процесс увеличения стоимости, что, в свою очередь, может быть понято как соотношение необходимого и прибавочного труда. Последний выступает как источник прибавочной стоимости в ее абсолютной и относительной формах. Следующий шаг анализа — рассмотрение постоянного и переменного капиталов и их роли в образовании стоимости; затем Маркс исследует норму прибыли, роль производительности труда в процессе увеличения стоимости. Анализ этих проблем дан Марксом еще, так сказать, в первом приближении и получит свою законченную форму лишь впоследствии, но уже на этом этапе исследования можно в общем и целом судить о месте рассматриваемых проблем в будущей структуре «Капитала».

Процесс капиталистического производства заканчивается товаром как его результатом, но для дальнейшего функционирования капитала необходима его — товара — реализация, т. е. превращение его в деньги. «Деньги, которые до этого выступали только в качестве реализованного товара и т. д., теперь выступают в качестве *реализованного капитала*, или являются капиталом, реализованным как *деньги*. Таково новое определение *денег* (так же как и капитала)»¹.

Таким образом, развитие понятия капитала является в то же время развитием и углублением всех предшествующих ему понятий, и соответственно в структуре «Главы о капитале» прослеживаются основные структурные моменты «Главы о деньгах», которая становится даже основой для предсказания дальнейшего хода исследования, говоря словами Гегеля: «Каждая новая ступень... *дальнейшего определения*... есть также и некоторое углубление-в-себя, и большее *расширение* есть равным образом *большая интенсивность*»².

Если такие моменты, как происходящий из обращения капитал и производство капитала, образуют «всеобщность» в структуре понятия «капитал вообще», то обращение капитала есть «особенность». Раздел рукописи 1857—1858 гг. об обращении капитала не был особо выделен Марксом в ходе его написания и фактически явился переходом от раздела о производстве капитала к разделу о капитале и прибыли. Начав обсуждение проблем обращения сразу же после анализа нормы прибыли и производительности труда и коснувшись при этом лишь проблемы перехода капитала из процесса производства в процесс обращения и проблемы перепроизводства, Маркс лишь схематично набросал структуру этого раздела и переход к следующему, методологически исходя из уже развитых определений денег³. В этом следующем разделе, по замыслу Маркса, речь должна была идти не о «капитале вообще», а о «реальном»

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 417.

² Гегель. Наука логики: В 3-х т. М., 1972, т. 3, с. 307.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 435—436.

движении капиталов. И Маркс фактически перешел к его анализу. Но необходимо подчеркнуть, что становление структуры «Капитала» было теснейшим образом связано с потребностями самого исследования, вытекало из них. Примером тому — анализ проблемы накопления капитала, а также первоначального накопления. Исследовав их, Маркс изменяет первоначальный план исследования, т. е. переносит проблему накопления капиталов из раздела о «реальном» движении капиталов в раздел о «капитале вообще» (а точнее, в раздел о производстве капитала), расширяя тем самым рамки этого понятия. А затем Маркс возвращается к исследованию обращения капитала, но уже на более высоком уровне. Но остановимся сначала на рассмотрении Марксом накопления и первоначального накопления, т. е. тех проблем, которые существенно модифицировали структуру учения о «капитале вообще».

Накопление является необходимым моментом движения капитала. «Без накопления капитал не может образовать основу производства, так как он находился бы в состоянии стагнации»¹. Только в связи с накоплением выявляется истинная природа капитала. Эту же цель преследовало и рассмотрение первоначального накопления в рамках «капитала вообще». Вспомним в этой связи, что процесс превращения денег в капитал Маркс называл его становлением². Оно является необходимым моментом понятия «капитал вообще». Но становление капитала Маркс рассматривает в двух аспектах: логическом и историческом, соответственно — как условия существования и условия возникновения капитала. Первый аспект был прослежен выше, второй фигурирует у Маркса как первоначальное накопление. Маркс показывает различие исторических предпосылок возникновения и предпосылок существования, функционирования капитала, чего не могли понять представители буржуазной политической экономии.

Впервые мысль о необходимости включить первоначальное накопление в анализ понятия капитала была высказана Марксом в III тетради рукописи 1857—1858 гг.: «Третьим моментом, который следует рассмотреть в процессе формирования понятия капитала, является первоначальное накопление в противоположность труду...»³ Маркс подчеркивал, что первоначальное накопление следует отличать от накопления капиталов, так как последнее предполагает уже сложившийся капитал, наличие многих капиталов. Первоначальное же накопление необходимо для возникновения капитала. Оно создает предпосылки распоряжения чужим трудом и необходимо для того, чтобы увеличить стоимость капитала. Запланировав изучение исторических предпосылок возникновения капитала, Маркс возвращается к этой теме снова и обсуждает ее уже на основе и после анализа образования добавочного капитала, тогда

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 431.

² См. там же, с. 226; ч. II, с. 140, 290—291.

³ Там же, ч. I, с. 274.

как сначала, исследуя капиталистический способ производства на его собственной основе, Маркс предполагал условия возникновения капитала данными, т. е. поначалу попросту абстрагировался от них. Выделяя первоначальное накопление в качестве момента образования капитала, а также включая на данном этапе в рассмотрение накопление капитала, Маркс тем самым расширяет объем понятия «капитал вообще».

Лишь рассмотрев накопление, а затем первоначальное накопление и формы собственности, предшествующие капиталистическому производству, Маркс снова, но уже на ином, более высоком уровне возвращается к проблемам обращения. Как в случае анализа процесса производства, так и теперь, при рассмотрении обращения, Маркс выделяет его в чистом виде, исследуя проблему издержек обращения. Анализ буржуазных теорий прибыли и прибавочной стоимости, который Маркс включил в раздел об обращении, позволил связать проблему образования прибыли с основным и оборотным капиталом. И теперь, когда Маркс переходит снова к анализу обращения, он рассматривает капитал уже как ставший, как прошедший фазу накопления, как капитал в процессе кругооборота, рассматривая основной и оборотный капитал в их отношении к воспроизводству. Отношение капитала ко всему процессу кругооборота явилось критерием деления капитала на основной и оборотный. «Различие между *оборотным капиталом* и *основным капиталом*... выступает прежде всего как определение формы капитала, смотря по тому, выступает ли капитал как единство [всего] процесса или как определенный момент процесса»¹. Различные виды капитала выступают как «порождения самого этого движения в его различных определениях»². Становится понятной та роль, которую сыграл анализ процесса накопления в последующем анализе обращения капитала. Если раньше денежное обращение рассматривалось как внешний производству момент, то теперь оно становится моментом самого производства, рассматриваемого в целом. Кроме того, Маркс сопоставляет свои новые результаты с предшествующим изложением, показывая органическую связь понятий на разных этапах восхождения от абстрактного к конкретному. «Различие внутри процесса производства, первоначально выступавшее как различие между средством труда и материалом труда и, наконец, продуктом труда,— теперь выступает как оборотный капитал... и основной капитал... Разделение капитала с его всего лишь вещественной стороны теперь включено в саму его форму и выступает как разделение, дифференцирующее капитал»³.

К рукописи 1857—1858 гг. непосредственно примыкают две рукописи: «Рефераты к моим собственным тетрадям» и «Набросок плана третьей главы «К критике политической экономии»», написанные Марксом перед началом его работы над новой, второй ру-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 120.

² Там же, с. 188.

³ Там же, с. 211.

копией «Капитала». Рассмотрим первый раздел «Наброска плана»¹, так как он сыграл важную роль в формировании структуры будущего I тома «Капитала».

Здесь Марксом были выделены 5 пунктов:

1) Превращение денег в капитал: а) Переход; б) Обмен между капиталом и рабочей силой; в) Процесс труда; д) Процесс увеличения стоимости.

2) Абсолютная прибавочная стоимость.

3) Относительная прибавочная стоимость: а) Кооперация масс; б) Разделение труда; в) Машины.

4) Первоначальное накопление.

5) Наемный труд и капитал.

В целом этот план отличается от написанных на первом этапе создания рукописи 1857—1858 гг. большей степенью зрелости, так как в нем отразились результаты, достигнутые в процессе работы над рукописью: выделение в самостоятельные рубрики таких тем, как обмен между капиталом и рабочей силой, создание абсолютной и относительной прибавочной стоимости и др.² Здесь нашло также свое отражение решение Маркса включить раздел о первоначальном накоплении в план изложения процесса производства капитала. Если же мы обратимся к кругу вопросов, обсуждаемых в разделе о первоначальном накоплении, то бросается в глаза включение сюда Марксом таких тем, как «прибавочный продукт», «добавочный капитал», — тем, которые, отражая проблематику раздела о процессе накопления капиталов, относились по первоначальному плану лишь к рассмотрению «реального» движения капиталов и лишь в процессе работы над рукописью 1857—1858 гг. вошли в структуру «капитала вообще». Так процесс расширения рамок понятия «капитал вообще» был зафиксирован в плане дальнейшего исследования.

В разделе о первоначальном накоплении³ происходит подытоживание движения возникновения капитала, демонстрируется движение капитала на своей собственной основе, т. е. в условиях, когда предпосылки возникновения капитала даются не извне, а воспроизводятся как результат самого движения капитала. Изложение образования добавочного капитала не просто переносится в главу о процессе производства капитала, но тесно увязывается с ним. Таким образом показывается процесс производства капитала в его целостности. Переход от производства капитала к его обращению образует пункт «Наемный труд и капитал», где в качестве заключения значится: *«Проявление закона присвоения в простом товарном обращении. Переворот в этом законе»*⁴. Если в начале

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 515—518.

² См.: Выгодский В. С. К вопросу о разработке К. Марксом структуры экономической теории в 1859—1861 годах. — В сб.: Некоторые проблемы теории и истории марксизма и международного рабочего движения XIX в. М., 1981, с. 4—19.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 517—518.

⁴ Там же, с. 518.

изложения предполагается эквивалентный обмен, то теперь налицо присвоение чужого труда, обмен неэквивалентный. Анализ обращения теперь, уже на основе анализа накопления, может представить процесс обращения в адекватных для него условиях.

ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ «КАПИТАЛА»
В ХОДЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ УЧЕНИЯ
О ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА
(1861—1863 гг.)

Рукопись 1861—1863 гг. представляет собой новый этап работы Маркса над «Капиталом» и, следовательно, над его структурой. Придерживаясь «Наброска плана», Маркс начинает изложение с анализа превращения денег в капитал. Этот первый раздел в рукописи получает дальнейшее расчленение на параграфы (от а до h) ¹. Маркс не отказывается от понятия «капитал вообще». Как и в рукописи 1857—1858 гг., он ставит перед собой задачу исследовать всеобщее капиталистическое отношение, абстрагируясь при этом от всех форм, затемняющих или усложняющих это отношение. Изложив, как и предполагалось ранее, проблему процесса труда и процесса увеличения стоимости именно в этом разделе, Маркс замечает: «Процесс увеличения стоимости в действительности представляет собой не что иное, как процесс труда в его определенной общественной форме... является *одним и тем же* процессом, рассматриваемым один раз со стороны его содержания, другой раз со стороны его формы» ². Эта не раз повторяемая Марксом мысль о единстве процессов труда и увеличения стоимости, мысль, отражающая один из основных принципов Маркса рассматривать все явления в единстве их социальной формы и вещественного содержания, окажет свое воздействие на дальнейшее изменение плана I книги «Капитала». Впоследствии (в наброске плана, составленном в январе 1863 г.) Маркс рассмотрел эту тему под углом зрения образования абсолютной прибавочной стоимости. Подобно тому как двойственный характер труда Маркс рассматривает не сам по себе, а в рамках целого — товара, так и единство процессов труда и увеличения стоимости рассматривается с учетом результата, целого — абсолютной прибавочной стоимости. Располагая материалом подобным образом, Маркс достигает одной очень важной цели: всегда иметь в виду историческое рассмотрение предмета, исследовать его не абстрактно, а в его конкретной определенности.

Систематическое рассмотрение относительной прибавочной стоимости, предпринятое в рукописи, также отвечало «Наброску плана». Маркс по-прежнему расчленяет эту тему на три раздела: кооперация, разделение труда и машины. Но и здесь происходит

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 3—189.

² Там же, с. 154.

дальнейшее усложнение плана «Капитала». Если в начале работы Маркс предполагал от анализа относительной прибавочной стоимости перейти к проблеме первоначального накопления, то теперь, в ходе работы над проблемой относительной прибавочной стоимости, Маркс приходит к мысли, что «после относительной прибавочной стоимости следует рассмотреть абсолютную и относительную прибавочную стоимость в их сочетании»¹. Исследование сочетания абсолютной и относительной прибавочной стоимости явилось основой для разработки уже на этой стадии проблем заработной платы (но не в виде специального учения, а в самой общей форме), а также борьбы за нормированный рабочий день.

Значительное место в рукописи занимает анализ формального и реального подчинения труда капиталу — темы, освещаемой впервые. Дальнейшее развитие получает и исследование процесса накопления. Специальным пунктом Маркс выделяет «обратное превращение прибавочной стоимости в капитал». А в разделе о первоначальном накоплении происходит дальнейшая конкретизация связей между капиталом, земельной собственностью и наемным трудом.

В ходе работы над рукописью 1861—1863 гг. (а именно на завершающей стадии написания «Теорий прибавочной стоимости») как результат предыдущего исследования и в то же время как указание на еще нуждающиеся в доработке проблемы возникли в январе 1863 г. наброски планов I и III частей «Капитала». Эти наброски значительно приближаются к окончательному построению «Капитала». Выделим то новое, что внес Маркс в январе 1863 г. в план I части своего труда².

1) Анализ процесса производства капитала предполагалось начать не непосредственно с превращения денег в капитал, как намечалось раньше, а с вводного раздела о товаре и деньгах. Это было связано с тем, что Маркс отказался от дальнейшей публикации своего экономического труда в качестве второго выпуска работы «К критике политической экономии», в которой проблемы товара и денег уже были детально разработаны. Позднее, в 1866 г., Маркс принял решение включить в текст I тома «Капитала» специальную главу на эту тему³.

2) Дальнейшее развитие получил раздел об абсолютной прибавочной стоимости. В него Маркс включил анализ процесса труда и процесса увеличения стоимости, что раньше предполагалось изложить при анализе превращения денег в капитал. Кроме того, раздел об абсолютной прибавочной стоимости включал в себя анализ борьбы рабочего класса за нормальный рабочий день, что, вообще говоря, предполагало не только всеобщее понятие капитала, но и более конкретные категории.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 343.

² См. там же, т. 26, ч. I, с. 424. См. также статью В. С. Выгодского в настоящем сборнике.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 448.

3) В плане I части отразились также результаты исследования Марксом сочетания абсолютной и относительной прибавочной стоимости, что проявилось в следующих формулировках плана: «Соотношения (пропорция) между наемным трудом и прибавочной стоимостью. Формальное и реальное подчинение труда капиталу. Производительность капитала. Производительный и непроизводительный труд»¹.

4) Отдельным пунктом было выделено: «Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал. Первоначальное накопление. Теория колонизации Уэйкфилда»².

5) Здесь впервые появляется как специальный пункт плана тема «Результат процесса производства», которая разрабатывалась ранее лишь фрагментарно.

6) Маркс предполагал на этой стадии закончить свое исследование процесса производства капитала анализом теорий прибавочной стоимости и производительного и непроизводительного труда.

Таким образом, план I части «Капитала» в целом явился продолжением и конкретизацией исследования «капитала вообще». Но для того чтобы верно оценить отношение понятия «капитал вообще» к тому, что было впоследствии развито в I томе «Капитала», недостаточно проанализировать план этого сочинения. Здесь необходим содержательный анализ самого материала³.

* * *

В 1863—1865 гг. Маркс продолжил работу над «Капиталом» и, в частности, написал еще один, третий, вариант всей его теоретической части. В этих рукописях Маркс впервые проводит деление своего сочинения на три книги. В дальнейшем мы рассмотрим сохранившуюся часть рукописи I тома, которая была в общем и целом реализацией плана I части, составленного в январе 1863 г. До нас дошла, помимо нескольких отдельных страниц, только шестая глава этой рукописи «Результаты непосредственного процесса производства». Ссылки, имеющиеся в тексте этой главы, на уже рассмотренные в рукописи проблемы позволяют более или менее точно судить о структуре всей рукописи⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 424.

² Там же.

³ Что же касается плана III части «Капитала», то для верной оценки того места, которое занимает в нем понятие капитала, нужно провести анализ на соответствующем уровне абстракции, т. е. рассмотреть это понятие уже в контексте Марксовой теории прибыли. В самом деле, согласно принципу восхождения от абстрактного к конкретному определение капитала в начале процесса производства и в его конце различно по степени конкретности.

⁴ См.: Миськевич Л. Р. О рукописи Маркса «Шестая глава. Результаты непосредственного процесса производства». — В кн.: Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1973, № 23.

Еще в 1862 г., сообщая о готовящемся к печати «Капитале», Маркс писал Кугельману, что эта работа «содержит только то, что должно было составить третью главу первого отдела, а именно — «Капитал вообще»»¹. Это сознательное ограничение Марксом рамок своего исследования повлекло за собой и некоторые терминологические уточнения, которые выразились, в частности, в последующем ограничении употребления понятия «капитал вообще»². Маркс не использует в «Капитале» термина «капитал вообще», но это понятие не было отброшено или просто заменено более совершенным. Как при изложении проблем производства капитала в I томе, так и в понятии капитала, развиваемом в последующих томах «Капитала», было сохранено положительное содержание категории «капитал вообще». Понятие капитала, развиваемое в окончательном тексте I тома, органически связано с понятием «капитал вообще», и исследоваться они должны в единстве, как результат и процесс, приведший к нему. В послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» Маркс писал, что «способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования»³. Отмечая момент несовпадения исследования и изложения, многие авторы правильно подчеркивают формальный характер этого несовпадения. Он вытекает уже из того, что общий ход формирования структуры «Капитала» представляет собой процесс восхождения от абстрактного к конкретному, следовательно, и результат данного процесса необходимо отражает это развитие. Указанное единство обнаруживается уже в том, что, как и в черновых рукописях «Капитала», Маркс в I томе начинает изложение происхождения капитала с внешнего — с товарного обращения, «рассматривая процесс абстрактно, т. е. оставая в стороне обстоятельства, которые не вытекают из имманентных законов простого товарного обращения»⁴.

Развитие понятия капитала в I томе происходит от абстрактного к конкретному, т. е. налицо отвлечение от более поздних, производных форм, а также от внешних условий функционирования капитала. Так, рассматривая производство относительной прибавочной стоимости, Маркс абстрагируется от воздействия конкуренции: «Здесь не место рассматривать, каким именно путем имманентные законы капиталистического производства проявляются во внешнем движении капиталов, действуют как принудительные законы конкуренции и достигают сознания отдельного капиталиста в виде движущих мотивов его деятельности. Во всяком случае

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 527. Первые две главы составили содержание работы «К критике политической экономии».

² Об этом подробно см. статью В. С. Выгодского в настоящем сборнике.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 24.

⁴ Там же, с. 168.

ясно одно: научный анализ конкуренции становится возможным лишь после того, как познана внутренняя природа капитала»¹. Напомним, что «капитал вообще» как раз и раскрывает внутреннюю природу капитала. При этом посылки, усложняющие понятие капитала, Маркс вводит постепенно там, где они необходимы для изложения: «Если при исследовании производства прибавочной стоимости в той ее форме, в какой мы ее до сих пор рассматривали, способ производства был предположен нами как нечто данное, то теперь, для понимания производства прибавочной стоимости путем превращения необходимого труда в прибавочный труд, совершенно недостаточно предположить, что капитал овладевает процессом труда в его исторически унаследованной существующей форме и лишь увеличивает его продолжительность»².

Таким образом, неупотребление Марксом понятия «капитал вообще» в первом томе «Капитала» не означает отказа от его содержания и от той цели, которой служило это понятие, — отразить сущность капиталистических производственных отношений³. Понятие капитала в I томе развито по плану, отвечающему понятию «капитал вообще», прежний порядок рассмотрения категорий тут нарушен не был. Но, как уже отмечалось выше, Маркс исследовал не только основное производственное отношение капиталистического способа производства, но также некоторые непосредственно вытекающие из него проблемы, которые ранее предполагалось рассмотреть в процессе реализации «плана шести книг». Это привело к конкретизации понятия «капитал вообще», которое выступало в качестве сущности анализируемых явлений.

* * *

До сих пор в данной статье формирование структуры «Капитала» рассматривалось хронологически. Рассмотрим теперь эту проблему иначе, а именно: каково было влияние на становление структуры «Капитала» общетеоретических и методологических принципов Маркса.

РОЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ МАРКСОМ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПРОИЗВОДСТВОМ И ОБРАЩЕНИЕМ В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ «КАПИТАЛА»

Движение капитала Маркс рассматривает в процессе производства, обращения и их единства. Еще в 40-е гг., руководствуясь материалистическим взглядом на историю, Маркс констатировал

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 326—327.

² Там же, с. 325.

³ А. И. Малыш отмечал, что «понятие капитала вообще соответствует вполне всем определениям капитала, которые излагаются Марксом в I томе его главного произведения, посвященном процессу производства капитала» (*Малыш А. И.* Формирование марксистской политической экономики, с. 304).

примат материального *производства* во всей системе социальных связей. Поэтому нуждается в более подробном объяснении тот факт, что как предварительные рукописи «Капитала», так и I том Маркс начинает с анализа понятия товара, что предполагало также анализ товарно-денежного *обращения*. Можно было бы объяснить это обстоятельство указанием, что спецификой метода *исследования* Маркса было то, что он начинал изучение предмета с внешнего, постепенно переходя к сущности: действительно, анализ процесса производства капитала в рукописи 1857—1858 гг. Маркс предваряет анализом товарно-денежного обращения. Тем более, что по первоначальному замыслу Маркса в структуре учения о капитале первой должна была выступать глава о «производстве вообще»¹, где речь должна была пойти о тех определениях процесса производства, которые присущи всем формам общества. Далее Маркс предполагал осветить простое товарное обращение и лишь на этой основе приступить к анализу непосредственно капитала, рассматривая его также в процессе производства, обращения и их единства. Но в процессе разработки как содержания, так и структуры учения о капитале в период 1857—1858 гг. глава о «производстве вообще» отпала, однако это не повлекло за собой изменения порядка рассмотрения экономических категорий. По-прежнему Маркс начинал анализ капитала с рассмотрения товарно-денежного обращения, чтобы потом перейти к анализу капитала в процессе его производства. Объяснить это можно следующим образом. Указывая на сложность познания всякого развивающегося целого, Маркс подчеркивал, что производство, распределение, обмен и потребление «образуют собой части единого целого, различия внутри единства», где «между различными моментами имеет место взаимодействие. Это свойственно всякому органическому целому»². Позднее в рукописи 1861—1863 гг. критикуя структурные особенности буржуазных теорий, Маркс выступал против рассмотрения производства, потребления, обмена и распределения без учета их органического единства³. Сложность познания социальных явлений заключается еще и в том, что общество, развиваясь, воспроизводит предпосылки процесса производства в качестве его результатов, что затрудняет познание их взаимосвязи. Поэтому задача исследователя состоит в том, чтобы разорвать этот «порочный круг» и показать действительное соотношение предпосылок и результата.

Создавая свою экономическую теорию, Маркс преследовал цель дать пролетариату целостную картину буржуазного общества, революционные выводы из этой теории должны противостоять мелкобуржуазным концепциям преобразования капитализма⁴. Все

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 250, 274—275.

² Там же, с. 36.

³ См. там же, т. 26, ч. III, с. 86.

⁴ Искаженное понимание Пруденом соотношения между производством и обращением повлекло за собой неправильный практический вывод о воз-

это объясняет важность познания соотношения «производство — обращение».

Начиная исследование капитала, Маркс предполагает уже сложившееся, движущееся на своей собственной основе буржуазное общество¹, элементарной абстракцией которого является стоимость, причем, как говорит Маркс, стоимость, развитая в «движении обращения»². Именно исходя из стоимости, а не из труда можно было логически перейти к анализу капитала. Это определяет стоимость как логическую предпосылку капитала, а анализ простого товарно-денежного обращения становится предпосылкой анализа процесса производства капитала. Капиталистический строй возникает в результате всего предшествующего развития общества, и неудивительно, что отдельные его элементы складываются в предшествующие эпохи. То же самое относится и к определению стоимости, которая сама является «историческим отношением»³. Поэтому можно сказать, что логические предпосылки капитала являются вместе с тем и его историческими предпосылками.

В рукописи 1861—1863 гг., анализируя исторические и логические предпосылки капиталистического производства, Маркс, выделяя важность наличия в качестве товара не только рабочей силы, но также и остальных элементов производственного процесса: средства труда и орудия труда, подчеркивал необходимый и существенный характер этих предпосылок. Капиталистическое отношение, говорил Маркс, развивается тем полнее, чем больше развито товарное обращение. «Если мы здесь образованию капитала теоретически предпосылаем обращение и поэтому исходим из денег, то это соответствует также и историческому процессу. Капитал развивается из денежного имущества и для своего образования предполагает уже весьма развитые торговые отношения, возникшие на предшествующей ему ступени производства. Деньги и товар являются той предпосылкой, из которой мы должны исходить при рассмотрении буржуазной экономики. При дальнейшем исследовании капитала будет показано, что в действительности только на поверхности капиталистического производства товар выступает как элементарная форма богатства»⁴.

Начиная с анализа обращения как с внешнего, непосредственно данного, Маркс указывает на то, что в действительности «оно всегда опосредствовано... Обращение есть внешнее проявление процесса, протекающего позади обращения»⁵. Маркс прослеживает переход от внешнего к внутреннему — производству капитала и

возможности преобразования капиталистического общества путем изменения системы обмена.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 200.

² Там же, с. 207.

³ Там же, с. 199.

⁴ Там же, т. 47, с. 71.

⁵ Там же, т. 46, ч. I, с. 202—203.

показывает, что существенную роль в этом переходе играет обмен между капиталом и способностью к труду (рабочей силой). Производство капитала рассматривается Марксом как единство процессов сохранения и увеличения стоимости. Но столь же необходимым моментом движения капитала является процесс обращения, анализ которого является следующим после анализа производства капитала этапом исследования. В процессе обращения происходит реализация прибавочной стоимости, что необходимо для возобновления производственного процесса. Теперь, на уровне обращения капитала, товарно-денежное обращение выступает лишь как его момент.

Действительный анализ производства и обращения становится возможным с учетом всего процесса воспроизводства, когда и производство, и обращение выступают как моменты развитого целого. В процессе образования добавочного капитала, писал Маркс, «отпала существовавшая еще при первом рассмотрении процесса производства видимость того, что капитал со своей стороны будто бы привнес некоторую стоимость из обращения»¹. Именно на основе воспроизводства, целого, анализируется взаимодействие производства и обращения, выясняется их взаимообусловленность, историческая природа. Рассматривая процесс в целом, Маркс выделяет связующие звенья между производством и обращением. Это — реализация в процессе обращения прибавочной стоимости, созданной в процессе производства, формирование необходимых условий для возобновления производства (обмен с рабочей силой, приобретение сырья, оборудования и т. д.). При этом процесс производства возобновляется в больших масштабах.

Одна из тенденций капитала заключается в его стремлении к непрерывности процесса производства, что предполагает сведение к минимуму времени обращения. Это противоречие между необходимостью для капитала проходить через фазу обращения и столь же необходимой тенденцией вообще снять время обращения капитал пытается решить путем образования кредита. Следовательно, кредит может быть рассмотрен лишь на основе единства производства и обращения. Более того, рассматривая явления в их наиболее развитой форме, Маркс предполагает на этом этапе дать изложение кредита после анализа конкуренции, где исследуется взаимодействие многих капиталов. «Воздействие отдельных капиталов друг на друга становится их полаганием в качестве всеобщих и устранением их кажущейся независимости и самостоятельного существования как отдельных капиталов. Еще в большей мере это устранение проявляется в кредите»².

Правильное решение проблемы соотношения производства и обращения позволило Марксу найти разрешение проблемы-противоречия, сформулированной в I томе «Капитала»: «Капитал не мо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 441.

² Там же, ч. II, с. 162.

жет возникнуть из обращения и также не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении»¹. Можно, кроме того, предположить, что открытие Марксом исходной категории своего экономического учения — товара, представляющего собой единство меновой и потребительной стоимости, также было обязано познанию внутреннего единства производства и обращения при капитализме, так как последнее в скрытой форме содержится в двойственном характере товара. Поэтому следующей проблемой, которая должна быть рассмотрена, является открытие Марксом товара в качестве исходного понятия экономической теории.

ПРЕДПОСЫЛКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Выделение понятия товара как исходной «клеточки» буржуазного богатства, а также исходной, элементарной категории экономической теории является примером того, как философский метод Маркса способствовал становлению его экономической системы. Как известно, Маркс в наиболее четкой форме изложил его во «Введении» к рукописи 1857—1858 гг. Здесь Маркс пишет, в частности, о двух исторических этапах развития метода политической экономии: восхождении от конкретного к абстрактному (когда исследователь идет от живого целого — населения, государства — к простейшим категориям) и обратный путь от абстрактного к конкретному, восхождение от простейшего к наиболее сложному. «Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении»². При этом Маркс фиксирует следующую последовательность расположения категорий: труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость и т. д., наконец, государство, международный обмен и мировой рынок. Понимая «труд вообще» как простейшую, исходную категорию, Маркс подчеркивает: «Простейшая абстракция... которая выражает древнейшее отношение, имеющее силу для всех форм общества, выступает тем не менее в этой абстрактности практически истинной только как категория наиболее современного общества»³. Таким образом, приступая к работе над первым наброском «Капитала», Маркс считал правильным начать анализ экономических категорий с рассмотрения «труда вообще»⁴. Это намерение подтверждает также и набросок пла-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 176.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 37.

³ Там же, с. 41.

⁴ Можно предположить, что причина невключения Марксом «Введения» в первый выпуск работы «К критике политической экономии» заключается не только в том, что, как писал Маркс в предисловии к этой книге, «всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать, а читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.

на, приведенный в том же «Введении», где в качестве первого пункта фигурируют «всеобщие абстрактные определения, которые поэтому более или менее присущи всем формам общества...»¹. Также и в самой рукописи Маркс еще говорит о труде как о простейшей категории. К этим абстрактным определениям можно отнести также такие понятия, как разделение труда, потребность и т. д. Все они должны были быть объединены в предварительном разделе «О производстве вообще». За ним должен был последовать раздел «О меновой стоимости вообще», посвященный простому товарному обращению. И лишь на этой основе Маркс предполагал перейти к анализу капитала. Маркс намеревался перейти к исторически определенным категориям, стремясь показать их специфику на каждом уровне рассмотрения. Так, о понятии «труд вообще» Маркс писал: «Процесс труда, который, в качестве исходного пункта, дан еще до стоимости... снова появляется в рамках капитала как такой процесс, который протекает в веществе капитала и образует содержание капитала»². Таким образом, глава «О производстве вообще» должна была показать вещественное содержание капиталистического процесса производства. Предположительное содержание этой главы соответствовало тогдашнему Марксову пониманию структуры учения о капитале: «Капитал предполагает: 1) процесс производства вообще, в том виде, в каком он свойственен всем общественным укладам, т. е. процесс производства вне его исторического характера, если угодно, *общечеловеческий* процесс; 2) *обращение*, которое даже в каждом из своих моментов, а еще более в своей целостности является определенным *историческим* продуктом; 3) *капитал* как *определенное* единство обоих»³. Первый пункт должен был заканчиваться результатом процесса труда — продуктом, второй — начинаться товаром.

Как уже отмечалось, вопрос о предварительных главах непосредственно связан с проблемой предпосылок (исторических и логических) капиталистического производства. Исследуя эту проблему, Маркс писал: «При самом изложении этого вопроса должно выясниться то, что должно быть ему *предпослано*, и все это затем следует включить в первые главы»⁴. В ходе анализа капиталистических отношений выявилось, «в какой мере сам общий процесс производства видоизменяется исторически, едва только он начинает выступать уже только как элемент капитала»⁵, выявились

2-е изд., т. 13, с. 5), но также и в том, что в процессе работы над рукописью 1857—1858 гг. Маркс подверг дальнейшей разработке и уточнению некоторые методологические принципы. Это в первую очередь относится и к сформулированному во «Введении» положению о труде как исходном понятии теории.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 45.

² Там же, с. 256—257.

³ Там же, с. 274.

⁴ Там же, с. 384.

⁵ Там же, с. 274—275.

также его исторические предпосылки. Это и привело к отказу от предварительного рассмотрения «производства вообще». Достигнутый теоретический уровень позволил Марксу рассмотреть капиталистический процесс производства как единство вещественного содержания и общественной формы, т. е. в его исторически специфическом виде, не выделяя вещественного содержания особо. И одним из необходимых условий для такого рассмотрения явилось открытие исходной категории теории — понятия товара.

Маркс в процессе работы над рукописью 1857—1858 гг. остался верен своей методологической установке, о которой он говорил еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» и которая заключалась в том, чтобы показать, как противоречия буржуазного общества могут быть логически выведены исходя из его простейшего противоречия¹. Дисгармонии буржуазного общества были описаны в экономической литературе и до Маркса. Но решение этой проблемы было явно неудовлетворительным. Так, в частности, анализируя концепцию Кэри в примыкающем к рукописи 1857—1858 гг. наброске «Бастия и Кэри», Маркс замечал, что «Кэри не понял того, что эти дисгармонии мирового рынка являются лишь последним адекватным выражением тех дисгармоний, которые фиксируются, как абстрактные отношения, в экономических категориях»². Серьезные исследования «внутренней связи буржуазной системы... ее физиологии»³ принадлежали до Маркса Смиту и Рикардо. Достаточно вспомнить, что Рикардо начинал свое исследование с анализа стоимости, а Смит — с разделения труда, т. е. с наиболее абстрактных категорий политической экономии. Но задача выведения более сложных категорий политической экономии из простейших ими также не была решена, так как, в частности, не были вскрыты те посредствующие звенья, которые их соединяют. Задача генетического выведения противоречий буржуазного общества накладывала известные условия на выбор исходной категории. Эта последняя должна представлять собой противоречивое отношение. Его Маркс ищет в товарно-денежном обмене. «Тот простой факт, что товар имеет двойное существование, как определенный продукт, который в своей натуральной форме существования идеально содержит (в скрытом виде содержит) свою меновую стоимость, и как проявившаяся меновая стоимость (*деньги*), которая, в свою очередь, утратила всякую связь с натуральной формой существования продукта, — это двойное *неодинаковое* существование должно развиться дальше в *различие*, различие — в *противоположность* и в *противоречие*»⁴. Развитие этого противоречивого отношения находит свое первое выражение

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 98.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 7.

³ Там же, т. 26, ч. II, с. 177.

⁴ Там же, т. 46, ч. I, с. 89.

в несовпадении купли и продажи, что, как показал Маркс, представляет собой формальную возможность кризисов.

Поиск исходного противоречивого отношения приводит Маркса к гипотезе: «Не следует ли понимать *стоимость* как единство потребительной и меновой стоимости?»¹ Понимание стоимости как исторической, а именно «самой абстрактной формы буржуазного богатства»², как такой категории, из которой могут быть выведены остальные противоречия буржуазного общества, позволяет Марксу отказаться от рассмотрения труда в качестве исходной категории экономической системы: «Для того чтобы развить понятие капитала, нужно исходить не из труда, а из стоимости, и притом из меновой стоимости, уже развитой в движении обращения. Перейти от труда прямо к капиталу столь же невозможно, сколь невозможно от различия человеческих рас перейти прямо к банку или от природы — к паровой машине»³. Начав изложение с анализа движения стоимости в процессе обращения как необходимой предпосылки образования капитала, Маркс был избавлен от вневременного рассмотрения предмета, ибо стоимость является простейшим специфически капиталистическим отношением. В то же время анализ двойственного характера труда, создающего товар, а также особое положение товара в экономической системе, как такой элементарной категории, в которой воплощено единство производства и обращения, позволили Марксу в конце концов заключить, что «первая категория, в которой выступает буржуазное богатство, это — *товар*. Сам товар выступает как единство двух определений»⁴, как единство потребительной стоимости и меновой стоимости.

Однако осознание всего значения категории товара в построении экономической системы пришло лишь позже. Так, написанный в конце мая 1858 г. раздел, в котором сформулировано это открытие и которым Маркс предполагал начать изложение теории, он все же называет «Стоимость»⁵. В июне 1858 г., составляя «Указатель к семи тетрадам», т. е. обобщая материал рукописи 1857—1858 гг., Маркс первый пункт озаглавливает так же — «Стоимость». Окончательная же формулировка названия первого раздела: «Товар» относится к ноябрю 1858 г.⁶ Дальнейшую разработку эта проблема нашла в первом выпуске «К критике политической экономии», а также в I томе «Капитала».

Выделение товара в качестве исходной категории теории стало возможным благодаря высокой степени развития капиталистического способа производства. Это открытие подготовлено также

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 216.

² Там же, т. 29, с. 257.

³ Там же, т. 46, ч. I, с. 207. Эту мысль Маркс повторяет в рукописи 1861—1863 гг. (См. там же, т. 47, с. 15).

⁴ Там же, т. 46, ч. II, с. 393.

⁵ Там же.

⁶ См. там же, т. 29, с. 304.

всем предшествующим развитием политической экономии¹. Сформулировав его в рукописи 1857—1858 гг., Маркс в своей следующей экономической рукописи 1861—1863 гг. продолжил исследование товара. Как бы резюмируя ход своих исследований, он писал: «Мы исходим из *товара* — из этой специфической общественной формы продукта — как основы и предпосылки капиталистического производства. Мы берем отдельные продукты и анализируем те определенности формы, которые они имеют как товары, т. е. которые накладывают на них печать товара... развитие продукта в товар, товарное обращение, а потому и денежное обращение в определенных границах, а значит, и развитая до известной степени торговля — являются *предпосылкой, исходным пунктом* образования капитала и капиталистического производства. В качестве такой предпосылки мы и рассматриваем товар, исходя из него как из простейшего элемента капиталистического производства. Но, с другой стороны, товаром является продукт, результат капиталистического производства. То, что выступает как элемент капиталистического производства, потом являет себя как его собственный продукт. Лишь на основе капиталистического производства товар становится всеобщей формой продукта, и чем больше оно развивается, тем в большей мере в процесс капиталистического производства продукты входят, как ингредиенты, тоже в форме товаров. Товар, как он выходит из капиталистического производства, отличается от того товара, из которого мы исходим как из элемента капиталистического производства. Перед нами уже не отдельный товар, не отдельный продукт. Отдельный товар, отдельный продукт не только реально, в качестве продукта, но и в качестве товара выступает как *часть* совокупной продукции, часть не только реальная, но и идеальная. Каждый отдельный товар выступает как носитель определенной части капитала и созданной им прибавочной стоимости»². Таким образом, Маркс здесь с полной ясностью показал, что товар является исходным и конечным пунктом исследования о процессе производства капитала. Приведенное высказывание (оно относится к 1862 г.) находится в полном соответствии с уже рассмотренным наброском плана января 1863 г. Как уже отмечалось, в этом наброске интересно то, что Маркс намеревался закончить раздел о процессе производства капитала главой «Результат процесса производства», где не последнее место занимает также анализ товара, но уже не как предпосылки, а как результата процесса производства. Маркс осуществил это намерение в 1864 г. в рукописи «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства».

Хотя намерение Маркса изложить проблему результатов про-

¹ Jahn W. Die Entwicklung der Ausgangskategorie der politischen Ökonomie des Kapitalismus in den Vorarbeiten zu Marx' «Kapital». — In: «...unserer Partei einen Sieg erringen». Berlin, 1978; Zeleny J. Die Wissenschaftslogik bei Karl Marx und «Das Kapital». Berlin, 1968.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 111—112.

цесса производства в виде отдельной главы было впервые явно высказано только в наброске плана января 1863 г., ее содержание сложилось гораздо раньше. Уже в рукописи 1857—1858 гг. Маркс, рассмотрев процесс воспроизводства, подводит итог, выделяя в качестве результата этого процесса переворот в законе присвоения, а также воспроизводство самого отношения между капиталом и трудом. «Это социальное отношение, производственное отношение фактически является еще более важным результатом процесса, чем его материальные результаты»¹. Намерение изложить суть отношения между наемным трудом и капиталом, а также переворот в законе присвоения в заключительной главе раздела о процессе производства капитала зафиксировано и в «Наброске плана третьей главы»².

Анализ «Главы шестой» позволяет утверждать, что она представляет собой синтез исторического и логического способов исследования, когда исторические и логические предпосылки процесса капиталистического производства рассматриваются в их отношении к результату — к процессу, взятому в целом, т. е. когда процесс производства капитала изучается на стадии воспроизводства, когда предварительно уже вскрыты исторические предпосылки капитализма (в главе о первоначальном накоплении капитала). Поэтому можно предположить, что мысль о заключительной главе, посвященной результатам процесса производства капитала, была первоначально связана у Маркса с включением в раздел о процессе производства главы о воспроизводстве капитала.

В «Главе шестой» Маркс указывает на то, что в товаре происходит совпадение предпосылок и результата капиталистического производства, в скрытом виде содержатся все его противоречия. Маркс анализирует прежде всего те условия, которые способствуют развитию товара в необходимую предпосылку капиталистического производства. В качестве же его результата товар является носителем прибавочной стоимости, и это является вторым моментом, анализируемым в главе. И здесь Маркс рассматривает взаимоотношение предпосылок и результата: не просто производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости, не просто формальное и реальное подчинение труда капиталу сами по себе, но их взаимоотношение. Маркс подчеркивает, что формальное подчинение труда капиталу является предпосылкой, базисом для возникновения реального подчинения труда капиталу, соответственно абсолютная прибавочная стоимость — базисом для относительной, а процесс труда — базисом для производительного труда.

Диалектика предпосылок и результатов характерна и для рассмотрения воспроизводства отношения между трудом и капиталом. Маркс говорит, что если «прежде условия производства про-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 447.

² См. там же, ч. II, с. 518.

тивостояли рабочему как капитал, поскольку он *находил их обособившимися* по отношению к нему», то «теперь это продукт его собственного труда; он находит этот продукт как превращенные в *капитал* и противостоящие ему условия производства. То, что было предпосылкой, теперь стало результатом процесса производства»¹. Маркс сопоставляет сущность отношения между трудом и капиталом как с его внешней, кажущейся формой, выступающей на поверхности общества, так и с исторически первоначальным обликом этого отношения.

Структура «Главы шестой» интересна и другим. Предпослав изложению набросок тем, которые он предполагал рассмотреть в главе: товары как продукт капитала, производство прибавочной стоимости, производство и воспроизводство капиталистического отношения, Маркс замечает: «Из этих трех разделов первый должен быть при последней обработке для печати поставлен в конце, а не в начале, так как он составляет *переход* ко второй книге — к процессу обращения капитала. Ради удобства здесь мы начинаем с первого раздела»². А закончив изложение, Маркс заново набрасывает начало главы, которая уже называется им не «Результаты...», а «*Результат непосредственного процесса производства*»³. Этот набросок начала главы тематически перекликается с третьей рассматриваемой в ней проблемой — воспроизводством капиталистического отношения, что свидетельствует, на наш взгляд, о принципиально новом, более широком подходе Маркса к освещению проблемы результата: «Не только вещные условия процесса производства выступают как его результат, но также и ...общественные отношения ...сами *производственные отношения*»⁴.

Излагая результаты непосредственного процесса производства, Маркс сталкивается с тем, что сама тематика и метод анализа обуславливают выход за рамки обсуждения результата непосредственного процесса производства. Так, переходя к анализу проблемы «Валовой и чистый продукт», Маркс замечает: «(Может быть, лучше отнести это к книге III, главе III.)»⁵. Излагая вопрос об объективных условиях труда при капиталистическом способе производства, Маркс, предвосхищая дальнейшее изложение, пишет о добавочной прибыли, реализуемой при использовании совместных условий труда⁶. Сама продажа рабочей силы относится к процессу обращения, «но, если рассматривать *процесс капиталистического производства в целом...* составляет не только момент и предпосылку, но и постоянный результат последнего»⁷. Все это опять-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 115.

² Там же, с. 3.

³ Там же, с. 119; ср. там же, т. 26, ч. I, с. 424.

⁴ Там же, т. 49, с. 119.

⁵ Там же, с. 104.

⁶ См. там же, с. 108.

⁷ Там же, с. 73.

таки приводит к мысли, что изложение результата даже непосредственного процесса производства теоретически не является полным, если не принимать в расчет процесс производства в целом. Еще в рукописи 1857—1858 гг. Маркс отмечал: «Если рассматривать буржуазное общество в его целом, то в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях. Все, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т. д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент. Сам непосредственный процесс производства выступает здесь только как момент. Условия и предметные воплощения процесса производства сами в одинаковой мере являются его моментами, а в качестве его субъектов выступают только индивиды, но индивиды в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново»¹.

Хочется подчеркнуть, что проблема соотношения предпосылок и результата как самого капиталистического производства, так и его исследования, является одной из необходимых при рассмотрении формирования структуры «Капитала». Именно это соотношение является решающим при исследовании формирования взгляда Маркса на то, с чего начать изложение процесса производства капитала и чем его закончить, а также является одним из аспектов проблемы соотношения исторического и логического в «Капитале».

Исторические предпосылки капитала — первоначальное накопление — излагаются Марксом уже после того, как показано движение капитала на своей собственной основе. Принимая во внимание исключительную важность раздела о первоначальном накоплении в структуре «Капитала», представляется необходимым остановиться на анализе этой проблемы подробнее.

Выше уже говорилось о том, что отношение капитала, земельной собственности и наемного труда, которое легло в основу «плана шести книг» и которое проявляется как отношение между тремя классами буржуазного общества, начало интересоваться Маркса еще в 40-е гг. В рукописи 1857—1858 гг. Маркс, продолжая эту тему, писал: «После капитала надо будет тогда рассмотреть земельную собственность. После нее — наемный труд»². И далее: «Как по своей природе, так и исторически капитал есть *создатель* современной земельной собственности, земельной ренты; поэтому его действие выступает также и как разложение старой земельной собственности»³. Маркс теоретически обосновывает здесь взаимоотношения капитала, земельной собственности и наемного труда. Но, сконцентрировав все свое внимание на анализе капиталистических отношений, Маркс не разработал систематически дальнейших частей «плана шести книг», изложив их в предельно обоб-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 222.

² Там же, ч. I, с. 213.

³ Там же, с. 226—227.

щенной форме там, где это было необходимо для понимания основного предмета исследования — капитала¹. Это относится в первую очередь к анализу наемного труда в I томе «Капитала», а также к анализу земельной собственности в III томе.

Но есть еще и другой, сугубо исторический аспект этой проблемы, которая в данном случае может быть рассмотрена как отношение: капитал, земельная собственность, наемный труд, государство. Речь идет об исторических предпосылках становления капиталистического способа производства, короче, о первоначальном накоплении капитала. Еще в рукописи 1857—1858 гг. Маркс показал, что сущность первоначального накопления заключается в отделении объективных условий труда от живой рабочей силы, а также наличии свободного обмена между ними в форме денежного обращения, при этом цель производства должна предполагать не непосредственное потребление, а увеличение стоимости². Таким образом, Маркс рассмотрел условия для развития отношения между капиталом и наемным трудом. Характерно при этом, что предпосылки возникновения капитала в ходе его развития воспроизводятся и в снятой форме принимают вид его результата. Так, говоря об отделении объективных условий труда от производителя, Маркс писал: «Если это разделение однажды выступает как предпосылка, то процесс производства может только производить вновь, воспроизводить это разделение, причем воспроизводить его в большем масштабе»³.

В тесной связи с анализом предпосылок отношения между капиталом и наемным трудом находится исследование форм, предшествующих капиталистическому производству. Анализируя различные формы собственности предшествующих эпох, Маркс прежде всего обращал внимание на исторические формы отношения труда к земельной собственности и соответствующие им социальные организации. Он проследил причины их разложения в ходе развития производительных сил, показал, что капитал возникает не непосредственно из земельной собственности, а из денежного богатства.

В рукописи 1861—1863 гг. произошла дальнейшая разработка концепции первоначального накопления на основе достигнутого в предшествующий период. (Известно, что Маркс даже текстуально заимствовал из рукописи 1857—1858 гг. обоснование некоторых положений о необходимости первоначального накопления.) Но теперь Маркс посвящает свое внимание также и анализу высказываний буржуазных экономистов об отделении работника от земельной собственности. Следовательно, и сейчас Маркса интересует отношение труд — земельная собственность. Кроме того, он

¹ См.: Коган А. М. План экономических исследований К. Маркса. — В кн.: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия: В 4-х т. М., 1979, т. 3, с. 241—242.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 452—453.

³ Там же, с. 450.

цитирует те работы буржуазных экономистов, где речь идет о концентрации средств производства в руках немногих. Здесь значительное место занимают исследования роли государства в процессе первоначального накопления. Маркс пишет о содействии первоначальному накоплению системы протекционизма, развития внешней торговли, колонизации, кредитной системы, а также государственного долга. Государство принимает меры по насильственному принуждению к труду. Капитал, таким образом, на ранних этапах своего развития нуждается в активной поддержке извне.

Это же обстоятельство подчеркнуто еще раз в окончательном тексте I тома «Капитала», где Маркс рассмотрел ряд правительственных мер, направленных на отделение работников от средств производства. Структура же этого раздела «Капитала» приобретает вполне законченный характер. Обосновывая преходящий характер капиталистического способа производства, Маркс исторически показал то, что логически уже прозвучало в рукописи 1857—1858 гг.: «Повсюду, где посредством воздействия капитала на более старые формы земельной собственности эта последняя превращается в денежную ренту... а осуществляемое капиталом земледелие вследствие этого одновременно превращается в промышленную агрономию,— повсюду коттеры, крепостные, барщинные крестьяне, наследственные арендаторы, безземельные крестьяне и т. д. неизбежно превращаются в поденщиков, в наемных рабочих. Следовательно, *наемный труд* в своей полноте впервые создается в результате воздействия капитала на земельную собственность, а затем, когда последняя как форма уже выработана,— наемный труд создается и самим земельным собственником»¹.

В I томе «Капитала» на примере английского законодательства XV—XVII вв. Маркс показал, как путем правительственных мер капитал воздействует на земельную собственность, вследствие чего образуется резерв свободной рабочей силы². Только крупная промышленность создает базис для капиталистического земледелия и завоевывает внутренний рынок. С другой стороны, внешний рынок образуется, помимо прочего, путем колониальной политики государства. Все это, служа целям развития капиталистического способа производства, образует, по выражению Маркса, «главные моменты первоначального накопления»³. Столь же большое значение в процессе первоначального накопления имеют и государственные кредиты. Маркс проследил, далее, обратное движение: влияние земледельческой революции на промышленность и развитие капиталистических отношений. Но если капиталистический строй не возникает из ничего, а, как доказал Маркс, развивается в недрах феодального, то, аналогично этому, в рамках капиталистического строя создаются условия для нового, коммуни-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 227.

² См. там же, т. 23, с. 757.

³ Там же, с. 760.

стического общества, что и является следующим и завершающим звеном анализа исторических предпосылок и исторических тенденций капитализма.

* * *

Таким образом, процесс формирования и развития представления Маркса о структуре «Капитала» находился в постоянном взаимодействии со всеми сторонами его учения. Если на ранних этапах формирования структуры «Капитала» преобладало воздействие историко-материалистической концепции (глобальный подход к обществу в целом определил столь же широкий охват экономического материала в программе исследования, что вылилось в «план шести книг»), то в дальнейшем выделение главного, определяющего, — учения о капитале — и его детальная разработка, в свою очередь, сказались на ходе развития структуры «Капитала». Она развивалась уже как бы «изнутри», т. е. исходя из внутренних потребностей теории. Экономическая теория, отражая объективное движение буржуазного общества, развивалась, говоря словами Маркса, «в направлении целостности», создавая из себя «еще недостающие ей органы»¹. Так, в ходе исследования в структуру учения о капитале вошел раздел о товаре и деньгах, который по первоначальному замыслу Маркса должен был составлять лишь отдельную, относительно независимую часть общего учения. Исходя из понятия товара, Маркс диалектически описал всю систему буржуазной экономики. Если в начале исследования капитала основные звенья учения о нем звучат в планах предельно лаконично, то в дальнейшем Маркс вскрывает всю цепь посредствующих звеньев между основными теоретическими понятиями. И эта конкретизация необходимым образом отражается Марксом в планах дальнейшего исследования. Так, в наброске плана, написанном перед началом работы над вторым вариантом «Капитала», появляются разделы об абсолютной и относительной прибавочной стоимости, о первоначальном накоплении, о наемном труде и капитале и др. А в самой рукописи 1861—1863 гг. выделяется особо раздел о сочетании абсолютной и относительной прибавочной стоимости. План января 1863 г., отражая достигнутый уровень исследования, помимо всего прочего, уточняет статус раздела о процессе труда и процессе увеличения стоимости. Этот раздел занимает подчиненное место в изложении производства абсолютной прибавочной стоимости. Все это свидетельствует о том, что система «Капитала» развивалась в общем и целом не вширь, а вглубь, иными словами, Маркс, не выходя за первоначально очерченные границы учения о капитале и даже, скорее, сужая их, наполняет структуру новыми связями и отношениями.

После опубликования в сентябре 1867 г. I тома «Капитала», куда вошел анализ процесса производства капитала, Маркс работал над рукописями II и III томов, т. е. в центре его внимания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 229.

находились проблемы процесса обращения капитала и образования прибыли и других превращенных форм прибавочной стоимости. Но параллельно с этим он занимался подготовкой второго немецкого издания I тома. Маркс внес туда, помимо содержательных уточнений и дополнений, усовершенствования, касающиеся структуры I тома. Даже при самом поверхностном анализе бросается в глаза следующее. Маркс превратил главы первого издания в отделы, уточнил некоторые заголовки. Например, название отдела второго издания, соответствующего 5-й главе первого, — «Дальнейшие исследования производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости» стало звучать как «Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости». Появился новый, VI отдел «Заработная плата», который был образован из четвертого пункта 5-й главы первого издания. Приложение к первому пункту 1-й главы «Форма стоимости» перешло непосредственно в изложение первого отдела. Наконец, во втором издании Маркс опустил заключительный абзац тома, резюмировавший содержание «Главы шестой», не включенной им в текст «Капитала».

ИЗ ИСТОРИИ ВТОРОЙ КНИГИ «КАПИТАЛА» МАРКСА

В продолжавшейся многие десятилетия работе над своим главным трудом немалую роль Маркс отводил созданию научной теории обращения капитала, которая на определенном этапе составила предмет самостоятельной второй книги «Процесс обращения капитала», а позже — подготовленного Ф. Энгельсом к печати второго тома «Капитала» (1885 г.).

Между тем история данного раздела экономического учения Маркса (как, впрочем, и многие его теоретические аспекты) пока не становилась предметом специального рассмотрения в советской литературе. Выход в свет дополнительных (46—50) томов 2-го издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке, где впервые опубликованы некоторые подготовительные рукописи «Капитала», в том числе и его второй книги (второго тома), позволяет приступить к изучению этой темы.

В настоящей статье будут затронуты лишь некоторые ее аспекты. Во-первых, для того чтобы подойти к разработке темы в историко-теоретическом плане, необходимо рассмотреть ход работы Маркса над второй книгой своего труда, с которой связаны последние 20 лет его жизни, «внешнюю» историю этой части «Капитала». В предисловии ко второму тому «Капитала» Энгельс останавливается на данном вопросе¹, однако многие обстоятельства все же еще неизвестны или малоизвестны.

Во-вторых, неизученность темы (во многом обусловленная тем, что некоторые черновые рукописи второй книги «Капитала» пока не изданы и не известны исследователям) не позволяет в рамках одной статьи проанализировать тему во всей полноте. Поэтому более конкретно речь здесь пойдет лишь о рукописях 60-х гг., в которых Марксом был сделан решающий шаг в раскрытии теоретических проблем процесса обращения капитала, причем будет рассмотрена история разработки только одного из трех важнейших разделов второй книги «Капитала» — кругооборота индивидуального промышленного капитала, который является как бы введением в проблематику второй книги, диалектическим переходом от процесса производства капитала к процессу его обращения.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 4—9.

В предисловии к II тому Энгельс упоминает 8 рукописей, написанных Марксом для второй части «Капитала» в период с 1865 (или 1867) г. по конец 70-х гг., и дает их краткую характеристику. Однако точно датирует он лишь одну из них, предпоследнюю, тогда как временные рамки создания остальных остаются весьма приблизительными. Нужно отметить, что здесь существует объективная сложность, обусловленная отсутствием авторской датировки практически всех относящихся ко второй книге черновых рукописей. Кроме того, хронологическая последовательность их создания и порядковые номера, как следует из предисловия, не всегда совпадают. Поэтому установление и обоснование датировки черновиков второй книги является тем первым шагом, без которого невозможно их историко-теоретическое исследование. При этом, конечно, следует опираться на сведения, которые приводит в своем предисловии Энгельс.

Самый ранний вариант второй книги, «Рукопись I», Энгельс относит к 1865 или 1867 г.¹ В последние годы советскими исследователями было установлено, что данная рукопись относится действительно к 1865 г., причем к первой его половине². Не останавливаясь подробно на приведенной там аргументации, отметим в дополнение, что в тексте «Рукописи I» термин «способность к труду» еще встречается чаще, чем «рабочая сила». Между тем доказано, что в 1866—1867 гг., когда Маркс работал над подготовкой к печати текста первого тома «Капитала», он окончательно перешел к употреблению только термина «рабочая сила»³.

Вслед за «Рукописью I» Энгельс называет рукописи III и IV и лишь затем «Рукопись II». Такая последовательность, как мы увидим ниже, отражает действительную хронологию создания указанных вариантов второй книги. То, что порядковые номера не соответствуют временной последовательности их написания, легко объясняется следующим образом: на определенном этапе, просматривая материалы, относящиеся ко второй книге «Капитала», Маркс пронумеровал сначала два варианта *всей* книги, а начиная с номера III — все остальные рукописи, трактующие те или иные *отдельные* проблемы обращения капитала.

Энгельс дает довольно подробную характеристику «Рукописи III», говоря, что она «отчасти состоит из собрания цитат и ссылок на тетради Маркса с выписками, — все это относится по большей части к первому отделу книги II, — отчасти она представляет собой обработку отдельных пунктов, особенно критику положений А. Смита об основном и оборотном капитале и об

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 7. Данная рукопись впервые опубликована в 49-м томе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке.

² См.: Выходский В., Миськевич Л., Терновский М., Чепуренко А. О периодизации работы К. Маркса над «Капиталом» в 1863—1867 гг. — Вопросы экономики, 1981, № 8, с. 97—107.

³ См. там же, с. 102.

источнике прибыли; далее идет изложение отношения нормы прибавочной стоимости к норме прибыли, относящееся к книге III»¹.

Таким образом, очевидно, что в указанной рукописи трактуются вопросы, рассматриваемые в двух разных книгах «Капитала» — второй и третьей. Но почему же тогда на ее обложке написано рукой Маркса: «Относящееся к книге II»? Ведь, строго говоря, это можно сказать лишь о первых 12 страницах рукописи — собрании выписок и ссылок на тетради Маркса с выписками — и в известной мере также и о той ее части, где содержится критика положений Смита об основном и оборотном капитале. Может быть, мы имеем дело не с единой рукописью, а с частями различных рукописей, которые почему-либо были объединены Марксом под названием «Рукопись III»? Возможно, в действительности «Рукописью III» являются только первые 12 страниц (в своем анализе мы исходим из этой гипотезы). Такой фрагмент Маркс вообще мог создать за один день, не прерывая основной работы по подготовке к печати первой книги или написанию третьей книги «Капитала». Однако можно с уверенностью утверждать, что рассматриваемая рукопись не возникла ни до, ни в процессе работы Маркса над «Рукописью I» второй книги, стало быть, она возникла *после* «Рукописи I».

Прежде всего, в «Рукописи III» имеется всего одна цитата, присутствующая и в «Рукописи I»³. Но если бы «Рукопись III» была написана *до* «Рукописи I», таких совпадений наверняка должно было бы быть значительно больше. По этой же причине «Рукопись III» была написана и не *в период* работы над «Рукописью I» — иначе должен был бы в значительно большей мере совпадать круг авторов, упоминаемых в «Рукописи I», и тех, которых Маркс цитирует в «Рукописи III». Кроме того, известно, что свои выписки Маркс составлял обычно не в ходе работы над изложением какой-либо темы, а до того, как приступить к нему. Отсюда можно заключить, что «Рукопись III» была создана с целью использования ее в ходе дальнейшей обработки «Рукописи I» для печати.

Эта обработка вылилась в написание «Рукописи IV». О том, что «Рукопись III» была использована Марксом при работе над «Рукописью IV», свидетельствует не только то, что все цитаты и выписки из тетрадей Маркса, содержащиеся в «Рукописи III» и относящиеся к проблеме кругооборота капитала, использованы в «Рукописи IV» (на страницах 6, 7, 13, 24, 52)⁴. В этом убеждает, кроме того, то обстоятельство, что цитаты из Уэйленда, Бейли, Лалора, Ньюмена и Чалмерса, встречающиеся в «Рукопи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 7.

² ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 2085, л. 1.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 291.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 2212, л. 12, 13, 23, 41, 77.

си IV», перечеркнуты в «Рукописи III» кривой чертой¹, что Маркс делал обычно, когда материал экспертных тетрадей использовался им в одной из последующих рукописей. В «Рукописи IV» встречается только одна цитата не из «Рукописи III», а непосредственно из «Рукописи I», в которой речь идет о полемике Рикард с Сэем по вопросу о природе транспортных издержек².

Таким образом, можно утверждать, что «Рукопись IV» разработана на материалах I и III рукописей. Поэтому, ответив на вопрос о времени создания «Рукописи IV», можно определить и верхнюю временную границу написания «Рукописи III».

В письме Энгельсу от 24 августа 1867 г. Маркс сообщил, что работает над «последней частью второй книги (*процесс обращения*)» и просил его дать чисто практические объяснения по ряду вопросов³. Но если Маркс в это время приближался к завершению работы, то когда же она была начата и о какой из рукописей II книги идет здесь речь?

Несомненно, Маркс имел в виду «Рукопись IV»: «Рукопись I» уже была написана, а «Рукопись II» начата значительно позже (ее датировка рассмотрена ниже). Анализ текста «Рукописи IV» позволяет ее датировать.

Уже на странице 2 этой рукописи есть ссылка на «стр. 188 и след.» первого тома «Капитала»⁴. Напомним, что первый том вышел в свет только в сентябре 1867 г., а Маркс, как это следует из процитированного письма, работал над последней частью второй книги еще в августе, т. е. к моменту выхода I тома страница 2 «Рукописи IV» уже была им написана. Отсюда следует, что, работая над «Рукописью IV» второй книги, Маркс цитировал первый том «Капитала» по корректуре.

В таком случае начало написания «Рукописи IV» можно установить с достаточной степенью точности. Цитируемая 188-я и следующие страницы первого тома «Капитала» находятся на 12-м корректурном листе. Из письма Энгельсу от 3 июня 1867 г. следует, что в это время Маркс уже располагал 10-м и 11-м листами корректуры⁵, а в письме Л. Кугельману от 10 июня он сообщил, что уже отправил 14-й лист издателю⁶. Следовательно, именно между 3 и 10 июня в его распоряжение поступил 12-й корректурный лист. Таким образом, работа над «Рукописью IV» началась не ранее первой декады июня 1867 г.

Эти предположения хорошо согласуются с тем, что в начале мая 1867 г. Маркс дважды упоминает о необходимости подгото-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 2085, л. 9, 15, 17, 19. Помимо этого, в «Рукописи III» зачеркнут еще ряд цитат (см. л. 13, 16, 17), которые не вошли в «Рукопись IV», но были в дальнейшем использованы в «Рукописи II».

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 328.

³ См. там же, т. 31, с. 278.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 2212, л. 4.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 255—256.

⁶ См. там же, с. 462.

вить к осени для печати второй том¹, в который должны входить «продолжение и окончание теории»², т. е. вторая и третья книги. Но так как с середины апреля по середину первой декады июня Маркс находился по делам, связанным с изданием первого тома, в Гамбурге, то вполне понятно, начать работу над второй книгой раньше середины июня он не мог.

На странице 51 «Рукописи IV», в самом начале незавершенной второй главы, Маркс цитирует страницу 553 первого тома «Капитала». Установить время, когда могла быть написана 51-я страница «Рукописи IV», очень важно, ибо вся рукопись содержит 58 страниц, а потому тем самым будет достаточно точно датировано окончание работы Маркса над ней.

Указанная цитата содержится в 35-м печатном листе первого тома «Капитала». Мы не знаем, когда корректура этого листа была получена Марксом. Но в письме Марксу от 11 августа 1867 г. Энгельс сообщает, что он уже «бегло прочел до 32-го листа»³ (здесь речь идет уже не о корректуре, а о чистых листах). Тремя днями позже Маркс пишет, что получил 48-й лист⁴. Отсюда можно заключить, что 35-й лист попал в руки Маркса во всяком случае не позднее первой декады августа 1867 г. Данное обстоятельство и вышеупомянутое письмо Маркса от 24 августа дают основание утверждать, что Маркс прервал работу над «Рукописью IV» самое позднее между первой и третьей декадами августа 1867 г., т. е. еще до выхода в свет первого тома «Капитала». Следовательно, он работал над ней в июне — августе 1867 г. О «Рукописи III», учитывая все сказанное выше, можно сказать лишь, что она была создана между серединой 1865 и концом марта 1867 г., так как в начале апреля Маркс уже уехал в Гамбург с рукописью первого тома «Капитала».

Существует еще один черновой вариант второй книги, относящийся к рассматриваемому периоду, — обработка начала первой главы «Рукописи IV».

Относительно нее можно с уверенностью утверждать лишь, что обработка начала первой главы «Рукописи IV» сделана не ранее августа 1867 г. (в это время, как мы видели, была прервана работа над «Рукописью IV») и не позднее конца 1868 г., когда Маркс уже приступил к «Рукописи II». Текст указанной обработки весьма близок по содержанию к «Рукописи IV» и в значительной мере дословно ее воспроизводит, между тем как с «Рукописью II» почти не перекликается.

Скорее всего, данный отрывок был написан все же после некоторого перерыва в работе: трудно себе представить, чтобы Маркс, как он ни торопился завершить вторую книгу осенью 1867 г., мог приступить к переписыванию ее набело (обработка

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 251, 456.

² Там же, с. 454.

³ Там же, с. 272.

⁴ См. там же, с. 273.

начала «Рукописи IV»), не дойдя даже до середины чернового варианта («Рукопись IV» осталась незавершенной, и работа над ней прервалась в самом начале второй главы).

А еще до этого у Маркса, по-видимому, был несколько иной план. К «Рукописи I» приложена страница с планом второй книги. На обороте этой страницы он сделал ряд пометок: перечислены некоторые имеющие отношение к проблематике второй книги вопросы и рядом проставлены номера страниц, на которых они рассмотрены¹. Однако при этом Маркс не указал, страницы какой именно рукописи он здесь проставил. Ясно прежде всего, что не «Рукописи I» (выделенные им вопросы в ней не затрагивались) и не «Рукописи II» (в ней раскрыты лишь два из них, причем в несколько ином ключе, нежели это предусматривалось в пометках на плане «Рукописи I»). По «Рукописи IV» видно, что Маркс делал свои пометки, имея в виду именно ее².

Вероятно, Маркс намеревался в какой-то период (как видно из вышесказанного, после создания «Рукописи IV», т. е. не ранее осени 1867 г.) приступить к новому варианту второй книги на основе главным образом «Рукописи I», но с использованием отдельных дополняющих ее содержание фрагментов «Рукописи IV». Однако затем он, по-видимому, отказался от этого плана, насколько позволяет судить осуществленная им обработка начала «Рукописи IV», почти дословно воспроизводящая свою первооснову, но не затрагивающая «Рукопись I»; эту работу Маркс прервал в самом начале и приступил к совершенно новому варианту — «Рукописи II», в композиционном, да и в содержательном отношении еще более отличающуюся от первого чернового варианта второй книги «Капитала» — «Рукописи I».

Относительно «Рукописи II» Энгельс писал, что она «помечена 1870 годом»³. Но пометка эта сделана не Марксом, а самим же Энгельсом, причем речь идет об *окончании* работы над ней⁴. Когда же она была начата?

В тексте рукописи есть несколько замечаний, позволяющих установить примерный период ее создания. Так, на странице 24 имеется примечание, в котором Маркс, очевидно, намекает на события, связанные со стачкой ленточников и красильщиков Базеля, начавшейся 9 ноября 1868 г. и продолжавшейся до весны 1869 г.⁵ Об этой стачке Маркс дважды упоминал в письмах к Энгельсу: от 1 и от 13 января 1869 г.⁶ Довольно подробная ее характеристика содержится и в написанном им в конце августа — нача-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 233, подстрочное примеч.

² На с. 15, 16, 24, 25, 35 «Рукописи IV» соответствующие места выделены на полях вертикальной карандашной чертой (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 2212).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 7.

⁴ См. там же, т. 50, с. 523, примеч. 1.

⁵ См. там же, с. 69, примеч. 28.

⁶ См. там же, т. 32, с. 192, 196.

ле сентября 1869 г. Отчете Генерального Совета Базельскому конгрессу Международного Товарищества Рабочих¹.

Далее, на странице 26 Маркс приводит данные статистики ввоза и вывоза хлопка из Великобритании, основывающиеся на отчете фирмы Элисон и Хейвуд, который был опубликован в журнале «Economist» 14 апреля 1866 г. Те же данные и упоминание об этом отчете фигурируют в двух письмах Маркса к Энгельсу: от 9 и 12 декабря 1868 г.², причем из первого письма явствует, что данный отчет стал известен Марксу лишь незадолго до этого. Значит, можно предположить — учитывая, что оба отмеченных места находятся в первой главе, — что «Рукопись II» была начата в конце 1868 или в самом начале 1869 г. Это согласуется с теми сведениями, которые можно почерпнуть из переписки Маркса с Энгельсом.

Осенью 1867 г., вскоре после выхода из печати первого тома «Капитала», обострились материальные затруднения Маркса. В отчаянии он писал, что они не оставляют ему времени и покоя для работы над книгой³, а в декабре 1867 г. начался тяжелый приступ болезни, от которого Маркс не мог оправиться фактически до конца апреля следующего, 1868 г.⁴ В конце апреля 1868 г. он, по-видимому, работал над рукописью о норме прибавочной стоимости и норме прибыли для третьей книги «Капитала» (или, во всяком случае, размышлял над этим разделом своей экономической теории)⁵, а 7 мая интересовался уже данными, необходимыми, по всей видимости, для главы об обороте капитала⁶. Однако в то время Маркс, скорее всего, не разрабатывал, а только «обдумывал всяческие проблемы дома»⁷.

Летом 1868 г. Маркс снова приступил к интенсивным занятиям в библиотеке Британского музея, но в середине августа опять наступило некоторое ухудшение состояния его здоровья⁸, а в сентябре он вновь жалуется на затруднения в денежных делах, мешающие ему работать⁹. Тем не менее в письме от 2 октября 1868 г. Энгельс настоятельно советует ему «теперь же» приниматься за второй том¹⁰. И 14 ноября Маркс снова выясняет у Энгельса вопросы, связанные с практикой кредитного дела. Из контекста письма можно заключить, что в это время он занимается главой о кредите¹¹ для третьей книги «Капитала». Таким образом, в кон-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 386—388.

² См. там же, т. 50, с. 73; т. 32, с. 178, 181.

³ См. там же, т. 31, с. 302, 470.

⁴ См. там же, т. 32, с. 3, 603, примеч. 1; с. 35—36, 42, 43, 49, 52—53, 55.

⁵ См. там же, с. 55—57, 59—65. Уже отмечалось, что третья книга вместе со второй должна была по тогдашнему замыслу Маркса составить второй том «Капитала».

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 70.

⁷ Там же, с. 79.

⁸ См. там же, с. 111, 112.

⁹ См. там же, с. 123.

¹⁰ См. там же, с. 138.

¹¹ См. там же, т. 32, с. 163—164.

це 1868 г. Маркс, по-видимому, возобновил работу над вторым томом «Капитала».

13 февраля 1869 г. он подтверждает это в письме к Энгельсу, сообщая, что «в данную минуту сильно занят своей книгой» и после вызванного болезнью перерыва в несколько недель «по-настоящему снова взялся за работу»¹. Правда, вопросы, которые он задает Энгельсу в письме от 3 марта², относятся к вексельному делу и опять-таки не связаны со второй книгой. Возможно, Маркс работал параллельно над обеими книгами второго тома. Это представляется вполне вероятным, если учесть, что основные теоретические проблемы их в общем были уже решены, и вспомнить, что разделы рукописи третьей книги (1864—1865 гг.) о норме прибыли, средней прибыли, кредите (которые как раз упоминаются в указанных нами письмах Маркса) и ряд других были разработаны в общем менее других и нуждались в дальнейшем исследовании.

В 1869—1870 гг. работа над «Рукописью II» продолжалась, хотя, возможно, и с перерывами. Об этом можно говорить только предположительно, ибо все, чем мы располагаем для подтверждения данной гипотезы (и вообще для датировки работы Маркса над «Рукописью II»), — это лишь несколько косвенных свидетельств в самом тексте ее. В начале второй главы, на странице 49, Маркс приводит обширную выписку из «Утопии» Т. Мора на английском языке, указывая, что цитирует перевод Р. Робинсона, выполненный еще в XVI в., по изданию лондонского антиквара Э. Арбера, которое было выпущено в 1869 г.³ Таким образом, вторая глава была написана Марксом, во всяком случае, не раньше 1869 г.

В третьей главе рукописи, на странице 149, в подстрочном примечании, Маркс упоминает приводимые в книге В. В. Берви (Флеровского) «Положение рабочего класса в России» примеры полуголодного существования русских крестьян, которые они вынуждены были вести, чтобы не употребить в пищу посевное зерно и таким образом обеспечить хотя бы простое воспроизводство зерновых⁴. Книга Флеровского вышла в свет в 1869 г. и была прислана Марксу Н. Ф. Даниельсоном. О ее получении Маркс писал Энгельсу 24 октября 1869 г.⁵, а 30 октября Женни Маркс (дочь) сообщила Л. Кугельману, что «книга эта появилась как раз вовремя, она очень важна. Мавр в своем втором томе намерен обнародовать факты, которые в ней содержатся»⁶. В связи с этим Маркс начал изучать русский язык и к началу февраля продвинулся в своих языковых познаниях настолько, что прочитал уже 150 страниц книги Флеровского⁷. В упомянутом подстрочном примечании

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 204.

² См. там же, с. 214.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 2346, л. 223.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 50, с. 152.

⁵ См. там же, т. 32, с. 302.

⁶ Там же, с. 586.

⁷ См. там же, с. 357.

Маркс, скорее всего, имел в виду примеры, содержащиеся на страницах 191—192 книги. Характерно, что на этих страницах собственного экземпляра Маркса имеются его карандашные отчеркивания¹. Отсюда можно заключить, что он, по-видимому, работал над третьей главой «Рукописи II» и после февраля 1870 г.

Несколько далее, на странице 161, в третьей главе «Рукописи II», Маркс приводит пример, который также косвенно подтверждает, что в 1870 г. работа над «Рукописью II» еще продолжалась².

Ответить на вопрос, когда она завершилась, на основании текста рукописи или переписки Маркса невозможно³. Однако мы располагаем датировкой Энгельса, относившего окончание «Рукописи II» к 1870 г.

Можно предположить, что рукопись была завершена не позднее середины 1870 г.: с 9 по 31 августа Маркс с семьей отдыхал в Рамсгете, по возвращении же в Лондон он был перегружен работой в Интернационале⁴, объем которой резко возрос в связи с начавшейся франко-прусской войной и последовавшими за этим событиями на континенте, так что он едва ли мог заниматься теоретической работой. Если это так, то «Рукопись II» была создана в период с конца 1868 по середину 1870 г.

Возобновить свою работу над второй книгой «Капитала» Маркс смог только во второй половине 70-х гг.: подготовка 2-го немецкого и авторизованного французского изданий первого тома «Капитала», а затем болезнь надолго прервали его исследования по вопросам, относящимся ко второй и третьей книгам.

Первым из вариантов второй книги, созданных в этот период, стала «Рукопись V». На странице 1 сохранилась карандашная запись, сделанная рукой Энгельса: «1875 или позднее»⁵. Вероятно, Энгельс исходил из того, что в ней на странице 18 приводится цитата из книги А. И. Чупрова «Железнодорожное хозяйство» (том 1, 1875 г.). Но выписки из этой книги Маркс делал, в соответствии с его пометками, после середины мая 1876 г. и ранее конца марта 1877 г. в «Тетради XI»⁶. Кроме того, сохранились также два небольших фрагмента, носящих характер подготовительных вариантов к «Рукописи V» и датированных самим Марксом 19 апреля 1877 г. (Энгельс назвал их «К рукописи V: Первые

¹ В кн.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, с. 32.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 50, с. 193.

³ В переписке за 1870 и последующие годы второй том «Капитала» упоминается лишь дважды — 24 января и 27 июня 1870 г., — но оба раза речь идет о проблемах третьей книги. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 534, 572).

⁴ См. там же, т. 33, с. 130.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 3821, л. 1. Отметим, что если рукописи 60-х гг. были пронумерованы самим Марксом, то порядковые номера на последующих вариантах, начиная с V, проставлены рукой Энгельса.

⁶ Подробнее см.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса, с. 210, 214.

начала»¹, поскольку они содержат две обработки начала первой главы I отдела второго тома «Капитала».) Таким образом, «Рукопись V» следует более точно датировать временем *не ранее 20-х чисел апреля 1877 г.* Характеризуя ее содержание, Энгельс писал, что «она содержит первые четыре главы и еще мало обработана; существенные пункты рассматриваются в примечаниях под текстом; материал скорее собран, чем просеян, но эта рукопись V является последним полным изложением этой важнейшей части первого отдела»². В содержательном плане она не отличается существенно от предыдущих IV и II рукописей, но по количеству в ней более подробно изложены проблемы кругооборота производительного и товарного капитала, а также более обстоятельно подытожены результаты исследования трех фигур кругооборота, то Энгельс воспользовался «Рукописью V» в первую очередь при редактировании II—IV глав первого отдела второго тома «Капитала».

Следующим по времени создания является фрагмент в 6 авторских страниц, датированный Марксом 26 октября 1877 г., на первой странице которого рукой Энгельса написано: «К рукописи VI (а)»³. На основе этого фрагмента несколько позднее (Энгельс датирует: «*после октября 1877 и до июля 1878 г.*») возникла «Рукопись VI» — «17 страниц в четверть листа, содержащих большую часть первой главы»⁴. Она была использована во втором томе в наименьшей степени⁵.

2 июля 1878 г. помечена Марксом «Рукопись VII», в которой всего 7 страниц, представляющая собой новую обработку первого отдела второго тома «Капитала». Из нее Энгельсом было взято все начало I главы⁶.

Следующим — и последним — вариантом второй книги «Капитала» была «Рукопись VIII». В предисловии ко второму тому Энгельс ее не датировал. Но в ее тексте, а также в переписке Энгельса есть ряд косвенных свидетельств, на основании которых можно попытаться хотя бы приблизительно установить время, когда Маркс над ней работал. На странице 42 рукописи, а затем также на страницах 67—68 Маркс цитирует доклад Драммонда, опубликованный в «*Reports by Her Majesty's secretaries of embassy and legation, on the manufactures, commerce, &c., of the countries in which they reside (Part III. London, 1879⁷)*», где Драммонд, между прочим, ссылается на «интересную статью» из газеты

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 3812, л. 1.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 8.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 3865, л. 1.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 8.

⁵ См. там же, с. 43—47.

⁶ См. там же, с. 31—43. К сожалению, в 24-м томе Сочинений повторена ошибка, допущенная в ряде предыдущих изданий второго тома «Капитала»: там указано, что с. 31—32 взяты из «Рукописи II» (см. там же, с. 27, 31).

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 535, 587, 588.

«The Nation» за октябрь 1879 г.¹ Значит, доклад Драммонда написан никак не ранее октября 1879 г., а цитируемая Марксом III часть «Reports» вышла не ранее ноября — декабря того же года. Следовательно, над «Рукописью VIII» Маркс работал приблизительно в конце 1879 или в начале 1880 г. Это предположение согласуется с двумя письмами Энгельса И. Ф. Беккеру. 24 сентября 1879 г. он пишет, что «Маркс... чувствует себя, по-видимому, великолепно, так что работа над вторым томом «Капитала» может теперь пойти быстро»², но затем 19 декабря того же года — очевидно, со слов Маркса — сообщает: «Второй том подвигается вперед медленно и, вероятно, быстрее не пойдет, пока не наступит лучшее лето, чем в этом году, и Маркс не сможет поправиться по-настоящему»³. Учитывая, что ссылки на доклад Драммонда находятся во второй половине рукописи и почти в самом ее конце (в ней всего 70 страниц), можно предположить, что работа над ней была начата осенью 1879 г. и прервана в конце того же года или в самом начале 1880 г.

«Рукопись VIII», почти целиком использованная Энгельсом при подготовке третьего отдела второго тома⁴, была последним вариантом второй книги «Капитала», который Марксу было суждено создать, хотя и в последние годы жизни он не оставлял надежды подготовить к печати второй том «Капитала». Когда в конце 1881 г. Мейснер сообщил ему, что считает необходимым новое, 3-е издание первого тома, Маркс был «скорее недоволен» этим, ибо все свои силы хотел посвятить работе «исключительно над окончанием II тома»⁵. Однако выполнить свое намерение он не успел.

* * *

Итак, самостоятельная разработка второй книги «Капитала» началась в первой половине 1865 г. и продолжалась до конца 1879 или даже до 1880 г.

Однако заниматься проблемами обращения капитала Маркс начал гораздо раньше. Уже в рукописях 1857—1858 и 1861—1863 гг. им были заложены основы для созданной позднее стройной систематической теории обращения капитала, составившей впоследствии вторую книгу⁶. Поэтому сначала следует кратко остановиться на характеристике тех отправных пунктов, которые были намечены уже в этих первых черновых вариантах «Капитала».

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 587.

² Там же, т. 34, с. 329.

³ Там же, с. 342—343.

⁴ См. там же, т. 24, с. 28.

⁵ Там же, т. 35, с. 199, 204.

⁶ Вначале раздел о кругообороте капитала составлял главу, но затем, после выхода 2-го немецкого издания первого тома «Капитала», где Маркс усовершенствовал структуру своего произведения, преобразовав главы в отделы с более дробной разбивкой, он превратился — в рукописях V—VII — в самостоятельный первый отдел второй книги.

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс, как известно, впервые в общем виде сформулировал и изложил теорию прибавочной стоимости. Результатом напряженной работы мысли стало также открытие действительного исходного пункта политической экономии буржуазного способа производства — товара. Это давало возможность окончательно выяснить и сформулировать основные методологические проблемы, уточнить план будущего труда таким образом, чтобы его структура и содержание адекватно отражали предмет — капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Следовательно, сама логика дальнейшего развития экономической теории требовала от Маркса разработки целого ряда промежуточных звеньев, переходов от одного, более абстрактного узлового понятия формирующейся научной системы к другому, более конкретному, более богатому по содержанию понятию. Иначе говоря, переход к преимущественному *изложению* обусловил продолжение *исследования*, выделение и постановку целого ряда новых вопросов, формулировку новых категорий.

Поэтому в 1857—1858 гг. уже в процессе работы над рукописью Маркс снова и снова обдумывает архитеконику своего труда. Так возникают 5 набросков плана, последний из которых приводится в письме к Ф. Лассалю от 11 марта 1858 г., примерно за 2 месяца до окончания работы над рукописью: «1) стоимость, 2) деньги, 3) капитал вообще (процесс производства капитала, процесс обращения капитала, единство того и другого, или капитал и прибыль (процент))»¹. Процесс обращения капитала, таким образом, получает роль звена, опосредствующего переход от наиболее абстрактных категорий, выражающих сущность капиталистического способа производства, к конкретным «поверхностным» категориям, в которых эта сущность проявляется в превращенном виде. Ближайшим образом, как это следует из данного наброска, обращение капитала опосредствует переход от «процесса производства капитала», т. е. производства прибавочной стоимости, к «капиталу и прибыли».

Домарксова классическая буржуазная политическая экономия вопрос так не ставила: по выражению Маркса, А. Смит «прямо смешивает, не вводя никаких посредствующих звеньев, прибавочную стоимость с более развитой формой, с прибылью», Д. Рикардо «хочет законы прибыли непосредственно, без промежуточных звеньев, представить как законы прибавочной стоимости»². Поэтому в их системах обращение капитала рассматривалось лишь

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 451 (курсив наш.— А. Ч.). Предыдущие наброски плана содержатся во «Введении», написанном Марксом в августе 1857 г., «Главе о деньгах» (октябрь — ноябрь 1857 г.) и в начале «Главы о капитале» (к ее написанию он приступил в ноябре 1857 г.), где мы находим два варианта плана (см. там же, т. 46, ч. I, с. 45, 173, 213, 226). Подробнее см.: Базагурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса, с. 15—21.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 64; ч. II, с. 412.

в особенной форме, в связи с анализом купеческого и банкирского капитала, как «обмен между деловыми людьми и потребителями»¹. Конечно, в их работах содержались отдельные высказывания, характеризующие те или иные моменты кругооборота капитала (главным образом, это касается издержек и времени обращения), но разработка понятия кругооборота капитала впервые была дана только Марксом — именно потому, что оно, как таковое, возникает лишь в связи с переходом к созданию диалектической, т. е. построенной на основе восхождения от абстрактного к конкретному, системы категорий политической экономии, где кругооборот капитала играет роль звена, опосредствующего переход от абстрактного (стоимость, прибавочная стоимость) к конкретному (цена производства, средняя прибыль).

Отсюда понятно, что в набросках планов этого периода понятие кругооборота капитала (или его прообраз) еще не присутствует — переход к созданию теоретической системы «Капитала» только начинается. Тем не менее отдельные идеи, последующее развитие которых привело к выделению кругооборота капитала как особого звена в исследовании процесса обращения капитала, уже высказываются Марксом.

Уже во «Введении» Маркс формулирует исходное методологическое положение, согласно которому обращение следует понимать двояким образом: и как «определенный момент обмена», и как «обмен, рассматриваемый в целом», причем, подчеркивает Маркс, «обмен... во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве, или определяется производством»². Чтобы понять обращение, нужно исследовать процесс, происходящий позади него, — процесс производства, в котором создаются моменты обращения, — к такому выводу Маркс приходит уже в «Главе о капитале» рукописи 1857—1858 гг. В буржуазном обществе существует непосредственное единство процесса производства и процесса обращения. Рассмотрение их в единстве позволяет постичь капитал не как «простое отношение», а как процесс³. С этой точки зрения товар, деньги, производство выступают как формы существования капитала.

В чем же заключается отличие обращения как «определенного момента обмена» от обращения как «обмена... в целом»? В том, что теперь меновая стоимость выступает не как мимолетное отношение товара и денег, а как сохраняющаяся в движении обращения, соотносящая себя с самой собой меновая стоимость. Она «не теряет здесь своего определения формы, а сохраняет в каждой из различных субстанций свою тождественность с самой собой»⁴. Теперь меновая стоимость может быть понята более конкретно, не в виде количественного соотношения двух потребитель-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 44, с. 141.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 36.

³ См. там же, с. 207.

⁴ Там же, с. 209.

ных стоимостей, как в простом товарном обращении, а более определенно: «меновая стоимость, положенная как единство товара и денег, есть капитал, а само это полагание выступает как обращение капитала»¹.

Определив таким образом содержание процесса обращения капитала, Маркс определяет и его форму. Такой формой является кругооборот. «Кругооборот капитала — обращение, выступающее как обращение капитала, — охватывает оба момента. В нем производство оказывается конечным и исходным пунктом обращения и *vice versa*. Самостоятельность обращения низведена теперь до простой видимости, так же как и потусторонность производства»². Следовательно, уже в рукописи 1857—1858 гг. Маркс дает первое определение кругооборота капитала, которое основывается на сформулированном им тезисе о непосредственном единстве производства и обращения в буржуазном обществе.

В этой же главе рукописи Маркс, обращая внимание на понятие «экономического цикла», встречающееся у Чалмерса, по существу, рассматривает одну из фигур кругооборота — кругооборот производительного капитала (не вводя, правда, еще такого термина) — и выделяет ее фазы, или стадии: созидание прибавочной стоимости (непосредственный процесс производства продукта), превращение продукта в товар (доставка его на рынок), обращение — превращение товара в деньги и обратное превращение в условия производства, воспроизводство первоначального и производство добавочного капитала (возобновление процесса производства)³. Исходя из этого, Маркс четко классифицирует возникающие в процессе обращения капитала издержки, подразделяя их на издержки по доставке продукта на рынок и его превращению в товар, которые носят производительный характер, а также на «издержки обращения как таковые», связанные со счетными операциями, ничего не добавляющими к стоимости продукта, «какой бы труд ни был связан с этими процессами». Сюда же он относит и деньги как орудие обмена, которые «вместо того чтобы добавлять... отнимают часть стоимости»⁴.

Таким образом, в процессе кругооборота капитала «происходят смена форм и обмен веществ»⁵ капитальной стоимости. Посредством его рассмотрения раскрывается жизнедеятельность капитала, процесс его функционирования. Подытоживая то новое, что было получено благодаря исследованию обращения капитала с точки зрения понимания стоимости и капитала, Маркс пишет: «...если при рассмотрении простого процесса производства капитал выступает как самовозрастающая стоимость только в его отношении к паемному труду, а обращение остается в стороне,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 215.

² Там же, ч. II, с. 5.

³ См. там же, с. 117—118.

⁴ Там же, с. 124, 125.

⁵ Там же, с. 174.

то в процессе его воспроизводства в капитал включено и обращение, и притом оба момента обращения $T - D - D - T...$ Капитал содержит в себе оба кругооборота, и притом уже не как простую смену форм или простой обмен веществ, выпадающий из определения формы, а то и другое, включенное в само определение стоимости»¹.

Следующий этап в разработке проблемы кругооборота капитала отразила рукопись 1861—1863 гг., в частности XV тетрадь. Хотя в ней соответствующие вопросы разобраны в очень сжатой, конспективной, форме (Маркс полагал, видимо, что они вполне достаточно освещены в рукописи 1857—1858 гг.), однако здесь выдвинут и ряд новых положений.

Отмечая, что совокупный процесс воспроизводства капитала выступает как единство процессов производства и обращения капитала, Маркс для рассмотрения его формы «в чистом виде» берет «отдельный процесс», или «отдельный цикл производства»² (эти термины употребляются как синонимы кругооборота капитала), и указывает на возможность рассмотрения не только стадий, но и различных *функциональных форм* кругооборота капитала: «Рассматривая процесс как непрерывный, следовательно, как текучее единство процесса обращения и процесса производства, мы можем принять за исходный любой из тех пунктов, которые выступают как переходные пункты или конечные пункты. Стало быть, мы можем начать, *во-первых*, с денег как исходного пункта отдельного процесса производства; *во-вторых*, с товара (продукта) как непосредственного результата процесса производства; наконец, с самого этого процесса производства, с T' как процесса»³.

Исходя из этого, Маркс, далее, впервые вывел формулы трех фигур кругооборота капитала: фигуры *a*), начинающейся актом купли товара и заканчивающейся продажей вновь произведенного товара, его реализацией; фигуры *b*), начинающейся продажей товара и завершающейся товаром как «результатом процесса»; фигуры *c*), крайними членами которой являются « T' в процессе», или процесса производства (соответственно воспроизводства) T ⁴.

Хотя Маркс в рукописи 1861—1863 гг. ограничивается лишь несколькими замечаниями относительно издержек обращения, считая, видимо, что в рукописи 1857—1858 гг. этот вопрос разобран достаточно подробно, тем не менее и в его освещении вносится ряд новых моментов. Воспроизводя в целом классификацию издержек обращения из предыдущей рукописи, Маркс обращает внимание на важность учета того, какое влияние оказывают те или иные происходящие в процессе обращения явления не только на изменения величины и формы стоимости, но и на потреби-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 255—256.

² Там же, т. 48, с. 121.

³ Там же, с. 122.

⁴ См. там же, с. 122—123.

тельную стоимость. Прямое отношение тех или иных процессов «к потребительной стоимости товара как потребительной стоимости делает эти процессы *производительными процессами*», подчеркивает Маркс, и напротив, те особенные формы капитала, которые «втиснуты в пределы процесса обращения и не имеют абсолютно никакого отношения к потребительной стоимости товара и к различным степеням ее завершенности»¹, связаны с возникновением чистых издержек обращения. Таким образом, в рукописи 1861—1863 гг. исследование издержек обращения осуществляется уже с учетом двух сторон товара — стоимости и потребительной стоимости, тогда как в рукописи 1857—1858 гг. Маркс анализировал их лишь в стоимостном аспекте. Смещение исходного пункта теоретической системы от стоимости к товару, которое было одним из главных научных итогов в рукописи 1857—1858 гг., способствовало более конкретному рассмотрению последующих категорий системы «Капитала».

* * *

«Рукопись I» (1865 г.), по словам Энгельса, «представляет собой первую самостоятельную, но более или менее отрывочную обработку книги II в ее настоящем построении»².

Эту рукопись отличает систематический характер подачи материала, строгая логическая последовательность его расположения и наличие переходов между различными ступенями исследования процесса обращения капитала. Ее структура (в особенности той главы, «Обращение капитала», где рассматривается кругооборот капитала) в основных моментах совпадает со структурой второго тома «Капитала», подготовленного Энгельсом на основе более поздних вариантов. В то же время по характеру трактовки целого ряда вопросов «Рукопись I» заметно отличается от окончательного текста второго тома под редакцией Энгельса, вследствие чего она представляет особый научный интерес.

Первое, что следует отметить, говоря о данной рукописи, — это то, что в ней Маркс *окончательно* определил место кругооборота капитала в исследовании процесса обращения капитала. Изложению данной проблемы посвящена первая глава рукописи, носящая название «Обращение капитала». Начиная с «Рукописи I» во всех подготовительных вариантах второго тома «Капитала» сложившаяся к этому моменту структура остается неизменной. Это связано с тем обстоятельством, что в «Рукописи I» Маркс приходит к четкому определению задачи исследования проблемы, формулирует ее содержание: «Нам предстоит исследовать те новые *определенности формы*, которые принимает капитал в самом процессе обращения... Чтобы понять эти формы в их чистом виде, важно прежде всего отвлечься от моментов, которые, как таковые, не имеют

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 377, 378.

² Там же, т. 24, с. 7.

ничего общего со сменой форм и образованием форм. Поэтому особенно в этой первой главе мы оставляем в стороне многие, даже для процесса обращения важные, *реальные* определения, рассматриваемые в третьей главе этой книги». И далее: «...В этой первой главе должны быть развиты только *новые определенности формы* (категории), образование новых определенностей формы капитала при последовательном его прохождении через весь процесс обращения»¹. Такое определение задачи исследования кругооборота капитала сохраняется затем во всех последующих рукописях второй книги (второго тома) «Капитала». Правда, в них невозможно найти фразу, где содержалась бы в такой четкой форме постановка задачи исследования, но это связано, как и повсюду у Маркса, с тем, что по мере углубления в проблему исчезают те «строительные леса», которыми он пользовался на первых порах, — размышления для уяснения самому себе существа той или иной проблемы, теоретических и исторических предпосылок ее изучения и т. д. Все это сохраняется лишь в «снятом» виде, может быть выделено только при анализе внутреннего содержания понятий, ибо в зрелом произведении метод не существует у Маркса отдельно от предмета.

Для нас важно то, что в «Рукописи I» Маркс впервые выделяет кругооборот капитала как относительно самостоятельный момент в рамках процесса обращения капитала, независимый от оборота капитала и процесса воспроизводства. Однако нужно отметить, что в самой формулировке проблемы (новые определенности формы капитала в процессе обращения) термин «кругооборот капитала» отсутствует, хотя в тексте первой главы он употребляется неоднократно и в него вкладывается вполне определенное содержание; да и само название главы: «Обращение капитала» — свидетельствует о том, что на данном этапе Маркс продолжает использовать преимущественно термин «обращение капитала» как синоним кругооборота капитала.

Исследование новых определенностей формы, которые капитал принимает в процессе обращения, Маркс начинает в первом параграфе главы «Метаморфозы капитала», охватывающем проблематику первых четырех глав I отдела второго тома «Капитала». Каковы же эти новые определенности формы?

Прежде всего, совокупный продукт капиталистического производства есть товарная масса, и в процесс обращения капитал вступает в виде этой товарной массы. Те метаморфозы, которые совершает всякий товар (реализация стоимости, продажа и обратное превращение в средства индивидуального или производительного потребления), выступают теперь как метаморфозы капитала. Но здесь обнаруживается отличие метаморфоза капитала от товарного метаморфоза. «То что было *превращением* товара, выступает как *обратное превращение* капитала в его первоначаль-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 234, 235.

ную форму»¹, в форму денег. Действительно, первое определение капитала — это самовозрастающие деньги. Полученную форму движения капитала $D - T - D'$ Маркс называет кругооборотом, отмечая, что он теперь опосредствован процессом производства². Связь с процессом производства позволяет определить деньги как денежный капитал, а товар — как товарный капитал.

С другой стороны, эта связь с процессом производства маскируется самой формой движения капитала, так как *весь* капитал, «как нечто производящее», относится к количественному приращению первоначальной суммы стоимости, «как к своему следствию или результату, своему продукту»³. Весь капитал (а не только переменный капитал) выступает здесь, во-первых, как сохраняющаяся, а во-вторых, как увеличивающаяся стоимость. Следовательно, рассмотрение формы обращения капитала позволяет Марксу вывести новые определения капитала, которые не могли быть получены из анализа процесса производства.

Маркс показывает, что фетишистский характер представлений агентов капиталистического производства покоится именно на кругообороте денежного капитала. Этот фетишизм связан с тем, что в отношении D' к D , как оно представляется на поверхности, в обращении, «различные по содержанию конкретные формы, которые имел капитал в процессе производства, бесследно исчезли, а потому бесследно исчезло также и их реальное отношение друг к другу в *процессе увеличения стоимости* капитала. *Увеличение стоимости*, как таковое, имеется налицо без его посредствующих промежуточных звеньев»⁴, и прежде всего — без производства прибавочной стоимости за счет эксплуатации рабочей силы. Именно потому, что в «денежном выражении капитала» исчезает всякий след процесса производства прибавочной стоимости, Маркс называет его «иррациональной формой» капитала⁵.

Таким образом, в данной рукописи тезис об обращении, или кругообороте, капитала как о непосредственном единстве производства и обращения наполняется реальным содержанием. Поскольку обращение капитала рассматривается как обмен в целом, т. е. как непосредственное единство производства и обращения, постольку понятие капитала обогащается, становится более конкретным. Но так как обращение капитала есть также некоторый особенный, относительно самостоятельный момент обмена между трудом и капиталом, то эта его обособленность проявляется в абстрагировании от реальных связей, порождает абстрактные, неистинные представления об обращении капитала. В этом про-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 235.

² См. там же.

³ Там же, с. 236.

⁴ Там же, с. 237.

⁵ См. там же, с. 237, 238. Эти положения получили дальнейшее развитие в последующих рукописях второго тома «Капитала», в особенности в «Рукописи V», которую Энгельс использовал при подготовке окончательной редакции текста тома (см. там же, т. 24, с. 52—56).

является действительное противоречие кругооборота капитала.

Обращение капитала, если рассматривать его в целом, «представляется под углом зрения трех различных кругооборотов» (денежного, товарного и производительного капиталов) и выступает как «кругооборот *метаморфозов*, которые проходит капитал, кругооборот, содержащий в себе новые определения, по форме и по содержанию отличные от метаморфоза товаров»¹.

Далее Маркс переходит к характеристике отдельных форм кругооборотов, при этом он выделяет несколько иные фигуры и в другой последовательности, чем в рукописи 1861—1863 гг. или в последующих вариантах. Если рассмотреть эти формы: 1) $D - T \dots P \dots T' - D'$; 2) $T \dots P \dots T' - D' - T \dots P \dots$ Обр.; 3) $\bar{P} - \text{Обр.} - P$, то видно, что первая и третья есть формы кругооборотов денежного и производительного капиталов, и они (правда, в иной последовательности) фигурируют во всех последующих вариантах второго тома «Капитала». Но вторая форма — кругооборот, начинающийся с товара, — в дальнейшем больше не встречается. С другой стороны, Маркс поначалу не выделяет кругооборот товарного капитала, хотя почти сразу замечает, что его «следовало бы... добавить», несмотря на то, что «до некоторой степени он уже содержится в форме 2), поскольку T , хотя он и выступает здесь как предпосылка капиталистического процесса производства, есть результат прежнего капиталистического процесса производства»². Так появляется форма 4) $T' - D - T \dots P \dots T'$.

Различие между формами 2) и 4) Маркс видит лишь в том, что в первом случае речь идет о процессе, начинающемся с товаров как факторов процесса труда, а во втором — с товара как продукта процесса производства. Это различие несущественно, пока капитал рассматривается как общее понятие, как «капитал вообще». В самом деле, между товаром, открывающим кругооборот формы 2), и товарным капиталом, с которого начинается форма 4), нет различий с общественной точки зрения, или, точнее говоря, с точки зрения содержания понятия капитала: всякий товар в развитом буржуазном обществе есть продукт капитала, оплодотворенный прибавочной стоимостью, и в этом смысле — товарный капитал. Но с индивидуальной точки зрения, с точки зрения кругооборота индивидуального капитала, между ними существует принципиальное различие. В кругообороте индивидуального капитала товары, как факторы процесса производства, являются внешней предпосылкой. Они входят в кругооборот извне, с рынка, и не воспроизводятся, а поглощаются в процессе производства данного индивидуального капитала, исчезают в процессе его кругооборота. Товарным капиталом они являются в кругообороте *иного* индивидуального капитала, который постоянно трансформирует их и выбрасывает в обращение как свой продукт. Во всех последующих вариантах второго тома «Капитала» кругооборот рассматривает-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 239.

² Там же, с. 240.

ся именно на стадии исследования *индивидуального* капитала. Поэтому там форма 2) исчезает и остается только кругооборот товарного капитала.

Обращаясь к анализу каждой из форм кругооборотов в отдельности, Маркс начинает с формы 1), кругооборота денежного капитала. Здесь он формулирует те новые определения, которые возникают из рассмотрения последнего, указывает отличия метаморфоза капитала от простого товарного метаморфоза. Прежде всего, в кругообороте денежного капитала меновая стоимость выступает как «определяющая цель, самоцель движения», в то время как в простом товарном обращении она есть лишь «мимолетная форма». Далее, метаморфоз капитала «выражает фактическое изменение в величине первоначально брошенной в обращение стоимости»¹. Наконец, поскольку моментом кругооборота капитала является процесс производства, постольку помимо формального метаморфоза он включает в себя «абстрактно определенный обмен вещей, реальный метаморфоз»². Этим реальным метаморфозом является превращение определенных факторов процесса труда, T , в определенный продукт, товарный капитал T' . Следовательно, здесь «абстрактно определена» та потребительная стоимость товара, в которой представляются факторы процесса труда T ³.

Эти положения, сформулированные Марксом при анализе кругооборота денежного капитала, отражают дальнейшее развитие, конкретизацию определений меновой и потребительной стоимости. В самом деле, что означает выражение «меновая стоимость как... определяющая цель, самоцель движения»? Характеризуя таким образом меновую стоимость, Маркс тем самым подчеркивал, что она выступает как субъект, определяющий момент процесса обращения капитала, в то время как товар, деньги, производство (производительное потребление) товара представляют собой подчиненные, самой меновой стоимостью обусловленные моменты. С другой стороны, меняется и роль потребительной стоимости, ее место в системе экономических категорий. Поскольку процесс кругооборота включает в себе производство, постольку производство «образует момент экономической определенности формы»⁴ и потребительная стоимость не является вещественно безразличной для этого процесса. Ибо для того чтобы процесс производства осуществлялся, необходимы товары, обладающие совершенно определенной потребительной стоимостью, — рабочая сила и средства производства.

Таким образом, анализ кругооборота капитала позволил Марксу конкретизировать определения двух сторон товара — потребительной стоимости и меновой стоимости — и тем самым развить понятие товара.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 241.

² Там же, с. 243.

³ См. там же, с. 244.

⁴ Там же.

Равным образом и деньги получают здесь ряд новых характеристик, которые невозможно было вывести из исследования простого товарного обращения. Маркс отмечает, что отличие обращения капитала от простого товарного обращения обусловлено своеобразной формой движения денег. Качественно это отличие выражается в том, что деньги функционируют в кругообороте денежного капитала не как средство обращения, переходящее из одних рук в другие и поэтому постоянно удаляющееся от исходного пункта, а как капитал: «*обратный приток авансированных денег к лицу, которое их авансировало, является существенным выражением обращения денег как капитала*»¹. Количественно это отличие проявляется в том, что из обращения «извлекается больше денег, чем в него бросается»². Последний момент важен для объяснения «загадки», которую не смогла решить буржуазная политическая экономия, о том, каким образом класс капиталистов, являющийся владельцем денег, может извлекать из обращения больше денег, чем в него бросает. Маркс указывает, что «это лишь кажущееся выражение того факта, что из обращения извлекается больше стоимости... чем в него бросают», — иначе говоря, того, что «капитал производит большую стоимость, увеличивает свою стоимость»³.

Но этот вопрос, строго говоря, не относится к анализу кругооборота капитала, поскольку он предполагает исследование воспроизводства совокупного общественного капитала. Кругооборот капитала, как было уже отмечено выше, есть та ступень анализа, где предметом исследования являются лишь «новые определения формы», формальная сторона процесса обращения капитала. В чистом виде эти новые определения могут быть раскрыты только при рассмотрении индивидуального капитала. Поэтому то обстоятельство, что Маркс обращается к этому вопросу и довольно подробно его освещает уже здесь, при исследовании кругооборота денежного капитала, свидетельствует, с одной стороны, об известном забегании вперед⁴, а с другой — служит еще одним подтверждением уже высказанного нами предположения, что в «Рукописи I» у Маркса еще оставались сомнения в вопросе о месте проблемы кругооборота капитала в его теоретической системе.

Продолжая рассмотрение формы обращения, Маркс подробно останавливается на связи обращения (кругооборота) капитала с простым товарным обращением. Это — существенно новый момент в разработке проблемы кругооборота капитала, впервые появившийся именно в «Рукописи I». Маркс отмечает, что процесс

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 244.

² Там же, с. 245.

³ Там же.

⁴ Правда, Маркс отмечает, что детальное выяснение этого вопроса может быть дано только в главе VII книги III (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 248), т. е., по его тогдашнему плану, при рассмотрении «возвратных движений денег в совокупном процессе капиталистического производства».

кругооборота капитала включает в себя также простое товарное обращение $D - T - D$, которое лишь кажется идентичным с денежным обращением $D - T - D'$. Форма $D - T - D$ выражает собой тот реальный факт, что деньги, затраченные капиталистом на заработную плату, возвращаются к нему, поскольку он выступает как продавец необходимых жизненных средств. При этом в действительности здесь происходят два различных взаимодополняющих метаморфоза. $D - T$, покупка рабочей силы капиталистом, есть лишь первый акт кругооборота денежного капитала, акт же $T - D$, дополняющий его, представляет собой часть другого метаморфоза, который совершает рабочая сила: $T (P) - D - T$.

Маркс подчеркивает, что форма $D - T - D$ служит реальным основанием, на котором покоятся фетишистские представления агентов капиталистического способа производства, ибо эта сделка «маскирует настоящую сделку, состоящую в том, что известная часть капитала, выраженная в жизненных средствах, обменивается на живой труд»¹. Отсюда и возникает иллюзия, что капиталист «обогащается не в результате того, что он у рабочего берет, а в результате того, что он ему дает, не в результате деятельности труда, создающей стоимость, а в результате его силы»². На этом примере Маркс формулирует важный вывод о том, что не всякий обратный приток денег есть признак обращения капитала, хотя, с другой стороны, «постоянство обратного притока» обязательно выражает «скрытое за ним специфическое отношение между покупателем и продавцом»³.

Рассмотрение формы простого товарного обращения $T - D - T$, обслуживающего кругооборот капитала, позволяет Марксу дополнить характеристику денег как превращенной формы товара, или воплощенного труда. Если до сих пор, определяя таким образом деньги, Маркс говорил о том, что они суть воплощение прошлого, уже затраченного труда, представленного в проданном за деньги товаре, то теперь появляется возможность уточнить это определение. Деньги, функционирующие в простом товарном обращении, по своему назначению представляют собой также превращенную форму и того товара, которым обращение должно быть завершено. Однако относительная самостоятельность обоих актов обращения выражается в том, что к моменту совершения первого акта, $T - D$, второй товар может еще не быть произведен. Поэтому деньги могут представлять собой «еще только находящийся *in actu* или также более или менее *будущий труд*»⁴, или «антиципированную... форму будущего труда»⁵. Следует отметить, что в последующих вариантах второй книги «Капитала» Маркс опу-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 252.

² Там же, с. 252—253.

³ Там же, с. 253.

⁴ Там же, с. 257.

⁵ Там же, с. 258—259.

стиль это положение (считая, вероятно, что его следует развить в третьей книге при анализе денежного капитала и кредита).

Подводя итог рассмотрению «первой формы процесса обращения», кругооборота денежного капитала, Маркс характеризует ее как «самую непосредственную форму обращения» капитала, поскольку, отображая движение промышленного капитала, она «в сжатой форме $D - D'$ » является формой ссудного капитала, а «в развернутой форме» $D - T - D'$ — формой торгового капитала. Ее особенности объясняют, почему исторически она выступила как та первая форма, в которой политическая экономия (в лице меркантилистов) рассматривала капитал: «Это в самом деле только рационализированная форма образования сокровищ, при которой, однако, отпадает видимость того, будто собиратель сокровищ собирает их благодаря своему воздержанию, или будто он превращает в деньги свой собственный труд»¹.

Таким образом, в «Рукописи I» впервые можно выделить тот методологический принцип, которого Маркс придерживался и впоследствии: господство той или иной формы кругооборота капитала над умами определенной школы экономистов² следует объяснять, исходя из того, насколько полно особенности данной формы выражают специфику соответствующей стадии развития капиталистического производства.

Последующие формы кругооборота капитала (или, как называет их здесь Маркс, «формы процесса обращения») рассмотрены в «Рукописи I» менее подробно с точки зрения тех особенностей, которые отличают их от кругооборота денежного капитала. Так, в форме 2) $T - II - T' - D' - T$ весь процесс обращения, или «полный ряд метаморфозов» капитала, выступает как отдельная фаза процесса кругооборота. Причем здесь отчетливо видно, что само обращение капитала включает в себя как необходимый момент простое товарное обращение, где деньги выступают лишь как «мимолетный момент», как «средство обращения капитала», но не как самоцель движения. С другой стороны, несамостоятельность этого простого товарного обращения обнаруживается в том, что «формальный метаморфоз товаров выступает здесь лишь как формальное опосредствование их реального метаморфоза»³, происходящего в сфере производства. Таким образом, в форме 2) лучше видна та роль, которую простое товарное обращение и его моменты — товар и деньги — играют в обращении капитала. Далее, если «в $D - T - D'$ возобновление процесса содержится в самой форме лишь постольку, поскольку D' здесь представляет собой... внут-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 261.

² Это отнюдь не означает, что буржуазная политэкономия разработала теоретическое понятие кругооборота капитала. Но любая школа экономистов подсознательно исходила из той или иной фигуры кругооборота — точно так же, как известный персонаж Мольера всю жизнь, не подозревая об этом, говорил прозой.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 263.

ренне присущее капиталу *стремление увеличивать свою стоимость*» и поэтому «представляется лишь абстрактным», то «в результате всего цикла обращения формы II назначение T , как элементов производства, снова входит в процесс производства существует также вещественно и выступает как необходимость». Поэтому здесь сам процесс обращения по форме является также процессом воспроизводства, а простой метаморфоз товара — моментом «воспроизводства объективных и субъективных условий труда»¹.

В форме 3) II — *Обр.* — II весь процесс в целом также представляется процессом воспроизводства. Отличает ее от первых двух форм то, что здесь обращение образует перерыв в процессе производства (воспроизводства), в то время как в прежних формах дело обстоит наоборот. Поэтому здесь зависимость производства от обращения, где произведенная стоимость (в том числе и прибавочная стоимость) должна быть реализована, должна «приобрести самостоятельную форму стоимости, *денежную форму*», проявляется наиболее отчетливо. Именно это обстоятельство усиливает «видимость того, будто прибавочная стоимость пристокает из процесса обращения, принадлежит собственно сфере обращения, потому что она реализуется только в этой сфере, и без этой реализации она не существует для ее владельца»².

Что касается формы 4) $T' - D - T...II...T$, то Маркс указывает на ее фактическое совпадение с формой 2). Но здесь, в отличие от формы 2), явственно обнаруживается, что деньги, на которые капиталист покупает рабочую силу, представляют собой превращенную форму T' , произведенного этой рабочей силой товара. В результате здесь «совершенно исчезает видимость того, будто капиталист авансирует рабочего из своего собственного фонда»³.

Исследование форм кругооборотов в отдельности завершается в «Рукописи I» рассмотрением того общего, что обнаруживается, когда они берутся в единстве. Здесь Маркс формулирует некоторые общие выводы, вытекающие из анализа форм обращения капитала и имеющие существенное значение для дальнейшего изложения. Прежде всего, из всех четырех форм вытекает, что в процесс воспроизводства входит производительное потребление объективных факторов процесса труда и рабочей силы. С другой стороны, несмотря на то что из рассмотрения кругооборота капитала становится видна роль индивидуального потребления, воспроизводящего «личные предпосылки процесса, капиталиста и рабочего»⁴, формально личное потребление не входит в кругооборот капитала: личное потребление капиталиста и рабочего находится вне пределов кругооборота капитала. Этот момент весьма важен: он обуславливает возможность абстрагирования при анализе круго-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 264.

² Там же, с. 265—266.

³ Там же, с. 268.

⁴ Там же, с. 269.

оборота капитала от действительных противоречий капиталистического воспроизводства, проявляющихся в кризисах, т. е. возможности рассмотрения *формы* обращения капитала самой по себе, независимо от *условий* протекания данного процесса. В самом деле, циклическое движение капиталистического воспроизводства и кризис как форма проявления противоречий между производством и потреблением (предложением и платежеспособным спросом) в буржуазном обществе могут быть раскрыты только в связи с исследованием личного потребления. Однако формы обращения капитала показывают, что «превращение товаров в деньги совершается... независимо от продажи товаров конечному покупателю... превращение товаров в деньги антиципируется и совершается независимо — в известных границах — от действительного индивидуального процесса потребления этих товаров»¹.

Следовательно, абстракция от действительных противоречий капиталистического воспроизводства, являющаяся предпосылкой анализа кругооборота капитала, носит не произвольный, умозрительный характер, а имеет реальные основания, поскольку благодаря развитию оптовой торговли и кредита противоречия воспроизводства при капитализме находят частичное разрешение. Что это разрешение противоречий носит временный, частичный характер — это не может быть показано на уровне анализа кругооборота и воспроизводства *индивидуального* капитала, а лишь позднее, в главе III второй книги, а также в третьей книге, в разделе о кредите².

Другой предпосылкой анализа кругооборота капитала является продажа товаров по стоимостям. Однако эта основная предпосылка всего исследования в первой и второй книгах «Капитала» здесь несколько уточняется и конкретизируется: Маркс подчеркивает, что на данной ступени анализа стоимость товаров определяется уже не стоимостью их производства, а стоимостью их *воспроизводства*. Это означает, что «для товара, уже находящегося в обращении», происходящие в процессе воспроизводства изменения в стоимости (вызванные, например, повышением производительной силы труда) представляются как «продажа выше или ниже его стоимости, как повышение или понижение последней»³. Отсюда вытекает, что для исследования кругооборота капитала важно не только предположение о том, что продажа товаров совершается *по их стоимости*, но и допущение *неизменности их стоимости* в течение всего процесса *воспроизводства*. В «Рукописи I» Маркс впервые выделяет этот момент и формулирует его как одну из предпосылок исследования кругооборота капитала.

Рассмотрение процесса кругооборота капитала в целом, которое Маркс осуществляет на основе предварительного анализа особенностей отдельных форм кругооборотов, позволяет ему более

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 270—271.

² См. там же, с. 269, 271.

³ Там же, с. 272—273.

конкретно указать на те формы, в которых проявляется непосредственная единство процесса производства и процесса обращения. В качестве таких форм он выделяет две: непрерывность процесса в целом и одновременность его в различных сферах, т. е. параллельное протекание всех метаморфозов капитала. Обе эти формы процесса взаимосвязаны, неотделимы одна от другой. Понятый в единстве этих форм, «капитал есть... во-первых, *реальное единство* различных его моментов, хотя в каждом из них он образует их *совокупность* в другой определенности формы, и все эти различные формы существования являются его формами существования; во-вторых, однако, благодаря переходу каждого из моментов в другой он сохраняет это единство как *текущее единство*»¹.

Но единство этих моментов предполагает и их относительно самостоятельное существование. Из трех таких моментов, или форм капитала, две — товарный и денежный капитал — принадлежат сфере обращения и, в отличие от производительного капитала (процесса производства), исследованного в первой книге «Капитала», еще не были предметом специального рассмотрения. В силу этого Маркс останавливается на двух этих формах более подробно. Товарный и денежный капитал теперь рассматриваются им не с точки зрения особенностей их кругооборотов, как прежде, а как стадии процесса обращения капитала. Маркс показывает, что обособление акта $T' - D$, т. е. стадии товарного капитала, в особую функцию товарно-торгового (купеческого) капитала ничего не меняет в содержании самого этого процесса. Поскольку товарный капитал в этой своей определенности «функционирует как товар», постольку он «не имеет никакой иной функции, кроме как превращаться в деньги, превращаться из формы существования определенной потребительной стоимости в самостоятельную и абстрактную форму меновой стоимости, в ее *денежную форму*, т. е. быть *проданным*»².

Эта мысль Маркса имеет важное значение для понимания существа проблемы кругооборота капитала. Товарный капитал по содержанию выполняемых им функций не представляет собой чего-либо иного, более «сложного», нежели товар. Что делает его товарным *капиталом* — так это связь со сферой производства, *форма* кругооборота, которая соединяет процесс производства стоимости (и прибавочной стоимости) с процессом ее реализации. Как только товарный капитал берется изолированно, сам по себе, вне связи с процессом производства, он утрачивает всякие признаки капитала и выступает как простой товар, совершающий ряд метаморфозов в сфере обращения.

Точно так же и денежный капитал, если рассмотреть содержание выполняемых им функций, представляет собой лишь «деньги в формальном метаморфозе товара», которые, «так же как

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 279.

² Там же, с. 285.

и в метаморфозе товара, функционируют в качестве покупательного средства или средства платежа; когда же прерывается метаморфоз, они функционируют в качестве *денег*¹. В этом заключается реальный смысл тезиса о том, что капитал есть текучее единство всех его форм. Действительно, стоит нарушить это текучее единство (как это происходит на практике в результате приостановки кругооборота капитала в ходе кризиса или в теории, если рассматривать каждую из стадий процесса кругооборота капитала изолированно), как утрачивается то специфическое, что характеризует это движение как движение капитала. Товарный капитал сводится к товару, денежный капитал — к деньгам, производительный капитал — к простому процессу труда. Капитал растворяется в сумме его «простых» предпосылок, исследование возвращается к исходному пункту.

Товарный капитал и денежный капитал в совокупности образуют рынок. Рынок есть «пространственное определение» сферы обращения, отграничивающее ее от сферы производства². Из пространственного несовпадения сферы производства (производительного потребления) и рынка вытекает, между прочим, что находящийся на рынке товарный капитал, «прежде чем покинет собственно сферу обращения и перейдет либо в сферу индивидуального потребления, либо в сферу... производства», должен находиться «в стадии перехода, пребывает в *промежуточной стадии* между производством и потреблением, пребывает в собственно сфере обращения»³ как запас. Характеризуя образование запаса как условие любого типа воспроизводства, Маркс тем самым, по существу, относит его к издержкам по хранению. Однако если в ряде последующих рукописей (начиная с «Рукописи II»), на основе которых Энгельс подготовил второй том «Капитала», эти издержки выделены в особую рубрику, то в «Рукописи I» Маркс еще не рассматривает их как особый род издержек обращения, говоря о запасе лишь в связи с анализом товарного капитала.

В той части текста, где речь идет о денежном капитале, Маркс намечает все основные моменты, выделяемые им и впоследствии при рассмотрении данного вопроса. Это, во-первых, то, что денежный капитал обнаруживает себя в виде трех разновидностей резервного капитала, необходимого для того, чтобы а) уравновесить разность между суммой покупок и платежей (функция денег как платежного средства); б) в качестве переменного капитала регулярно выплачивать заработную плату (деньги функционируют как покупательное средство); наконец, в) резервным капиталом является и временно свободный капитал, в виде которого существует прибавочная стоимость после ее реализации и до обратного превращения в капитал, находящийся в процессе производства (деньги в функции денежного капитала). Во-вторых,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 295.

² См. там же, с. 287, 289.

³ Там же, с. 290.

Маркс отмечает, что денежный капитал существует в двух характерных формах: денежного материала и ценных бумаг. В дальнейшем (начиная с «Рукописи IV») Маркс на этом последнем обстоятельстве при рассмотрении денежного капитала не останавливается, поскольку оно требует предварительного исследования кредита и может быть выяснено только тогда, когда денежный капитал берется как обособившаяся от промышленного капитала форма денежно-торгового капитала¹.

Основной особенностью, на которую, по Марксу, в первую очередь следует обратить внимание при рассмотрении денежного капитала, является «функция одних и тех же денег в процессе обращения, выступающих попеременно, сначала в качестве *денежного капитала*, а затем опять в качестве *денег*, или простого средства обращения»². Это лишь иное выражение того уже отмечавшегося Марксом обстоятельства, что с точки зрения движения $D - T \dots P \dots T' - D'$ в целом, где происходит приращение первоначальной суммы денег, деньги выступают как денежный капитал, с точки же зрения метаморфоза товарного капитала в сфере обращения $T' - D - T$, который обслуживают эти деньги, они функционируют просто как средство обращения.

Анализом двух стадий кругооборота капитала, совершающихся непосредственно в сфере обращения, завершается раздел о метаморфозах капитала в первой главе «Рукописи I». Отсюда Маркс делает переход к рассмотрению (в § 2) времени обращения. Если товарный капитал позволяет показать пространственную определенность сферы обращения, рынок, то теперь выясняется, что пространственный момент, связанный с перемещением товара на рынок, которое «является физическим условием» процесса кругооборота, сводится «просто к *временному* моменту. Отдаленность рынков, отделение места продажи товара от места его производства важны здесь лишь постольку, поскольку тем самым затрачивается и определяется *время*, в течение которого продолжается одна из различных стадий»³.

Время обращения, т. е. временную характеристику обращения, Маркс определяет так же, как и пространственную его характеристику — рынок — на основе рассмотрения товарного капитала: «Время, которое требуется товарному капиталу для того, чтобы совершить $T' - D - T \dots$ мы называем его *временем обращения*»⁴. Основной вопрос, интересующий Маркса при исследовании времени обращения, — это его влияние на процесс самовозрастания стоимости капитала. Здесь Маркс, опираясь на положения, уже вы-

¹ В этом заключается дополнительный аргумент в пользу предположения, что в период работы над «Рукописью I» глава IV рукописи третьей книги, где Маркс останавливается на указанных вопросах, еще не была завершена.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 298.

³ Там же, с. 300.

⁴ Там же, с. 300—301.

сказанные им в «Главе о капитале» рукописи 1857—1858 гг., конкретизирует их: «*Время обращения... воздействует лишь отрицательным образом на созидание стоимости и самовозрастание стоимости капитала, между тем как рабочее время воздействует положительно. Время обращения воздействует на рабочее время как граница... лишь как перерыв процесса производства*»¹. Продолжительность времени обращения зависит от продолжительности времени продажи и времени купли. Маркс показывает, что при капиталистическом способе производства действуют две вызванные одними и теми же причинами противоположные тенденции. С одной стороны, развитие мирового рынка, втягивание в мирохозяйственные связи все более отдаленных регионов ведет к удлинению времени продажи. С другой стороны, растущая разносторонность источников получения товаров, обусловленная тем же самым развитием мирового рынка, способствует сокращению времени купли. Отсюда Маркс делает очень важный вывод о том, что «в странах с развитым капиталистическим способом производства легче осуществить новое капиталовложение, чем прибыльно использовать старый капитал»². В том же направлении действует постоянное развитие производительных сил и столь же постоянное увеличение относительно избыточного населения по мере развития капиталистических производственных отношений.

При анализе времени обращения Маркс подчеркивает происходящую здесь фетишизацию капиталистических отношений. Поскольку время обращения определяет степень самовозрастания стоимости капитала (хотя и в отрицательном смысле), постольку оно «выступает как определяющий момент наряду с рабочим временем». Именно этим вызвана «*видимость, что созидание стоимости и прибавочной стоимости... возникает еще из других, присущих... денежному или товарному капиталу, загадочных, скрытых свойств, не имеющих ничего общего с количеством эксплуатируемого им труда, или с присвоением неоплаченного труда, вообще не признающих в качестве своей меры рабочее время*»³. Время обращения, таким образом, влияет на процесс самовозрастания стоимости только как перерыв процесса производства. Но, с другой стороны, процесс производства сам представляет собой перерыв процесса обращения. Этим тезисом обосновывается переход к следующему разделу I главы: «Время производства».

«Весь процесс воспроизводства капитала, в котором... периодичность производства измеряется суммой времени его производства плюс время его обращения, называется *оборотом капитала*»⁴, — пишет Маркс. Следовательно, время производства есть категория, которая выступает при рассмотрении воспроизводства капитала как оборота, как периодического процесса. Отсюда выте-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 304.

² Там же, с. 309.

³ Там же, с. 303, 304.

⁴ Там же, с. 309—310.

кает количественное различие между временем производства и рабочим временем. Поскольку стадия производительного капитала здесь определена как перерыв, промежуток между стадиями денежного капитала и товарного капитала, постольку время производства отличается от рабочего времени *количественно*: оно больше рабочего времени, ибо включает в себя различные паузы, приостановки процесса труда, «оно равно рабочему времени + нерабочее время»¹. С этим связано и *качественное* различие между временем производства и рабочим временем. С точки зрения процесса самовозрастания стоимости время производства «не производит стоимости или прибавочной стоимости точно так же, как и *время обращения* капитала»². Всякое сокращение времени производства действует на процесс увеличения стоимости точно так же, как и сокращение времени обращения: оно приумножает стоимость. Поэтому «*время производства* в отличие от *рабочего времени* порождает ту же самую мистификацию в отношении «оккультных» качеств капитала, что и *время обращения*»³. Из этого положения Маркса следует вывод о том, что иллюзии агентов капиталистического способа производства, а соответственно и теоретиков, выражающих их представления, покоятся на реально существующем основании. В самом деле, в процессе обращения капитала всякие различия между функцией производства и обращения в процессе самовозрастания капитала по видимости стираются. Вообще создается впечатление, что источник стоимости и прибавочной стоимости заключается в самих материальных факторах капитала, их свойствах, в естественных процессах, совершающихся в процессе труда. Указанные представления, подчеркивает Маркс, связаны с тем, что с точки зрения оборота капитала как время производства, так и время обращения выступают как равнозначимые слагаемые времени оборота капитала. Различие между ними обнаруживается лишь в том, что время производства необходимо для становления продукта *потребительной стоимостью*, т. е. «*время производства... есть... имманентный момент в производстве потребительной стоимости товара*»⁴. В процессе же обращения, за время обращения происходит только изменение *формы стоимости* товара. Таким образом, если рассматривать капитал только в сфере обращения, в процессе его оборота, то источник и происхождение стоимости затемняются: в процессе производства создается потребительная стоимость, в процессе обращения происходит смена формы стоимости, но откуда возникает сама стоимость — это остается совершенно невыясненным. Данное положение Маркса свидетельствует о том, что, исследуя в «Рукописи I» обращение

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 312.

² Там же, с. 312—313.

³ Там же, с. 314.

⁴ Там же. В этом же, как подчеркивает Маркс, состоит и отличие времени производства от рабочего времени, в течение которого создается не потребительная стоимость, а стоимость товара.

как обращение *капитала*, он развивает, конкретизирует свое учение о фегишизации производственных отношений в буржуазном обществе, отправные моменты которого были сформулированы им при анализе простого товара в первом выпуске «К критике политической экономии» (1859 г.).

Завершая рассмотрение раздела о времени производства (§ 3 первой главы «Рукописи I»), следует отметить, что место этого вопроса в структуре второй книги менялось в процессе работы Маркса над данной рукописью. Если в наброске плана второй книги раздел «Время производства и время обращения» фигурирует как § 2 первой главы¹, то в ходе написания «Рукописи I» он разделяется на самостоятельные параграфы, причем меняется их последовательность: от времени обращения Маркс переходит ко времени производства². Однако уже во время работы над разделом о времени производства у Маркса не только окончательно складывается мысль о том, что время производства надлежит выделить в особый параграф, но он приходит также к выводу о необходимости перенести этот вопрос во вторую главу «Оборот капитала», что ему «представляется наилучшим решением»³. Действительно, поскольку время производства есть составная часть времени (периода) оборота капитала и предполагает поэтому рассмотрение оборота, постольку такое решение вполне обосновано. В то же время Маркс указывает, что все же предварительно можно уже здесь, в первой главе, «дать общий анализ оборота капитала в той мере, в какой этот анализ еще не имеет своей предпосылкой исследование различий между основным и оборотным капиталом и т. д.»⁴. Таким образом, окончательное решение данного вопроса оставалось еще делом будущего.

Последний раздел первой главы (§ 4) посвящен рассмотрению издержек обращения. В «Рукописи I» Маркс выделяет четыре разновидности издержек обращения. К *первой* группе он относит издержки, возникающие из чисто формального метаморфоза капитала и являющиеся вычетами из стоимости товара. Это те издержки, которые в «Главе о капитале» рукописи 1857—1858 гг. он называл «непроизводительными издержками производства», или «издержками обращения в собственном смысле» («издержки обращения как таковые»). В «Рукописи I» более подробно показаны те моменты, с которыми сопряжено возникновение этих издержек: учет, время на оформление сделки, приходование и расходование денег. *Вторую* группу образуют издержки хранения (как пишет Маркс, «расходование труда и товаров с целью сохранения, содержания на складах и т. д. товарного капитала»⁵). Характеристика этих издержек в «Рукописи I» также несколько более полная, нежели в рукописи 1857—1858 гг. Маркс выделяет два случая. Первый —

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 233.

² См. там же, с. 555.

³ Там же, с. 315, подстрочное примеч.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 326.

непредусмотренное удлинение срока пребывания товара на складе, в сфере обращения — связан с чистой потерей для продавца. Второй представляет собой совершенно нормальное явление, так как товары известное время должны храниться, прежде чем они могут быть отправлены на рынок и реализованы. Маркс подчеркивает, что, в отличие от первой группы, издержки хранения «имеют отношение к потребительной стоимости товара, не являются просто процессами для реализации его меновой стоимости»¹. Поэтому труд, израсходованный таким образом, входит в стоимость товаров. Это обстоятельство — общее для издержек хранения и транспортных издержек. Однако в отличие от рукописи 1857—1858 г. здесь Маркс разделил их на две особых категории издержек. А именно транспортные издержки выделены в отдельную, *третью* группу вместе с издержками на сортировку произведенных товаров по размерам, весу и т. д. Очевидно, такое разграничение, которое отсутствовало в предыдущих рукописях, Маркс проводит на основании различного по своему характеру влияния этих издержек на потребительную стоимость: в первом случае речь идет о сохранении потребительной стоимости во времени, во втором — о ее перемещении и распределении в пространстве. Наконец, в особую, *четвертую* группу Маркс выделяет деньги, «поскольку они состоят из драгоценной субстанции»², — прежде он относил их к издержкам обращения «в собственном смысле», т. е. к тем издержкам, которые ранее он выделил в первую группу. Однако характер его замечаний о деньгах позволяет предположить, что и на данном этапе Маркс, скорее всего, также рассматривал их как чистые издержки обращения, а абзац о деньгах, завершающий весь раздел, написан им лишь как дополнение к вышеизложенному о чистых издержках обращения.

* * *

Следующая по времени создания «Рукопись III» (или та ее часть, которая вполне соответствует надписи Маркса на обложке: «Относящееся к книге 2»³), как уже было отмечено, представляет собой эксерцптную тетрадь, причем вторичной обработки: многие цитаты приводятся не по источнику, а на основании «Добавочных тетрадей»⁴ Маркса. Этим лишний раз подтверждается его давнее знакомство со взглядами буржуазных экономистов на проблемы обращения капитала.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 326. В этом обнаруживается развитие сформулированного Марксом в рукописи 1861—1863 гг. положения о необходимости анализировать издержки обращения с точки зрения того, как они влияют на *оба* фактора товара — стоимость и потребительную стоимость.

² Там же, с. 330.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 2085, л. 1.

⁴ «Добавочные тетради» («Beihefte») — так назвал Маркс 8 своих эксерцптных тетрадей, заполненных в 1863 г. параллельно с работой над экономической рукописью 1861—1863 гг.

Круг авторов в общем тот же, что и в рукописях 1857—1858 и 1861—1863 гг. и «Рукописи I». В то же время выписки, в отличие от «Добавочных тетрадей», предварены кое-где кратким указанием на то, при освещении какого вопроса Маркс намеревался их использовать. В «Рукописи III» Маркс, по-видимому, стремился сгруппировать материал, нужный ему для работы над примечаниями ко второй книге «Капитала» (в «Рукописи I» он лишь указывал под строкой, какого автора хочет упомянуть при рассмотрении того или иного вопроса, и оставлял для этого свободное место).

Какие же аспекты кругооборота капитала помогают раскрыть собранные в «Рукописи III» выписки?

Прежде всего они дают иллюстративный материал в подтверждение мысли о том, что буржуазные экономисты не понимают качественных различий между метаморфозами капитала в сфере производства и его превращениями в сфере обращения, хотя и догадываются о функциональной роли отдельных стадий кругооборота (выписки из работы С. Ф. Ньюмена «*Elements of Political Economy*» (Andover — New York, 1835, p. 81) и Дж. Ст. Милля «*Essays on some Unsettled Questions of Political Economy*» (London, 1844, p. 36), не видят, что капитал есть не вещь, а специфическое общественное отношение¹. Буржуазные экономисты не в состоянии понять капитал как движение, как процесс — Маркс делает на странице 8 пометку: «Капитал как процессирующая и остающаяся идентичной самой себе стоимость в процессе обращения» и ниже выписывает соответствующие цитаты из книг Дж. Лалора (*Money and Morals*. London, 1852, p. 78) и С. Бейли (*A Critical Dissertation on the Nature, Measure, and Causes of Value*. London, 1825, p. 72).

Ряд выписок и отсылок на «Добавочные тетради» относится также к различным вопросам, связанным с издержками обращения (образование запаса и т. д.). Таков круг проблем, связанных с кругооборотом капитала и нашедших свое отражение в эксперптах «Рукописи III».

То обстоятельство, что Маркс пронумеровал данную тетрадь выписок наравне с самостоятельными вариантами второй книги, свидетельствует о большом значении, которое он ей придавал с точки зрения последующей работы над второй частью своего труда.

* * *

В «Рукописи IV» Маркс предпринял вторую попытку изложить результаты своих исследований обращения капитала. Энгельс писал, что эта рукопись «представляет собой подготовленную для печати обработку первого отдела и первых глав второго

¹ Маркс цитирует Ф. Уэйленда: «Производительным капиталом является то, что каким-либо образом соединено с промышленностью, находится в процессе увеличения» (*Wayland F. The Elements of Political Economy*. Boston, 1843, p. 35).

отдела книги II», отмечая, что «там, где это требовалось, она была использована»¹ при редактировании текста второго тома «Капитала». (А именно пятую и шестую главы первого отдела второго тома, посвященные времени обращения и издержкам обращения, Энгельс составил почти исключительно по материалам соответствующих разделов первой главы «Рукописи IV».) Объем этого варианта второй книги составляют 58 рукописных страниц, причем на первых 49-ти страницах изложена первая глава, а последние 9 представляют собой начало второй главы второй книги, работа над которой была Марксом прервана.

По содержанию первая глава «Рукописи IV» весьма близка соответствующей главе «Рукописи I». Каковы же те новые моменты, которые характеризуют «Рукопись IV» как следующую после «Рукописи I» ступень в разработке проблемы кругооборота капитала?

Прежде всего нужно отметить, что в «Рукописи IV» Маркс приходит к окончательному выделению трех, а не четырех, как в «Рукописи I», форм кругооборота капитала — кругооборотов денежного, производственного и товарного капиталов, соответственно тем трем метаморфозам, которые капитал претерпевает в процессе обращения. Начиная с этого варианта второй книги, указанное выделение воспроизводится во всех черновых рукописях Маркса последующего периода.

Первая форма кругооборота, которую исследует Маркс, — это кругооборот денежного капитала. Он подчеркивает, что этот кругооборот капитала, по существу, был уже рассмотрен в первой книге. Но там анализировалось простое товарное обращение, взятое *вне* его связи с процессом производства. Поэтому там данная форма выступала как всеобщая формула капитала $D - T - D'$ со всеми присущими ей противоречиями. Теперь же сфера обращения берется не изолированно, а как опосредствованная процессом производства, где происходит приращение капитала на величину прибавочной стоимости. Однако вследствие этого противоречие всеобщей формулы капитала не исчезает, а приобретает иной вид. Хотя капиталист, как доказывает его поведение в процессе производства, знает практически, каково значение данной сферы для возрастания его капитала, но обращение вносит свои «коррективы»: возможность неэквивалентного обмена, риск, связанный с реализацией большой товарной массы, — все это упрочивает в сознании капиталиста ложное понимание роли сферы обращения в процессе самовозрастания капитала и приводит к тому, что в конечном счете он отождествляет процессы создания прибавочной стоимости и ее реализации в деньгах. Здесь Маркс продолжает и развивает положения о фетишизации производственных отношений в сфере обращения капитала, в общих чертах сформулированные в «Рукописи I».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 7.

Далее, при анализе стадий денежного и товарного капитала Маркс подчеркивает, что один и тот же товар либо одни и те же деньги являются товарным либо денежным капиталом в кругообороте одного индивидуального капитала, но выполняют иные функции в кругообороте другого индивидуального капитала, движение которого переплетается с движением первого. Отсюда понятно, почему в «Рукописи IV» Маркс окончательно выделяет лишь три формы кругооборота: проблема поставлена им теперь как проблема исследования *индивидуального* капитала.

В последующем анализе кругооборота производительного и товарного капиталов Маркс расширяет их характеристику, данную в «Рукописи I», проводя более детальное исследование их особенностей. Завершается рассмотрение метаморфозов капитала выделением присущих им общих черт и различий (в той мере, в какой они не были отражены при разборе отдельных форм), причем делается это несколько под иным углом зрения, нежели в «Рукописи I». Первое, что отмечает Маркс как общую всем трем фигурам черту, это увеличение стоимости как движущий мотив и определяющая форма всего процесса. Таким образом, товарный, денежный, производительный капитал — все это формы самовозрастающей стоимости. Здесь, на наш взгляд, Маркс конкретизирует при исследовании обращения капитала понятие формы стоимости, проанализированное им на уровне простого товарного обращения, и показывает, что в буржуазном обществе любые экономические отношения имеют не только стоимостную природу, но и являются отношениями, основывающимися на капитале. Второй момент общности между всеми формами кругооборота заключается в том, что во всех трех формах процесс представляется как кругооборот метаморфозов, который капитальная стоимость последовательно совершает. Весь процесс представляется как текущее единство процесса производства и процесса обращения, капитал — как обращающийся, но фиксированный в каждый данный момент в определенной форме. Наконец, в-третьих, Маркс замечает, что метаморфозы отдельных индивидуальных капиталов переплетаются между собой, но действительный процесс воспроизводства совокупного общественного капитала не может быть объяснен простой сменой форм товара и денег, поэтому он должен быть специально рассмотрен в третьей главе второй книги. Таким образом, если в «Рукописи I» Маркс обращал внимание в основном на выяснение предпосылок метаморфозов капитала и их кругооборота, то теперь он сосредоточился на собственно содержательных моментах общности между формами кругооборота.

Наконец, Маркс переходит к исследованию трех кругооборотов как особых, исключаящих друг друга форм. Здесь он указывает на то, что форма I есть форма, в которой начинает свое движение любой капитал, и это отличает ее от форм II и III, а также на то, что формы I и II для своего существования предполагают и существование общественного капитала в форме III. Следует отметить,

что в «Рукописи I» этих указаний не было, и такое выделение моментов различия между всеми тремя формами в столь сжатой и четкой форме проведено впервые именно в «Рукописи IV».

Во втором разделе «Рукописи IV», озаглавленном «Время производства и время обращения», также дополнено и уточнено сказанное по этому поводу в «Рукописи I». В пределах времени производства Маркс выделяет ряд отдельных компонентов: время, в течение которого функционируют средства производства, паузы в процессе производства и время, когда средства производства готовы к вхождению в процесс производства, но еще не функционируют в нем. По существу, это не выходит за рамки определения времени производства, данного в «Рукописи I», но имеет место иная последовательность рассмотрения: сначала анализируется время производства, а затем осуществляется исследование времени обращения. Видимо, это сделано потому, что от времени обращения переход к издержкам выглядит более логичным, нежели от времени производства. Поскольку анализ времени производства и времени обращения проводится в «Рукописи IV» в одном разделе, Маркс более подробно останавливается на их взаимовлиянии, указывая, что время обращения действует на время производства как негативная граница, и обратно.

В третьем разделе первой главы, посвященном издержкам обращения, Маркс дает сначала несколько иную их классификацию, чем в «Рукописи I». Издержки здесь разбиты на четыре группы. К первой из них Маркс относит издержки, возникающие сугубо из превращения формы: время купли и продажи, ведение учета, поступление и выплата платежей, а также сами деньги как издержки процесса обращения. Таким образом, в данном варианте второй книги, в отличие от «Рукописи I», деньги сразу занимают место в первой группе издержек обращения. Вторую группу образует товарный запас, т. е. издержки по складированию и обеспечению сохранности товаров и т. п. К третьей группе принадлежат издержки «пространственного обращения» — транспортные издержки, издержки на упаковку и т. д. В особую, четвертую группу Маркс поначалу выделил издержки по разделению, сортировке товаров и другим подобным операциям. В «Рукописи I» данная категория издержек обращения не рассматривалась как особая, а была отнесена к той же группе, что и транспортные издержки. Видимо, в ходе дальнейшей работы над книгой Маркс пришел к выводу о нецелесообразности такого разделения, потому что в последующем изложении он вернулся к варианту «Рукописи I».

В характеристике отдельных групп издержек обращения в настоящей рукописи Маркс исходит из положений, сформулированных в «Рукописи I», лишь в некоторых местах более подробно их излагая. Новым обстоятельством, однако, является то, что указанные группы сводятся к двум типам издержек. Первый тип, куда Маркс относит всю первую группу, — это издержки обраче-

ния, возникающие из превращения формы, как такового, т. е. из смены товарной и денежной форм капитальной стоимости. Второй тип издержек объединяет все остальные группы, т. е. издержки обращения, возникающие не из простого превращения формы стоимости. Критерием для такого подразделения служит влияние этих типов издержек на процесс образования стоимости. Если к первому типу относятся издержки, представляющие собой простой вычет из стоимости произведенного товарного капитала, то ко второму — издержки, связанные с продолжением процесса производства в пределах обращения, производительный характер которых лишь маскирует форма обращения и которые образуют прибавку к продажной цене товаров.

Полнота и систематичность изложения вопроса об издержках обращения в «Рукописи IV» позволила в дальнейшем Энгельсу использовать ее текст с незначительными изменениями для шестой главы второго тома «Капитала».

Таким образом, «Рукопись IV» отражает высокую степень разработанности проблемы кругооборота капитала, знаменует собой окончательное выяснение содержания этой проблемы. Теперь на первый план выдвигается задача изложения результатов, добытых исследованием. Эта задача в значительной мере была решена Марксом уже в следующем варианте второй книги — «Рукописи II».

* * *

В Предисловии ко второму тому «Капитала» Энгельс указывал, что «Рукопись II» «представляет собой единственную до некоторой степени законченную обработку книги II», сообщая, что в заметках Маркса для окончательной редакции прямо сказано: «В основу должна быть положена вторая редакция»¹. Исходя из ее дальнейших обработок — рукописей V—VII — Энгельс подготовил большую часть текста первого отдела II тома «Капитала», тогда как соответствующий текст самой «Рукописи II» был использован им в наименьшей степени².

Не отличаясь в целом по уровню разработки проблемы кругооборота капитала от более поздних редакций, использованных Энгельсом в первом отделе второго тома «Капитала», первая глава «Рукописи II» в то же время имеет ряд особенностей в расположении и форме подачи материала, степени детализации отдельных положений. Открывает ее раздел о метаморфозах капитала (в «Содержании» Маркс озаглавил его: «Три фигуры обращения»). Как и в «Рукописи IV», Маркс считает необходимым прежде всего обосновать переход исследования от процесса производства к процессу обращения капитала. Выясняется, что этот переход

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 7—8. Говоря о «заметках для окончательной редакции», Энгельс имел в виду записи, которые Маркс сделал в марте 1877 г., просматривая относящиеся ко второй книге материалы 60-х гг., перед тем как возобновить работу над ней.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 152, 159—160, примеч.

есть, во-первых, возвращение к началу («первая форма, в которой вообще капитал выступил перед нами, была форма *денег*, которые описывают кругооборот $D - T - D'$ », и исследование кругооборота капитала начинается именно с этой формы — формы кругооборота денежного капитала), а во-вторых, возвращение на новой основе — на основе проведенного в I томе «Капитала» анализа капиталистического процесса производства¹. Таким образом, этот переход носит противоречивый характер, он представляет собой снятие обоих простых моментов процесса обращения капитала — простого товарного обращения и капиталистического процесса производства, — заключающееся в том, что исчезает видимость их самостоятельности, независимости друг от друга. «Кругооборот $D - T - D'$ делало непостижимым то обстоятельство, что капиталистический процесс производства, совершающийся после акта $D - T$, купли товара, и перед актом $T - D'$, новой продажей товара, оставался невидимым»². Теперь, благодаря анализу процесса производства прибавочной стоимости, «загадка» всеобщей формулы капитала как будто решена. Однако она воспроизводится в иной форме: «Капиталист знает практически тайну прибавочной стоимости или возрастания капитала. Это доказывается всем его поведением в процессе производства, его дикой погоней за прибавочным трудом. Однако, хотя он и не Диоскур, он ведет двойную жизнь: одну — в скрытой от посторонних глаз сфере производства, где он хозяин и повелитель, другую — на открытом рынке, где он, выступая как покупатель и продавец, имеет дело с себе подобными. Эта двойная жизнь вызывает в голове капиталиста двойной ряд нервных импульсов, а потому и двойственное сознание. То, что он знает, находясь в сфере производства, того он уже не может понять в сфере обращения»³. Прибавочная стоимость, будучи произведена в сфере производства, реализуется только в сфере обращения. Только после этого она становится осязаемым, действительным результатом всего процесса. В силу указанного обстоятельства «капиталист путает создание прибавочной стоимости с ее превращением в золото или серебро», и «благодаря частным превращениям рынка, которые на деле лишь *изменяют распределение уже наличествующих стоимостей*, затемняется источник прибавочной стоимости, так что сам капиталист в конце концов уже больше не знает, что есть что»⁴.

В окончательном тексте второго тома «Капитала» (соответствующий раздел его подготовлен по «Рукописи VII», написанной в 1878 г.) этот переход также намечен, однако он дается там уже в связи с анализом стадии денежного капитала и несколько под иным углом зрения. Там указывается, что, с одной стороны, «в тот момент, когда капиталист и наемный рабочий противостоят друг другу в акте $D - P...$ классовое отношение между капиталистом и

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 50, с. 7.

² Там же, с. 10.

³ Там же, с. 8—9.

⁴ Там же, с. 9, 10.

рабочим уже имеется налицо, уже предположено». С другой стороны, «капиталистическое отношение проявляется в процессе производства лишь потому, что оно уже существует само по себе в акте обращения, в тех различных основных экономических условиях, при которых противостоят друг другу продавец и покупатель, в их классовом отношении»¹. Иными словами, с одной стороны, в обращении классовое, т. е. капиталистическое, отношение уже предположено — задано отношениями производства, — с другой стороны, в самом производстве оно проявляется лишь потому, что уже существует в обращении. По существу, это только иная, нежели в рукописях IV и II, формулировка противоречия всеобщей формулы капитала в том виде, в каком оно проявляется уже не в простом товарном обращении, а в обращении (кругообороте) капитала. Разрешение его заключается в том, что капиталистическое производство берется как обусловленное обращением, а обращение — как обусловленное капиталистическим производством, т. е. они рассматриваются в непосредственном единстве, которое устанавливается в кругообороте капитала.

Отличия, которые здесь наблюдаются, связаны в основном с формой изложения. Так, в «Рукописи II» более определенно, чем в «Рукописи IV», подчеркивается то, что обращение, или рынок, может лишь изменить *распределение уже наличествующих стоимостей*, затемнить источник прибавочной стоимости². С другой стороны, от окончательного текста второго тома «Рукопись II» отличается тем, что в ней с самого начала дается подробный анализ каждой из стадий кругооборота, их особых функций в движении капитальной стоимости. В начале же первой главы второго тома «Капитала» лишь кратко характеризуются стадии кругооборота денежного капитала, определяется задача исследования (понять различие форм, которые капитал принимает и сбрасывает на различных своих стадиях), устанавливаются предпосылки исследования (продажи товаров по их стоимости, неизменность величины стоимости в ходе кругооборота)³. Этим устраняется известное дублирование, которое наблюдается в «Рукописи II», когда после подробного предварительного анализа *стадий* кругооборота капитала Маркс переходит к выяснению отдельных возникающих в движении капитала особых *форм* денежного, производительного, товарного капитала.

Переходя затем к последовательному анализу трех форм кругооборота, Маркс — так же как и в «Рукописи IV» и окончательном тексте второго тома «Капитала» — сосредоточивает внимание главным образом на следующих основных моментах: 1) вещественная определенность и функциональное назначение той или иной стадии кругооборота, ее связь с общим движением капитальной стоимости; 2) роль товара и денег в кругообороте капитала в от-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 38.

² См. там же, т. 50, с. 10.

³ См. там же, т. 24, с. 31—32.

личные от простого товарного обращения; 3) характерные черты, особенности капиталистического способа производства, более наглядно проявляющиеся в той или иной форме кругооборота капитала (так, анализируя фигуру обращения денежного капитала, Маркс указывает: «Именно потому, что *денежный образ* стоимости является осязаемо воспринимаемой формой проявления, форма обращения $\overbrace{D - T - P - T' - D'}$, исходный и конечный пункт которой есть действительные деньги и которая сводится к $\overbrace{D - D'}$, *деланию денег*, наиболее осязаемо выражает движущий мотив и определяющий дух капиталистического производства. Процесс производства кажется здесь лишь необходимым опосредствованием, действительно неизбежным злом при делании денег. Поэтому все страны с капиталистическим способом производства периодически охватывает горячка мошенничества, когда они хотят делать деньги без обременительного посредства процесса производства»¹); 4) кругооборот денежного, производительного, товарного капитала как фактическая основа односторонних концепций меркантилистской, классической и физиократической школ буржуазной политической экономии.

В этом отношении между «Рукописью II» и окончательным текстом второго тома «Капитала» можно, пожалуй, отметить лишь два отличия. В первом отделе второго тома неоднократно подчеркивается, что речь идет все время о специфическом виде капитала — о *промышленном* капитале. Вместе с тем здесь четко определена и историческая специфика предмета исследования — развитое буржуазное общество, ибо только в этом обществе промышленный капитал становится всеобщей формой капиталистического отношения. В «Рукописи II» Маркс не употребляет это понятие, говоря, как правило, о «процессирующем» капитале, хотя — особенно там, где он говорит о причинах односторонности предшествующей политической экономии, ее приверженности какой-либо одной форме кругооборота капитала, господствующей над умами представителей той или иной школы буржуазных экономистов, — понятно, что он исходит именно из промышленного капитала как господствующего общественного отношения.

Другое отличие, которое можно установить между первой главой «Рукописи II» и текстом второго тома «Капитала», касается некоторых итогов рассмотрения трех фигур кругооборота.

В разделе о трех фигурах кругооборота в «Рукописи II» Маркс акцентирует внимание на *диалектике производства и обращения* в движении капитальной стоимости. Кругооборот капитала в каждой из его форм есть единство процесса производства и процесса обращения. Форма, открывающая кругооборот, являющаяся его предпосылкой, столь же необходимо выступает и как его ре-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 50, с. 33.

зультат. Поэтому процесс обращения капитала представляет собой в то же время и процесс воспроизводства, а особенные формы кругооборота являются — точно так же, как и произведенные товары, — продуктами всего процесса. Непрерывность процесса воспроизводства обуславливает постоянное прохождение капитала через все три фигуры, и в то же время именно непрерывность процесса показывает, что «это всегда лишь *одно и то же движение*, которое фиксируется с различных точек зрения. Вместо трех форм в действительности имеется лишь *одна*»¹. Последовательность прохождения капиталом различных форм отображает противоречивый характер единства производства и обращения: процесс производства представляется перерывом в обращении, а процесс обращения — приостановкой производства. «Непрерывность кругооборота опосредствована здесь постоянными перерывами и является в действительности лишь непрерывностью этих перерывов»². Капитал выступает как *формальное* единство производства и обращения, как *формальное* единство трех фигур кругооборота. *Действительное* же их единство предполагает такой характер движения, при котором непрерывность процесса обращения опосредствуется непрерывностью процесса производства, и обратно. Это и имеет место на практике, когда капитальная стоимость распределяется между тремя своими различными фазами и последовательность их прохождения капиталом дополняется его параллельным пребыванием в них. В еще большей мере это относится ко всему общественному капиталу, который выступает как *конкретное* единство производства и обращения.

(В более поздней «Рукописи V» данная мысль конкретизирована. Маркс подчеркивает, что единство производства и обращения обусловлено *капитальной стоимостью*, которая выступает в кругообороте капитала как *субъект*: «Капитал есть движение... Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое. Те экономисты, которые рассматривают самостоятельное существование стоимости как просто абстракцию, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция *in actu* [в действии]. Стоимость проходит тут через различные формы, совершает различные движения, в которых она сохраняется и в то же время возрастает, увеличивается»³. Иными словами, кругооборот капитала представляет собой стоимость, взятую в единстве ее формы и величины. Таким образом, Маркс более определенно, чем в «Рукописи II», указывает место анализа кругооборота капитала и его значение в системе категорий «Капитала».)

Разделы о времени и издержках обращения были взяты Энгельсом из «Рукописи IV» и использованы для подготовки заключительных пятой и шестой глав первого отдела II тома «Капитала»

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 50, с. 52.

² Там же.

³ Там же, т. 24, с. 121.

с привлечением незначительного числа вставок из других вариантов. В «Рукописи II» они разработаны менее подробно, в соответствующих ее разделах собрано много статистических материалов, выписок из книг и периодических изданий: вероятно, Маркс предполагал подвергнуть рукопись дальнейшей обработке.

Наиболее заметные различия между «Рукописью II» и «Рукописью IV» (а значит, II томом «Капитала») наблюдаются при рассмотрении издержек обращения. В отличие от «Рукописи IV», где сразу дается разделение издержек на отдельные группы, здесь Маркс начинает с определения издержек обращения как особой категории: «Хотя капитал в течение времени обращения меняет не свою величину стоимости, а лишь свою форму стоимости, эта смена формы вызывает дополнительные затраты труда и стоимостей — издержки обращения»¹. Далее он приводит несколько примеров такого рода издержек. Однако он не классифицирует их внутри данной группы, как это было сделано в «Рукописи IV»; среди издержек данного рода не фигурируют деньги. Все сказанное позволяет говорить, что тема издержек обращения разработана в «Рукописи II» менее подробно, чем в предыдущем варианте второй книги. В меньшей мере данное утверждение относится к издержкам обращения «другого рода, которые целиком или отчасти возникают из процессов производства, то есть из функций производительного капитала, продолжающихся в сфере обращения»², как Маркс здесь называет издержки хранения. Сюда он относит все те же виды издержек, что и в «Рукописи IV» (деление, взвешивание, измерение, сортировка, упаковка товара, образование запаса, транспортные издержки), но останавливается, как и в «Рукописи IV», лишь на образовании запаса и транспортных издержках. Однако и здесь можно обнаружить известные отличия, точнее, особенности в характеристике издержек, связанных с образованием запаса, которых не было в «Рукописи IV» (а соответственно нет и во втором томе «Капитала»). Если там все издержки, обусловленные существованием капитала «в форме товарного капитала и, следовательно, в качестве товарного запаса», Маркс относит к непроизводительным издержкам [Unkosten]³, то в «Рукописи II» подход несколько иной. Маркс называет в ней непроизводительными только такие издержки обращения, которые связаны с «аномальным образованием товарного запаса, переполнением рынков», когда «вместо задержки в обращении, являющейся моментом его непрерывного движения... наступает действительная

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 50, с. 57. Правда, из данного определения следует, что Маркс имеет здесь в виду все же лишь одну особую группу издержек, которую он называет «непроизводительными издержками обращения», «собственно издержками обращения», издержками, «обусловленными сменой форм наличных стоимостей» (см. там же, с. 61—62). Во втором томе «Капитала» данная категория издержек фигурирует под названием «чистые издержки обращения».

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 50, с. 62.

³ См. там же, т. 24, с. 157.

задержка обращения»¹, тогда как образование товарного запаса вообще к непроизводительным издержкам не относится,— напротив, как показывает Маркс, они увеличивают, а не уменьшают стоимость находящихся на хранении товаров, т. е. с позиции капиталистического производителя товаров они производительны. Разграничение нормального и аномального запаса, правда, проведено и в «Рукописи IV»², однако там Маркс не делает еще вывода о различной природе издержек обращения, связанных с указанным разграничением. В остальном же в «Рукописи II» воспроизведены положения более раннего варианта — «Рукописи IV», однако в менее подробной форме. Поэтому, видимо, Энгельс, стремившийся донести до читателя мысли Маркса в наиболее полном виде, воспользовался в разделе об издержках обращения текстом «Рукописи IV».

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что «Рукопись II» явилась определенным итогом разработки Марксом проблемы кругооборота капитала в 60-е гг. В ней (в целом в более систематизированном виде) изложены — иногда более подробно и глубоко, а порой в лаконичной форме — основные положения более ранних вариантов второй книги «Капитала», рукописей I и IV. Это позволяет сказать, что этап исследования проблемы кругооборота капитала (а потому в определенной мере и обращения капитала в целом) к моменту ее написания в основном завершился. Решены были и главные вопросы, связанные с изложением результатов исследования, в «Рукописи II» уточнялась лишь его *форма*. Необходимость последующей работы Маркса над черновыми рукописями второй книги «Капитала» в 70-е гг. была связана главным образом с проблемами воспроизводства и обращения всего общественного капитала, рассматриваемыми в последнем, третьем отделе II тома «Капитала».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 50, с. 70.

² См. там же, т. 24, с. 167—168.

АНАЛИЗ ФОРМЫ СТОИМОСТИ В I ТОМЕ «КАПИТАЛА»

Связанная с именем Маркса научная революция в сфере политической экономии нашла свое яркое выражение в развитии теории товара и денег. Впервые в истории Маркс диалектически раскрыл специфически общественную природу продукта труда как товара, определил внутренне необходимую связь между стоимостью и денежной формой ее выражения. Буржуазная классическая политэкономия свела рыночные цены товаров к стоимости, а стоимость — к труду. В этом ее великая заслуга. Но она не дала ответа на самый существенный вопрос теории товара. «Политическая экономия анализировала — хотя и недостаточно — стоимость и величину стоимости и раскрыла скрытое в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами — почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда, как его мера, — в величине стоимости продукта труда?»¹ Впервые лишь Маркс не только поставил этот фундаментальный вопрос теории товара, но и дал на него конкретный научный ответ.

Данное классической школой определение товара как продукта труда и сведение величины стоимости к количеству общественно необходимого труда было лишено специфически исторического характера. Классики буржуазной политэкономии рассматривали товарную, стоимостную форму продукта труда как безразличную для капиталистического способа производства. Они совершенно не видели внутренней связи между определением содержания стоимости трудом и формой стоимости товара. Самая глубокая причина этого факта с точки зрения научного метода заключалась в отсутствии у них подлинно исторического взгляда на капиталистический способ производства. Непосредственная же причина того, что классическая школа за более чем полуторавековой период своего существования так и не могла вывести из анализа товара как продукта труда формы стоимости, состояла в том, что ее внимание было поглощено определением величины стоимости, а не выяснением качественной специфики труда, образующего стоимость, и его необходимой связи с деньгами.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 90—91.

Между тем форму стоимости подверг анализу еще Аристотель. С полным основанием Маркс мог поэтому в предисловии к первому изданию I тома «Капитала» заявить: «Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2000 лет...»¹ Только благодаря Марксу была открыта тайна формы стоимости и тем самым совершен качественный скачок в развитии теории товара и денег. Это великое научное открытие органически связано с применением к анализу товара принципиально нового, диалектического метода исследования.

В последующей истории марксистской политэкономии решению Марксом проблемы формы стоимости товара, к сожалению, не уделялось должного внимания.

«Теория стоимости» Маркса была, по существу, сведена к содержанию первых двух параграфов I главы «Капитала». В некоторых случаях особо важное значение придавалось характеристике товарного фетишизма. Что же касается раздела о форме стоимости, который, по оценке самого Маркса, «слишком важен для всей книги»², то его содержание и научная ценность ограничивались преимущественно содержащимся в нем, по распространенному мнению, анализом добуржуазной истории товарного обмена. Вот наиболее простое и ясное высказывание В. Либкнехта. Изложив в вышедшей в 1901 г. книге всего лишь на одной странице вопрос о «четырех» формах стоимости, соответствующих различным историческим периодам, он писал: «Излагать более подробно формы стоимости в рамках этой работы невозможно, тем более, что непосредственного значения для системы Маркса они и не имеют»³.

В 20-е гг. отдельные экономисты, характеризуя раздел о форме стоимости как исторический экскурс, высказывали даже мысль, что в «Капитале» вообще отсутствует определение формы стоимости, как таковой. Но и до сих пор как в политико-экономической, так и в философской литературе упрочилось в качестве господствующего мнение, что исследование формы стоимости в «Капитале» отражает добуржуазную историю товара и денег, исторический процесс превращения натурального хозяйства в товарное⁴. Сообразно этому последовательность рассмотрения формы

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 5—6.

² Там же, т. 31, с. 260.

³ Либкнехт В. История теории стоимости в Англии и учение Маркса. М., 1924, с. 120.

⁴ См.: Розенберг Д. Комментарии к первому тому «Капитала» К. Маркса. М., 1961, с. 90; Хессин Н. Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса. М., 1964, с. 122; Черковец В. О методологических принципах политэкономии как научной системы. М., 1965, с. 65; Курс политической экономии: В 2-х т. Под ред. Н. А. Цаголова. М., 1973, т. I, с. 145; Грушин Б. Очерки логики исторического исследования. М., 1961, с. 21; Ильенков Э. Диалектическая логика. М., 1974, с. 264.

стоимости представляется просто как отражение различных периодов истории товарного обмена, причем исходная ступень этого анализа (простая форма стоимости) относится к исторически первоначальному, первобытному обмену. Тем самым объективно при­нижалась действительная научная ценность исследования формы стоимости для познания капиталистического способа производства в целом и серьезно затруднялось истинное понимание метода «Капитала». В этой связи принципиально важно установить, что является реальным объектом (исторически определенным предметом), в результате исследования которого Маркс раскрыл форму стоимости и объяснил ее развитие. Решение этой задачи неотделимо от правильного понимания примененного здесь Марксом метода.

Раздел о форме стоимости — шедевр диалектического рассмотрения предмета. Здесь перед нами диалектика элементарного отношения. На его примере прежде всего и можно уяснить себе существенные моменты диалектического метода, примененного в «Капитале». Это, в свою очередь, имеет принципиальное значение для выяснения метода марксистской политэкономии в целом и для его общеполитической трактовки, а также для уяснения всего содержания «Капитала».

Не случайно изложению вопроса о форме стоимости Маркс уделял исключительное внимание. Подчеркивая важность анализа формы стоимости, он вместе с тем особо указывал на трудности понимания соответствующей части своего сочинения¹.

Напомним, что в первом издании I тома «Капитала» (1867 г.) Маркс для облегчения понимания именно проблемы формы стоимости написал специальное приложение, а при подготовке второго издания (1872 г.) коренным образом переработал первую главу. Первоначальный вариант этого раздела имеет самостоятельную научную ценность и представляет большой интерес для более глубокого и полного изучения проблемы формы стоимости. Но пока мы сосредоточимся на анализе раздела о форме стоимости в том виде, в каком он был дан Марксом во втором издании и целиком воспроизведен в третьем и четвертом изданиях.

Следует иметь в виду, что к пониманию и интерпретации этого раздела, как, впрочем, и всего «Капитала» в целом, нельзя подходить эмпирически или просто с точки зрения «здорового смысла». Постигание формы стоимости предполагает преодоление ограниченности узкоэмпирического взгляда, согласно которому истинно лишь то, что отражает непосредственно наблюдаемые факты, то, что можно видеть или чувственно воспринимать каким-либо иным способом. С этой точки зрения Марксов анализ формы стоимости не может быть правильно понят. Истинное его постижение возможно лишь на основе диалектического образа мышления.

Исследование формы стоимости — самая абстрактная часть

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 6.

«Капитала». Именно поэтому оно представляет наибольшие трудности для читателя, порождая нетерпеливое стремление непосредственно превратить абстрактное в конкретное, выступающее в реальных явлениях. Поскольку простая форма стоимости, с которой начинается анализ у Маркса, не имеет внешне самостоятельного существования при капитализме, то мысль направляется к ее поискам в далеком прошлом. В «Капитале» исследование не начинается прямо с реально существующей при капитализме денежной формы стоимости, т. е. с факта, известного всем безо всякой науки¹. Но это еще не означает, что исходный пункт анализа формы стоимости соответствует меновым отношениям первобытного общества.

1. ПЕРЕХОД К РАССМОТРЕНИЮ ФОРМЫ СТОИМОСТИ В «КАПИТАЛЕ»

Как и применительно к любой другой категории диалектической системы «Капитала», существенно важно установить, каким образом форма стоимости связана, с одной стороны, с предшествующими, ранее рассмотренными категориями, с другой стороны — с категориями, о которых речь идет в последующем изложении. И та и другая связь, если она действительно отражает объективную природу исследуемого предмета, должна быть внутренне необходимой. Анализ формы стоимости предшествует анализу товара как элемента богатства буржуазного общества, а следует за ним глава о процессе обмена и деньгах. В теоретической системе исследование формы стоимости выступает, таким образом, как посредствующее звено между анализом отдельного товара в его непосредственности и развитием определений денег. Это есть переход от товара к деньгам, выявление необходимой, внутренней связи между ними как элементами экономики буржуазного общества. Деньги выступают перед нами как становящийся результат определенных отношений и процессов.

Домарксова политэкономия путем анализа обмена и товарных цен смогла установить, что деньги есть товар и всеобщее средство обмена. Сама необходимость денег выводилась ею из внешних затруднений меновой торговли, непосредственного обмена продукта на продукт, нараставших по мере того как совершался исторический процесс расширения сферы товарного обмена. Но буржуазной политэкономии так и не удалось выявить внутреннюю связь между трудом, как субстанцией стоимости, и деньгами, как необходимой, адекватной формой выражения стоимости. Ей была известна лишь внешняя историческая связь между развитием товарного обмена и возникновением денег. «Один из основных недостатков классической политической экономии состоит в том, что ей никогда не удавалось из анализа товара и, в частности, товар-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 57.

ной стоимости вывести форму стоимости»¹. Именно из анализа товара и товарной стоимости! Вот что принципиально важно для понимания исходного пункта исследования формы стоимости в «Капитале».

Понятию формы стоимости в «Капитале» предшествует лишь понятие товара, и ничего больше. Исследование товара в его непосредственности и, прежде всего, определение понятий стоимости и абстрактного труда необходимо (соответственно внутренне противоречивой природе товара) требуют перехода к рассмотрению формы стоимости. До этого стоимость определялась совершенно абстрактно, независимо от ее формы. Там, поскольку объектом анализа являлся товар сам по себе, а его меновые отношения к другим товарам лишь предполагались, объективно исключалось определение формы стоимости.

В своем непосредственном чувственно воспринимаемом виде товар обладает лишь натуральной, вещественной формой. По его потребительной стоимости можно судить не только о вещественной субстанции товара (хлопок, например), но и о ее определенной форме (холст), а следовательно, и о форме конкретного труда².

Иначе обстоит дело с субстанцией стоимости. В отдельно взятом товаре абстрактный труд и рабочее время, как его количественная определенность, не находят непосредственно никакого проявления. Абстрактный труд, в отличие от труда конкретного, в данной потребительной стоимости ничем себя не обнаруживает. Стоимость, поскольку она не имеет еще формы, остается невидимой. «Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость [Wertding] остается неуловимым»³.

В натуральной форме товара содержание стоимости погашено, снято. Потребительная стоимость сама по себе ничего не говорит ни о качественной тождественности всех видов труда как затрат рабочей силы, ни о продолжительности этих затрат (величине рабочего времени). Если же, зная уже определение содержания (субстанции) стоимости, обратиться к процессу производства, в сфере которого реально расходуется рабочая сила, то нетрудно будет заметить двойственную природу труда, т. е. различия конкретного и абстрактного труда. Мы обнаружим, во-первых, что все различные виды полезного труда с физиологической стороны (как функции человеческого организма) представляют собой нечто

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 91. Здесь же Маркс подчеркивает, что у Рикардо нет «указания на внутреннюю связь между стоимостью и формой стоимости» (см. там же, с. 93).

² Исходя из формы потребительной стоимости как *результата* определенного вида конкретного труда, можно, следовательно, составить представление о *полезном* характере труда. И наоборот, определить особенность данного вида конкретного труда можно, лишь рассматривая его «в связи с его полезным эффектом» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 50).

³ Там же, с. 56.

тождественное, все они затраты жизненной энергии человека, во-вторых, лежащая в основе величины стоимости продолжительность этих затрат (рабочее время) отчетливо отличается от качества труда, от его целесообразной направленности на создание определенной потребительной стоимости. Можно также попытаться свести все конкретные виды труда к качественному единству, качественному равенству (например, к калориям) и количественно их соотнести, определив сравнительную продолжительность рабочего времени. Но тем самым мы еще не установим специфическую форму выражения абстрактного труда, представленного в стоимости. Ибо стоимость есть не просто труд как процесс расходования рабочей силы, а уже израсходованная рабочая сила, т. е. ее овеществленный результат. Стоимость имеет не труд, а продукт труда. Возвратившись, таким образом, к продукту, мы обнаружим лишь его натуральную форму, форму потребительной стоимости, т. е. снова вернемся к исходному пункту, ни на шаг не продвинувшись вперед. Это означает, что невозможно определить форму стоимости, если от анализа товара и определения стоимости непосредственно перейти к анализу процесса производства товаров. Таким образом, как со стороны процесса производства, так и со стороны его результата (готового товара, взятого отдельно) труд в качестве субстанции стоимости не получает никакой стоимостной формы. Субстанция стоимости остается бесформенной. Лишь приведя данный товар в отношение к другим товарам, можно обнаружить форму выражения его стоимости.

Связь между предшествующим изложением и разделом о форме стоимости как раз и проявляется в переходе от отдельного товара к меновому отношению товаров друг к другу. В самом начале при первом определении меновой стоимости отношение между товарами лишь предполагалось, оно не было еще предметом специального рассмотрения. Теперь меновые отношения товаров становятся уже объектом такого анализа, который позволил определить форму стоимости. «Когда мы говорим: как стоимости, товары суть простые сгустки человеческого труда, то наш анализ сводит товары к абстрактной стоимости, но не дает им формы стоимости, отличной от их натуральной формы. Не то в стоимостном отношении одного товара к другому. Стоимостный характер товара обнаруживается здесь в его собственном отношении к другому товару»¹.

Необходимость перехода к форме стоимости вытекает, таким образом, из природы самой стоимости (товара). Поскольку стоимость, абстрактный труд, как овеществленный результат, не обнаруживается в потребительной стоимости *данного* товара, постольку стоимость может найти выражение лишь в натуральной форме *других* товаров. Эта объективная внутренне необходимая связь и определяет движение мысли от стоимости к форме ее

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 59—60.

проявления. Так как до этого было уже найдено определение содержания стоимости на основе анализа товара самого по себе, то нет никакой необходимости в каком-либо историческом экскурсе, предварительном описании «простого товарного хозяйства» или анализе процесса производства товаров. Если для определения стоимости достаточно непосредственно данного товара, то для определения формы стоимости надо исследовать меновые отношения товаров.

«Мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости. Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости»¹. Но это «возвращение» есть движение не по кругу, а по спирали. В самом начале меновая стоимость предстала перед нами как пустая, бессодержательная форма, просто как формальное, количественное равенство товаров. Только после того как были найдены субстанция и величина стоимости, открылась возможность для определения меновой стоимости в качестве формы выражения определенного содержания, как экономически содержательной формы. В разделе о форме стоимости как раз и прослеживается «развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы»². Непосредственный переход от стоимости отдельного товара сразу же к рассмотрению денег, придание товару формы цены были бы объективно не оправданы. В реальной действительности деньги — результат меновых отношений между всеми представителями товарного мира. Они не могут быть порождены отдельным товаром. Отношение между двумя товарами, рассматриваемыми отдельно от всех остальных меновых отношений, может дать лишь самое простое и неразвитое выражение стоимости. Лишь последовательно приводя каждый данный товар во взаимную связь со всеми другими товарами, можно показать развитие выражения стоимости и тем самым представить деньги как необходимую форму разрешения внутренних противоречий товара и совокупных меновых отношений. Для такого исследования нет нужды покидать товарный мир буржуазного общества, обратившись к давно прошедшему времени.

Достаточно мысленно представить себе меновые отношения этого многообразного мира товаров и среди них известные уже нам из предшествующего изложения³ два товара — холст и сюртук, каждый из которых должен найти форму для выражения своей стоимости. «Все то, что раньше сказал нам анализ товарной стоимости, рассказывает сам холст, раз он вступает в общение с другим товаром, с сюртуком»⁴. Послушаем же внимательно этот

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 56—57.

² Там же, с. 57.

³ Там же, с. 50, 52, 54.

⁴ Там же, с. 61.

рассказ, не заменяя, однако, рассказчика каким-либо предметом случайного обмена между дикарями (вроде каменного топора и шкуры оленя), поскольку последние могли изъясняться лишь на языке, не понятном ни холсту, ни сюртуку как представителям товарного рынка Манчестера или Лондона середины XIX столетия¹.

2. МНОГООБРАЗИЕ МЕНОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЕДЕННОЕ К СВОЕЙ ПРОСТОТЕ

Исследование формы стоимости начинается с менового отношения только двух противостоящих друг другу единичных товаров. Это и составляет первую трудность. Желание наглядно представить себе такое отношение направляет мысль читателя в сторону непосредственного обмена, существовавшего в далеком прошлом. Ум, непривычный к абстрактному мышлению, не может допустить, что здесь рассматривается какое-то отношение капитализма. Поскольку для буржуазного общества характерен опосредствованный деньгами обмен ($T - D - T$), представляется совершенно неправдоподобным, чтобы форма непосредственного менового отношения товаров ($T - T$) имела какой-то смысл применительно к товарному обращению в условиях капитализма. Такого рода понимание кажется на первый взгляд совершенно очевидным и не нуждающимся в доказательствах. Но не следует забывать, что у Маркса речь идет о научном понятии, а не об обыденном представлении, которое отражает непосредственно наблюдаемые явления. Изучая «Капитал», надлежит вообще проводить различие между реальным и конкретным, с одной стороны, идеальным и абстрактным — с другой. Особенно важно это применительно к изложению вопроса о форме стоимости, относящегося к наиболее абстрактной части сочинения Маркса.

Учет различия между абстрактным и конкретным необходим для выяснения того, каким образом в системе «Капитала» соотносятся формы $T - T$ и $T - D - T$. По выражению Маркса, «все буржуазные отношения выступают позолоченными или посеребрёнными»². Этими реальными явлениями прежде всего и затрудняется понимание происхождения денег из товара. Но для преодоления этого затруднения вовсе не требуется обращаться к анализу исторически первоначального обмена, истории возникно-

¹ То, что в исходном пункте «Капитала» анализируется товар как представитель товарного мира буржуазного общества, подтверждается, в частности, следующим замечанием Маркса в § 2 главы I в связи с вопросом о сведении сложного труда к простому: «Читатель должен иметь в виду, что здесь речь идет не о заработной плате, или стоимости, которую рабочий получает, например, за один рабочий день, а о стоимости товаров, в которой овеществляется его рабочий день». (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 53). Это означает, что анализ строится на предположении о производстве товаров трудом наемных рабочих.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 49.

вения денег вообще. Силой научной абстракции многообразные денежные отношения капитализма можно свести к их элементарной денежной форме, отличив ее вместе с тем от денег как капитала.

Если две фазы кругооборота капитала рассматривать сами по себе, вне непосредственной связи с процессом капиталистического производства, то обращение капитала в сфере обмена будет представлять собой не что иное, как акты продажи $T - D$ и купли $D - T$. Простая смена формы стоимости, ее превращение из товарной формы в денежную и обратно, составляет необходимый внутренний момент метаморфоза капитала. Этот момент, взятый отдельно, т. е. непосредственно на поверхности явлений сферы буржуазного обмена, имеет форму простого товарного обращения $T - D - T$. Но это есть лишь непосредственная форма простого товарного обмена, в которой он выступает на самой поверхности явлений и в бесконечном множестве бесчисленных актов купли-продажи. С точки зрения содержания рассматриваемый процесс представляет собой не что иное, как общественный обмен веществ, обмен товара одной потребительной стоимости на товар другой потребительной стоимости. Что касается денег, то они в этом процессе выполняют роль лишь формального посредника товарного обмена. Поэтому в своей существенной простоте товарный обмен, опосредствуемый деньгами, есть не что иное, как обмен товара на товар. Тем самым с точки зрения своего результата формула $T - D - T$ сводится к формуле $T - T$ ¹. Это одинаково относится ко всей бесчисленной массе продаваемых и покупаемых товаров. Лежащее в основе рассмотрения простой формы стоимости меновое отношение двух единичных товаров и представляет собой сведенную к своей простоте форму $T - D - T$.

Вместе с тем осуществляется сведение к элементарному отношению и денежного выражения стоимости (цены). В своей эмпирической непосредственности простейшее меновое отношение имеет форму продажи $T - D$. В этом меновом акте стоимость товара выступает в форме цены. Взятый абстрактно, вне органической связи с совокупным процессом товарного обмена, акт купли любого товара представляет собой отношение только одного отдельного товара (например, холста) к другому отдельному товару (золоту). Это есть не что иное, как уравнение x товара $A = 2 \text{ ф. ст.}$, т. е. в форме цены одного отдельно взятого товара. Если на место фунтов стерлингов, т. е. монетной формы золота как денежного товара, поставить какой-либо другой товар, например сюртук, то мы сведем названное меновое отношение и соответствующую ему простую денежную форму к непосредственному меновому отношению двух товаров и простейшему выражению стоимости: x товара холст = y товара сюртук, т. е. к тому уравнению, которое в «Ка-

¹ Рассматривая формулу $T - D - T$, Маркс отмечает, что ее результат «сводится к обмену веществ $T - T$ ». (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 79).

питале» определяется как уравнение простой формы стоимости.

Следовательно, если отдельный акт товарного обмена рассматривать сам по себе, вне его опосредствования, то он окажется меновой торговлей, непосредственным обменом товара на товар. В таком случае и деньги будут представлять собой обычный товар, отличающийся от противостоящего ему товара лишь своей особенной потребительной стоимостью. Однако эта «меновая торговля» как абстрактное отношение товарно-денежного обращения при капитализме не должна смешиваться с той исторически самостоятельной формой меновой торговли, которая существовала задолго до буржуазной эпохи и при которой обмен одной особенной потребительной стоимости был прямо связан с обменом другой особенной потребительной стоимости¹. Разумеется, нелегко понять, что каждый акт продажи, взятый отдельно, есть просто $T - T$, если в сознании заранее присутствует предпосылка, что всякий товар продается за деньги (золото, серебро).

Маркс называет «простую» форму стоимости также «случайной». В этом можно усмотреть признак рассмотрения меновых отношений первобытного общества. Но на самых ранних ступенях истории случайным был сам обмен. Делом случая являлось само превращение продукта в предмет обмена. Поскольку же в этом отношении последний, по определению Маркса, «не получил никакой формы стоимости», то, естественно, он не обладал и «случайной» формой стоимости. Первобытный обмен может рассматриваться поэтому в лучшем случае лишь как зародыш простой, или случайной формы стоимости. Что же касается капитализма, то здесь превращение товара в деньги является объективной необходимостью. Но каждый отдельный акт купли и продажи случаен. Нет, например, необходимой связи в том, что владелец холста продает его именно владельцу сюртука, и наоборот. Сам процесс товарного обращения заключает в себе бесчисленное множество такого рода случайных меновых отношений².

Как отражение отдельно взятого менового отношения двух товаров простая форма стоимости и является случайной. Помимо того, что здесь имеет место случайное отношение двух товаровладельцев, делом случая является то, что именно сюртук выступает в роли эквивалента, а холст находится в относительной форме стоимости и что труд ткача приравнивается к труду именно портного. Но это случайное выражение стоимости применительно к условиям капитализма есть проявление всеобщей необходимости превращения стоимости в цену, тогда как в случайном обмене первобытной эпохи не только не было такой необходимости, но и само меновое отношение являлось делом чистого случая.

Таким образом, благодаря сведению процесса обращения к элементарному меновому отношению двух товаров денежная фор-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 74—75.

² См. там же, с. 78.

ма стоимости (цена) представляется уже в своей простейшей форме. В сущности, цена (меновая стоимость) была уже сведена к простому, всеобщему (стоимость) в 1-м разделе первой главы «Капитала». Но там еще товар и стоимость не рассматривались с точки зрения отношения к стоимостям других товаров. В процессе же анализа формы стоимости совершается не просто сведение (индукция) многообразного к простому, но и одновременное выведение (дедукция) из стоимости элементарного стоимостного отношения, через посредство которого в конце концов совершается переход к денежной форме стоимости.

В диалектической системе «Капитала» анализ, индукция и синтез, дедукция не отделены твердыми границами. Диалектический метод одновременно является и аналитическим и синтетическим. В I отделе первого тома «Капитала» меновая стоимость (отношение $T - T$) сведена к стоимости, а из последней, в свою очередь, выведена меновая стоимость как форма выражения стоимости. Сведение $T - D - T$ к $T - T$ здесь явным образом не обнаруживается, поскольку оно представляет ту сторону процесса познания, которая предшествует тому, что Маркс называл «изображением действительного движения» (способом изложения, в отличие от способа исследования)¹. Вследствие этого для читателя существенно затрудняется понимание отношения, соответствующего простой форме стоимости, как сведенного к своей простоте, абстрактности товарного метаморфоза $T - D - T$, а простого относительного выражения стоимости единичного товара — как абстракции его цены.

Еще труднее представить себе, что сведение к стоимости (и средней цене), в свою очередь, отражает движение рыночных цен, отклоняющихся от стоимости, а в конечном счете — от цены производства. Эта неясность снимается, по мере того как в последующем изложении разворачивается диалектическая система «Капитала». В частности, в IV главе I тома Маркс прямо указывает на объективную основу принципа равенства цен товаров их стоимости: «Если цены действительно отклоняются от стоимостей, то необходимо их сначала свести к последним... Такое сведение отнюдь не является одним только научным, методологическим приемом. Постоянные колебания рыночных цен, их повышение и понижение, компенсируются, взаимно уничтожаются и сами собой сводятся к средней цене, как своей внутренней норме»². И тут же Маркс отмечает, что эти средние цены прямо не совпадают с величиной стоимости, как думали Смит и Рикардо (имеется в виду отождествление ими цены производства и стоимости), так как цены регулируются стоимостью лишь «в конечном счете», поскольку непосредственно центром их колебания, как это раскрыто в III томе «Капитала», является цена производства. Если же к

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 24.

² Там же, с. 176—177.

стоимости в I томе обратиться ретроспективно, с точки зрения III тома, то указанное сведение получит более определенное выражение, подобно тому как ретроспективный взгляд на простую форму стоимости от ее денежной формы яснее показывает, что первая есть зародыш последней.

Поскольку товарная стоимость, получающая элементарное выражение в простой форме стоимости, есть не что иное, как рыночная цена (а в конечном счете — цена производства), сведенная к своей абстрактной простоте, то товар и форма стоимости, анализируемые в I главе «Капитала», объективно не отрываются от конкретного целого, остаются элементами буржуазной экономики. Благодаря этому товар через средство превращения в деньги сохраняет объективную способность к развитию, к превращению в иные экономические формы (не только в деньги, но и в капитал), по мере того как он приводится в связь с другими, более конкретными отношениями, которые получают теоретическое отражение на последующих ступенях «Капитала».

В то же время товар в его элементарной форме отчетливо отличается от капитала благодаря тому, что он анализируется Марксом в том виде, в каком непосредственно предстает в сфере обращения. Правомерность такой абстракции объективно определяется тем, что отношения между капиталом и трудом, между различными капиталами и т. д. не изменяют определения товара, стоимости, денег, как таковых¹.

3. ВЫВЕДЕНИЕ ФОРМЫ СТОИМОСТИ ИЗ ЭЛЕМЕНТАРНОГО МЕНОВОГО ОТНОШЕНИЯ

Приступая к изложению вопроса о форме стоимости, Маркс пишет: «Нам предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать,— именно показать происхождение... денежной формы, т. е. проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы»².

Здесь тоже легко склониться к исторической интерпретации. Раз речь идет о развитии, происхождении, то имеется, следовательно, в виду история соответствующей экономической формы. В таком случае диалектика неоправданно суживается, поскольку развитие отождествляется с изменениями, происходившими в истории общества. Но кроме проблемы исторического происхождения существует проблема диалектического объяснения самого исторически уже сложившегося капиталистического способа производства и таких его форм, как товар и деньги.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 438.

² Там же, т. 23, с. 57.

Буржуазная классическая политэкономия оказалась не в силах из-за ограниченности своего метода вывести из товара денежную форму стоимости, хотя она знала деньги как продукт исторического развития. Ни Смит, ни Рикардо вовсе не считали их извечной категорией. В «Богатстве народов» А. Смита имеется особая глава о происхождении денег, в которой показаны основные этапы истории обмена и денег и описаны те затруднения, которые возникали при непосредственных меновых отношениях¹. Но это историческое исследование не решало проблемы внутренней связи между товаром (стоимостью) и деньгами. Деньги выступали лишь как результат внешних затруднений, на которые наталкивался исторически развивавшийся товарный обмен.

Рикардо проблема происхождения денег уже не интересовала. Но он не открыл внутренней связи между стоимостью и формой стоимости не по этой причине. Для него деньги являлись эмпирически данной, готовой формой. Они не рассматривались как развивающиеся, становящиеся в результате противоречий, внутренние присущих товарному миру буржуазного общества.

В отличие от классиков буржуазной политэкономии, Маркс анализирует товар и деньги диалектически — не как готовые, застывшие и заранее данные, а как формы становящиеся, являющиеся результатом определенных объективных процессов, постоянно совершающихся в условиях зрелого буржуазного общества. Поэтому денежная форма стоимости появляется перед нами не сразу, а как развивающаяся (становящаяся), не как голый результат, а как результат вместе со своим становлением («происхождением»). Последовательные моменты этого поступательного развития и получают диалектическое отражение в движении мысли от простой к денежной форме стоимости.

Переходя к определению формы стоимости от анализа отдельного товара, точнее, от определения *содержания* (субстанции) стоимости, Маркс показывает, как это содержание развивается в соответствующую его специфической природе форму. И это развитие достигается благодаря тому, что отдельный, единичный товар (холст), как элемент всего товарного мира, последовательно приводится в связь сначала только с одним товаром, затем — поочередно со всеми остальными представителями товарного мира, и, наконец, наоборот, холст выступает как результат отношения к нему всех других товаров.

Важно при этом обратить внимание на движущую силу и характер перехода от одной ступени анализа формы стоимости к другой. Этот переход объективно определяется развитием и углублением имманентной товару противоположности потребительной стоимости и стоимости. Характер этого развития Маркс отчетливо представлял себе еще в рукописи 1861—1863 гг.: «Товар таит в

¹ См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, с. 33—37.

себе противоположность потребительной и меновой стоимости. Эта противоположность развивается дальше, проявляется, реализуется как раздвоение товара на товар и деньги¹. Это его разделение выступает, как процесс, в метаморфозе товара, где продажа и покупка представляют собой различные моменты одного процесса, но каждый акт этого процесса вместе с тем заключает в себе свою противоположность»².

Как видим, под «развитием» противоположностей здесь понимается не какой-то исторический процесс, а процесс товарного метаморфоза. Такой метаморфоз постоянно совершается в процессе обращения капитала как один из его формальных моментов. Именно в этом процессе воспроизводятся, сохраняются и разрешаются те противоречия товара, которые объективно определяют (постоянно сохраняют) необходимость разделения товарного мира на товар и деньги.

В терминах диалектической логики развитие формы стоимости можно выразить как углубление и разрешение противоречия между всеобщим (стоимость) и единичным (потребительная стоимость). В качестве всеобщего стоимость может получить адекватное выражение только в потребительной стоимости товара, являющегося всеобщим эквивалентом. Но в простом меновом отношении двух товаров она находит проявление только в единичном эквиваленте. Внутренне присущее товару противоречие не получает здесь разрешения. Неразрешенность противоречия между всеобщим и единичным необходимо побуждает к развитию, к превращению стоимости в иную форму. Отдельный товар вступает в отношения с бесчисленным множеством других товаров. «Единичное выражение стоимости товара превращается, таким образом, в ряд различных простых выражений его стоимости, причем ряд этот может быть удлинён как угодно»³.

Это превращение возможно, однако, при той объективной предпосылке, что наряду с сюртуком и холстом одновременно существует множество других разнообразных товаров. Анализ формы стоимости вообще, включая и ее простую форму, как раз и строится на предпосылке существования целого товарного мира. При наличии такой предпосылки простая форма стоимости превращается в более развитую потому, что она «не выражает его (товара.— В. Ш.) качественной тождественности и количественной пропорциональности со всеми другими товарами»⁴.

¹ В 1-м издании I тома «Капитала» аналогичная мысль высказана следующим образом: «Внутреннее противоречие товара... не прекращается и не успокаивается до тех пор, пока оно не превратится в удвоение товара — в товар и деньги» (*Маркс К. Das Kapital. Hamburg, 1867, Erster Band, S. 48; ср. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 97*).

² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 86.*

³ Там же, т. 23, с. 72.

⁴ Там же, с. 71. К первобытному обмену такое суждение, конечно, неприменимо. Тогда речь не могла идти о «качественной тождественности» и «количественной пропорциональности» всем другим товарам, поскольку

Но и в развернутой форме стоимости внутреннее противоречие товара не получает еще внешнего разрешения. Здесь еще имеет место несоответствие между содержанием (стоимостью как всеобщностью) и формой ее выражения (множеством особенных эквивалентов). Сохраняется поэтому необходимость в дальнейшем развитии формы стоимости товара. Развернутая относительная форма стоимости состоит лишь из суммы простых относительных выражений стоимости, но каждое из этих простых уравнений содержит в себе «тождественное с ним обратное уравнение»¹. Если уравнение развернутой формы стоимости перевернуть, то получится уравнение всеобщей формы стоимости. Но это не только мыслительная операция. Ее объективное основание заключается в реальном отношении. «В самом деле: если кто-нибудь обменивает свой холст на многие другие товары и, следовательно, выражает его стоимость в ряде других товаров, то многие другие товарладельцы обязательно должны, очевидно, также... выразить стоимость своих различных товаров в одном и том же третьем товаре, в холсте»². Обернув ряд развернутых выражений стоимости, мы «выразим лишь то обратное отношение, которое по существу дела уже заключается в этом ряду»³.

Таким образом, всеобщая форма «уже заключается» в ряду развернутого выражения стоимости. Следовательно, и развернутая, и всеобщая формы стоимости суть выражения одного и того же *одновременно* существующего круга меновых отношений. То и другое, в сущности, есть диалектическое тождество одновременно существующих противоположностей (два тождественных уравнения) стоимости. Каждая из двух сторон этой противоположности содержит внутри себя обратное уравнение: один товар проявляет свою стоимость во всех остальных товарах и, наоборот, все другие товары выражают свою стоимость в одном-единственном товаре. Реально какой-либо товар может стать всеобщим эквивалентом, если он «выталкивается всеми другими товарами из их среды», в результате чего образуется денежная форма стоимости, а единая относительная форма стоимости «приобретает объективную прочность и всеобщую общественную значимость»⁴ (в форме цены

случайное меновое отношение двух предметов полностью исчерпывало выражение «стоимости». Анализ формы стоимости поэтому не мог бы основываться на предпосылке существования товарного мира, если бы его фактический исторический базис составляло первобытное общество.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 74.

² Там же.

³ Там же, с. 74—75.

⁴ Там же, с. 79. С точки зрения объективной диалектики предмета переход к денежной форме стоимости представляет собой некоторое забегание вперед, поскольку образование денег раскрывается лишь путем последующего анализа процесса обмена. В 1-м немецком издании I тома «Капитала» (в основном его тексте) анализ формы стоимости не доходил до определения денег, и в этом заключалось более последовательное проведение принципа систематического раскрытия предмета соответственно его внут-

товара). Но исследование формы стоимости само по себе не дает ответа на вопрос, каким именно образом совершается превращение всеобщей формы стоимости в денежную форму и почему именно золото стало деньгами. Это делается в последующем изложении, при анализе процесса обмена и товарного обращения. Здесь же доказана лишь *необходимость* перехода к такой всеобщей форме стоимости, в которой роль всеобщего эквивалента закрепились бы за одним исключительным товаром.

Касаясь своеобразия перехода всеобщей формы стоимости в денежную, Маркс пишет: «При переходе от формы I к форме II и от формы II к форме III имеют место существенные изменения. Напротив, форма IV отличается от формы III только тем, что теперь вместо холста формой всеобщего эквивалента обладает золото»¹. Только это и важно было отметить применительно к развитию всеобщей формы в денежную на данной ступени раскрытия системы². Вместе с тем то обстоятельство, что в изложение была включена и денежная форма, позволило сделать более наглядным вывод, что «простая товарная форма есть... зародыш денежной формы».

Определение простой формы стоимости в качестве зародыша денег оказалось возможным после исследования всеобщей (денежной) формы. Если изложение вопроса о форме стоимости рассмотреть ретроспективно, в обратной последовательности, т. е. начиная с денежной формы, то станет яснее, что простая относительная форма стоимости есть не что иное, как форма цены, сведенная к замому абстрактному, элементарному выражению. Завершая изложение формы стоимости в приложении к 1-му немецкому изданию «Капитала», Маркс пишет: «Если мы знаем, что такое потребительная стоимость и что такое меновая стоимость, то мы найдем, что эта форма I есть самый простой, самый неразвитый способ представить любой продукт труда, например холст, как товар, то есть как единство противоположностей потребительной стоимости и меновой стоимости. Вместе с тем мы легко найдем тогда ряд тех метаморфозов, через которые должна пройти простая товарная форма: «20 аршин холста = 1 сюртуку», для того чтобы приобрести свою законченную форму: «20 аршин холста = 2 фунтам стерлингов», то есть чтобы приобрести денежную форму»³.

Таким образом, развитие формы стоимости есть диалектическое отражение *одновременно* наличествующих меновых отношений то-

ренним связям. Лишь в «Приложении» Маркс сделал дополнение, включающее денежную форму стоимости, но только «ради связности изложения» (см. там же, т. 31, с. 269).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 80.

² Указание на исторический процесс выдвигания золота в качестве денежного товара с логической точки зрения не является обязательным, поскольку оно не вытекает с необходимостью из предшествующего изложения, из анализа товара, определения стоимости и всеобщей ее формы; но такое указание помогало «недиалектическому» читателю.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 164.

варного мира. С одной стороны, всеобщая (денежная) форма сведена (мысленно) к простой форме стоимости, с другой стороны, из последней, как из своего зародыша, выведена всеобщая (денежная) форма. Простая, полная, всеобщая формы являются не тремя самостоятельно существующими формами, а тремя различными моментами, характеризующими одну и ту же, денежную, форму стоимости, но не в застывшем, готовом ее виде, а в процессе становления. Поэтому и данный раздел называется «Форма стоимости...» (а не «формы», как должно было бы быть при рассмотрении четырех исторически различных ступеней). Здесь имеет место диалектическое превращение товара как денег «в себе», в возможности, при посредстве полной и развернутой формы, в готовую денежную форму. Можно сказать, что здесь имеет место мысленное отражение превращения товара в деньги, стоимости — в цену. Именно из природы стоимости выводится форма стоимости. Тем самым доказана внутренне необходимая связь между товаром (стоимостью) и денежной формой его выражения. Деньги предстали как диалектически становящаяся форма, как результат взаимных меновых отношений товарного мира.

Реальным же объектом исследования являются здесь исторически вполне определенные меновые отношения товарного мира буржуазного общества. Самому абстрактному, элементарному меновому отношению этого общества (отдельному акту обмена в его обособленности от целостного менового процесса) соответствует простая форма стоимости, совокупности же взаимных отношений всех товаров — всеобщая (денежная) форма стоимости. Последовательность определения различных моментов формы стоимости как раз и отражает эти объективные и внутренне необходимые связи между меновыми отношениями буржуазного общества. Непосредственно на поверхности явлений эти внутренние связи не видны. Перед наблюдателем товарного рынка буржуазного общества товар и деньги предстают в готовом виде: товар — в форме цены, деньги — в виде золота. Здесь «посредствующее движение исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа»¹. Анализ же формы стоимости показывает, что товар (стоимость) и деньги связаны «посредствующим движением», в результате которого деньги становятся, по выражению Маркса, «застывшим на одном товаре отблеском отношений к нему всех остальных товаров»².

Исследование развития формы стоимости товара есть абстрактное отражение беспрестанно совершающегося в пределах сферы буржуазного обмена процесса, результатом которого является постоянное воспроизведение товара и денег как необходимых элементов капиталистической экономики. Благодаря этому как товар, так и деньги выступают в качестве становящихся форм, про-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 102.

² Там же, с. 100.

ходящих через постоянно воспроизводимые ступени (моменты) процесса своего образования. В этом прежде всего и заключается диалектический метод исследования товара и денег, принципиально отличающий Маркса от буржуазных исследователей этих форм. «Господа экономисты проглядели чрезвычайно простую вещь, а именно, что форма: *20 аршин холста=1 сюртуку*, — есть лишь неразвитая основа формы: *20 аршин холста=2 фунтам стерлингов*; что, таким образом, простейшая форма товара... заключает в себе *всю тайну денежной формы*, и тем самым, в зародыше, — тайну *всех буржуазных форм продукта труда*»¹.

Марков анализ развития формы стоимости можно рассматривать как доказательство необходимости и сущности денег при капитализме. Но этим доказательство не завершается, а лишь начинается. Диалектика формы стоимости — лишь абстрактная ступень становления денег. Более конкретно это развитие раскрывается исследованием процесса обмена и товарного обращения.

4. ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ТОВАРА

Исследование формы стоимости — существенный момент анализа товара. Было бы принципиально неверно ограничивать этот анализ, как это нередко делается, содержанием первых двух разделов 1-й главы I тома «Капитала». Поскольку стоимость была определена там еще абстрактно, товарная форма как специфически историческая форма продукта труда не могла быть раскрыта. Переход в разделе о форме стоимости к рассмотрению стоимостных, меновых отношений товаров позволил определить содержание (субстанцию) стоимости в единстве с ее формой, благодаря чему меновая стоимость предстала как форма выражения *определенного* содержания. Тем самым конкретизировалось и определение двойственной природы товара.

Товар обнаруживает свою двойственную природу, когда его стоимость получает самостоятельное выражение, приобретая отличную от его потребительной стоимости форму проявления, именно форму меновой стоимости. Поскольку этой формой товар обладает лишь в стоимостном, меновом отношении, постольку в товаре, рассматриваемом изолированно, отдельно, двойственная его природа не получает внешнего выражения. Исследование же формы стоимости устанавливает, что скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости находит внешнее выражение, ибо всеобщий эквивалент непосредственно выполняет только роль стоимости, а товары, находящиеся в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 260. Приходится добавить, что впоследствии некоторые экономисты «проглядели», что простая форма стоимости есть элементарная форма буржуазного продукта труда, что она есть начало превращения товара в деньги, но отнюдь не начало превращения продукта в товар.

относительной форме стоимости, — лишь роль потребительной стоимости. Иными словами, двойственная природа товара выступает внешне как противоположность относительной формы стоимости и эквивалентной формы.

Потребительная стоимость товара-эквивалента становится, таким образом, формой проявления своей противоположности, стоимости. Благодаря анализу формы стоимости непосредственная противоположность потребительной стоимости и стоимости (как она определена в I разделе I главы) превращается в опосредованную, положенную и получающую внешнее выражение на двух полюсах менового отношения.

Диалектическая природа товара обнаруживается в том, что при существующих в буржуазном обществе условиях он, вступая в меновые отношения, так сказать, сам себя порождает, точнее, из товара «в себе», в потенции, превращается в готовую, зрелую товарную форму, в деньги, подобно тому как цветок превращается в плод. Это рождение, это становление товара совершается практически в реальном процессе обмена. Поскольку, выйдя из сферы непосредственного производства, товар застает на рынке уже готовую, имеющуюся в наличии денежную форму, то процесс его становления на поверхности явлений остается невидимым, наблюдается лишь завершающая стадия его становления — превращение в деньги. Однако силой диалектической абстракции можно мысленно раскрыть то, что непосредственно не видно, показав становление товара, начиная с его самой простой формы и кончая формой цены. Это и сделано Марксом в процессе анализа формы стоимости.

Один из существенных моментов диалектического рассмотрения товара состоит в том, что товарная форма предстает перед читателем как развивающаяся, становящаяся. Развитие товарной формы совпадает с развитием формы стоимости. Это принципиальное, фундаментальное положение раскрывается сообразно тому, как совершается переход от одной ступени определения формы стоимости к другой, который сопровождается раскрытием становления товара как стоимости, его превращением из зародыша, из состояния «в себе» в полностью созревшую, развитую форму. Если товар *A* (холст) мысленно привести в связь только с одним товаром *B* (сюртук), то он предстает перед нами в самом неразвитом виде: «...простая форма стоимости товара есть в то же время простая товарная форма продукта труда»¹. Здесь противоположность потребительной стоимости и стоимости едва выражена, здесь, как пишет Маркс, имеется лишь «простая форма проявления»² названной противоположности. В этом единичном выражении стоимости товар *A* не обнаруживает своей качественной тождественности со *всеми* другими товарами, а товар *B* лишь случайно (по-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 71.

² Там же.

скольку на его месте мог оказаться любой иной товар) стал эквивалентом. В этой простейшей форме товара «стоимость выражена еще не в виде отношения ко всем другим товарам, а лишь в виде отличия от его (товара.— В. III.) собственной натуральной формы»¹. Здесь противоположность еще не фиксируется. В той мере, в какой товар А вступает в меновые отношения поочередно со всем множеством представителей товарного мира, он выражает свою стоимостную (товарную) природу в более развитой форме. По выражению Маркса, теперь данный товар становится «гражданином» товарного мира, его стоимостное отношение перестает быть случайным, а противоположность стоимости и потребительной стоимости, их отличие друг от друга выражены полнее. Но и на этой ступени анализа продукт труда всецело еще не сформировался как товар.

Лишь приняв всеобщую относительную форму стоимости, данный товар как «гражданин» товарного мира превратился в готовую, вполне зрелую форму. Но такого состояния он достиг лишь благодаря тому, что и все другие товары выражают свою стоимость в *одном и том же* единственном товаре, всеобщем эквиваленте. Товарная форма здесь выступает уже как «общественное выражение товарного мира» и возникает она «как общее дело» всего этого мира. «Только эта форма действительно устанавливает отношения между товарами как стоимостями»². В то же время потребительная стоимость и стоимость обособляются на двух полюсах менового отношения, превращаясь в полярную противоположность.

Выражение стоимости товара в едином, всеобщем эквиваленте характеризует уже развитую, зрелую товарную форму. Всеобщая форма в условиях, когда производство продуктов как товаров является всеобщим, может принадлежать любому товару³. Но единая относительная форма стоимости, как наиболее развитая форма товара, приобретает «объективную прочность и всеобщую общественную значимость»⁴ лишь тогда, когда форма всеобщего эквивалента срослась с потребительной стоимостью товара золото. В денежном выражении стоимости, в цене товар и получает свою полностью завершенную и устойчивую форму. Процесс его становления закончился. Это и находит свое внешнее выражение в распадении товарного мира на два полюса: товар и деньги. Противоположность между относительной формой стоимости и эквивалентной формой достигла полного развития⁵.

Таким образом, становление товара находит диалектическое

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 260.

² Там же, т. 23, с. 76.

³ Характеристика всякого товара как всеобщего эквивалента более отчетливо выражена в 1-м немецком издании I тома «Капитала», а еще раньше — в работе «К критике политической экономии» (1859).

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 79.

⁵ См. там же, с. 77—78.

отражение в степени развития противоположности потребительной стоимости и стоимости, что, в свою очередь, проявилось в углублении противоположности между относительной формой стоимости и эквивалентом. При этом, как заключает Маркс, степень развития эквивалентной формы соответствует степени развития относительной формы стоимости. С развитием товара как стоимости развивается и его эквивалентная форма: из единичной она превращается в особенную, из особенной — во всеобщую. Связь между единичной и всеобщей формами не является, следовательно, непосредственной, она опосредствуется особенной эквивалентной формой. Такого рода зависимость отражает то, что всеобщая эквивалентная форма по своему понятию предполагает всеобщность продукта труда как товара (всеобщность товарного производства), наличие целого товарного мира. Звено, опосредствующее единичную и всеобщую формы, включает в себя поэтому отношения данного товара ко всей остальной, бесчисленной массе особенных товаров. Если единичному товару (единичная относительная форма стоимости) противостоит единичный эквивалент, особенному товару (развернутая относительная форма стоимости) — множество особенных эквивалентов, то товару, полностью развившему свою стоимостную природу, — всеобщий эквивалент. Всеобщая эквивалентная форма тождественна стоимости, она сама есть стоимость, поскольку форма здесь адекватна содержанию стоимости, ее собственной всеобщности. Она есть не только внешняя видимость стоимости, но и внутренне содержательная, существенная форма. Здесь содержание есть форма, форма есть содержание.

Всеобщая форма товара, следовательно, качественно отличается от предшествующих форм. Ее становление знаменует собой качественный скачок в развитии формы товара. Это одинаково относится к обоим ее полюсам. Отсюда вытекает, что товар в его всеобщей форме качественно отличается от товара в его единичной и развернутой (особенной) формах. Поскольку всеобщий эквивалент (деньги) выступает как результат развития относительной формы стоимости, то и определение товара в качестве готовой, зрелой формы нераздельно с определением денег. Характеристика денег есть вместе с тем рефлексивное определение товара. В этом находит свое диалектическое выражение внутренняя связь между стоимостью и формой стоимости. Таково диалектическое изображение становления товара как стоимости в отличие от его непосредственного рассмотрения как готовой, данной формы, чем ограничивался лишенный историзма анализ товара в предшествующей Марксу политэкономии.

Таким образом, исследованием развития формы стоимости было доказано принципиально новое в истории политэкономии положение, согласно которому товары могут качественно отождествляться как стоимости и количественно сравниваться друг с другом как величины стоимости, лишь относясь к какому-либо исключительно товару (деньгам) как всеобщему эквиваленту.

5. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ АБСТРАКТНОГО ТРУДА

В процессе анализа формы стоимости по мере раскрытия становления товара как стоимости получает развитие и ранее данное Марксом определение абстрактного труда. При непосредственном рассмотрении товара предполагалось, что заключенный в товаре труд уже сведен к одному и тому же качественному единству. Исследование же меновых отношений раскрывает, благодаря какой именно форме содержащийся в товарах труд сводится к качественно одинаковому, абстрактному труду и каким образом товары приравниваются как количественно определенные величины материализованного в них рабочего времени. «Только выражение эквивалентности разнородных товаров обнаруживает специфический характер труда, образующего стоимость, так как разнородные виды труда, содержащиеся в разнородных товарах, оно действительно сводит к тому, что в них есть общего, — к человеческому труду вообще»¹. Абстрактный труд как расходование рабочей силы вообще именно благодаря форме стоимости обнаруживает свою специфически общественную определенность. Стоимость в качестве сгустка абстрактного труда выражается не в рабочем времени непосредственно, а в другой, отличной от данного товара вещи, в золоте как всеобщем эквиваленте.

Золото как продукт конкретного, частного труда становится формой проявления своей противоположности — абстрактного, непосредственно общественного труда. Эта самостоятельная вещная оболочка составляет необходимую, специфически историческую форму проявления абстрактного труда как созидателя стоимости. Предметная, телесная форма всеобщего эквивалента, по определению Маркса, играет роль видимого воплощения, всеобщей общественной оболочки всякого человеческого труда. Труд, овеществленный во всеобщем эквиваленте, поскольку он приравнивается ко всем видам труда, содержащимся в других товарах, превращается во всеобщую форму проявления труда вообще. «Труд, овеществленный в товарной стоимости, получает не только отрицательное выражение как труд, от которого отвлечены все конкретные формы и полезные свойства действительных видов труда, но отчетливо выступает и его собственная положительная природа. Последняя состоит в том, что все действительные виды труда сведены к общему для них характеру человеческого труда, к затрате человеческой рабочей силы»². Если не принять во внимание этот вывод, то специфическая природа стоимости и создающего ее труда остается непонятой.

С самого начала характеристика общественной субстанции стоимости включала в себя определение предметной формы тру-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 60.

² Там же, с. 77.

да, затраченного на производство товара. Стоимость — это не труд как живой процесс, а его «кристалл», или «сгусток». Но определение самой этой стоимостной предметности, или стоимостной вещи (Wertding), оставалось еще абстрактным. Оно ограничивалось отрицательной характеристикой: это — «призрачная предметность», которая осталась после отвлечения от товара всех его телесных форм, делающих товар особенной потребительной стоимостью, иначе говоря, это — вещь, представляющая затраты труда вообще, в которую, однако, «не входит ни одного атома вещества природы»¹. Аналитическое расчленение товара как единого целого на два «фактора» неизбежно породило противоречия и непосредственно несовместимые друг с другом определения. Если свести потребительную стоимость к форме вещества природы, а затем исключить из нее эту форму, то действительно остается лишь «призрак» предметности. Вместе с тем стоимостная предметность реально не может быть где-то за пределами товара как потребительной стоимости, поскольку вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Абстрагируясь от потребительной стоимости, мы тем самым отвлекаемся и от той абстрактной предметности, без которой нет стоимости. Эти логические противоречия получают известное разрешение в процессе анализа формы стоимости.

Исходя из того, что труд становится стоимостью «в застывшем состоянии, в предметной форме», Маркс показывает, что «стоимостная предметность» находит выражение в меновом отношении товаров как «особая» предметность, отличная от натуральной формы, от потребительной стоимости всех товаров, находящихся в относительной форме стоимости². Теперь это уже не «призрак», а вполне определенная вещь — золото как всеобщий эквивалент. Таким образом, данное при непосредственном анализе товара отрицательное определение труда, представленного в стоимости товара (лишенный различий человеческий труд, затраты рабочей силы вообще, безотносительно к конкретной форме этих затрат), так же как и «стоимостной предметности» товара, теперь превратилось в положительное определение: это есть труд, предметная форма которого выражена в потребительной стоимости товара, выполняющего роль всеобщего эквивалента.

Как и понятие формы товара, специфический способ выраже-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 56.

² В тексте «Капитала» указанный существенный момент разъясняется на уровне простой формы стоимости, где, в частности, Маркс говорит, что в своем стоимостном отношении к холсту сюртук выступает лишь как «стоимостная плоть», а стоимость холста в этом отношении «приняла форму сюртука». «Как потребительная стоимость, холст есть вещь, чувственно отличная от сюртука; как стоимость, он «сюртукоподобен», выглядит совершенно так же, как сюртук» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 61). Сказанное о сюртуке относится и к золоту как всеобщему эквиваленту.

ния абстрактного труда определяется диалектически, как становящийся результат.

Исследование развития формы стоимости является вместе с тем раскрытием становления абстрактного труда как труда всеобщего. Простая форма стоимости отражает лишь начало этого процесса. Здесь содержащийся в товаре труд оказывается качественно тождественным лишь труду, заключенному в единичном эквиваленте. В развернутой форме «стоимость действительно выступает как сгусток лишнего различий человеческого труда. Это потому что образующий ее труд теперь... отчетливо выражен как труд, равнозначный всякому другому человеческому труду, независимо от того, какой натуральной формой обладает последний»¹ Представленные же в особенных эквивалентах конкретные виды полезного труда выступают здесь в качестве особенных форм осуществления и проявления труда вообще. Абстрактный труд еще не имеет единой формы проявления. Сохраняется поэтому необходимость в дальнейшем развитии. И только во всеобщей форме стоимости и в деньгах все действительные виды труда оказываются сведенными к общему для всех абстрактному труду, к затрате рабочей силы. Здесь все товары предстают уже в виде сгустков лишнего качественных различий труда.

Вместе с тем в процессе исследования формы стоимости раскрываются существенные моменты, относящиеся к количественной определенности труда, создающего стоимость. Форма стоимости выражает не только стоимость вообще, но и количественно определенную стоимость, т. е. величину стоимости. В стоимостном отношении товары не только качественно отождествляются, но и количественно приравниваются друг к другу как равные количества рабочего времени. Но это равенство величин стоимости совершается в форме приравнивания определенного количества одной потребительной стоимости к определенному количеству другой потребительной стоимости (золота). В этом и заключается специфически историческая форма выражения продолжительности рабочего времени как фактора, определяющего величину стоимости.

Выражение равенства величин стоимости распределяется между двумя товарами, находящимися в противоположных формах. Количественно равные затраты абстрактного труда (рабочего времени) находят выражение в эквивалентном стоимостном отношении товаров друг к другу или к деньгам. Рабочее время как внутренняя мера стоимости внешне проявляется в определенном количестве потребительной стоимости другого товара, в развитом виде — в определенном количестве золота. Золото как деньги тем самым выступает в качестве внешне видимой и специфической формы выражения и измерения величины стоимости. Соответственно этому общественно необходимое рабочее время, определяю-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 72—73.

щее величину стоимости, получает лишь относительное выражение.

Если абсолютная величина стоимости товаров (и денег) определяется независимо от формы стоимости (просто количеством рабочего времени), то относительная величина стоимости зависит от формы стоимости, от сравнительного соотношения количества труда, заключенного в товарах, находящихся на разных полюсах менового отношения¹. Вследствие этого своеобразное выражение получает и изменение величины стоимости в связи с повышением или снижением производительной силы труда². В процессе анализа формы стоимости вопрос о влиянии производительности труда на величину стоимости, таким образом, конкретизируется.

Итак, исторический характер абстрактного труда как создателя стоимости необходимо связан с определением специфической, вещной формы его выражения, а его диалектическая природа — с процессом становления формы стоимости. Это, в частности, помогает понять принципиальный недостаток дискуссий 20—30-х гг. вокруг вопроса об абстрактном труде, который состоял как раз в отвлечении от формы стоимости. Поскольку же вне последней невозможно сведение особенного труда к абстрактно всеобщему труду, объективно исключалось правильное разрешение спорной проблемы. Сторонники «социологического» направления опирались, между прочим, на высказывание Маркса, согласно которому в стоимость «не входит ни одного атома вещества природы» и потому она имеет «чисто общественный характер», упуская из виду тот существенный момент, что в форме стоимости определенная вещь (золото), а тем самым и определенный конкретный труд выступают в качестве всеобщей формы проявления человеческого труда вообще. Отвлечение от вещной формы проявления закрывало путь к определению специфически исторической природы абстрактного труда как создателя стоимости. Представители другого, «физиологического» направления ограничивались интерпретацией известного из § 2 главы I «Капитала» определения абстрактного труда, игнорируя, однако, форму стоимости. Это позволяло им изображать труд, создающий стоимость, по существу, как вневещную категорию.

В обоих случаях упускалось из виду то, что определение абстрактного труда в первых двух параграфах I главы I тома «Капитала» не заканчивается, а лишь начинается. Оказалось незамеченным то определение «положительной природы» абстрактного труда, которое дано Марксом в процессе изложения вопроса о форме стоимости. Отвлечение от формы стоимости при обсуждении вопроса об абстрактном труде было равнозначно игнорированию внутренней связи между товаром и деньгами, посредством

¹ Поэтому «определение величины стоимости рабочим временем есть... гайна, скрывающаяся под видимым для глаз движением относительных товарных стоимостей» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 85).

² См. там же, с. 63—64.

которых в вещной форме осуществляется сведение разнородного труда ко всеобщему и совершается относительное измерение рабочего времени, заключенного в товарах. Дискуссии тех лет были далеки от того, чтобы связать общественную форму проявления абстрактного труда с деньгами. Отвлечение от формы стоимости лишило плодотворного результата и дискуссии об общественно необходимых затратах труда.

6. ИЗЛОЖЕНИЕ ДЛЯ «ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО» И «НЕДИАЛЕКТИЧЕСКОГО» ЧИТАТЕЛЯ

Обратимся теперь к анализу I главы и «Приложения» в 1-м немецком издании I тома «Капитала». Сам Маркс разъяснял, что в приложении вопрос о форме стоимости излагается «более дидактически», более популярно¹. Но даже здесь, излагая вопрос для менее подготовленного, «недиалектического» читателя, Маркс не считал возможным пойти по пути исторического объяснения развития формы стоимости. Тем более это относится к самой главе, чрезвычайно важной для выяснения Марковского метода раскрытия формы стоимости.

В предисловии к 1-му изданию Маркс, объясняя читателю необходимость приложения о форме стоимости, отмечал, что анализ формы стоимости в основном тексте книги труден для понимания, так как «диалектика здесь гораздо тоньше, чем в первоначальном изложении»² (имеется в виду работа «К критике политической экономии»). О простой форме стоимости Маркс пишет: «...анализировать эту форму довольно трудно, потому что она проста. Различные заключающиеся в ней определения скрыты, неразвиты, абстрактны, а потому необходимо некоторое напряжение силы абстракции, чтобы их разредить и фиксировать»³. В «напряжении силы абстракции» не было бы надобности, если бы речь шла об эмпирическом познании таких явлений, как случайный первобытный обмен и т. д. Анализируя Марксово изложение вопроса о форме стоимости в строго научном плане, неправомерно, следовательно, заменять «силу абстракции» чувственными представлениями.

В 1-й главе 1-го издания наиболее отчетливо прослеживается также последовательная связь начальных категорий системы «Капитала» — от товара и стоимости, как таковых, к форме стоимости. «Независимо от их менового отношения или формы, в которой они выступают как меновые стоимости, товары нужно... сна-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 12.

² Marx K. Das Kapital. Hamburg, 1867, Erster Band, S. VIII. Во 2-м издании I тома (1872) Маркс несколько изменил текст предисловия к 1-му изданию и опустил указанное замечание, так как им было устранено двойное изложение вопроса о форме стоимости.

³ Marx K. Das Kapital, Erster Band, S. 15.

чала рассмотреть просто как *стоимости*»¹. Лишь после выяснения субстанции (сущности) стоимости и рабочего времени как меры ее величины совершается переход к анализу формы стоимости. Самый важный результат этого анализа Маркс видел «в открытии внутренней, необходимой связи между формой, субстанцией и величиной стоимости, или, выражаясь *идеалистическим* языком, в доказательстве того, что *форма* стоимости вытекает из *понятия* стоимости»². Форма стоимости, как она отображена в «Капитале», не вытекает, следовательно, из анализа истории товарного обмена и денег. Она необходимо следует из определения понятия стоимости, которое получено в результате анализа объективно существующего товара как элемента богатства буржуазного общества.

Доказательство внутренней связи между субстанцией (содержанием) стоимости и формой стоимости отнюдь не опосредствуется исследованием исторического генезиса товара и денег. Характерно, что, в отличие от «Приложения» и 2-го издания I тома «Капитала», в тексте I главы 1-го издания вообще отсутствует указание на денежную форму стоимости. На ее месте — анализ стоимостного выражения под рубрикой «Форма IV», а всеобщая форма стоимости значится под названием «Третья, обратная, или обратно отнесенная вторая форма относительной стоимости»³.

Каким образом отдельный товар (холст) превращается во всеобщий эквивалент (в форме III)? Поставив этот вопрос, Маркс отвечает: «Вследствие того, что он выразил *относительно* свою стоимость сначала в единичном товаре (I форма), потом во всех других товарах по порядку (II форма), и тем самым *обратно отнесенные* все другие товары выразили в нем относительно свои стоимости (III форма). Простое относительное выражение стоимости было зародышем, из которого развилась всеобщая эквивалентная форма холста. В ходе этого развития он меняет свою роль. Он начинает с того, что выражает величину своей стоимости в *одном* товаре другого рода, и кончает тем, что служит материалом для выражения стоимости *всех* других товаров»⁴. (Если бы имелся в виду исторический процесс развития обмена, то указанное заключение было бы нелепым. Разве можно такого рода метаморфоз одного и того же товара (холста) отнести к различным периодам истории общества — не говоря уже о том, что первобытная эпоха вообще не знала такого товара?) Речь идет о развитии формы стоимости холста в системе одновременно существующих меновых отношений товаров. В меновых отношениях товарного мира не только холст, но и всякий иной товар обладает возможностью стать всеобщим эквивалентом. Этот существеннейший момент развития формы стоимости выражен совершенно ясно.

¹ Marx K. Das Kapital, Erster Band, S. 4.

² Ebenda, S. 34.

³ Ebenda, S. 25, 34.

⁴ Ebenda, S. 33.

Отсюда переход к форме IV. Объясняя этот переход, Маркс связывает его с особенностями формы II. Поскольку в развернутой относительной стоимости холста все другие товары выполняют роль особых эквивалентов, каждый из них обладает свойством непосредственной обмениваемости на холст. Поэтому в стоимостном уравнении они могут поменяться местами с холстом, т. е. вместо эквивалентной формы принять относительную форму стоимости. Мысленно совершив этот метаморфоз, мы получим целый ряд уравнений развернутого выражения стоимости, в одном из которых — сюртук, в третьем — кофе и т. д. Тем самым показывается, что все без исключения товары могут обладать всеобщей относительной формой стоимости. С другой стороны, каждое из уравнений развернутого выражения стоимости заключает в себе обратное уравнение. «Каждое из этих уравнений, если его *обернуть*, дает сюртук, кофе, чай и т. д. как всеобщий эквивалент»¹, т. е. в результате такого «оборачивания» мы получим ряд уравнений, в каждом из которых роль всеобщего эквивалента принадлежит различным товарам (то сюртуку, то кофе и т. д.). «Форма IV», таким образом, включает в себя, с одной стороны, целый ряд уравнений развернутого относительного выражения стоимости (т. е. форму II, распространенную на все товары), а с другой стороны, целый ряд уравнений всеобщей формы стоимости (т. е. форму III, распространенную на все товары). Здесь, следовательно, каждый отдельный товар одновременно представлен и как всеобщий эквивалент, и как товар, находящийся во всеобщей относительной форме стоимости.

«Мы видим, — заключает Маркс, — что анализ товара дает все *существенные* определения *формы стоимости* и саму форму стоимости в ее противоположных моментах... Но анализ товара дал эти формы как *формы товара* вообще, которые свойственны, следовательно, каждому товару, только в *противоположном смысле*; так что если товар *A* находится в *одном* определении формы, то товары *B, C* и т. д. принимают по отношению к нему *другое*»². Именно анализ товара, а не истории товарного обмена и денег дает все существенные определения формы стоимости в их развитии! Именно каждый товар, а не только какой-либо один из них (холст или золото) характеризует с двух сторон всеобщее выражение стоимости! В окончательном тексте «Капитала» данная мысль не получила столь определенного выражения.

В «Форме IV» мы оказываемся, таким образом, перед антиномией. Здесь доказаны два прямо противоположных, непосредственно исключающих друг друга положения: каждый товар может быть всеобщим эквивалентом и каждый товар может обладать всеобщей относительной формой стоимости. Но вместе с тем ни один

¹ Marx K. Das Kapital, Erster Band, S. 34.

² Ebenda.

товар не может быть одновременно тем и другим. Всеобщая эквивалентная форма и всеобщая относительная форма стоимости взаимно исключают друг друга¹. Анализ товара приводит поэтому лишь к отрицательному выводу, не давая всех оснований для позитивного заключения о денежной форме стоимости. «Всеобщая эквивалентная форма принадлежит всегда одному товару в противоположность всем другим товарам; но она принадлежит каждому товару в противоположность всем остальным. Если же каждый товар противопоставляет всем другим товарам свою собственную натуральную форму как всеобщую эквивалентную форму, то все товары исключают из этой последней все другие товары, а следовательно, делают невозможной для самих себя роль имеющего общественное значение выразителя величин их стоимостей»². Такой парадоксальный вывод делается в итоге рассмотрения развития формы стоимости. Здесь, как мы уже говорили, изложение не доводится до денежной формы стоимости. Внутреннее противоречие товара осталось неразрешенным. И с точки зрения объективной диалектики предмета это вполне последовательно. Ибо до исследования процесса обмена — той общественной силы, которая придает одному из товаров (золоту) исключительную роль всеобщего эквивалента, преждевременно вести речь о деньгах. Анализ товара сам по себе приводит лишь к указанному парадоксу. Отсутствие же денежной формы делало изложение вопроса о форме стоимости и ее развитии особенно трудно воспринимаемым. В этом отношении текст 1-го издания «Капитала» является более трудным, чем соответствующее место в работе «К критике политической экономии». Обычно считается, что в этой работе вообще отсутствует анализ формы стоимости. Действительно, в ней не употребляется термин «форма стоимости», нет строгого терминологического различия между стоимостью и меновой стоимостью, а также между относительной и эквивалентной формами. Но по существу форма стоимости здесь рассматривается, поскольку идет речь о выражении меновой стоимости одного товара в потребительной стоимости других товаров. Правда, само это выражение анализируется в этой работе главным образом на уровне денежной формы.

В одном из писем, указав на важность и трудность понимания того, что простое выражение стоимости заключает в себе всю тайну денежной формы, Маркс, имея в виду книгу «К критике политической экономии», писал: там «я избегаю трудности развития тем путем, что собственно анализ *выражения стоимости* даю только тогда, когда это выражение выступает уже в развитом виде, как денежное выражение»³. Именно при рассмотрении

¹ Это, как отмечает Маркс, «противоположные, друг друга предполагающие и друг друга отталкивающие полюсы *одной и той же общественной формы товаров*» (*Marx K. Das Kapital, Erster Band, S. 31*).

² *Ebenda, S. 34.*

³ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 260.*

денег как меры стоимостей главным образом и анализируется выражение стоимости, т. е. уже в связи с формой цены. Хотя и здесь Маркс не начинает сразу с денежной формы, само выражение стоимости с самого начала связывается с определением товара как всеобщего эквивалента и с рассмотрением процесса обмена¹, т. е. здесь изложение является менее абстрактным, нежели в «Капитале». Поэтому здесь в более простом виде выступает то обстоятельство, что анализ формы стоимости есть отражение отношения каждого товара ко всем остальным представителям товарного мира, одновременно сосуществующим, а не отделенным друг от друга различными периодами истории. Хотя это изложение и нельзя признать популярным, оно все же с точки зрения выяснения качественной и количественной специфики выражения стоимости достаточно доступно, поскольку процесс рассматривается в непосредственной связи с деньгами. Первое же издание I тома «Капитала» для «недиалектического» читателя оказалось значительно более трудным.

Ф. Энгельс, как известно, посоветовал Марксу подразделить соответствующую часть текста на разделы, снабдив их заголовками, а также «подробнее доказать исторически то, что здесь достигнуто диалектическим путем... доказать филистеру историческим путем необходимость образования денег и показать происходящий при этом процесс»². «Что касается развития *формы стоимости*,— отвечал Маркс Энгельсу,— то я и последовал твоему совету и не последовал ему, желая также и в этом отношении оставаться диалектиком. Это значит, во-первых, что я написал *приложение*, в котором излагаю *тот же вопрос* возможно более просто и возможно более по-школьному, и, во-вторых, что я по твоему совету выделил каждый этап развития в *параграф* и т. д. *со своим заголовком*. В *предисловии* же я посоветую «недиалектическому» читателю пропустить такие-то страницы и вместо них прочесть приложение. Здесь дело идет не только о филистере, но и о стремящейся к знанию молодежи и т. п. Кроме того, этот раздел слишком важен для всей книги»³.

Казалось бы, самым лучшим способом популярного объяснения формы стоимости является историческое рассмотрение данного вопроса. Это предполагало бы обращение к анализу фактов действительной истории товарного производства и обмена, начиная с древнейших его форм и кончая тем периодом истории, когда впервые в качестве денег стали функционировать благородные металлы⁴. Любой читатель в таком случае легко представил бы

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 24—36.

² Там же, т. 31, с. 257.

³ Там же, с. 260.

⁴ В лондонских эксерптных тетрадях Маркса 1851—1853 гг. много выписок из работ буржуазных экономистов по истории денег и денежного обращения (см. статью Л. Л. Васиной в настоящем сборнике), но Маркс не счел нужным воспользоваться этим материалом.

себе, о чем идет речь, и без какой-либо «силы абстракции» смог отличить развитый этап выражения стоимости от его исторически первоначального этапа. Историческое доказательство в популярном изложении представлялось бы не менее уместным, если исходить из методологического допущения, что познание товарной формы при капитализме необходимо требует сопоставления с неразвитыми, добуржуазными меновыми отношениями. Маркс не пошел, однако, по пути дополнения диалектически последовательного раскрытия формы стоимости историей товара и денег¹. Помимо детальных подзаголовков, изложение в «Приложении» является более простым и освобожденным от специфической диалектической (прежде всего гегелевской) терминологии. С точки же зрения содержания здесь имелось одно существенное изменение по сравнению с основным текстом I тома: «Форма IV» была заменена «Денежной формой стоимости». Это было, как мы уже отмечали выше, некоторым забеганием вперед. Но в результате значительно облегчалось понимание того, что речь здесь идет о тех противоречиях товара и меновых отношений, которые порождают деньги. Что же касается диалектического развития формы стоимости, перехода от одной его ступени к другой, то тогда Маркс не считал возможным использовать ссылки на исторические иллюстрации. Лишь во 2-м издании I тома «Капитала» он для пояснения перехода от простой к развернутой форме стоимости провел аналогию с исторически первоначальными меновыми отношениями. Так, в начале раздела о всеобщей форме стоимости было добавлено: «*На практике эта форма (простая.— В. III.) встречается, очевидно, лишь при первых зачатках обмена, когда продукты труда превращаются в товары лишь посредством единичных и случайных актов обмена... Развернутая форма стоимости впервые встречается фактически тогда, когда один какой-нибудь продукт труда, например скот, уже не в виде исключения, а обычно обменивается на многие другие товары*»².

Совершенно очевидно, что «на практике», или «фактически», — а именно об этом ведет здесь речь Маркс — простого и развернутого выражения стоимости в качестве самостоятельных форм при капитализме не существует. Их нельзя непосредственно наблюдать. Внешним подобием этих форм в качестве исторически самостоятельных являются лишь указанные меновые отношения древ-

¹ Более подробно этот вопрос рассматривается в статье автора «Исследование формы стоимости в первом издании «Капитала» К. Маркса» (Вестник МГУ, Философия, 1976, № 1).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 75 (курсив наш.— В. III.). К тексту, в котором рассматривается переход к развернутой форме стоимости, во 2-м издании также была добавлена сноска: «Например, у Гомера стоимость одной вещи выражается в целом ряде различных вещей» (там же, с. 72). Примечательно, что в конспекте книги Моргана (конспект составлен в 1880—1881 гг.) соответствующий отрывок из «Илиады» Маркс использовал для иллюстрации не только развернутой, но и всеобщей эквивалентной формы (см. там же, т. 45, с. 265—266).

него мира, тогда как в условиях буржуазного общества простая и развернутая формы составляют идеальные моменты денежной формы как реальной формы стоимости. Трудность понимания анализа формы стоимости со стороны «недиалектического» читателя несколько уменьшается, если развитие диалектических понятий иллюстрируется с помощью исторических аналогий.

Весьма соблазнительно представить каждое из развивающихся определений формы стоимости как обособленное, самостоятельное. Эта потребность удовлетворяется, когда на основе уже имеющихся научных результатов исследования указывают на предшествующие буржуазной эпохе исторические явления, которые можно представить себе как отдельно существующие в различные периоды истории формы. Но такой способ популяризации содержит опасность затемнения подлинного содержания рассматриваемого раздела и примененного в нем диалектического метода. Поэтому, изучая вопрос о форме стоимости в «Капитале», необходимо иметь в виду, что Маркс проводил существенное различие между строго научным и популярным изложением. В 1879 г. в письме к К. Кафьеро Маркс отмечал, что доступные широкому читателю издания «грешат тем, что, желая дать краткое и популярное резюме «Капитала», они в то же время слишком педантично придерживаются научной формы изложения»¹. Это, в частности, относилось к вышедшей в 1873 г. брошюре И. Моста «Капитал и труд». Во 2-е издание последней редактировавший его Маркс добавил свой текст о стоимости и деньгах². Здесь уже вопрос о развитии формы стоимости излагается всецело исторически, указывается на то, что форма стоимости постепенно развивается из продуктообмена и вместе с ним, пока со всеобщим распространением товарного обмена не совершается переход к деньгам (золоту) и товар не получает форму цены³. Но здесь отсутствовало самое существенное со строго научной точки зрения: рассмотрение денег как формы разрешения внутренних противоречий товара и товарного обмена. Ради популярного изложения этим можно было пожертвовать. Но позднее в экономической литературе диалектическое рассмотрение формы стоимости в «Капитале» стало изображаться просто как отражение истории развития товарного обмена и даже превращения натурального хозяйства в систему товарного производства. Это также способствовало укреплению неверного представления, согласно которому в I отделе I тома «Капитала» в целом анализируется добуржуазная форма товара, товарного производства и обращения.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 300.

² См. публикацию изменений и дополнений, внесенных Марксом в текст брошюры И. Моста, в журнале «Вопросы истории КПСС», 1968, № 2.

³ Подробнее см.: Чепуренко А. Изложение вопроса о форме стоимости в брошюре И. Моста «Капитал и труд» под редакцией К. Маркса.— В кн.: К 160-летию со дня рождения Карла Маркса. М., 1978, с. 33—53.

7. ВНУТРЕННЯЯ ДИАЛЕКТИКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДЕНЕЖНОЙ ФОРМЫ ТОВАРА

Если, с одной стороны, для правильной интерпретации содержания раздела о форме стоимости важно установить, что последняя выводится из непосредственного анализа товара, в результате которого была определена двойственная природа товара и заключенного в нем труда, то, с другой стороны, столь же существенно проследить внутренне необходимую связь этого раздела с последующим изложением. Непосредственно за рассмотрением формы стоимости в I томе «Капитала» (§ 3 главы I), как известно, следует § 4 «Товарный фетишизм и его тайна». С точки зрения объективных, внутренних связей предмета определение товарного фетишизма не является новой ступенью. По своей логической форме оно представляет собой вывод из предшествующего анализа, но не переход к отражению какого-либо нового объекта, хотя субъективно Маркс здесь выходит далеко за пределы непосредственного объекта исследования, указывая на ряд существенных моментов, характеризующих внутреннюю связь между товарным фетишизмом и исторически определенным способом производства. Это «забегание вперед» было необходимо для того, чтобы уже здесь особо подчеркнуть специфически исторический характер товарного фетишизма. Но по существу фетишизм был раскрыт в ходе рассмотрения формы стоимости. На этот момент указывает сам Маркс: «...фетишистский характер товарного мира порождается, как уже показал предшествующий анализ, своеобразным общественным характером труда, производящего товары»¹.

В процессе изложения вопроса о простой форме стоимости Маркс писал: «Продукт труда во всяком обществе есть предмет потребления, но лишь одна исторически определенная эпоха развития превращает продукт труда в товар, — а именно та, при которой труд, затраченный на производство полезной вещи, выступает как «предметное» свойство этой вещи, как ее стоимость»². Это не что иное, как определение товарного фетишизма и его исторического характера. Да и в самом разделе о товарном фетишизме он совершенно определенно связывается с «формой товара», в которой равенство различных видов труда (т. е. абстрактный труд) «приобретает вещную форму одинаковой стоимостной предметности продуктов труда», а измерение затрат труда рабочим временем — форму величины стоимости³. Тем самым Маркс ответил на вопрос, который даже не ставили буржуазные экономисты-классики: почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда как его мера — в величине стоимости. Как видим, ответ на этот вопрос невозможен без определения формы стоимости и ее внутренней связи с характером труда, создающего

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 82 (курсив наш. — В. Ш.).

² Там же, с. 71.

³ См. там же, с. 81—82.

стоимость. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что исследованию формы стоимости, основанному на анализе двойственного характера труда, заключенного в товаре, принадлежит решающая роль в совершенной Марксом научной революции в области теории товара и стоимости. Научная значимость этого исследования подтверждается последующим развертыванием диалектической системы «Капитала», которое вместе с тем окончательно проясняет те неопределенные моменты (неизбежно свойственные наиболее абстрактной ступени изложения), которые могут порождать субъективную видимость анализа исторически первоначальных форм обмена.

С точки зрения внутренних связей исследуемого предмета после анализа формы стоимости (который включает и выводы о товарном фетишизме) должен получить отражение самый процесс обмена. В главе I «Капитала» меновые отношения товаров были лишь мысленными, теоретическими. Товары приводились в отношения друг с другом субъективно самим исследователем. Изложение вопроса о форме стоимости можно поэтому рассматривать как «субъективную» диалектику, ибо оно еще не отражало обмен товаров как процесс. В главе I сам исследователь приводил холст то в отношение только с одним товаром, то со всеми остальными товарами, то «перевертывал» уравнение стоимости. Лишь в главе II «Капитала» впервые совершается переход к рассмотрению экономических отношений как *процесса*. Если до сих пор перед нами был мир товаров, находящихся в состоянии покоя, то теперь это — товарный мир, пришедший в движение, благодаря которому все товары стали одновременно совершать свои превращения в едином процессе.

Не только какой-нибудь один товар (холст) вступает в меновое отношение с каким-либо другим отдельным товаром (сюртуком), но все без исключения товары находятся в подобных же отношениях, благодаря чему каждый из них оказывается втянутым в многостороннюю систему меновых отношений, образующих в своей целостности общественный процесс товарного обмена. Индивидуальный процесс превращения форм отдельного товара выступает как момент совокупного общественного процесса; внутренне присущая товару противоположность потребительной стоимости и стоимости развивается в противоречие товарного обмена, которое объективно определило распадение товарного мира на денежный и простой товар. Благодаря этому процесс обмена товаров превратился в простое товарное обращение, внутри которого развились все элементарные определения формы денег. Объективный процесс обмена товаров, таким образом, выступает в качестве формообразующего фактора, как субъект, порождающий и развивающий денежную форму товара. Тем самым на данной ступени изложения достигается то единство субъективного (только «теоретического», мысленного отношения товаров) и объективного (самого процесса обмена как субъекта), которое дает истин-

ное диалектическое отражение экономического процесса, постоянно воспроизводящего — благодаря смене форм товара — денежную форму стоимости. Таким образом, с точки зрения диалектики глава II представляет особый интерес, поскольку в ней исследуемый объект впервые выступает как *процесс*, а тем самым — как субъект (демиург) определенных экономических форм.

«Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям, к товаровладельцам»¹. Вот все, что непосредственно сказано о переходе от предшествующего изложения к рассмотрению процесса обмена. Это есть переход от товара самого по себе (как внешней по отношению к человеку вещи) к олицетворенному товару, т. е. товару, который принадлежит определенному владельцу. Во 2-м издании «Капитала», как и в «Приложении» к 1-му изданию, анализ товара заканчивается определением денежной формы стоимости. Это может создавать видимость перехода к исследованию процесса обмена от определения денег. С точки зрения субъективной формы изложения это действительно представляется таким образом. Но, как показано ранее, из анализа товара непосредственно и объективно не вытекает с необходимостью действительное рождение денег². Анализ формы стоимости привел только к выводу, что все товары не могут одновременно функционировать в качестве всеобщих эквивалентов.

Всеобщая эквивалентная форма, как она уже определена Марксом, не есть форма, относящаяся лишь к одному исключительному товару. Каждый товар «в себе» идеально есть всеобщий эквивалент. В каждом из них заложена возможность стать всеобщим эквивалентом, принять всеобщую эквивалентную форму и стать деньгами. Вместе с тем всеобщим эквивалентом должен быть лишь один исключительный товар. Всеобщая форма стоимости «дает товарному миру всеобщее общественную относительную форму стоимости, потому что и поскольку здесь все принадлежащие к товарному миру виды — кроме одного — исключены из всеобщей эквивалентной формы»³. Но каким образом осуществляется в действительности это «исключение» — этого анализ формы стоимости не раскрывает. Этот анализ подготовил, однако, необходимую теоретическую предпосылку для диалектического отражения генезиса всеобщего эквивалента как результата определенно-го общественного процесса.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 94.

² Если денежную форму в разделе о форме стоимости (§ 3 главы I) рассматривать как уже порожденную действительным процессом, то исследование процесса обмена во II главе окажется посредствующим звеном между необходимо появившейся денежной формой стоимости и... деньгами как необходимой формой разрешения противоречий обмена, т. е. в этом случае II глава просто повторяла бы в несколько иной форме то, что было уже Марксом изложено ранее.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 78.

Простое и развернутое относительные выражения стоимости являются, по определению Маркса, «частным делом отдельного товара», которое он совершает «без содействия остальных товаров... Напротив, всеобщая форма стоимости возникает лишь как общее дело всего товарного мира. Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому. Вместе с тем обнаруживается, что так как стоимостная предметность товаров представляет собой просто «общественное бытие» этих вещей, то и выражена она может быть лишь через их всестороннее общественное отношение, что их стоимостная форма должна быть поэтому общественно значимой формой»¹. Доказательство этого положения дано в исследовании формы стоимости, которое исходит из двойственной природы товара. Но какое именно «всестороннее общественное отношение» придает одному из товаров «общественно значимую» форму всеобщего эквивалента? Само по себе исследование формы стоимости ответа на поставленный вопрос не дает.

Меновая стоимость с самого начала рассматривалась в отношении ко всем товарам. Но это отношение, как отмечал Маркс, «было только теоретическим, мысленным», существовало «только в нашей абстракции»². Всеобщая форма стоимости также предстала перед нами как результат мысленного приведения всех товаров в меновое отношение с одним определенным товаром (холстом). Все товары оставались при этом в состоянии покоя, они еще не совершали действительного движения. Меновые, стоимостные отношения товаров не представляли здесь реального процесса товарного обмена.

Поскольку в главе I не получило отражение «всестороннее общественное отношение» товаров, постольку не могли быть раскрыты и деньги как их необходимый результат. Внутреннее противоречие товара и меновых отношений осталось реально неразрешенным. Сохранилась поэтому необходимость перехода к исследованию обмена как того объективного процесса, в котором указанные противоречия действительно получают форму разрешения. Такой характер перехода к исследованию процесса обмена совершенно отчетливо выражен в работе «К критике политической экономии» и в основном тексте 1-го издания «Капитала». И в том и в другом случае процесс обмена рассматривается до определения денежной формы выражения стоимости. В 1-м издании «Капитала» переход к процессу обмена определен так: «Товар есть непосредственное единство потребительной стоимости и меновой стоимости, следовательно, двух противоположностей. Он есть поэтому непосредственное противоречие. Это противоречие должно

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 76.

² Там же, т. 13, с. 29, 31.

развиваться, коль скоро товар действительно относится к другому товару как единое целое, а не рассматривается, как это было до сих пор, аналитически, то с точки зрения потребительной стоимости, то с точки зрения меновой стоимости. *Действительное же отношение товаров друг к другу есть процесс их обмена*¹. Это действительное отношение товаров друг к другу и является процессом, необходимым порождающим деньги в качестве формы разрешения и развития противоречия, внутренне свойственного товару.

Таким образом, исследование процесса обмена в «Капитале» выступает как звено, опосредствующее реальное превращение одного из товаров в деньги. Это есть переход от одностороннего и абстрактного рассмотрения меновых отношений к их отображению как диалектического процесса. Соответствующее развитие мысли совершается в рамках одного и того же предмета с той лишь разницей, что теперь первоначальный объект, товар, выступает уже не как покоящееся бытие, а как совершающееся движение в процессе обмена. И такое движение, естественно, предполагает товар олицетворенный, т. е. одаренный сознанием и волей, просто потому, что как вещи товары «беззащитны перед лицом человека»². Процесс обмена есть общественный процесс, в который вступают люди, но они вступают в него лишь как товаровладельцы и потому «лишь как сознательные носители процесса обмена»³. Анализ товара в первой главе вообще обходился без обращения к лицам как субъектам меновых отношений. То, что товары являются объектами владения определенных лиц, лишь предполагалось, но не входило в сферу систематического отображения предмета. Эта особенность начала изложения также может создать и поддерживать видимость исследования товара безотносительно к исторически определенному способу производства. Но на данной ступени анализа не было необходимости не только в том, чтобы обрисовать фигуры капиталиста и наемного рабочего, но и в том, чтобы вообще определять товар как олицетворенный. Товар первоначально выступал просто как внешняя по отношению к человеку вещь и рассматривался отдельно то как потребительная стоимость, то как меновая стоимость или стоимость. Меновое отношение товаров, на основе которого было показано развитие формы стоимости, тоже получило одностороннее отражение только как стоимостное отношение, т. е. отношение лишь между *стоимостями* соответствующих товаров.

В § 1 первой главы «меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей»⁴. При исследовании формы стоимости потребительная стоимость была лишь «телом» стоимости, просто вещью для выражения стоимости.

¹ *Marx K.* Das Kapital, Erster Band, S. 44.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 94.

³ Там же, т. 13, с. 28.

⁴ Там же, т. 23, с. 46.

Тогда имело значение только то, чтобы вступившие в стоимостное отношение товары противостояли друг другу как *различные* потребительные стоимости. Но для товаров как стоимостей совершенно безразлична определенность как собственной потребительной стоимости, так и потребительных стоимостей других товаров, в которых проявляется его стоимость и на которые он может обмениваться. «Если бы товары обладали даром слова, они сказали бы: наша потребительная стоимость, может быть, интересует людей. Нас, как вещей, она не касается. Но что касается нашей собственной природы, так это стоимость. Наше собственное обращение в качестве вещей-товаров служит тому лучшим доказательством. Мы относимся друг к другу лишь как меновые стоимости»¹.

Реальное же меновое отношение включает в себя и обмен товарами как *потребительными* стоимостями, т. е. представляет собой реализацию товара как единства потребительной стоимости и стоимости. Анализ этого отношения необходимо требует перехода к олицетворенному товару, поскольку потребительная стоимость соотносится с потребностями людей, участвующих в меновом процессе. Товаровладельцев отличает от товаров то, что они обладают определенными жизненными потребностями, и поэтому их не могут не интересовать потребительные стоимости. Процесс обмена, таким образом, кроме наличия товарного мира предполагает сознательные действия лиц, которые являются владельцами (собственниками) товаров. Но юридическое отношение товаровладельцев как частных собственников товаров при рассмотрении процесса обмена остается вне сферы экономического исследования. Здесь и далее в «Капитале» о лицах речь идет лишь постольку, поскольку они олицетворяют только собственно экономические отношения и противостоят друг другу только в качестве сознательных носителей этих отношений, в данном случае — только как «представители товаров».

В той мере, в какой товары являются действительными потребительными стоимостями для своих невладельцев, они должны переходить из рук в руки. Поскольку же товары суть стоимости, этот их переход предполагает их стоимостное отношение друг к другу, реализацию их как стоимостей. Процесс обмена поэтому содержит в себе противоречание и исключаящие друг друга отношения. «...Для каждого товаровладельца всякий чужой товар играет роль особенного эквивалента его товара, а потому его собственный товар — роль всеобщего эквивалента всех других товаров»². Но так

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 93. Несколько дальше безразличие товара к особенностям потребительной стоимости Маркс описывает такими словами: «Прирожденный уравниватель и циник, товар всегда готов обменять не только душу, но и тело со всяким другим товаром» (там же, с. 95).

² Это объективное состояние ранее и получило мысленное отражение в развернутой и всеобщей формах стоимости. Но на поверхности явлений это состояние, прежде всего вследствие наличия в обращении денег, непосредственно не наблюдается.

как в этом сходятся между собой все товаровладельцы, то ни один товар не является всеобщим эквивалентом, а потому товары не обладают и всеобщей относительной формой стоимости, в которой они отождествлялись бы как стоимости и сравнивались друг с другом как величины стоимости. Таким образом, они противостоят друг другу вообще не как товары, а только как продукты, или потребительные стоимости»¹. Опять парадокс: *товары* в руках товаровладельцев противостоят друг другу... как *нетовары*, только как продукты, только как потребительные стоимости! Он разрешается, если рассматривать товар не как заранее данный, в готовом виде, а как становящийся результат процесса обмена. Только тогда товар из непосредственного, каким он был первоначально, превращается в товар опосредованный.

Становление товара как стоимости получило уже абстрактное отражение в ходе анализа формы стоимости. Теперь становление товара приобретает конкретную форму. Это есть его становление в качестве единства потребительной стоимости и стоимости. То, что товар вообще обладает потребительной стоимостью, определяется полезным характером труда, затраченного на его производство. Но лишь через посредство обмена товар действительно становится потребительной стоимостью для своего невладелецца. Как стоимость товар непосредственно есть результат индивидуального труда. В процессе обмена благодаря своему превращению в форму всеобщего эквивалента он реализуется как стоимость и действительно становится стоимостью. «В своем непосредственном виде товар есть лишь овеществленное индивидуальное рабочее время особенного содержания, а не *всеобщее* рабочее время. Он поэтому *не* есть непосредственно меновая стоимость, а должен еще только *стать* таковой»². Но становление товара как стоимости нераздельно с его становлением как потребительной стоимости, и наоборот. Это — хоть и двойственный, но единый процесс.

Определение товара в единстве его двух сторон в 1-м разделе главы I «Капитала» было только непосредственным. Там еще не могло быть раскрыто взаимное опосредствование противоположностей стоимости и потребительной стоимости, так как не были еще развиты такие определения этих противоположностей, каждое из которых содержало бы в себе его отношение к другому. Констатированное в самом начале единство еще надлежало раскрыть как результат объективных отношений и процессов, т. е. отразить становление товара как единства потребительной стоимости и стоимости. Это предполагало выход не только за пределы отдельного товара, но и за пределы одностороннего менового отношения как чисто стоимостного. В результате анализа формы стоимости было показано становление товара только как стоимости. В итоге этого анализа стоимость товара выступила перед нами

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 96.

² Там же, т. 13, с. 29.

как положенная, опосредованная меновыми отношениями и в качестве таковой приобрела определение формы стоимости. Но не было еще раскрыто становление товара как потребительной стоимости (для его невладельца). В I главе в целом движение товаров как единства потребительной стоимости и стоимости не являлось еще объектом исследования. Вследствие этого товар не выступал еще в качестве *положенного* единства потребительной стоимости и стоимости. Эта задача разрешается лишь исследованием процесса обмена. Указанный момент более отчетливо выражен в работе «К критике политической экономии»¹. Переходя в этой работе к исследованию процесса обмена, Маркс отмечал: «До сих пор товар рассматривался с двоякой точки зрения, как потребительная стоимость и как меновая стоимость, всякий раз одно-сторонне. Однако товар, как таковой, представляет собой непосредственное *единство* потребительной стоимости и меновой стоимости; вместе с тем он есть товар только в отношении к другим товарам. *Действительное* отношение товаров друг к другу есть *процесс их обмена*»².

Столь же определенно в данной работе сформулирована мысль о становлении в процессе обмена товаров как потребительных стоимостей³, как меновых стоимостей и как единства противоположностей⁴. Зато в тексте II главы «Капитала» яснее выражено то, что исследование процесса обмена отражает переход к рассмотрению меновых отношений товаров как отношений между товаровладельцами. Можно сказать, что II глава популярнее излагает соответствующее содержание, тогда как в работе «К критике политической экономии» отчетливее и полнее представлена сторона, имеющая наибольший методологический интерес для выяснения реального исторического объекта, получившего теоретическое отражение на данной ступени систематического рассмотрения предмета. Поэтому одновременный анализ обоих текстов значительно облегчает выяснение истинного содержания II главы и примененного в ней метода. Обратим еще раз внимание на тот существенный момент, что здесь имеется переход от товара в его непосредственности, товара «как самостоятельной вещи», а затем от мысленного (теоретического) менового отношения к товару, действительно находящемуся в процессе превращения из продукта производства в предмет потребления.

Как отмечает Маркс, до рассмотрения процесса обмена «отдельный товар с точки зрения потребительной стоимости первоначально выступал как самостоятельная вещь», меновая стоимость

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 23—35. В первоначальном тексте данной работы читаем: «Товар является потребительной и меновой стоимостью сперва только дуvаme; только в обращении он становится положенным как то и другое» (см. там же, т. 46, ч. II, с. 467).

² Там же, т. 13, с. 28.

³ См. там же, с. 28—29.

⁴ См. там же, с. 29—35.

«существовала только в нашей абстракции», а выражение стоимости в потребительных стоимостях других товаров «было теоретическим до тех пор, пока товар... *мыслился* как определенное количество овеществленного рабочего времени»¹. Теперь же теоретически мыслимое (то, что товар обнаружил благодаря углубляющемуся в его природу мышлению) превращается в практическое, действительное, вследствие того что совершается переход от «самостоятельного» товара к товару, циркулирующему в процессе обмена. Действительное отношение товаров друг к другу Маркс определяет как «общественный процесс», как отношение, «имеющее характер процесса»². Осуществление этого процесса предполагает не только наличие многообразного мира товаров на рынке (как это предполагалось до сих пор), не только массы товарладельцев, по воле которых практически завязываются меновые отношения, но и то, что каждый товар действительно является общественной потребительной стоимостью, а затраченный на него труд — действительно общественно полезным трудом.

В процессе обмена товары непосредственно противостоят друг другу «только как продукты, или потребительные стоимости» (действительными товарами они должны еще стать). Но для каждого из товарладельцев его собственный товар не является непосредственной потребительной стоимостью. «Все товары суть непотребительные стоимости для своих владельцев и потребительные стоимости для своих невладельцев. Следовательно, они должны постоянно перемещаться из рук в руки»³. Этот переход товаров от лиц, для которых они не являются потребительными стоимостями, к лицам, для которых они становятся действительными потребительными стоимостями, и составляет ту сторону товарного обмена, которую Маркс называет «общественным обменом вещей». Такой процесс непосредственно для каждого товарладельца является «чисто индивидуальным процессом», поскольку данный товар должен быть обменян не вообще на какую-либо потребительную стоимость, а на вещь, действительно полезную для его владельца. Вместе с тем предпосылкой реализации товаров как потребительных стоимостей служит их обмен в качестве стоимостей. Для реализации же товара как стоимости, с точки зрения его владельца, безразлично, является ли его товар потребительной стоимостью для других. С этой стороны обмен есть «всеобщий общественный процесс», в котором собственный товар каждого из владельцев является всеобщим эквивалентом, а всякий чужой товар — особенным эквивалентом. «Но один и тот же процесс не может быть одновременно для всех товарладельцев только индивидуальным и только всеобщим общественным»⁴. В этом нахо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 29, 31, 33.

² Там же, с. 28, 29.

³ Там же, т. 23, с. 95.

⁴ Там же, с. 96.

дит свое отражение противоречие, вытекающее из внутренней противоположности товара.

Ранее анализ товара показал, что товары могут отождествляться как стоимости и сравниваться друг с другом как величины стоимости, лишь относясь к какому-либо исключительному товару как всеобщему эквиваленту. «Но только общественное действие может превратить определенный товар во всеобщий эквивалент»¹. Процесс обмена как раз и составляет ту сферу, в которой благодаря общественным действиям товаров один из них приобретает форму денег как «общественно признанную форму эквивалента».

Таким образом, лишь на данной ступени изложения доказывалось, что «денежный кристалл есть необходимый продукт процесса обмена, в котором разнородные продукты труда фактически приравниваются друг к другу и тем самым фактически превращаются в товары»². Продукты товаровладельцев *фактически* становятся товарами, лишь реально приравниваясь в процессе обмена к деньгам. Превращаясь в деньги, товары одновременно обмениваются и как потребительные стоимости, и как стоимости, т. е. товар действительно реализует себя как единство противоположностей. Следовательно, только в процессе обмена товар положен в качестве единства потребительной стоимости и стоимости. Тем самым определение этого единства как *непосредственного* (глава I, раздел I) превращается в главе II в определение *опосредованное*, доказанное, если можно так сказать, объективным процессом товарного обмена.

Вместе с тем противоположность потребительной стоимости и стоимости товара получила внешнее выражение как противоположность товара и его самостоятельной стоимостной формы (денег). Идеально содержащийся в каждом товаре всеобщий эквивалент (что получило уже отражение при анализе всеобщей формы стоимости) теперь превращается во внешне отделившуюся от него чувственно воспринимаемую денежную форму. С этой точки зрения развитие формы стоимости, если обратиться к ней ретроспективно, есть не что иное, как процесс углубления внутренних противоречий товара и товарного обмена, пока они не получают разрешение в денежной форме. Без процесса обмена товарный мир не мог бы дифференцироваться внутри самого себя на «особенные товары» (простые товары, являющиеся по отношению к деньгам особыми эквивалентами) и на «всеобщий товар» (деньги как всеобщий эквивалент всех прочих товаров). По своей внутренней природе деньги и товар нераздельны, едины. Это — два противоположных определения одной и той же общественной формы, товара как продукта специфически исторического способа производства. Без денежной формы товары, следовательно, не получают специфически исторической определенности. Только

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 96.

² Там же, с. 96—97.

денежная форма действительно сводит все многообразие товаров к единству, к адекватному выражению их стоимости. Употребляя выражение Гегеля, можно сказать: деньги есть истина товара. Познавая деньги, мы тем самым познаем и их противоположность¹.

Из нераздельности товара и денег вытекает, в частности, объективная невозможность радикального преобразования денежной сферы без изменения производства продуктов как товаров. Имея в виду работу «К критике политической экономии», Маркс в 1859 г. писал: «В этих двух главах вместе с тем разбивается наголову модный теперь во Франции прудоновский социализм, который хочет сохранить частное производство, но *организовать* обмен частных продуктов, хочет *товара*, но не хочет *денег*»².

Фактическое превращение товара в деньги есть вместе с тем процесс реального сведения особенного конкретного труда к всеобщему абстрактному труду, индивидуального, частного, труда — к общественному труду. «Исходным является не труд индивидуумов как общественный труд, а, наоборот, особенный труд частных индивидуумов, труд, который только в процессе обмена, через снятие его первоначального характера, оказывается всеобщим общественным трудом»³.

Классическая буржуазная политэкономия не замечала специфически исторической *формы* выражения и измерения труда, образующего стоимость. Ее внимание было сконцентрировано на *величине* стоимости, определяемой количеством труда. Она не видела в обмене процесса, в котором объективно совершается через посредство вещной формы (золота как денег) сведение всего многообразия конкретных видов труда к качественно единому всеобщему абстрактному труду. Для классической политэкономии оказалось, таким образом, недоступным определение специфической формы труда, создающего стоимость. Рикардо, отмечал Маркс, не понимает «связи *этого труда с деньгами*, т. е. не понимает того, что этот труд непременно должен получить свое выражение в виде *денег*»⁴. Только благодаря диалектическому рассмотрению в «Капитале» становления товара в процессе обмена было доказано, что деньги представляют собой необходимую форму выражения труда, создающего стоимость. Так как появляющиеся в сфере обмена товары непосредственно находят на рынке в готовом виде деньги (золото) как образ своей стоимости, то создается видимость, будто золото обладает всеобщей эквивалентной формой независимо от отношений к нему других товаров, следовательно, независимо и от отношений между товаровладельцами. Вследствие этого уси-

¹ Интерпретация I отдела «Капитала» как анализа простого товарного производства обходится без включения в структуру последнего денег и их реального функционирования, игнорирует, по существу, внутреннее единство товара и денег и роль последних как необходимой формы.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 469.

³ Там же, т. 13, с. 32.

⁴ Там же, т. 26, ч. II, с. 176.

ливается фетишизация производственных отношений. Золото и серебро в том их виде, в каком они, по выражению Маркса, выходят из недр земных, «оказываются непосредственным воплощением всякого человеческого труда»¹.

Итак, товар необходимо приобретает денежную форму только как становящийся результат процесса обмена. Рассматриваемый сам по себе, непосредственно (I раздел главы I), он лишен этой формы. Лишь благодаря таким посредствующим звеньям, как анализ развития формы стоимости и процесса обмена, товар предстает перед нами в своем денежном облики. Если бросить отсюда ретроспективный взгляд на товар в исходном пункте «Капитала», то станет яснее, почему там он свободен от денежной формы. Суть дела заключается вовсе не в том, что там анализируются товар и непосредственный обмен в условиях первобытного общества. Соотношение между товаром в главе I и товаром в главе II есть соотношение между товаром как непосредственной (заранее данной) *предпосылкой* процесса обмена и товаром как *результатом* этого процесса, товаром *идеальным* (лишенным денежной формы) и товаром *реальным* (получившим форму денег). Эта логика рассмотрения товара соответствует тому объективному факту, что в живой действительности буржуазного общества товар поочередно выступает то как предпосылка, то как результат процесса обмена. Реально всякий вновь появляющийся на рынке товар застает уже имеющиеся в обращении деньги. Поэтому существует объективная видимость изначальности денежной формы. Лишь в результате научного исследования устанавливается, что это есть видимость внутренней сущности товара и что товары — первичны, а деньги — производны от них. Различая товар как предпосылку процесса обмена и товар как его результат, можно уберечь себя от соблазна представить в качестве фактической основы анализа в первых двух главах «Капитала» допотопный безденежный обмен.

Будучи результатом процесса обмена, денежная форма товара становится, с другой стороны, предпосылкой процесса обмена, придающей ему характер процесса товарного *обращения*. Дальнейшее исследование денег связывается поэтому с их ролью в процессе простого обращения товаров. «Главная трудность в анализе денег преодолена как только понято происхождение их из самого товара. При этой предпосылке дело заключается только лишь в том, чтобы понять в их чистом виде своеобразные присущие деньгам определенности формы... Речь идет только о тех формах денег, которые вырастают непосредственно из обмена товаров»². Такое понимание денег, как отмечает Маркс, затрудняется тем, что «все буржуазные отношения выступают позолоченными или посеребрёнными»³. Рассмотрение денег буржуазного общества в их чис-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 102.

² Там же, т. 13, с. 49.

³ Там же.

том виде усложняет, однако, понимание того, что объектом исследования здесь является товарное обращение как абстрактная сфера буржуазной экономики.

8. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОСТОЙ ФОРМЕ СТОИМОСТИ

Исследование процесса обмена непосредственно приводит к определению денег лишь как всеобщего эквивалента, только как меры стоимостей¹. Денежная форма стоимости, будучи, с одной стороны, результатом процесса обмена, с другой стороны, становится предпосылкой обращения товаров.

Поскольку деньги уже имеются налицо, каждый товар, появившись в сфере обмена, может сразу выразить свою стоимость в общезначимой форме цены. «Теперь достаточно только одного уравнения: 1 тонна железа = 2 унциям золота, чтобы представить стоимость железа в общественно значимой форме... Поэтому всеобщая относительная форма стоимости товаров снова возвращается теперь к своему первоначальному виду — к простой, или единичной, относительной форме стоимости»². Вот это «возвращение» составляет один из существенных моментов диалектического рассмотрения предмета, позволяющий вместе с тем ретроспективно яснее представить себе истинный характер исходного пункта анализа формы стоимости в 3-м разделе первой главы. Если бы простая форма стоимости являлась отражением меновых отношений давно прошедших времен, то возвращение к ней с точки зрения объективных связей предмета было бы нелепостью. По своему истинному смыслу возвращение к простой форме стоимости есть не что иное, как переход от денег как *результата* процесса обмена к деньгам как *предпосылке* этого процесса, точнее, здесь отражена диалектика превращения результата в предпосылку и обратно.

Возвратившуюся к своему первоначальному виду простую относительную форму стоимости (цену отдельно взятого товара) Маркс совершенно определенно характеризует теперь как данную, имеющуюся в наличии в качестве результата предшествующего процесса. «Этому уравнению уже нет надобности маршрутировать плечом к плечу в ряду стоимостных уравнений других товаров, потому что эквивалентный товар, золото, уже обладает характером денег»³. Следовательно, для того чтобы эмпирически представить себе простую форму стоимости, как она отражена в разделе о форме стоимости, вовсе не требуется изучать «экономику дикарей», достаточно обратить внимание на цену одного отдельно взятого товара. Нет необходимости возвращаться к прошлому и применительно к развернутой форме стоимости. Последняя может быть представлена как идеальное выражение «цены» самих де-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 99.

² Там же, с. 105.

³ Там же.

пег. «Развернутое относительное выражение стоимости, или бесконечный ряд относительных выражений стоимости, становится специфически относительной формой стоимости денежного товара. Но этот ряд теперь уже общественно дан в товарных ценах. Читайте справа налево отметки любого прейскуранта, и вы найдете выражение величины стоимости денег во всех возможных товарах»¹. Так выглядит развернутая форма стоимости, если ее рассматривать не как момент становления денежной формы, а как готовый результат, как нечто общественно данное.

Таким образом, ретроспективный взгляд на простую и развернутую формы стоимости также показывает, что их следует рассматривать как моменты, характеризующие денежную форму. Простая форма стоимости, как она проанализирована Марксом вначале, есть идеальная, непосредственно чувственно не воспринимаемая форма. Теперь же, в виде цены отдельно взятого товара, она приняла реальную форму. Следовательно, реальность простой формы стоимости находится не в далеком прошлом, а в повседневной действительности товарного мира буржуазного общества. Поэтому-то и можно говорить о том, что относительная форма стоимости каждого отдельного товара «возвращается» к своему первоначальному виду. Такова диалектика простой формы стоимости.

Из непосредственного (в 3-м разделе главы I) простое выражение стоимости превратилось в опосредованную форму. Теперь простая эквивалентная форма выступает в своем подлинном виде, здесь единичное есть в то же время снятое всеобщее (тогда как первоначально единичный эквивалент и простое относительное выражение стоимости не могли быть определены в качестве всеобщего отношения), т. е. здесь простая форма стоимости выступает уже как производная от денежной формы. Тем самым выясняется, что денежная форма составляет основу простой формы стоимости, ее действительный исходный пункт.

В главе III первого тома «Капитала» Маркс возвращается к простой форме стоимости во второй раз, поскольку подобное возвращение уже имело место на завершающем этапе анализа формы стоимости, когда простая товарная форма ретроспективно определялась как зародыш денежной формы². Но тогда возвращение простой формы стоимости вместе с формой цены к самой себе было результатом *мыслительного* процесса. Теперь же это возвращение есть не что иное, как диалектика самого *объективного* процесса товарного обмена, в беспрестанном течении которого предпосылка переходит в результат, результат — в предпосылку, конец смыкается с началом, начало — с концом. Поэтому и отражающий этот действительный процесс обмена мыслительный процесс получает форму кругообразного, точнее, спиралеобразного движения.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 105.

² См. там же, с. 80.

Для классической буржуазной политэкономии деньги были лишь готовой предпосылкой обмена. Напротив, Маркс сначала рассматривает деньги как становящийся результат определенного объективного процесса. После того как эта задача решена, деньги выступают уже в качестве предпосылки процесса обмена и придают ему характер товарного обращения. Тем самым исследуемый предмет отражается как *процесс*, в котором совершается развитие и превращение экономических форм. Сообразно этому ранее найденные категории действительно предстают перед нами как развивающиеся. По мере продвижения вперед они обогащаются как по содержанию, так и по формам проявления.

Форма стоимости в качестве предпосылки процесса обращения приобретает новые определения, что нашло свое выражение прежде всего при рассмотрении функции денег как меры стоимостей. До сих пор определение формы цены связывалось с наличием реального денежного товара. Теперь, после доказательства происхождения денег из процесса товарного обмена, выражение стоимости в деньгах характеризуется как идеальное, поскольку оно не требует непосредственного наличия золота как денежного товара. Вместе с тем и величина стоимости превращается в идеальные количества золота различной величины, в свою очередь последние выражаются в счетных названиях золотого масштаба. В этих денежных названиях, указывает Маркс, «изглаживается всякий след отношения стоимости», поскольку они одновременно выражают и стоимость товаров, и определенную часть веса золота. Таким образом, оказывается, что стоимость развивается, с одной стороны, в иррациональную вещную форму (денежные названия), с другой — «в чисто общественную форму», поскольку масштаб цен устанавливается законодательно государством. Стало быть, деньги, будучи производной от товара формой, в свою очередь придают товару некоторые новые определения. Поступая на рынок, товары застают там свой денежный образ и испытывают на себе его обратное, отраженное действие. Именно в силу этой объективной рефлексии товар вступает в сферу обмена, имея не только стоимость, но и форму цены. Благодаря последней товарную форму приобретают и вещи, которые сами по себе не являются товарами. С рефлексивной определенностью товара связан и идеальный характер выражения стоимости в виде цены. Этот последний, так же как «идеальное золото» в качестве меры стоимости, не следует понимать поэтому как нечто субъективное, принадлежащее лишь сознанию товаровладельцев. Маркс характеризует цену, как и вообще стоимостную форму товаров, как идеальную прежде всего в отличие от их «чувственно воспринимаемой реальной телесной формы»¹. В качестве идеальной формы цена выражает то, что со-

¹ Существующий русский перевод выражения «*ideelle oder vorgestellte Form*» — «идеальная, существующая лишь в представлении» форма (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 105) — может создать ложное впечатление о субъективности идеального.

держится во внутренней природе самого товара, а вместе с тем — отношение товара к золоту. Объективно она является рефлексивным определением товара, проистекающим из того факта, что в сфере обращения уже наличествуют деньги. Отметив, что в меновом отношении как товар, так и деньги представляют собой единство потребительной стоимости и стоимости, но это единство представлено в них противоположно (поэтому выражает и их взаимоотношение), Маркс пишет: «Товар реально есть потребительная стоимость: его стоимостное бытие лишь идеально проявляется в цене, выражающей его отношение к золоту... Наоборот, вещество золота играет роль лишь материализации стоимости, т. е. денег. Поэтому золото реально есть меновая стоимость. Его потребительная стоимость пока лишь идеально обнаруживается в ряде относительных выражений стоимости, при помощи которых оно относится к противостоящим ему товарам как к совокупности своих реальных потребительных форм»¹. Следовательно, «идеальность» и на стороне товара, и на стороне денег выражает объективное взаимоотношение между товаром и деньгами в процессе обмена.

Цена в качестве идеальной формы возможна лишь потому, что золото фактически обращается в меновом процессе в качестве денежного товара. Рассмотрение же цены вне необходимой связи с реальным обращением золота порождает, как отмечает Маркс, самые нелепые теории².

Идеальное выражение стоимости товара есть лишь начало реального превращения товара в денежную форму: «Чтобы на деле выступить в качестве меновой стоимости, товар должен совлечь с себя свою натуральную плоть, превратиться из мысленно представляемого золота («идеального»). — В. III.) в золото действительное»³. Лишь в результате такого превращения товар действительно реализуется как стоимость, реально выступает как товар, выполнив «для своего владельца роль всеобщего эквивалента»⁴. Поэтому форма цены необходимо предполагает отчуждаемость товара за деньги. Со своей стороны только товар, уже получивший форму цены, составляет предпосылку товарного обращения: «Товары вступают в процесс обмена как товары с *определенными ценами*»⁵.

Таким образом, ретроспективный взгляд на простую форму стоимости показывает, что развитие формы стоимости следует рассматривать как процесс диалектического превращения стоимости товара в цену, т. е. как процесс, который постоянно происходит в обращении, составляющем, по определению Маркса, абстрактную

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 115.

² «То обстоятельство, что товары в своих ценах превращаются в золото только идеально, а золото поэтому только идеально превращается в деньги, послужило причиной появления теории идеальной денежной единицы измерения» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 60—61).

³ Там же, т. 23, с. 113.

⁴ Там же.

⁵ Там же, т. 13, с. 71.

сферу буржуазной экономики. В рукописи 1857—1858 гг., излагающая вопрос о переходе от простого обращения к рассмотрению процесса превращения денег в капитал, Маркс писал: «Мы здесь, однако, не имеем дела с историческим переходом обращения в капитал. Простое обращение является, скорее, абстрактной сферой буржуазного процесса производства в целом, которая посредством своих собственных определений показывает себя как момент, как всего лишь форму проявления некоторого лежащего позади обращения, из него вытекающего и его производящего более глубокого процесса — промышленного капитала»¹.

Этот более глубокий процесс получил отражение на дальнейших ступенях развертывания диалектической системы «Капитала», в результате чего была снята видимость самостоятельности простого товарного обращения и показано, что оно составляет лишь один из моментов движения капитала. На данной же ступени при абстрактном рассмотрении товарного обмена и обращения можно было выяснить лишь отношение между товаром и деньгами и определить обращение как простую смену форм стоимости товара и связанный с ней процесс развития простых функций денег.

Классическая буржуазная политэкономия рассматривала деньги как имеющуюся в наличии форму и не пошла дальше определения сущности денег в качестве товара, обладающего внутренней стоимостью. Это было начало анализа, но не научная теория денег. «Трудность, — отмечал Маркс, — состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами»². Лишь благодаря анализу формы стоимости и ее развития в процессе товарного обмена Маркс впервые в истории науки дал ответ на фундаментальный вопрос теории денег: как и почему товар становится деньгами. Вместе с тем была доказана и неотделимость теории стоимости от теории денег.

9. ФОРМА СТОИМОСТИ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Раскрыв внутреннюю диалектику превращения стоимости в цену, показав необходимую связь между стоимостью и денежной формой ее выражения, Маркс тем самым впервые научно доказал специфический исторический характер товара и денег. Без формы стоимости товара, как это подтверждается опытом классической буржуазной политэкономии, определение исторической природы стоимости и создающего ее труда было бы невозможно.

Анализ товара в его непосредственности еще не мог раскрыть исторический характер стоимости, поскольку сама стоимость определялась абстрактно. Этот анализ позволил лишь установить, что

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 464.

² Там же, т. 23, с. 102.

стоимость, поскольку она представляет труд, есть нечто «чисто общественное». Но из определения субстанции (содержания) стоимости, как таковой, еще не следует, что стоимость является не просто общественной, а специфически исторической категорией, поскольку оно указывает на то общее, что присуще продукту труда на различных ступенях истории человеческого общества — затраты общественной рабочей силы¹. Так как в любых исторических условиях производство продуктов связано с затратами человеческого труда, определенного рабочего времени, то простое указание на труд, рабочее время как субстанцию стоимости и определение стоимости как овеществленного труда не содержит в себе специфически исторического момента. Если ограничиться подобного рода определениями, что было характерно для буржуазных экономистов-классиков, то стоимость предстает перед нами в качестве «естественной», но отнюдь не исторической категории. Когда же определение стоимости связывается только с одной стороной реального процесса труда — абстрактным трудом, отличающейся от другой его стороны — конкретным трудом, это создает основу для понимания исторической природы стоимости и товара. Ибо здесь труд как субстанция стоимости характеризуется с точки зрения всеобщности (рабочего времени вообще), а не его особенности, конкретной полезности (рабочего времени, затраченного на производство определенной потребительной стоимости). Поскольку же абстрактный труд в качестве создателя стоимости определяется как «расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле»², может сложиться представление о естественном, неисторическом характере труда, образующего стоимость товара. Такого рода неопределенность, неизбежно свойственная началу раскрытия теоретической системы, преодолевается на последующих ее ступенях, и прежде всего в процессе исследования формы стоимости.

Именно в форме стоимости равенство различных видов человеческого труда как качественно одинакового абстрактного труда получает специфический способ выражения — «вещную форму одинаковой стоимостной предметности продуктов труда»³. Лишь в единстве с этой вещной формой субстанция стоимости приобретает специфически исторический характер. Именно во всеобщей (денежной) форме стоимости все многообразие конкретных видов труда действительно сводится, как показал Маркс, к качественному единству. Поэтому определение формы стоимости является вместе с тем необходимым моментом определения исторической специфики труда, образующего стоимость. То же относится и к величине стоимости. Ее историческая природа обнаруживает-

¹ «Во всяком обществе то рабочее время, которого стоит производство жизненных средств, должно было интересоваться людей» (Маркс К., *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 81).

² Там же, с. 55.

³ Там же, с. 81—82.

ся не просто в том, что на производство товара затрачено известное количество рабочего времени, а в том, что это рабочее время измеряется внешней мерой — деньгами. Поэтому без выяснения формы стоимости историческая специфика товара и стоимости не поддаются конкретному определению.

Поскольку классическая буржуазная политэкономия не видела в денежной форме существенно содержательного момента определения стоимости и образующего ее труда, категория «стоимость» в ее трактовке была лишена историзма. Это открывало возможность находить стоимость на любых ступенях истории общества. Рикардо, например, по выражению Маркса, заставлял первобытного рыбака и охотника «обменивать рыбу и дичь пропорционально овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени»¹.

Форма стоимости, как она развита в «Капитале», есть не просто историческая, а специфически *конкретно-историческая* категория, именно категория буржуазного способа производства и обращения продуктов труда. «Форма стоимости продукта труда, — писал со всей определенностью Маркс, — есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически»². Такое определение формы стоимости в «Капитале» является вместе с тем отправным пунктом доказательства исторически преходящего характера капитализма. С одной стороны, эта форма предполагает исчезновение добуржуазных способов производства, отрицает их. Стоимость, как отмечал Маркс, есть «лишь самая абстрактная форма буржуазного богатства; она сама по себе уже предполагает исчезновение... всех неразвитых, добуржуазных способов производства, в которых обмен еще не господствует. Хотя это и абстракция, но абстракция историческая, которая могла возникнуть только на основе определенного экономического развития общества»³. С другой стороны, с упразднением капитализма форма стоимости перестает быть внутренне необходимой чертой нового общественного способа производства. Ни Смит, ни Рикардо не видели внутренней связи между стоимостью и формой стоимости. В этом заключается один из главных моментов, позволявших классикам буржуазной политэкономии изображать капиталистический способ производства как абсолютный.

Характеристика формы стоимости в качестве специфически буржуазной категории вроде бы противоречит тому непреложному историческому факту, что обмен товаров и деньги существовали задолго до возникновения капитализма. С собственно исторической точки зрения превращение продуктов труда в товары и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 46.

² Там же, т. 23, с. 91.

³ Там же, т. 29, с. 257.

одного из товаров в деньги, как и повседневное «порождение» денег условиями зрелого капитализма, представляет собой процесс, включающий в себя различные стадии, начиная от зародыша товарной формы и кончая его развитой формой. Этим создается видимость тождественности анализа формы стоимости в «Капитале» отражению действительного исторического процесса развития товарного обмена. Вопрос в том, можно ли рассматривать товар, обмен и деньги в добуржуазный период и при капитализме как одинаковые по своему объективному содержанию (а не просто по названию и внешней форме проявления) исторические категории.

Самое общее и существенное различие заключается в том, что в добуржуазную эпоху товар и деньги не выражали природу господствовавших в то время способов производства, тогда как при капитализме они составляют внутренне необходимый элемент и всеобщую форму продукта общественного способа производства. Рассмотрение же товара и денег отдельно, изолированно от исторически определенного способа производства лишает их конкретно-историческую определенности. Форма стоимости в конечном итоге определяется способом производства. Но так как она является элементарным отношением, ее возникновение возможно до того, как сам способ производства станет товарным. Форму стоимости, как выяснено, товары приобретают в меновых отношениях. Поэтому зарождение данной формы и было возможно до капитализма¹, но в то время она не могла приобрести вполне зрелого состояния и превратиться во всеобщее и элементарное отношение товарного способа производства. Товарная форма достигает полного развития только тогда, когда она действительно становится проявлением всеобщего общественного труда. Это предполагает такую высокую ступень общественного разделения труда, на которой все многообразные потребительные стоимости и во всем их объеме становятся предметами купли-продажи. К такому состоянию общество исторически впервые приблизилось при капитализме. В добуржуазную же эпоху те предметы, которые фактически попадали в сферу обмена (не говоря уже о той преобладающей части продукта, которая непосредственно обращалась на потребление), находились еще в процессе превращения в товары. Это была неразвитая товарная форма продукта, которая имела отличную от формы стоимости при капитализме историческую определенность. «...Только с развитием капиталистического производства, т. е. только с развитием капитала,— отмечал Маркс,— впервые осуществляются также и общие законы, сформулированные

¹ «Форма товара есть самая всеобщая и неразвитая (по сравнению с капиталом, земельной рентой и другими, более конкретными категориями буржуазного общества.— В. Ш.) форма буржуазного производства, вследствие чего она возникает очень рано, хотя и не является в прежние эпохи такой господствующей, а следовательно, характерной, как в наши дни» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 92).

относительно товара, например, о том, что стоимость товара определяется содержащимся в нем общественно необходимым рабочим временем. Здесь обнаруживается то, каким образом категории, даже принадлежавшие прежним эпохам производства, на основе другого, отличного от прежних способа производства приобретают специфически отличный характер — исторический характер»¹.

Поскольку до капитализма стоимость как категория производства не получила полного развития, меновая стоимость (цена) товаров могла объективно складываться независимо от количества овеществленного в них труда. Меновая стоимость вследствие этого не была безусловной формой выражения стоимости, особенно на самых ранних ступенях истории. Внешне форма стоимости всегда предстает как меновое отношение товаров, просто как их «меновая стоимость». Но меновая стоимость сама по себе является лишь формой проявления. Как таковая, она не есть определенное содержание (стоимость)². Напротив, форма стоимости, как она развита в «Капитале», сама есть *содержание*, здесь внешнее действительно выступает как выражение внутреннего (скрытого, невидимого). Поэтому внешнее сходство элементарных отношений капитализма с какими-либо отношениями прежних эпох не может служить основанием для подведения их в рамках одной теоретической системы под одну и ту же категорию. Следовательно, если в системе «Капитала» имеются и такие категории, которые известны также и другим историческим эпохам, то отсюда еще не вытекает само собой, что такого рода категории одновременно отражают отношения, существовавшие в прежние времена. Ибо в связях целого (капитализма как специфически исторической формы) они приобретают такие характеристики, которые им не были свойственны раньше. До капитализма форма стоимости имела «независимое историческое... существование», тогда как в буржуазном обществе она составляет «подчиненное отношение... более развитого целого»³ (капиталистического способа производства). Выведенные путем анализа капитализма простые категории по своему объективному содержанию не тождественны одноименным категориям предшествующей истории (их тождество может быть констатировано лишь ценой игнорирования специфических различий или же путем рассмотрения товара как чисто фетишистской формы, абстрагированной от производственных отношений). «Даже относящиеся к более ранним эпохам производства экономические категории приобретают на основе капиталистического способа производства специфически отличный, исторический характер»⁴.

Рассмотрим это применительно к простой форме стоимости, которая, как кажется на первый взгляд, больше всего подтверждает правильность того мнения, что анализ формы стоимости в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 345.

² См. там же, т. 19, с. 384.

³ Там же, т. 46, ч. I, с. 38, 39.

⁴ Там же, т. 49, с. 4—5.

«Капитале» непосредственно отражает добуржуазную историю товара. Сходство простой формы стоимости с первобытным обменом лишь внешнее. И в том и в другом случае перед нами — меновое отношение только двух товаров. Но древний непосредственный обмен целиком исчерпывался этим отношением, он не был одним из моментов совокупного процесса обращения, а тем более — необходимым условием осуществления процесса производства. «Там, где имеются только два продукта, продукт никогда не развился бы в товар, а потому никогда не развилась бы и меновая стоимость»¹. Напротив, в «Капитале» простая форма стоимости есть отражение элементарного менового отношения как идеального момента реального товарного обмена при капитализме. Соответственно этому данная форма является именно простейшей, элементарной (по отношению к одновременно существующей с ней денежной форме). Можно поэтому сказать, что «реальность» простой относительной формы стоимости в буржуазном обществе состоит в том, что фактически она выступает в виде цены отдельно взятого товара, а реальность простой эквивалентной формы обнаруживает себя в факте существования золота как денег, уплачиваемых покупателем каждого отдельно взятого товара. Что же касается древнего мира, то здесь «простая форма стоимости» на практике имеет самостоятельное, независимое от денег и всеобщей относительной формы стоимости существование. В этом своем качестве она объективно не образует зародыша денежной формы. Ее можно рассматривать лишь как зародыш товара и исторический прообраз простой формы стоимости, соответствующей своему понятию.

В «Капитале» простая форма стоимости включает в себе несоответствие между всеобщим (стоимостью холста) и единичным (выражением стоимости в потребительной стоимости только одного-единственного товара). Поэтому эта форма в силу внутреннего противоречия необходимо переходит в развернутое выражение стоимости и т. д., а в конечном счете развивается в деньги. В простом же меновом отношении древнего мира такого несоответствия и противоречия не было, вследствие чего оно не заключало в себе внутреннего импульса для перехода к более развитому состоянию. Можно сказать, что тогда форма (отношение к другому единичному продукту) соответствовала содержанию (случайному превращению единичного продукта в предмет мены).

В основе указанных существенных различий (при сходстве внешней формы проявления) находится тот факт, что исторически первоначальный обмен выражал *начало превращения продукта в товар*, тогда как простая форма стоимости в «Капитале» характеризует *начало превращения товара в деньги*. Отсюда необходимо следует качественное различие между тем и другим. «Непосредственный обмен продуктов,— пишет К. Маркс,— с од-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 147.

ной стороны, имеет форму простого выражения стоимости, а с другой стороны, еще не имеет ее. Форма эта, как мы видели: x товара $A = y$ товара B . А форма непосредственного обмена продуктов такова: x предмета потребления $A = y$ предмета потребления B »¹. Необходимо, стало быть, за внешним сходством формы видеть принципиальное различие содержания, не смешивая непосредственный обмен продукта на продукт с обменом одного товара на другой товар.

Не менее существен и другой момент. В отношении $T - T$, как оно рассматривается в «Капитале», товары выполняют различную роль и находятся в неодинаковой форме: один — в относительной форме стоимости, другой — в эквивалентной, причем первый товар приобретает форму стоимости, отличную от его натуральной формы. Ничего подобного еще нет в меновых отношениях первобытного общества. «В непосредственном обмене продуктов каждый товар является непосредственно средством обмена для своего владельца и эквивалентом для своего невладельца... Следовательно, обмениваемый предмет еще не получает никакой формы стоимости, не зависящей от его собственной потребительной стоимости»². Исторически самостоятельные формы непосредственного обмена не могут, как видим, составлять фактическую историческую основу простой формы стоимости. Товар обнаруживает «свою двойственную природу, когда его стоимость получает собственную, отличную от его натуральной, форму проявления»³. Поскольку древнейший обмен не вызывал такого проявления двойственной природы товара, он оставался по своему содержанию обменом продуктов. Более того, даже непосредственный обмен продуктами не получил еще сколько-нибудь заметного развития⁴. Как писал Маркс в 1-м издании I тома «Капитала», «общественная форма товара и форма стоимости, или форма обмениваемости, представляет собой... одно и то же»⁵. Именно всеобщая форма стоимости и характеризует специфически историческую природу продукта труда как товара. При этом важно само понятие всеобщности не ограничивать лишь количественным определением, рассмотрением ее просто как относящейся ко всем товарам, имеющимся в данное время в наличии. Это есть качественная характеристика товара, включающая в себя тот существенный момент, что только всеобщая форма стоимости действительно сводит все многообразие различных видов труда к единству. Реальное существование всеобщей формы товара предпола-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 97.

² Там же, с. 98.

³ Там же, с. 70.

⁴ «До тех пор, пока обмениваются не два различных предмета потребления, а, как это часто мы встречаем у дикарей, за один предмет предлагается в качестве эквивалента хаотическая масса вещей, до тех пор даже непосредственный обмен продуктов еще не зашел дальше своего преддверия» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 97).

⁵ Marx K. Das Kapital, Erster Band, S. 28.

гает не просто расширение числа различных товаров на рынке, а превращение самого процесса производства в товарное производство, основанное на создании стоимости. Поэтому на основе буржуазного способа производства товар и определяется в его качестве всеобщей стоимостной формы. На этот момент прямо указывает Маркс, говоря, что «товар в качестве всеобщей формы продукта выведен из условий капиталистического производства»¹.

Таким образом, товарная форма как отправной пункт развертывания диалектической системы «Капитала» не должна путем абстракции вырываться из связей целого. Иначе она превратится в нечто реально самостоятельное и потому утратит все то, что придает ей качество «экономической клеточки», или «простейшей экономической конкретности»² буржуазного способа производства. Каждый элемент системы сохраняет свои свойства лишь в связях со всей системой, образующей органическое единство. Если же какой-либо элемент этой системы изолирован от целого, он превращается в форму, от которой объективно невозможно перейти к рассмотрению более конкретных отношений данной системы. Определение формы стоимости вне связи с капитализмом как исторически определенным способом производства не может составлять то всеобщее, из которого развивается целостная система буржуазной экономики. Важно при этом саму всеобщность товара не сводить только к тому, что все продукты и факторы производства являются товарами. В качестве всеобщей и абстрактной формы данного способа производства товар заключает «в себе», в возможности особенное и единичное (конкретное). Только тогда он есть зародыш всей системы и составляет исходный пункт ее развития. Именно такое качество присуще товарной форме в начале системы «Капитала». Форма стоимости есть внутренний продукт товарного способа производства, а не внешняя форма, полученная в наследство от старого общества.

Во французском издании I тома «Капитала» (1872—1875 гг.) Маркс в разделе о товарном фетишизме писал: «Категории буржуазной политической экономии представляют собой теоретические формы, которые имеют значение объективных истин, поскольку они отражают действительные общественные отношения, но эти отношения принадлежат только к той исторически определенной эпохе, когда товарное производство является способом общественного производства»³. Что касается товара добуржуазной эпохи, то для капитализма он не имеет значимости «объективной истины», поскольку в то время товарное производство не было способом общественного производства и сам товар не составлял «экономической клеточки» господствовавшей тогда формы производства. В исходном пункте развертывания буржуазной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 71.

² Там же, т. 23, с. 6; т. 19, с. 384.

³ Там же, т. 32, с. 460.

системы может быть лишь товар, воспроизводимый капитализмом. Иное дело, что вначале он не определяется во всей своей конкретной полноте, предстает перед нами лишь в своей всеобщей, абстрактной форме. Но именно поэтому в нем объективно заложена возможность превращения в другие, более конкретные формы. Благодаря этому и все последующие категории системы выступают как диалектически развивающиеся.

Представление о развитии формы стоимости в «Капитале» как отражении истории товара и денег на первый взгляд кажется проникнутым духом историзма. На деле оно, с одной стороны, находится в древнем мире то, что обладает объективной значимостью лишь при капитализме (простую форму стоимости), с другой — непосредственно привносит в буржуазную систему то, что давным-давно перестало существовать (поскольку неразвитая форма товара отождествляется с развитой). Указанное представление не идет дальше поверхностного сходства явлений, относящихся к различным эпохам истории. Его историзм на деле оказывается абстрактным и неистинным. Истина всегда конкретна. Конкретность формы стоимости как категории системы «Капитала» состоит именно в том, что она есть абстрактная, элементарная форма буржуазного способа производства. И в этом своем качестве она неотделима от последнего. Форма стоимости с точки зрения элементарных (абстрактных) отношений буржуазного общества характеризует специфически историческую, преходящую природу капиталистического способа производства.

В связи с первым выпуском «К критике политической экономии» Маркс писал, что в нем «уже в простейшей форме, в форме товара, выяснен *специфически* общественный, а отнюдь не *абсолютный* характер буржуазного производства»¹. Если же форма стоимости есть отражение добуржуазной истории товарного обмена, то она не может рассматриваться как категория, характеризующая историческую специфику капитализма.

Интерпретация раздела о форме стоимости и ее развитии просто как отражении истории добуржуазной эпохи наложила отпечаток на трактовку диалектического метода, примененного Марксом в процессе исследования капитализма. Если простая форма стоимости необходимо соответствует первобытному обществу, то, поскольку без нее не выясняется истинная природа денег, изучение далекого прошлого должно составлять непременную предпосылку раскрытия тайны денежного кристалла². В самом деле,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 375.

² Ссылаясь на Марксов анализ формы стоимости, И. Степанов в 1925 г. говорил: «Выходит таким образом, что, оставаясь в пределах капиталистических отношений, мы не можем разгадать денежную форму, что за ее объяснением нам приходится спуститься к экономике дикарей, что без истории денег нет их понимания» (Вестник Комкадемии, 1925, кн. 11, с. 28). Хотя впоследствии указанный методологический вывод обычно не делался с такой прямотой и последовательностью, фактически в дальнейшем он приобрел несравненно более широкое и принципиальное значение.

если развитие формы стоимости в системе «Капитала» («логическое») отражает историю возникновения капитализма, а действительное развитие формы стоимости — добуржуазную историю товара и денег, то и для научного познания капитализма в целом необходимо исследовать его исторический генезис. Поскольку же изучение прошлого составляет необходимый момент познания зрелого буржуазного общества и характерных для его экономики форм, исторически сложившийся капиталистический способ производства сам по себе оказывается тогда недоступным научному отражению в форме диалектической системы и, следовательно, непознаваемым без изучения исторического процесса возникновения капитализма.

В более широком смысле указанная интерпретация метода «Капитала» покоится на отождествлении диалектики с историзмом, который, в свою очередь, сводится лишь к тому, что необходимо анализировать зрелый предмет на базе исследования истории его происхождения. Иначе, как полагают, предмет предстанет перед нами как неразвивающийся. При этом, однако, упускается из виду тот существеннейший момент, что зрелый предмет имеет собственную диалектику в силу своей внутренне противоречивой природы, что он, возникнув исторически, в дальнейшем сам воспроизводит себя, исходя из самого себя, порождает все внутренне свойственные ему элементы, формы и связи. Это диалектическое развитие капитализма не нуждается в первоначальных исторических предпосылках, которые являются для него внешними. Капитализм воспроизводит деньги не потому, что они достались ему по наследству от прошлого, а потому, что они необходимо проистекают из его товарной природы. Диалектика денег при капитализме как раз и состоит в том, что они являются результатом его внутренних процессов.

Отражение капиталистического производства и обращения как процесса и соответственное рассмотрение имманентных ему форм (товара, денег и т. д.) как становящихся и представляют собой *собственную диалектику* предмета. Вопрос же об историческом генезисе этого предмета не только является вторичным, производным, но и не служит безусловно необходимым условием познания зрелой формы денег как специфически исторической категории капитализма.

Изучение прошлого, конечно, необходимо, если требуется установить, что капитализм и деньги существовали не всегда. Указанным путем можно объяснить и то, что деньги перешли к капитализму по наследству от предшествующего общества. Но такого рода исследование вовсе не доказывает, что деньги есть имманентный момент и адекватная форма процесса обмена товаров внутри развитого буржуазного общества. Между тем именно это требуется доказать, раз дело идет о собственных законах капитализма. Исследование исторического процесса не может служить доказательством необходимости денежной формы стои-

мости при капитализме, поскольку требуется обосновать, что деньги порождаются самим капиталом, а не историческими условиями его возникновения, которые реально уже не существуют и потому не могут служить основанием существования денег как элемента буржуазной экономики.

Если в системе «Капитала» последовательность товар — деньги трактовать в духе исторического генезиса, то со строго научной точки зрения в таком случае необходимо показать, что в действительном историческом процессе стоимости возникла раньше, чем форма стоимости, т. е. допустить существование товара (стоимости) без формы стоимости. Но продукт, лишенный стоимостной формы, не является товаром. Обычное указание на то, что исторически товар возник раньше, чем деньги (в этом усматривается реальное основание последовательности товар — деньги в «Капитале»), в сущности, исходит из возможности существования товара без товарной (денежной) формы; упускается из виду тот существенный момент, что развитие относительной формы стоимости и эквивалентной формы есть синхронный процесс. Кроме того, если для простой и развернутой форм стоимости можно отыскать в далеком прошлом исторические аналогии, хотя бы внешне им соответствующие, то применительно к форме III (и особенно к форме IV в 1-м издании I тома «Капитала») это исключено. Ни на какой ступени истории не удается найти такую форму стоимости, при которой все товары одновременно выступали бы в качестве всеобщих эквивалентов. Нет такой формы и при капитализме. Только рассматривая развитие формы стоимости как идеальное и абстрактное отражение меновых отношений буржуазного общества, можно уразуметь истинное содержание соответствующего текста «Капитала».

Систематическое рассмотрение предмета в «Капитале» строится на предпосылке существования развитого капиталистического способа производства. Соответственно этому все элементы его структуры, включая товарную форму, предполагаются исторически уже сформировавшимися. Поэтому анализ зрелого капитализма и его отражение в форме диалектической системы не требуют предварительного исследования истории возникновения тех или иных категорий.

Из всего сказанного не следует, однако, что изучение исторического процесса развития товара и денег вообще не имеет никакой научной значимости. Только такое исследование дает возможность объяснить историю превращения продукта труда в товар и одного из товаров — в деньги и тем самым доказать, что всеобщая товарная форма при капитализме есть результат всего предшествующего исторического развития. Вместе с тем историческое исследование доставляет материал, который может быть использован для иллюстрации развития формы стоимости с помощью аналогии, которая, не являясь в строго научном плане доказательством, помогает читателю легче уяснить форму стоимости товара.

Таким образом, непосредственным объектом исследования в I отделе I тома «Капитала» являются товар и деньги и внутренние необходимые отношения между ними в процессе товарного обмена и обращения. Все остальные реальные формы капитализма остаются еще вне сферы анализа. Они лишь предполагаются. «Если приходится анализировать «товар» — эту простейшую экономическую конкретность, — то надо оставить в стороне все отношения, не имеющие ничего общего с данным объектом анализа»¹. Именно благодаря такой абстракции, отражающей одновременно тот факт, что объективно на рынке товар представляет собой нечто самостоятельное по отношению к другим формам буржуазного производства, понятие стоимости действительно характеризуется как простая и всеобщая категория, отличающаяся от конкретных, особенных и единичных форм и отношений капитализма. Товар предстает перед нами как «простейшая экономическая конкретность» именно потому, что он не смешивается с более развитой конкретностью: «при анализе товара... мы не даем тут же определения «капитала», которое было бы чистой нелепостью, пока мы еще остаемся при анализе элементов товара»². Если указанную особенность метода «Капитала» упустить из виду, то легко прийти к ложной мысли о том, что здесь анализируется товар добуржуазного общества — на том основании, что Маркс здесь не определяет товар как продукт капитала и носитель прибавочной стоимости. Но если бы последнее имело место, то понятие стоимости пришлось бы сразу связывать с понятием прибыли, заработной платы и т. д., т. е. пойти по пути Рикардо. В этом случае товар перестал бы быть элементарной формой капитализма.

Как известно, абстракция, применявшаяся в теории Рикардо, с одной стороны, была недостаточной, поскольку определение стоимости непосредственно связывалось им с прибылью, зарплатой и т. д., с другой стороны, она была чрезмерной, насильственной, так как выходила за пределы специфически исторической определенности формы продукта капиталистического производства, который, будучи лишен внутренней связи с формой стоимости, превращался просто в продукт труда. Вследствие этого и стоимость выступала у него как внеисторическая, абсолютная, «естественная» категория. В противоположность этому в «Капитале» товар с самого начала рассматривается как элементарная форма богатства исторически определенного, а именно буржуазного общества. Благодаря этому, действительно, «товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества»³. В качестве такой формы товар объективно (поскольку он не вырван путем насильственной абстракции из связей капиталистического

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 384.

² Там же, с. 386.

³ Там же, т. 23, с. 6.

способа производства) составляет зародыш всей системы, он способен к диалектическому превращению в иные, более конкретные формы капитализма: в деньги, а через их посредство — в капитал, приносящий прибавочную стоимость¹. В этих объективных экономических процессах сам товар претерпевает дальнейшее развитие, приобретая новые определения, которые не могли быть найдены в самом начале.

Анализ этих процессов в «Капитале» в целом требует особого рассмотрения. Отметим лишь, что в ходе исследования процесса производства прибавочной стоимости, который является в то же время процессом производства товаров, Маркс показывает, каким образом происходит превращение товара из его простой, элементарной, абстрактной формы в продукт капитала, в капиталистически произведенный товар, заключающий в себе и прибавочную стоимость. Это есть вместе с тем процесс превращения товара и товарного обращения из *предпосылки* в *результат* процесса производства капитала. На уровне II тома «Капитала» раскрывается движение товара и денег как моментов кругооборота и оборота капитала. В результате устанавливается, что «самостоятельность» товара и товарного обращения, каким оно представлялось в самом начале, оказывается видимостью. Теперь эта видимость снимается и показывается, что в действительности отдельный товар есть элемент не просто буржуазного богатства, а товарного капитала, представляющего уже определенную массу товаров. Наконец, в результате превращения прибавочной стоимости в прибыль, а затем в среднюю прибыль раскрывается, каким образом цена из простого денежного выражения стоимости превращается в цену производства. Последняя в действительности и выступает как реальная форма выражения стоимости капиталистически произведенного товара.

Все это свидетельствует о том, что раздел о форме стоимости, как это отмечал и Маркс, очень важен для всей теоретической системы «Капитала», а стало быть, для познания всего капиталистического способа производства. В самом начале товар и товарное обращение составляли лишь предпосылку анализа капитала². «При исследовании капитала,— отмечал Маркс в рукописи 1861—1863 гг.,— важно твердо помнить, что единственной предпосылкой, единственным материалом, из которого мы исходим, являются товарное обращение и денежное обращение, товар и деньги, и что индивиды противостоят друг другу только как товаровладельцы»³. В итоге же всего исследования обнару-

¹ «Самые абстрактные определения при более точном рассмотрении всегда указывают на дальнейший конкретный, определенный исторический базис. (Это и понятно, так как именно от него они и абстрагированы в этой определенности.)» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 258).

² Более подробно этот вопрос рассмотрен автором в статье «Товар и товарное обращение как предпосылки анализа процесса производства капитала» (Экономические науки. М., 1975, № 6).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 30.

живается, что товар и деньги, товарное и денежное обращение составляют моменты единого, совокупного процесса капиталистического производства и обращения, а определение лиц как товаровладельцев — один из моментов конкретной характеристики капиталистов как агентов процесса производства и обращения капитала.

Связь между формой стоимости и, с одной стороны, ценой, равной по своей величине стоимости, а с другой стороны — качественно и количественно отличной от них ценой производства следует, таким образом, рассматривать как отражение внутренней диалектики процессов капиталистического производства и обращения в их единстве. Соотношение между тем и другим есть превращение идеального, абстрактного в реальное, конкретное; стоимости как сущности — в явление развитого буржуазного общества. Но эта связь, это превращение, совершается не прямо, а опосредствуется целым рядом внутренне связанных друг с другом промежуточных ступеней. В этом опосредованном рассмотрении конкретных экономических форм заключается одно из фундаментальных отличий метода Маркса от метода Смита и Рикардо, пытавшихся непосредственно совместить конкретное с абстрактным, цену производства со стоимостью, прибыль с прибавочной стоимостью и т. д. Подлинно научное объяснение указанных процессов было бы невозможным без постижения тайны формы стоимости, раскрытия внутренней связи между товаром и деньгами, без определения товара как специфически исторической формы продукта капиталистического способа производства.

Критики теории стоимости Маркса (в частности, Бем-Баверк) игнорировали особенности развития категорий в системе «Капитала», непосредственно противопоставляя абстрактному, элементарному конкретные явления действительности. Они пренебрегали тем, что первый отдел I тома «Капитала» содержит лишь начало доказательства истинности закона определения стоимости трудом. Это доказательство развертывается во всем последующем изложении соответственно внутренней диалектике предмета, по мере того как совершается движение к реальным отношениям и соответствующим им конкретным экономическим формам. «...Если бы в моей книге и вовсе не было главы о «стоимости», то анализ реальных отношений, который я даю, все равно содержал бы в себе,— писал Маркс в 1868 г.,— доказательство и подтверждение действительного отношения стоимости. Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полном невежестве как в отношении того предмета, о котором идет речь, так и в отношении метода науки»¹. Особенность предмета I отдела первого тома «Капитала» и примененного в нем метода надлежало бы иметь в виду и тем современным критикам теории стоимости Маркса, которые пытаются ее опровергнуть с позиций грубого эмпиризма.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 460.

РАЗРАБОТКА И ПРОПАГАНДА МАРКСОМ
СВОЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
В 40—50-е гг. XIX в.

Одна из особенностей марксизма как теории революционного пролетариата — соединение строго научной теории с практикой классовой борьбы трудящихся. В отличие от всех предшествующих социалистических и коммунистических учений, характерными чертами которых был их утопизм, оторванность от широких народных масс, упование на возможность убедить сильных мира сего в необходимости перестроить общество по разумным принципам, провозглашаемым творцами этих учений, в отличие от всех них марксизм с самого начала своего существования отличался тесным переплетением теории и практики революционной борьбы. Революционная теория пролетариата выковывалась не только в тиши кабинетов, но и в непосредственном общении с трудящимися массами, которые ставили своей целью изменение существующего строя.

Уже в 1844 г. в статьях, опубликованных в «Deutsch-Französische Jahrbücher», Маркс формулирует одно из важнейших положений научного коммунизма — идею об исторической миссии пролетариата как единственного класса, который в силу своего общественного положения ставит своей задачей не замену существующей формы угнетения своим господством, а ликвидацию всякого господства и всякого угнетения. В. И. Ленин так писал впоследствии об этих статьях: «В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер... апеллирующий к *массам* и к *пролетариату*»¹. Открытие исторической роли пролетариата стало важным исходным пунктом для научного обоснования учения о коммунизме.

Открыв ту революционную силу, которая должна свергнуть капиталистический строй, Маркс и Энгельс считали необходимым вооружить ее революционной теорией. Маркс четко формулирует уже в самом начале своей деятельности понимание им роли научной теории в борьбе рабочего класса: «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие»². По-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 47—48.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 428.

этому разработка Марксом и Энгельсом научной теории, выяснение причин и законов развития человеческого общества неизменно сопровождалось пропагандой ими своих взглядов. С самого начала своей совместной деятельности Маркс и Энгельс сформулировали себе цель: не только развить и обосновать теорию, исходные положения которой они выяснили для себя ко времени их встречи в Париже в 1844 г., но и вооружить этой теорией тех, в ком они видели решающую революционную силу. С начала 40-х гг. Маркс и Энгельс участвовали в революционном демократическом движении Германии, Франции, познакомились с руководителями чартистского движения в Англии. Впоследствии, вспоминая о том времени, Энгельс так охарактеризовал этот период: «Мы отнюдь не намеревались поведать о новых научных результатах исключительно «ученому» миру, изложив их в толстых книгах. Наоборот. Мы оба уже глубоко вошли в политическое движение, имели некоторое число последователей среди интеллигенции, особенно в Западной Германии, и достаточно широкие связи с организованным пролетариатом. На нас лежала обязанность научно обосновать наши взгляды, но не менее важно было для нас убедить в правильности наших убеждений европейский и прежде всего германский пролетариат. Как только мы всё уяснили сами себе, мы приступили к работе»¹.

Вопрос о том, как Маркс и Энгельс научно обосновывали свои взгляды, исследован весьма широко². Точно так же достаточно широко освещалась роль Маркса и Энгельса в распространении идей научного коммунизма; этой проблеме уделялось большое внимание во многих работах, посвященных истории создания и деятельности первых международных пролетарских организаций — Союза коммунистов и Международного Товарищества Рабочих, биографиям соратников Маркса и Энгельса. Здесь мы хотели бы осветить лишь одну сторону этой огромной работы — пропаганду Марксом своего экономического учения.

Хорошо известно, что работа редактора «*Rheinische Zeitung*» впервые столкнула Маркса с экономическими проблемами, с вопросами положения трудящихся³. Сделанный им вывод о том, что «анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии»⁴, неизбежно требовал изучения этой новой для него науки. Переезд в Париж, знакомство со статьей Энгельса «Наброски к критике политической экономии» в редактируемом им журнале «*Deutsch-Französische Jahrbücher*», знакомство с рабочим движением во Франции, а также изучение социалистической и коммунистической литературы во многом способствовали тому, что Маркс занялся изучением политической экономии. От-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 221.

² Назовем лишь главные обобщающие работы: Карл Маркс. Биография. М., 1972; Фридрих Энгельс. Биография. М., 1970.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 5—6.

⁴ Там же, с. 6.

крытие исторической роли пролетариата неизбежно вело к изучению экономических условий его существования. Перед Марксом встала задача исследования условий возникновения и развития частной собственности и вместе с тем условий ее отмены, что было требованием всех социалистических и коммунистических организаций. Маркс занялся исследованием экономического базиса общества. При этом он обратился к изучению того, что уже было сделано буржуазными экономистами, и впервые связал политическую экономию как науку с социалистическими и коммунистическими устремлениями.

Относящиеся к парижскому периоду эксерптные тетради по политической экономии¹ свидетельствуют, что Маркс быстро продвигался в освоении этой науки. Во всяком случае ясно, что к августу 1844 г., ко времени упомянутой выше знаменательной встречи Маркса и Энгельса в Париже, политическая экономия уже стала основной сферой научных интересов Маркса. Энгельс впоследствии писал об этом периоде: «Свои экономические занятия Маркс начал в 1843 г. в Париже изучением великих англичан и французов»².

В парижских эксерптных тетрадях законспектированы работы таких видных буржуазных экономистов, как А. Смит, Ж.-Б. Сэй, Д. Рикардо, Дж. Мак-Куллох, Дж. Милль. Маркс в это время еще не проводит различия между отдельными направлениями в буржуазной политической экономии и выбирает, скорее всего, тех авторов и те работы, которые имели в то время наибольшее распространение.

Изучая и конспектируя книги буржуазных экономистов, Маркс знакомится с основами буржуазной политической экономии, с ее категориями. Первые его конспекты (выписки из книг А. Смита и Сэя) являются в большинстве своем простым отражением содержания этих книг. В этих эксерптах самостоятельными являются поиски соответствующей немецкой терминологии (в Париже Маркс изучает книги французских и английских авторов, последних — во французском переводе). Сами выписки делаются преимущественно на французском языке, лишь с отдельными немецкими словами, служащими связками. Конспекты книг Сэя только в одном месте сопровождаются собственными замечаниями Маркса. Выписав из сэевского «Трактата по политической экономии» краткие определения «принципов, управляющих природой и обращением богатства», Маркс делает весьма важные выводы относительно буржуазной политической экономии: «*Частная собственность* есть факт, обоснованием которого политическая экономия не занимается, но который составляет ее основу.

¹ Эти тетради впервые полностью опубликованы в Karl Marx, Friedrich Engels Gesamtausgabe (MEGA). Berlin, 1981, Abt. IV, Bd. 2, S. 301—579, 710—810.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 11.

Нет ни одного *богача* без частной собственности, и политическая экономия по своей сути есть наука *обогащения*. Следовательно, нет никакой политической экономии без частной собственности. Вся политическая экономия покоится, таким образом, на факте, который не обязателен». Буржуазной политической экономией при определении богатства «подставляется понятие *стоимости*, которое еще не развито; поэтому богатство определяется как «сумма стоимостей», «сумма ценных вещей», которыми владеют»¹.

Уже следующая тетрадь с выписками из книги А. Смита «Исследования о природе и причинах богатства народов» (на французском языке) показывает, насколько Маркс продвинулся в овладении экономической терминологией. Этот конспект написан в основном по-немецки, лишь некоторые цитаты даны по-французски. Попутно Маркс делает отдельные критические замечания, показывающие, насколько глубоко он проникает в изучаемые проблемы. Уже на 4-й странице конспекта 1-го тома книги Смита Маркс замечает, что Смит в своих объяснениях замыкается в порочном кругу: «Чтобы объяснить разделение труда, он подставляет обмен. Но чтобы обмен был возможен, он должен уже предполагать разделение труда, различие человеческой деятельности»². И в ряде других мест своего конспекта Маркс также отмечает ошибки и противоречия в объяснениях Смита.

Можно предположить³, что, протудировав книги этих двух авторов, Маркс уже приступил к обобщению накопленного материала. Таким обобщением явилась первая из «Экономическо-философских рукописей 1844 года», созданная в апреле — мае 1844 г. В наброске предисловия к этой своей работе Маркс обращал внимание на ее характер: «Читателя, знакомого с политической экономией, мне незачем уверять в том, что к своим выводам я пришел путем вполне эмпирического анализа, основанного на добросовестном изучении политической экономии»⁴. «Экономическо-философские рукописи» отражают уровень философских и экономических воззрений Маркса того периода. В них есть и критика гегелевской и младогегельянской философии, и оценка взглядов Фейербаха и утопического социализма и коммунизма. Но прежде всего это критика политической экономии. Уровень теоретической зрелости Маркса в трех рукописях, составляющих «Экономическо-философские рукописи 1844 года», различен, по этим рукописям наглядно видно, какие огромные скачки Маркс делает в своем развитии, в том числе и в экономических взглядах. Маркс снова повторяет и более глубоко формулирует положение, впервые высказанное в конспекте книги Сэя: «Политическая экономия исходит из факта частной собственности. Объяснения ее она

¹ MEGA, Abt. IV, Bd. 2, S. 316, 319.

² Ebenda, S. 336.

³ Ebenda, S. 714.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 43.

нам не дает»¹. Он критикует абстрактный характер буржуазной политической экономии, ее отказ от анализа материального процесса производства.

Разобрав в первой рукописи три источника доходов: заработную плату, прибыль на капитал и земельную ренту, соответствующие трем классам капиталистического общества (само это деление Маркс заимствовал у А. Смита), Маркс формулирует важный вывод: «На основе самой политической экономии, пользуясь ее собственными словами, мы показали, что рабочий низведен до положения товара, притом самого жалкого, что пицета рабочего находится в прямом отношении к мощи и размерам его продукции, что необходимым результатом конкуренции является накопление капитала в руках немногих... и что в конце концов исчезает различие между капиталистом и земельным рантье, между хлебопашцем и промышленным рабочим, и все общество неизбежно распадается на два класса — *собственников* и лишенных собственности *рабочих*»².

Строго говоря, сам вывод о том, что «рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, чем больше растут мощь и размеры его продукции»³, не был нов, он был достаточно распространен в социально-критической литературе. Вопросы о бедственном положении рабочих обсуждались в это время достаточно широко, они были предметом дискуссий среди организованных и неорганизованных рабочих и ремесленников, о них писали многие либеральные газеты. Но Маркс впервые, вслед за Энгельсом, не только констатировал этот факт, но и сделал попытку объяснить его «на основе самой политической экономии». Впервые Маркс начал анализ частной собственности, этого главного факта буржуазной действительности, не с капитала, а с труда. Существенной стороной труда, указывает Маркс, является отношение рабочего к производству. Именно это отношение оставалось буржуазными экономистами без внимания, и именно в этом видит Маркс главный недостаток буржуазной экономической науки. Введя категорию отчужденного труда, Маркс открыл и объяснил существенные связи между трудом и частной собственностью, характерные черты положения рабочего в условиях частной собственности и в общих чертах — некоторые важные стороны капиталистической эксплуатации. Маркс показал, что в условиях капиталистического общества продукты труда рабочего противостоят ему как чуждая сила, его производственная деятельность, или акт производства, выступает как нечто внешнее, враждебное, чуждое ему. Маркс показывает также, что происходит отчуждение человека от его родовой сущности и от других людей, от человека. Категорию «отчужденного труда» Маркс считает главной и определяющей: «Как из понятия *отчужденного труда* мы полу-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 86.

² Там же.

³ Там же, с. 87.

чили путем *анализа* понятие *частной собственности*, точно так же можно с помощью этих двух факторов развить все экономические категории»¹.

Это теоретическое исследование открывало возможность дать критику реформизма; Маркс уже может разъяснить, «какие ошибки совершают реформаторы en detail (по мелочам.— Л. М.), которые либо хотят *повысить* заработную плату и этим улучшить положение рабочего класса, либо (подобно Прудону) усматривают цель социальной революции в *уравнении* заработной платы»².

Рукопись эта осталась незаконченной, так как Маркс снова возобновил изучение экономической литературы. Он конспектирует книги Рикардо, Милля, Мак-Куллоха. Чем дальше продвигается Маркс в изучении политической экономии, тем больше в его эксерптных тетрадах становится замечаний, собственных комментариев. В целом эти выписки показывают, как основательно и глубоко он изучал теории буржуазных экономистов, какие вопросы прежде всего привлекали его внимание. Собственные комментарии Маркса в этих конспектах являются попыткой обобщить результаты своих исследований. По-видимому, на основе этих исследований³ Маркс создает еще две рукописи из состава «Экономическо-философских рукописей 1844 года». В них он продолжает критику буржуазной политической экономии, отмечает ее абстрактный, неисторический характер. Для буржуазных экономистов законы частной собственности являются вечными естественными условиями материального производства. На данной стадии исследования Маркс уже начинает проводить различие между школами политической экономии, он видит это различие в их отношении к сущности частной собственности.

Уже здесь Маркс дает своеобразное определение политической экономии: «Политическая экономия рассматривает *общественную связь людей*»⁴. Маркс всесторонне исследует эту общественную связь, углубляет характеристику отчужденного труда. Он намечает первые подходы к рассмотрению основных экономических категорий, таких, как стоимость, цена, труд, разделение труда, обмен, кредит. Но главная проблема, которая занимает его на данном этапе,— это исследование движения частной собственности. «Отношение *частной собственности* — это труд, капитал и их взаимоотношение»⁵. Исследование отношения между капиталом и трудом и должно стать, по мысли Маркса, исходным пунктом всех социалистических и коммунистических теорий. «Все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении *частной собственности*, в экономике»⁶. Коммунизм Маркс определяет как «положительное выра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 98.

² Там же, с. 54.

³ MEGA, Abt. IV, Bd. 2, S. 714—715.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 24.

⁵ Там же, с. 106.

⁶ Там же, с. 117.

жение упразднения частной собственности»¹ и пытается теоретически охарактеризовать процесс устранения капитализма коммунизмом. Таким образом, необходимость отмены частной собственности доказывается научно, из анализа экономических отношений.

Следовательно, уже летом 1844 г. у Маркса сложилась достаточно четкая система взглядов в области политической экономии, которую он, очевидно, и изложил Энгельсу, когда тот приехал к нему в Париж. Можно также предположить, что Маркс ознакомил его со своими экономическими рукописями. Во время этой встречи выявилось полное единство их взглядов, но выяснилось также, что Маркс уже обогнал Энгельса в области политической экономии. Сохранившаяся (далеко не полностью) переписка друзей за парижский период жизни Маркса позволяет прийти к выводу, что именно Энгельс настаивал на том, чтобы Маркс издал книгу по политической экономии. Как бы подводя некоторые итоги продолжительных бесед, проходивших в Париже, Энгельс в первом дошедшем до нас письме Марксу от начала октября 1844 г. формулирует стоящую перед ними задачу: «Пока наши принципы не будут развиты в нескольких работах и не будут выведены логически и исторически из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их необходимое продолжение, настоящей ясности в головах не будет, и большинство будет блуждать в потемках»². И дальше: «Постарайся только, чтобы собранные тобой материалы скорее увидели свет. Давно уже пора сделать это»³. Некоторое время спустя, 20 января 1845 г., убеждая друга в необходимости выступить с книгой, Энгельс писал: «Нам теперь нужно прежде всего выпустить несколько крупных работ — они послужили бы основательной точкой опоры для многих ползунаек, которые полны добрых намерений, но сами не могут во всем разобраться. Постарайся скорее кончить свою книгу по политической экономии; даже если тебя самого она во многом еще не удовлетворяет,— все равно, умы уже созрели, и надо ковать железо, пока оно горячо»⁴. Письма Маркса за этот период не сохранились, но один вывод об их содержании, как нам кажется, сделать можно: Маркс писал другу, что, несмотря на усиленную работу, он еще не в состоянии четко сформулировать свою позицию по некоторым вопросам, что есть еще неясные ему проблемы. Писал он Энгельсу и о том, что начинает искать себе издателя; поиски эти не сразу увенчались успехом, если судить по ответному письму Энгельса⁵. Но уже 1 февраля 1845 г. Маркс

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 114.

² Там же, т. 27, с. 5.

³ Там же, с. 8.

⁴ Там же, с. 17.

⁵ Энгельс, настаивая на скорейшем завершении Марксом книги по политической экономии, пишет 20 января 1845 г.: «Назначь себе срок, к которому ты обязательно должен закончить работу, и позаботься, чтобы книга

заключил в Париже с немецким издателем из Дармштадта Леске договор об издании книги по политической экономии под заглавием «Критика политики и политической экономии»¹. Книгу предполагалось издать в двух томах общим объемом более 40 печатных листов. Был определен гонорар (3000 франков за оба тома) и сроки его выплаты, а также тираж — 2000 экземпляров. Книга должна была содержать изложение собственных взглядов автора и критический обзор литературы по этим вопросам. Маркс особо оговорил, что в ней будет дана критика современной французской литературы². Не случайно поэтому его экспертные тетради этого периода содержат выписки из книг в основном французских авторов.

Разработка экономической теории шла у Маркса параллельно с ее пропагандой. Вернее даже будет сказать, что в этот ранний период формирования марксизма разработка и пропаганда теории тесно переплетались между собой. Необходимость развития теории выдвигалась непосредственно практикой социалистического движения. Выступления перед передовыми рабочими, ремесленниками, перед друзьями и единомышленниками по вопросам экономической теории помогали Марксу более четко формулировать свои собственные взгляды. Нам не так уж много документально известно о пропаганде Марксом своего экономического учения в 40-е гг. До нас дошли лишь отдельные свидетельства в письмах современников, воспоминаниях, которые позволяют судить как о том, что такая пропаганда велась, так и о ее содержании. Попробуем извлечь из немногих дошедших до нас свидетельств, что же пропагандировал Маркс, какие экономические взгляды развивал он перед рабочими.

В Париже Маркс впервые вступил в непосредственный контакт с рабочими организациями, как французскими, так и немецких эмигрантов, познакомился с их руководителями, посещал рабочие собрания, установил связи с руководителями и членами Союза справедливых. «Маркс погрузился в здешний коммунизм, — писал А. Руге в июле 1844 г. одному из друзей из Парижа, — конечно, только в смысле непосредственного общения с его представителями». Сам Руге в этот период весьма высокомерно относился к этим «представителям», дальше он добавляет: «...ибо немислимо, чтобы он приписывал политическое значение этому жал-

была скорее напечатана. Если ты не можешь сделать этого в Париже, то печатай в Мангейме, Дармштадте или где-нибудь еще. Важно, чтобы книга появилась как можно скорее» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 17).

¹ Ср. там же, с. 597. Энгельс, очевидно, сразу узнал об этом. В статье «Быстрые успехи коммунизма в Германии», написанной 2 февраля и опубликованной 8 марта 1845 г. в английской газете «New Moral World», он сообщает: «В ближайшее время выйдет в свет новое произведение д-ра Маркса, которое будет заключать в себе критику основ политической экономии и политики вообще» (там же, т. 2, с. 524).

² С. F. J. Leske an Marx 14. May 1845.— MEGA, Abt. III, Bd. 1, S. 465.

кому движению»¹. Но именно общение с передовыми представителями рабочего класса, интересующимися мировоззренческими и коммунистическими проблемами, ищущими выхода из угнетенного положения, сыграло важную роль в становлении марксизма как науки. Марксу пришлось наблюдать бесчисленные споры вокруг различных социалистических доктрин в рабочих кружках, и не только наблюдать, но и участвовать в этих спорах. Отзвуки их можно увидеть в «Экономическо-философских рукописях», где Маркс пишет: «Для уничтожения *идеи* частной собственности вполне достаточно *идеи* коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное* коммунистическое действие»². Указанные дискуссии были в то время для Маркса формой участия в действительном коммунистическом движении.

В одном полицейском донесении из Парижа в Берлин за 1844 г. говорится о коммунистических собраниях: «Каждое воскресенье немецкие коммунисты собираются у *Barrière du Trône*, в помещении, принадлежащем одному виноторговцу, расположенном на шоссе, если выйти из ворот — второй или третий дом по правую руку... Здесь сходятся часто 30, 100, 200 немецких коммунистов, которые снимают это помещение. Они произносят речи, открыто проповедуя убийство короля, отмену всякой собственности, расправу с богатыми и т. д.; при этом уже нет речи ни о какой религии, короче говоря, все это вопиющая, отвратительнейшая бессмыслица... Полиция, должно быть, знает, что там каждое воскресенье собирается так много немцев, но она, вероятно, не знает, какова их политическая цель. Я пишу Вам это очень спешно, чтобы Маркс, Гесс, Гервег, А. Вейль, Бернштейн не могли продолжать таким образом ввергать в несчастье молодых людей»³. Конечно, нельзя полагаться на то, что полицейский агент полностью и достоверно отражает тематику данных дискуссий. Интересной для нас является тема отмены всякой собственности. На эту тему Маркс наверняка выступал, причем в июле 1844 г. он должен был уже говорить о частной собственности и ее упразднении на том уровне, который нашел отражение в «Экономическо-философских рукописях». Маркс выступал не только на таких больших собраниях, он делился своими открытиями и с друзьями, с теми, кто становился его единомышленниками. Г. Бюргерс, немецкий публицист из Кёльна, впоследствии член Союза коммунистов, один из соредкторов «*Rheinische Zeitung*», писал в своих воспоминаниях об этом периоде жизни Маркса: «Осенью 1844 г. я прибыл к Марксу с рекомендательным письмом, и скоро мы стали друзьями... Маркс уже тогда много занимался исследо-

¹ *Ruge A. Briefwechsel und Tagebuchblätter aus den Jahren 1825—1880. Berlin, 1886, Bd. 1, S. 359.*

² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 136.*

³ Цит. по кн.: *Корню О. К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. М., 1961, т. 2, с. 16—17.*

ваниями в экономической области и строил планы критической работы, которая должна была лечь в основу новой экономической науки»¹. Позднее, рассказывая историю Союза справедливых, Энгельс говорил о себе и Марксе: «...мы устно, письменно и при посредстве печати воздействовали на теоретические воззрения наиболее выдающихся его членов»².

В феврале 1845 г. Маркс был выслан из Парижа в Брюссель. Политическая экономия по-прежнему находится в центре его внимания. Во всяком случае, 15 марта 1845 г. бургомистр Брюсселя сообщил руководителю ведомства общественной безопасности о намерении Маркса заниматься исключительно философией и политической экономией, что он подтвердил предъявлением договора с Леске на издание книги по политической экономии. В Брюсселе Маркс продолжил изучение буржуазных экономистов, проштудировал работы таких авторов, как Сисмонди, Сениор, Буагильбер, Ло. Растет число собственных комментариев Маркса в его конспектах, эти комментарии нередко превращаются в наброски для будущей книги. Так, в конспекте книги Буагильбера он подвергает критике учение Сэя о перепроизводстве и высказывает ряд метких замечаний о сущности капиталистического перепроизводства³. Он уже более целенаправленно отбирает литературу для изучения, заранее группирует книги. Специальную тетрадь Маркс озаглавил «История политической экономии», сделав в ней выписки из работ французских и английских авторов по истории экономической науки — Пеккио, Мак-Куллоха, Ганиля, Бланки, Вильгарделя. Ширится круг интересующих его проблем, а также круг авторов. Маркс решает не ограничиваться в своей книге критикой преимущественно французских работ, но привлечь к рассмотрению и современную английскую экономическую литературу. С этой целью в июле — августе 1845 г. Маркс вместе с Энгельсом отправились в Манчестер, где в течение 6 недель изучали работы английских экономистов. В манчестерских эксерптных тетрадях значительное место занимают выписки из книг Идена, Уэйда и некоторых других английских авторов по вопросам положения рабочего класса, большое внимание они уделили также работам английских социалистов-утопистов — Оуэна, Брея и др. Специальную тетрадь Маркс посвятил книге Мак-Куллоха «Литература по политической экономии», представляющей собой систематический каталог книг с краткими аннотациями. Таким образом, объем использованного Марксом материала, предназначенного для будущего труда по политической экономии, все ширится. До конца 1845 г. Маркс продолжал разыскивать некоторые английские книги, не познакомиться с которыми он считал невозможным. Так, еще в декабре 1845 г. Г. Веерт, живущий в Брэдфорде (Англия), разыскивает для него книгу о сельском хозяй-

¹ Цит. по кн.: *Оберманн К.* Иосиф Вейдемейер. М., 1973, с. 24.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 221.

³ MEGA¹, Abt. I, Bd. 3, S. 576—579.

стве¹. А в конце июля 1846 г. вышла книга «Физиократы», которую Маркс также считает необходимым использовать².

Результатами своих исследований Маркс делился с друзьями и соратниками. Он нашел в Брюсселе значительное число немецких ремесленников и политических эмигрантов. Созданные им и Энгельсом коммунистические корреспондентские комитеты, Рабочее общество увеличивали число их сторонников. Успехи Маркса в области политической экономии были в то время уже достаточно велики, многие его выводы создавали предпосылки переворота в науке. Поэтому интерес к достижениям Маркса в политической экономии среди его друзей был очень велик, все они с нетерпением ждали его книгу. Г. Юнг, немецкий публицист, сотрудничавший с Марксом в редакции «Rheinische Zeitung», писал ему 18 марта 1845 г.: «После этой критики (речь идет о «Святом семействе». — Л. М.) все с огромным нетерпением ждут Вашего труда о политической экономии и политике. Я прошу Вас только об одном: не позволяйте себе снова отвлекаться на другие работы; совершенно необходимо, чтобы такая книга появилась. Борьба с религией закончена, и ее вполне можно предоставить самой широкой публике, но что касается политики и политической экономии, то здесь еще отсутствует всякая определенная точка опоры. И все же публика настроена разделаться с этими абстракциями гораздо быстрее, чем с религией. Вы должны теперь стать для всей Германии тем, чем Вы уже являетесь для своих друзей. Своей блестящей манерой письма и исключительной ясностью своей аргументации Вы заставите здесь признать себя и станете звездой первой величины»³. Требования о скорейшем издании книги по политической экономии идут к Марксу со всех сторон. Г. Бюргерс пишет ему 10 февраля 1846 г.: «С некоторым пор я с нетерпением жду Вашу историю политической экономии, потому что Юнг принес весть от Вас, что первый том уже в печати у Леске»⁴. Желание видеть книгу Маркса напечатанной было так велико, что желаемое нередко выдавали за действительное.

Роланд Даниельс, врач из Кёльна, впоследствии член Союза коммунистов, 7 марта 1846 г. пишет Марксу: «Мы здесь с величайшим нетерпением ждем твою «Политическую экономию», и я только сожалею, что тебя отрывают от нее всякими посторонними делами»⁵. В совместном письме Даниельса и Бюргерса Коммунистическому корреспондентскому комитету в Брюсселе от 15 мая 1846 г. говорилось: «Разглагольствования о всеобщем все еще являются характерной чертой немецких социалистов, с изучением политической экономии у них дело обстоит так же, как у фран-

¹ G. Weerth an Marx 25. Dezember 1845.— MEGA, Abt. III, Bd. 1, S. 494—495.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 399.

³ MEGA, Abt. III, Bd. 1, S. 458.

⁴ Ebenda, S. 503.

⁵ Ebenda, S. 514.

цузов с изучением немецкой философии; поэтому в высшей степени необходимо, чтобы Маркс скорее продемонстрировал им необходимость беспокоиться о реальном изучении реальных общественных отношений»¹. В книге Маркса по политической экономии его друзья и соратники справедливо видели необходимое оружие в борьбе за пролетарскую организацию, за воспитание кадров пролетарских революционеров. В начале июля 1846 г. Даниельс снова запрашивает Маркса: «Как обстоит дело с твоей работой?»² «Мне нечего повторять Вам, с каким нетерпением я жду выхода Вашего произведения», — писал Марксу его русский знакомый, известный публицист и ученый П. В. Анненков³.

Марксу было что сказать в области политической экономии, каждый его шаг вперед был настолько пов, настолько необычен, что люди жаждали знать об этом. Конечно, далеко не все еще экономические проблемы были ему ясны в это время. Мы знаем, какой долгий путь еще предстояло ему пройти в своем исследовании капиталистической экономики. Но уже и в этот период у Маркса были совершенно новые представления по многим проблемам, представлявшим в то время общественный интерес. Поэтому неправильным нам кажется бытующее мнение, что и сам Маркс и его друзья переоценивали в то время степень подготовленности Маркса к созданию такой книги. Конечно, это был бы еще не «Капитал»; Маркс или не имел еще собственной точки зрения по ряду кардинальных вопросов политической экономии, или придерживался по некоторым из них ошибочных взглядов. Но вместе с тем нельзя не видеть и того, что уже в рассматриваемый период Маркс четко вступил на путь создания пролетарской политической экономии. Сам он позже указал на разделявшиеся им в то время некоторые из рикардовских взглядов. Действительно, был ряд вопросов, на которые Маркс еще не чувствовал себя готовым дать ответ, и это, в сочетании с неблагоприятными внешними условиями, мешало созданию его работы.

Участие Маркса и Энгельса в пропаганде своих взглядов, несомненно, способствовало их распространению. Среди их сторонников появляется все больше людей, интересующихся экономическими проблемами, понимающих их важность. Так, М. Гесс, член Союза справедливых, а затем Союза коммунистов, поддерживавший в то время с Марксом и Энгельсом дружеские связи, пишет Марксу 28 июля 1846 г.: «С твоими взглядами на коммунистическую литературу, о которых ты недавно писал Даниельсу, я полностью согласен. Как вначале необходимо было соединение коммунистических устремлений с немецкой идеологией, так теперь необходимо их обоснование историческими и экономическими предпосылками; иначе нельзя покончить ни с «социалистами», ни с противниками всех мастей. Я набросился сейчас тоже исключи-

¹ MEGA, Abt. III, Bd. 2, S. 200.

² Ebenda, S. 240.

³ Цит. по сб.: Маркс, Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 130.

тельно на занятия экономикой и с нетерпением жду выхода твоей работы, которую я буду изучать с большим усердием»¹.

Большую роль сыграли выступления Маркса по экономическим проблемам также и в формировании взглядов И. Вейдемейера, революционного публициста, члена Союза коммунистов, ставшего впоследствии одним из преданнейших друзей и последователей Маркса и Энгельса. Уже в 1845 г., будучи редактором либеральной «Trier'sche Zeitung», Вейдемейер, уже знакомый к тому времени с работами Маркса и Энгельса, стремился проводить в газете свою линию, отстаивать свои взгляды. Почти в каждом номере «Trier'sche Zeitung», как, впрочем, и во многих других немецких газетах того времени, можно было найти сообщения о бедственном положении рабочих. Но если другие сотрудники газеты, представители «истинного социализма», не имели ясного представления о путях решения социальных вопросов, все сводили нередко к фразеологии, то Вейдемейер в своих статьях, в своей редакторской деятельности пытался раскрыть закономерный характер борьбы рабочих в условиях капитализма. Особенно определенной стала его позиция после того, как он побывал в Брюсселе, где лично познакомился с Марксом и Энгельсом и принял участие в деятельности Коммунистического корреспондентского комитета в Брюсселе. Вейдемейер был среди тех, перед кем Маркс развивал свои экономические взгляды. В письме Марксу 30 апреля 1846 г. Вейдемейер просил его: «Постарайся только, чтобы твоя «Политическая экономия» была поскорее готова; ведь фактически нам нечего предложить людям, которые охотно прочли бы о коммунизме что-либо толковое, так как они не желают довольствоваться общими фразами и не хотят верить в *установление коммунизма* путем всеобщего просвещения»². Позднее Вейдемейер писал Марксу о той большой роли, которую сыграли в его развитии лекции и беседы Маркса по экономическим проблемам: «Что взгляды, развиваемые в моих статьях, первоначально пробуждены во мне тобой, я постоянно и всюду признавал и сказал бы об этом открыто, если бы представился случай. Без посещения Брюсселя я наверняка извлек бы из изучения политико-экономов вдвое меньше пользы, я вновь благодарю тебя за твои разъяснения»³.

Таким образом, в Брюсселе Маркс развивал перед друзьями взгляды, близкие к тем, которые были зафиксированы им в «Экономическо-философских рукописях». Он призывал их изучать политическую экономию, критически раскрывал перед ними концепции буржуазных экономистов. Сам Маркс писал в то время так о сущности своей экономической пропаганды: «Мне представ-

¹ Цит. по кн.: Союз коммунистов. М., 1977, с. 130 (не полностью); MEGA, Abt. III, Bd. 2, S. 270. Письмо Маркса Даниельсу, о котором пишет Гесс, не сохранилось.

² MEGA, Abt. III, Bd. 1, S. 533.

³ J. Weydemeyer an Marx 7. Juli 1847.— MEGA, Abt. III, Bd. 2, S. 345.

ляется совершенно бесспорным, что внесение ясного сознания в нынешнее очень распыленное немецкое движение, как и вообще в современное движение, может быть осуществлено только путем уяснения в первую очередь вопроса о производственных отношениях, а также рассмотрения и оценки других сфер общественного бытия в их связи с этими отношениями»¹. А в 1860 г. в «Господине Фогте» он разъяснял: «Мы выдвигали научное изучение экономической структуры буржуазного общества как единственно прочную теоретическую основу и, наконец, в популярной форме разъясняли, что дело идет не о проведении в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах историческом процессе революционного преобразования общества»². Мы видим, что пропаганда Маркса была направлена на «научное изучение экономической структуры буржуазного общества», и этому же были посвящены его экономические исследования. Коммунистические и социалистические теории, доказывали Маркс и Энгельс, останутся утопиями, если они не будут опираться на знание реальных отношений капиталистического общества. «Коммунизм, поскольку он является теорией, есть теоретическое выражение позиции пролетариата в этой борьбе и теоретическое обобщение условий освобождения пролетариата», — разъяснял Энгельс в 1847 г. Подвергнув критике «истинного социалиста» Гейнцена, он советовал ему: «Г-ну Гейнцену не мешало бы теперь понять, что для того, чтобы судить о коммунизме, требуется нечто большее, чем усматривать его ядро, попросту говоря, в упразднении частной собственности; что лучше было бы ему взяться за основательное изучение политической экономии, чем праздно болтать об упразднении частной собственности; что он не может иметь ни малейшего представления о тех *следствиях*, к которым должно привести упразднение частной собственности, если он не знает также и его предпосылок»³. Поэтому изучение реальных экономических отношений современного капиталистического общества было поставлено во главу угла всей пропаганды.

Но дела с книгой по политической экономии, которой так ждали многочисленные друзья Маркса, обстояли не так-то просто. Уже 16 марта 1846 г. издатель сообщил ему, что полицейские власти в Берлине потребовали прекратить выпуск социалистических и коммунистических работ. Испугавшись возможных полицейских репрессий, Леске предупреждал Маркса, что сможет опубликовать его работу только при условии, что она будет «чисто научной»⁴, и предложил ему искать другого издателя⁵.

¹ Маркс — Вернеру Фельтгейму, 29 сентября [1847 г.] — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 50, с. 409.

² Там же, т. 14, с. 451.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 282.

⁴ MEGA, Abt. III, Bd. 1, S. 516.

⁵ Ebenda, S. 528.

Маркс и его друзья принялись за поиски нового издателя, но различные попытки ни к чему не привели. Поэтому 1 августа 1846 г. Маркс вынужден был снова написать Леске и объяснить ему, что книга, которую он хочет издать, «научна, но она научна не в том смысле, как это понимает прусское правительство»¹. Он рассказывал о неудачных поисках издателя и объяснял причины задержки с рукописью: «Дело в том, что мне казалось крайне важным *предпослать* моему *положительному* изложению предмета полемическую работу, направленную против немецкой философии и против возникшего за это время *немецкого социализма*. Это необходимо для того, чтобы подготовить публику к моей точке зрения в области политической экономии, которая прямо противопоставляет себя существовавшей до сих пор немецкой науке»². Но и эта полемическая работа, о которой пишет Маркс — «Немецкая идеология», так и не была опубликована.

В том же письме Маркс рассказывает, в каком состоянии находится его экономическая работа: «Так как почти законченная рукопись первого тома моей работы пролежала здесь уже долгое время, то я не выпущу ее, не переработав еще раз как по существу, так и стилистически... Переработка первого тома будет готова для печати *в конце ноября*. Второй том, носящий преимущественно исторический характер, сможет быстро последовать за первым»³. Под «почти законченной рукописью» Маркс, вероятно, имел в виду «Экономическо-философские рукописи», а также развернутые комментарии в своих экспертных тетрадах. Недаром Энгельс в конце жизни, диктуя Бернштейну перечень оставляемых им рукописей, передаваемых в архив германской социал-демократии, назвал все эти рукописи «Капитал. Первый набросок»⁴. Но Леске все-таки отказался от издания книги Маркса⁵.

Письмо Маркса Леске заканчивалось так: «Если бы в этом была необходимость, то на основании многочисленных писем, присланных мне из Германии и Франции, я мог бы доказать Вам, что публика ждет этой работы с большим нетерпением»⁶. До нас дошли не все эти указанные письма, но и те, что сохранились и опубликованы сейчас в томах III отдела МЭГА (часть из них мы процитировали выше), свидетельствуют, что требования к Марксу о выпуске книги по политической экономии шли действительно со всех сторон.

Найти какого-нибудь другого издателя для этой книги Марксу так и не удалось. Но свою пропагандистскую, просветительскую деятельность он в этот период не прекращал.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 397.

² Там же, с. 398—399.

³ Там же, с. 399—400.

⁴ Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis. Marx-Engels-Nachlaß, Nr IV 2c/083.

⁵ MEGA, Abt. III, Bd. 2, S. 329.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 400.

Создание летом 1847 г. Союза коммунистов под идейным руководством Маркса и Энгельса стало новым этапом и в их теоретической и пропагандистской деятельности. Ближайшей целью Союза Маркс считал пропаганду коммунистических идей. Сам Союз и его общины были тайной организацией. Но они организовывали вокруг себя открытые рабочие просветительные общества, при которых создавались библиотеки, кружки, проводились политические дискуссии, читались лекции по различным предметам. Через эти рабочие общества и шла пропаганда идей научного коммунизма.

Как известно, создание Союза коммунистов сопровождалось идейной борьбой против мелкобуржуазных направлений в социалистическом и рабочем движении. И здесь большую роль сыграла пропаганда Марксом своих экономических взглядов. Косвенным признанием этого звучат слова из письма Лондонского коммунистического корреспондентского комитета Брюссельскому комитету: «Не все же являются великими экономистами, как вы, поэтому не требуйте, чтобы все понимали коммунизм так же, как вы»¹. Так что даже подписавшие это письмо Карл Шаппер, Иосиф Молль, Генрих Бауэр, немецкие ремесленники, руководители Союза справедливых уже слышали или знали о том, какую роль играет экономическая теория в формировании теории научного коммунизма.

Основанное в Брюсселе по инициативе Маркса и Энгельса Немецкое рабочее общество вело широкую пропагандистскую и просветительную работу. Активным деятелем этого общества был Маркс. Во второй половине декабря 1847 г. он прочитал в этом обществе цикл лекций по политической экономии, нашедших хороший прием у аудитории. Эти лекции Маркс намеревался обработать для печати. Ему при посредстве друзей удалось договориться с брюссельским издателем Каллевартом об издании на немецком языке «книги о заработной плате». Издателю была передана часть рукописи, был начат набор книги². Но революционные события 1848 г. прервали ее печатание. Будучи высланным из Бельгии, а затем захваченный революционными событиями во Франции и Германии, занятый изданием «*Neue Rheinische Zeitung*», Маркс не смог продолжить работу над рукописью. Эти лекции были опубликованы лишь спустя полтора года, в апреле 1849 г., в «*Neue Rheinische Zeitung*». Это первый дошедший до нас текст лекций Маркса³.

Эти лекции, которым при публикации в газете было дано название «Наемный труд и капитал», с одной стороны, свидетельствуют о дальнейшем развитии Марксовых экономических взгля-

¹ Цит. по кн.: Союз коммунистов. М., 1977, с. 121.

² С. G. Vogler an Marx 24. April 1848.— MEGA, Abt. III, Bd. 2, S. 433.

³ Из материалов 1847 г. сохранился лишь подготовительный набросок о заработной плате. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 579—602).

дов, с другой стороны, являются образцом популяризации сложных научных проблем. Марксу удалось здесь с исключительной простотой и ясностью разъяснить рабочим многие сложные политико-экономические проблемы. «Мы постараемся излагать все это как можно проще и популярнее, не предполагая у читателя (а также и у слушателя.— Л. М.) знакомства даже с самыми элементарными понятиями политической экономии. Мы хотим, чтобы нас понимали рабочие» — так сформулировал Маркс свою задачу¹.

Поставив перед собой цель исследовать «отношение *наемного труда к капиталу*, рабство рабочего, господство капиталиста», Маркс начал с наиболее близкого и понятного рабочим вопроса: «Что такое заработная плата? Как она определяется?» Подробно и тщательно разобрав на конкретных примерах различные формы заработной платы, он подводит слушателей, а затем и читателей к выводу: «*заработная плата есть цена* определенного товара — труда»². Далее Маркс выясняет, чем определяется цена любого товара, рассказывает о конкуренции, разъясняет понятия прибыли и издержек производства. Он дает характеристику общественных производственных отношений и показывает, что они изменяются с развитием производительных сил, поэтому буржуазное общество есть лишь особая «ступень в историческом развитии человечества»³, оно не вечно. В противоположность буржуазной политической экономии Маркс доказывает, что капитал — это не вещь, а *буржуазное производственное отношение*, другой стороной которого является наемный труд. «Буржуа и их экономисты», замечает Маркс, утверждают, что «интересы капиталиста и рабочего *одни и те же*». Маркс тщательно разбирает на конкретных примерах различные ситуации отношений между капиталом и наемным трудом и приходит к выводу, прямо противоположному тому тезису, который выдвигали буржуазные экономисты: «*интересы капитала и интересы наемного труда диаметрально противоположны*». Отношения капиталиста и рабочего Маркс образно характеризует так: рабочий «сам кует золотые цепи, на которых буржуазия тащит его за собой»⁴.

В этой работе нашла свое отражение незавершенность экономической теории Маркса. Теория прибавочной стоимости была им создана лишь в 50-е гг., здесь он еще говорит о продаже рабочим своего труда, а не рабочей силы. Но тем не менее и в ней подмечены важные характерные черты капиталистической эксплуатации. Можно представить себе, что эти лекции Маркса в немалой степени способствовали просвещению тех немецких и бельгийских рабочих, которым они читались. Здесь уже ярко проявилась характерная особенность Маркса как пропагандиста,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 429.

² Там же, с. 434.

³ Там же, с. 442.

⁴ Там же, с. 445, 450, 451.

популяризатора политической экономии. Доступным языком, на конкретных примерах из жизни самих рабочих Маркс разбирает сложные экономические проблемы. Он ставит вопрос, исследует его со всех сторон, подводит своих слушателей к, казалось бы, само собой разумеющимся выводам, хотя эти выводы были для него самого результатом глубокой исследовательской работы.

До нас дошла, как уже отмечалось, также рукопись Маркса, озаглавленная им «Заработная плата» и датированная декабрем 1847 г. Рукопись эта представляет большой интерес, она отражает один из этапов пропагандистской деятельности Маркса, дает возможность проследить за процессом его подготовки к лекциям для рабочих. Сначала Маркс в тезисной форме повторяет основные положения лекций о наемном труде и капитале. В разделе «Добавления» он приводит высказывания популярных буржуазных экономистов о заработной плате, о бедственном положении рабочих. Подборка цитат составлялась Марксом по его эксерцитным тетрадам в порядке его записей в них. Всего он здесь использовал четыре из своих тетрадей, составлявшихся им в Брюсселе и Манчестере. Этот материал, эти цитаты были использованы им при написании следующего раздела, представляющего собой тезисы лекции. Маркс в конспективной форме исследует, «как влияет рост производительных сил на заработную плату», говорит о колебаниях заработной платы, ее минимуме. Заработную плату Маркс рассматривает как необходимую категорию буржуазного производства. Но коль скоро «буржуазное производство в целом есть преходящая историческая форма производства»¹, то и система наемного труда тоже не вечна. «Она может исчезнуть при другой организации общества».

Маркс тщательно разбирает также «предложения для облегчения положения рабочих», выдвигаемые буржуазными и мелкобуржуазными экономистами. Характерно, что, формулируя для себя этот раздел плана, Маркс указывает, что здесь он разберет и подвергнет критике предложения буржуазных экономистов Мальтуса, Росси и т. д., мелкобуржуазного экономиста Прудона, а также представителя «рабочего коммунизма» В. Вейтлинга, человека, много сделавшего для пробуждения классового самосознания немецких рабочих, но на определенной стадии развития, когда уже возник научный коммунизм, ставшего помехой для дальнейшего развития рабочего движения. Разобрав предлагаемые меры: организацию сберегательных касс для рабочих, производственное образование рабочих, предложения, вытекавшие из мальтусовской теории народонаселения, организацию рабочих союзов, Маркс подводит своих слушателей к важному выводу, что *коренное* улучшение их положения в условиях капитализма невозможно. Если бы рабочие союзы, указывает он, занимались, как это предлагают буржуазные филантропы, только

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 599.

лишь регулированием заработной платы, то они потерпели бы крушение. Истинный их смысл состоит в том, что «они являются средством объединения рабочего класса, средством подготовки к ниспровержению всего старого общества с его классовыми противоречиями»¹. Именно эту высокую цель и преследовала теоретическая и пропагандистская деятельность Маркса.

Публикация лекций о наемном труде и капитале в «*Neue Rheinische Zeitung*» в революционные годы была предпринята Марксом в известной степени по просьбам рабочих и нашла широкий отклик в рабочих союзах. Эти лекции были рекомендованы для изучения во всех филиалах Рабочего союза в Кёльне². Комитет Рабочего союза призвал рабочие союзы Германии провести дискуссии по вопросам заработной платы на основе напечатанного текста Маркса и сообщить свое мнение по этому поводу.

С лекциями о наемном труде и капитале Маркс выступал перед рабочими и в годы революции. Так, «*Neue Rheinische Zeitung*» сообщала, что во время пребывания в Вене в конце августа — начале сентября 1848 г. Маркс выступил на заседании тамошнего Рабочего союза с большим докладом на социально-экономические темы. Венская газета «*Constitution*» поместила краткое изложение этого доклада. В своих основных моментах он ближе всего к рукописи «Заработная плата». Сообщение о докладе Марксом, очевидно, не просматривалось, поэтому в нем имеются неточные формулировки, но в целом оно дает представление о содержании доклада. Вот что говорилось в газете: «С большим докладом о наемном труде и капитале выступил д-р Маркс. Во вступлении он сказал, что все революции являются социальными революциями. Капитал состоит не из денег, а из сырых материалов, орудий производства и жизненных средств, наемный труд поставляет капиталу продукты производства. Утверждение, что интересы капиталиста и наемного рабочего одинаковы, ложно. С разделением труда растет конкуренция среди рабочих, снижается заработная плата; еще в большей степени этому способствуют машины. Издержки производства определяют заработную плату. Цивилизация не увеличивает благосостояние рабочих, а оказывает противоположное действие. Растут налоги и цены на жизненные средства. Оратор говорит еще о применяемых вспомогательных средствах и их недостаточности, как, например, теория перенаселения Мальтуса. Работные дома Англии. Производственное образование. Отмена покровительственных пошлин и налогов»³. Другая венская газета «*Volksfreund*» в сообщении об этом выступлении Маркса в Рабочем союзе писала: «Д-р Маркс, редактор «*Rheinische Zei-*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 600.

² Der Bund der Kommunisten. Dokumente und Materialien. Berlin, 1970. Bd. 1 (1836—1849), S. 928.

³ Ebenda, S. 836.

tung», приветствует союз и считает для себя делом чести выступить и в Вене перед Рабочим союзом, как это уже было в Париже, Лондоне и Брюсселе»¹. С докладами по экономическим проблемам Маркс выступал также в Кёльне. На общем собрании кёльского Рабочего союза 4 февраля 1849 г. Маркс и Энгельс предложили регулярно, каждые две недели, читать бесплатные лекции по социальным вопросам для членов союза².

Пропаганда Марксом своей экономической теории, своих новых взглядов, уже в то время представлявших важный шаг вперед в создании теории научного коммунизма, в значительной степени способствовала просвещению передовых рабочих, пониманию ими закономерностей развития капиталистического общества. Вопрос о публикации его работы поэтому продолжал заботить Маркса. Уже будучи в Париже, куда он переехал после поражения революции в Германии, Маркс обращается к Вейдемейеру с просьбой помочь найти издателя для брошюр на экономические темы: «Я хотел бы начать с брошюры о *заработной плате* — в «*Neue Rheinische Zeitung*» было напечатано только ее начало»³. Однако этот замысел реализован не был.

Переезд в Лондон в 1849 г. знаменовал новый этап в создании и развитии экономической теории Маркса. Революции 1848—1849 гг. в Европе подтвердили сделанный Марксом и Энгельсом в 40-х гг. вывод о том, что пролетариат сыграет решающую роль в грядущей революции. Разработка Марксом экономической теории в 50—60-е гг. явилась научным обоснованием этого вывода. В период наступившей реакции на Европейском континенте Маркс считал своей главной задачей готовить рабочий класс к новым революционным битвам. В противоположность мелкобуржуазным демократам, которые продолжали играть в революцию, организовывали революционные займы, создавали революционные «правительства», Маркс и Энгельс решительно отказались от этих затей, что вызвало недовольство среди разношерстной эмиграции. Они считали необходимым использовать этот период реакции для дальнейшей разработки теории научного коммунизма. Маркс спешил разработать пролетарскую политическую экономию, чтобы, когда вновь наступит революционная эпоха, «иметь ясность по крайней мере в основных вопросах»⁴. Именно поэтому он целиком сосредоточился на политической экономии. В. Пипер, часто бывавший у Маркса в начале 50-х гг. в Лондоне, а иногда и живший у него, писал Энгельсу: «Маркс живет очень уединенно, единственные его друзья — это Джон Стюарт Милль и Ллойд. Когда к нему приходишь, то вместо приветствий он встречает тебя экономическими категориями»⁵.

¹ Bund der Kommunisten, Bd. 1, S. 1126.

² Ebenda, S. 906.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 447.

⁴ Там же, т. 29, с. 185.

⁵ Там же, т. 27, с. 158.

Впоследствии в предисловии к работе «К критике политической экономии. Выпуск первый» Маркс писал об этом времени: различные обстоятельства побудили его «приняться за изучение предмета с начала и критически переработать новый материал»¹. Исходным моментом для новой критической переработки материала стал уровень разработки экономической теории, достигнутый в 40-е гг. Накопленные Марксом в 40-е гг. материалы не только служили исходной базой, но и многократно использовались им в дальнейшей работе. Эксерптные тетради 40-х гг. содержат многочисленные пометки Маркса, свидетельствующие о их дальнейшем использовании. Практически при составлении всех тематических обзоров, эксцерптных тетрадей второй степени обработки («Geldwesen, Kreditwesen, Krisen», «Bullion (das vollendete Geldsystem)», «Zitatenheft»), Маркс включал в них материал из тетрадей 40-х гг.

Итогом «критической переработки нового материала» явились многочисленные тетради с выписками из работ буржуазных экономистов, из книг по экономической истории и политике, а также экономические рукописи 50—60-х гг. Обосновавшись в Лондоне, Маркс получил возможность регулярно работать в библиотеке Британского музея. Первые годы своей жизни в Лондоне Маркс просиживал в читальном зале Британского музея целыми днями — с 9 часов утра до 7 часов вечера. Маркс настолько хорошо изучил фонды, каталоги Британского музея, настолько свободно в них ориентировался, что мог оказывать помощь своим друзьям в знакомстве с музеем. Известный немецкий поэт Ф. Фрейлиграт, друг Маркса, получив билет в библиотеку Британского музея, именно Маркса просил познакомить его с читальным залом, чтобы находиться там «под его отцовским оком»². Главной целью занятий Маркса и в это время была политическая экономия.

Огромные фонды Британского музея, уже достигнутый уровень в области экономической теории дали Марксу возможность хотя и «приступить к делу с самого начала», но уже на качественно ином уровне, чем он это делал в 40-е гг. Это нашло отражение и в характере его критического осмысления буржуазной политической экономии. Если раньше Маркс брал труды наиболее известных в то время авторов — А. Смита, Сэя, Рикардо, Сисмонди и примыкающие к ним работы — и критически изучал их в целом, то теперь у него уже сложилась определенная система взглядов и он исследует отдельные политико-экономические проблемы. По каталогам Британского музея он предварительно составляет списки литературы по той или иной проблеме и затем тщательно изучает ее. Поэтому заполненные Марксом с января 1850 по август 1853 г. 24 большие эксцерптные тетради

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 8—9.

² F. Freiligrath an Marx 20. Februar 1852.— ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 455.

объемом более 100 печатных листов, в которых он сделал выписки из более чем 300 источников, уже построены в основном по тематическому принципу.

Первой проблемой, к изучению которой Маркс приступил, была проблема денежного обращения, кредита и кризисов. Маркс и Энгельс полагали в это время, что наступление революционной ситуации непосредственно связано с экономическим кризисом. В 1850 г. после поражения революций 1848—1849 гг., в условиях победившей реакции встал вопрос, при каких условиях следует ожидать нового подъема революционного движения. «Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего», — писал Маркс в 1850 г.¹ Позднее, уже в 1895 г., Энгельс так оценивал этот период: «Маркс снова нашел досуг для экономических занятий и прежде всего принялся за изучение экономической истории последних десяти лет. В результате ему из самих фактов стало совершенно ясно то, что до сих пор он выводил наполовину априорно из далеко не полного материала: а именно, что мировой торговый кризис 1847 г. собственно и породил февральскую и мартовскую революции и что промышленное процветание, постепенно снова наступившее с середины 1848 г. и достигшее полного расцвета в 1849 и 1850 гг., было живительной силой вновь окрепшей европейской реакции»².

Буржуазные экономисты считали причиной кризиса 1847 г. в первую очередь неправильную денежную политику государства. Первые 8 эксерптных тетрадей и посвящены в основном проблемам кризисов, денег и кредита. Следующие 5 тетрадей рассматривают в основном вопросы земельной ренты, развития производительных сил в сельском хозяйстве, одна тетрадь посвящена целиком истории техники и изобретений, затем 5 тетрадей содержат в основном выписки к учению о государстве, и последняя группа тетрадей посвящена вопросам мирового рынка.

Ожидание кризиса, а вслед за ним и революции довлеет над Марксом. Он спешит, он хочет закончить свою работу до этого события. Поэтому в его письмах часто звучат опасения, что он может не успеть, а сделать это обязательно надо. Уже 15 сентября 1853 г. он пишет своему американскому другу А. Клуссу: «Как бы то ни было, движение началось раньше, чем я этого ожидал и желал (я полагаю, что торговый спад начнется весной, как в 1847 г.). Я все еще надеюсь, что до этого времени как-нибудь сумею уединиться месяца на два и разработать свою «Политическую экономию»»³. Четыре года спустя, уже приступив к работе над рукописью 1857—1858 гг., он пишет Энгельсу: «Я работаю, как бешеный, ночи напролет над подытоживанием своих экономических исследований, чтобы до потопа (т. е. до начала револю-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 100.

² Там же, т. 22, с. 530—531.

³ Там же, т. 28, с. 500—501.

ционных событий.— Л. М.) иметь ясность по крайней мере в основных вопросах»¹. Немного погодя он снова объясняет Энгельсу, почему он так напряженно работает: «Совершенно необходимо для публики вскрыть самую основу вещей»². Его жена в письме к Конраду Шрамму в декабре 1857 г. тоже считает, что «теперь... эта работа стала необходимой потребностью времени»³.

Маркс быстро продвигался в разработке своей экономической теории. Уже в январе 1851 г. он излагает в письме Энгельсу свои новые воззрения на земельную ренту, критикует теорию ренты Рикардо. Энгельс в ответном письме поздравил друга с успехом и посоветовал поторопиться с изданием книги: «Ты внес в это дело полную ясность, и это еще одна лишняя побудительная причина, чтобы ты поторопился с окончанием и опубликованием труда по политической экономии»⁴. Он даже предлагал Марксу: «Если бы можно было поместить в каком-нибудь английском журнале твою статью о земельной ренте, это произвело бы огромное впечатление. Подумай об этом. О переводе ее позабочусь я»⁵. Однако и этот замысел реализован не был.

Энгельс был больше всех заинтересован в книге Маркса и хорошо понимал ее значение. В феврале 1851 г., утешая друга в один из трудных моментов его жизни, он писал ему: «Что останется от всех тех сплетен и пересудов, которые может о тебе распространять вся эмигрантская чернь, когда ты ответишь на это политической экономией?»⁶. С нетерпением ждали книгу Маркса и его друзья и соратники. В. Вольф, старый друг Маркса и Энгельса, редактор «*Neue Rheinische Zeitung*», писал Энгельсу 23 октября 1850 г.: «Ты пишешь, что Маркс старательно занимается политической экономией. Ему следовало бы издать одну или еще лучше несколько брошюр по экономическим вопросам. Я убежден, что время сейчас подходящее и такие брошюры наши бы хороший сбыт»⁷. Ф. Лассаль, услышав от кого-то о том, что книга Маркса по политической экономии якобы вышла, радуется: «Я слышал, что твоя политическая экономия наконец-то осветила миру путь. Сразу три толстых тома!» Он уверен, что найдет в этой книге «ставшего социалистом Рикардо, ставшего экономистом Гегеля»⁸. Р. Даниельс высказывает уверенность, что выход в свет книги Маркса окажет революционизирующее воздействие на взгляды естествоиспытателей и техников⁹. Он

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 185.

² Там же, с. 192.

³ Там же, с. 531.

⁴ Там же, т. 27, с. 159.

⁵ Там же, с. 160.

⁶ Там же, с. 178.

⁷ MEGA, Abt. III, Bd. 3, S. 665.

⁸ F. Lassalle an Marx 12. Mai 1851.— MEGA, Abt. III, Bd. 4, S. 377.

⁹ R. Daniels an Marx 24. April 1851.— Ebenda, S. 363.

пишет Марксу 1 июня 1851 г.: «Как обстоит дело с политической экономией? Она в высшей степени нужна Германии»¹.

Требования и просьбы о выходе книги шли из Германии от рабочих, членов Союза коммунистов. Так, П. Рёзер, член Союза коммунистов, пишет Марксу 15 сентября 1850 г.: «...мы давно уже ждем издания твоей политической экономии. Я позволю себе задать тебе вопрос, не захочешь ли ты прислать нам рукопись и оговорить при этом твои условия, а мы сразу отпечатали бы книгу у Беккера и занялись бы ее распространением. Это будет иметь очень большое значение для пропаганды»². «Мои друзья и я очень ждем Вашу политическую экономию»³,— писал Й. Микель, член Союза коммунистов. Интерес к книге не ослабевал со временем. В 1853 г. А. Бермбах, демократически настроенный юрист, выступавший свидетелем на кельнском процессе коммунистов, спрашивает Маркса: «Как обстоит дело с Вашей «Политической экономией»? Вы все еще не можете спустить книгу со ступеней? Это было бы действительно очень полезно, если бы она вышла; у людей есть теперь достаточно времени для учебы; может быть, они научатся понимать, что политическая экономия представляет интерес не только для спекуляции и ученого мира, но и для практической жизни и развития общества»⁴.

В 1851 г. Маркс снова взялся за поиски издателя для своей будущей книги. Он обращается к друзьям и знакомым с просьбой начать переговоры с различными немецкими издателями. Через посредство Фрейлиграта и Даниельса Маркс завязал деловые отношения с Г. Эбнером, представителем издательской фирмы, послал ему проспект предлагаемого труда⁵. Эбнер вел переговоры со многими немецкими издателями. Во время поездки в Германию в октябре 1851 г. у Эбнера побывал В. Пипер и по поручению Маркса вел с ним дальнейшие переговоры. Но, к сожалению, все эти хлопоты ни к чему не привели. Издателей не устраивало «направление» Маркса, как писал Пипер, они согласились бы издать «историю политической экономии», но не «критику»⁶. Переговоры через Эбнера с немецкими издателями велись в течение трех лет, но кончились безрезультатно. Только за 1851—1852 гг. Маркс получил отказы издать книгу по политической экономии от немецких издателей О. Виганда⁷, Котты⁸, Левентала⁹, Мейера¹⁰. Одновременно с этим Маркс в эти годы

¹ MEGA, Abt. III, Bd. 3, S. 396.

² Ebenda, S. 639.

³ J. Miquel an Marx 10. Februar 1851.— MEGA, Abt. III, Bd. 4, S. 311.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 707.

⁵ R. Daniels an Marx 12—13 und 24. April 1851; Freiligrath an Marx 7. September und 2. Oktober 1851.— MEGA, Abt. III, Bd. 4, S. 355, 364, 459, 473. Проспект этот не обнаружен.

⁶ W. Pieper an Marx 17. Oktober 1851.— MEGA, Abt. III, Bd. 4, S. 497.

⁷ O. Wigand an Marx 20. März 1852.— ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 478.

⁸ R. Daniels an Marx 12—13. April 1851.— MEGA, Abt. III, Bd. 4, S. 355.

⁹ F. Freiligrath an Marx 2. Oktober 1851.— Ebenda, S. 473.

¹⁰ H. Ebner an Engels 19. Juli 1852.— ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 526.

тщетно пытался опубликовать немецкий перевод «Нищеты философии». Кёльнский процесс коммунистов, вынужден был констатировать Маркс в конце 1852 г., «окончательно оттолкнул от меня немецких издателей, с которыми я надеялся заключить договор об издании моей «Политической экономии»»¹.

Маркс пытался также через друзей найти издателя для своей книги в Америке. Он просил И. Вейдемейера узнать, «как обстоит дело в Америке с изданием немецких книг? Не мог бы я там, поскольку в Германии это не удается, найти издателя для моей «Политической экономии»?»² Но из этого замысла тоже ничего не получилось³. Через Дана, издателя «New York Daily Tribune», где Маркс сотрудничал, он несколько позднее также пытался узнать об условиях издания научных книг в Америке, но и это не привело к успеху⁴.

Все попытки издать книгу по политической экономии в начале 50-х гг. провалились. Маркс пытался даже договориться об издании обзора на тему «Современная политико-экономическая литература в Англии с 1830 до 1852 года». «Насколько я знаю,— писал он немецкому издателю Брокгаузу,— подобная работа не выходила до сих пор ни на английском, ни на немецком языке. Она охватила бы: 1) общие работы по политической экономии, 2) появившиеся за этот период специальные сочинения, в той мере, в какой они связаны с полемикой по важнейшим проблемам, то есть о народонаселении, колониях, роли банков, протекционизме и свободе торговли и т. д.»⁵. Но и это предложение было отклонено, по словам Маркса, «в очень вежливом письме»⁶.

Несмотря на то что найти издателя для книги не удавалось, Маркс продолжал разрабатывать экономические проблемы, считая своей главной задачей создание труда по политической экономии. Он продолжает изучать в Британском музее труды буржуазных экономистов, одновременно предпринимает попытки обработать и обобщить уже изученный материал. Так появляются его тетради второй ступени обработки, где он под определенным углом зрения собирает цитаты из произведений различных авторов на интересующую его тему, используя при этом первичные экспертные тетради. Так, уже в марте 1851 г. Маркс составляет первый такой обзор, назвав его «Das vollendete Geldsystem» («Завершенная денежная система»). Это выборка цитат на тему о денежной системе, составленная по авторам со ссылками на страницы экспертных тетрадей. Маркс привлек для обзора

¹ Маркс — А. Клуссу 7 декабря 1852 г.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 470.

² Там же с. 407.

³ J. Weydemeyer an Marx 10. März 1852.— ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 473.

⁴ Ch. Dana an Marx 15. März 1859.— ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 1005.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 458—459.

⁶ Маркс — Энгельсу 8 сентября 1852 г.— *Маркс К., Энгельс Ф.*, Соч. 2-е изд., т. 28, с. 106; H. Brockhaus an Marx 27. August 1852.— ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 538.

сначала свои эксцерптные тетради, составленные им в Париже, Брюсселе, Манчестере в 1844—1847 гг., затем перешел к лондонским тетрадям. В двух не полностью исписанных тетрадях¹, объединенных указанным общим названием, Маркс сгруппировал высказывания о буржуазной денежной системе из 91 произведения почти такого же количества авторов.

В конце 1854 г. Маркс снова приступил к обобщению собранного материала. В подборке под названием «Geldwesen, Creditwesen, Crisen» («Деньги, кредит, кризисы») ² Маркс сделал выписки или отсылки на свои эксцерптные тетради из 32 источников, используя при этом первые восемь лондонских тетрадей и некоторые из более ранних тетрадей. В январе 1855 г. Маркс составляет еще одну подборку цитат под названием «Referencies» («Ссылки») ³, которая охватывает также первые восемь лондонских тетрадей и две более ранние тетради — одну брюссельскую и одну манчестерскую. Маркс широко использовал все эти подборки, или эксцерптные тетради второго порядка, при дальнейшей работе над своим трудом по политической экономии, при создании экономической рукописи 1857—1858 гг.

Задача создания труда по политической экономии продолжает оставаться главной для Маркса все эти годы. «Если бы у нас была возможность вести в продолжение двух-трех лет, подобно тому, как мы это делали перед 1848 г., солидную научную пропаганду с помощью всякого рода книг, то наши дела были бы значительно лучше. Но это не удалось, а теперь уже гроза надвигается, — писал Энгельс Марксу 11 марта 1853 г. — Тебе следовало бы закончить твою «Политическую экономию», тогда мы могли бы впоследствии, как только у нас будет газета, печатать ее еженедельными выпусками, и чего не поймет populus (народ. — Л. М.), то могли бы разъяснить discipuli (ученики. — Л. М.), пусть не так уж хорошо, но во всяком случае не без пользы. Это дало бы тогда всем нашим восстановленным к тому времени организациям основу для дискуссии» ⁴.

Продолжая традиции 40-х гг., Маркс и в Лондоне выступал с лекциями по политической экономии. Лекции эти Маркс начал читать, по-видимому, сразу после обоснования в Лондоне. Уже 20 ноября 1849 г. в «Westdeutsche Zeitung», выходящей в Кельне, появилась заметка: «Вам уже, конечно, известно, что Маркс с некоторого времени читает рабочим бесплатные лекции по политической экономии» ⁵. Об этом сообщается как о широко известном факте, во-первых, потому, что это продолжало давнюю традицию, во-вторых, очевидно, потому, что слушателями Маркса были многие рабочие, участники рабочих обществ.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 524 и 432.

² Там же, д. 883.

³ Там же, д. 908.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 193.

⁵ MEGA, Abt. I, Bd. 10, S. 1128.

В ноябре 1849 г. Энгельс, сообщая швейцарскому издателю Шабелицу, с которым в это время он поддерживал деловые отношения, о подготовке первого номера «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*», высказывает предположение о возможной публикации в нем «первой из тех лекций по политической экономии, которые Маркс читает здесь, в Обществе рабочих»¹. В первом выпуске «*Revue*» лекция Маркса, как известно, опубликована не была, но было напечатано объявление о том, что в третьем выпуске журнала будет опубликован следующий материал: «Что такое буржуазная собственность? II. Земельная собственность. Лекции, прочитанные в лондонском немецком Рабочем союзе Карлом Марксом»². Хотя и в третьем выпуске «*Revue*» эти лекции опубликованы не были, однако мы располагаем надежным свидетельством того, что лекции такого рода Марксом читались.

Они читались Марксом как у себя дома, так и в помещении лондонского немецкого Просветительного общества. В. Либкнехт в своих воспоминаниях о Марксе сообщал: «В 1850 и 1851 годах Маркс прочел курс лекций по политической экономии. Он очень неохотно пошел на это; но, прочтя сначала несколько частных лекций в тесном кругу друзей, он, по нашему настоянию, согласился, наконец, выступить перед более широкой аудиторией. В этих лекциях, которые всем имевшим счастье их прослушать доставили огромное наслаждение, Маркс уже развил в основных чертах свою систему, как она изложена в «*Капитале*»»³. Либкнехт, вспоминая об этом времени в 1896 г., т. е. более 40 лет спустя, во многом неточен. Прежде всего, в это время Маркс не мог еще «развить в основных чертах свою систему, как она изложена в «*Капитале*»», прежде всего потому, что до «*Капитала*» предстоял еще долгий путь исследований, далеко не все теоретические вопросы были им выяснены. Неточна и датировка лекций. Имеется много документальных свидетельств того, что Маркс начал читать эти лекции еще в 1849 г. Немецкий юрист Эд. Мюллер-Теллеринг, сотрудничавший с Марксом и Энгельсом в «*Neue Rheinische Zeitung*», проживавший в это время в эмиграции в Лондоне и поддерживавший вначале дружеские отношения с Марксом, сообщал 13 декабря 1849 г. Ф. Лассалю: «Маркс объединил немецких рабочих в клуб и читает им там экономические лекции»⁴. Вероятнее всего, на квартире Маркс читал лекции своим близким друзьям, верным соратникам. Среди них был И. Г. Эккариус, который 20 февраля 1850 г. писал Марксу: «Дорогой Маркс! Сообщаю тебе, что вчера мы с Пфендером договорились быть завтра, в четверг, 21 февраля в половине восьмого вечера в твоей квартире, чтобы выслушать с большим вни-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 457.

² MEGA, Abt. I, Bd. 10, S. 224.

³ Цит. по кн.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1936. с. 93.

⁴ MEGA, Abt. I, Bd. 10, S. 1128.

манием обещанную нам лекцию по политической экономии и, надеюсь, быстро понять ее»¹. Маркс жил в это время в маленькой квартире на Дин-стрит с женой и четырьмя детьми. Понятно поэтому, что он не мог пригласить на эти лекции многих слушателей, а значит, присутствовать там могли лишь самые близкие друзья и соратники.

На лекциях в Просветительном обществе присутствовало уже гораздо больше слушателей. Воспоминания В. Либкнехта позволяют воспроизвести атмосферу этих лекций. «В переполненном зале Коммунистического просветительного рабочего общества, помещавшегося в те времена еще на Уиндмилл-стрит, — в том же зале, где полтора года тому назад был принят «Коммунистический манифест», — Маркс обнаружил замечательный талант популяризатора. Маркс был ярким противником вульгаризации, т. е. фальсификации, опошления и выхолащивания науки; но никто не обладал в большей степени, чем он, способностью ясно выражать свою мысль. Ясность языка — результат ясного мышления, а ясная мысль неизбежно обуславливает ясную форму.

Маркс преподавал методически; он произносил фразу возможно короче и затем разъяснял ее более или менее пространно, старательно избегая всех непонятных рабочим выражений. Затем он предлагал слушателям задавать ему вопросы. Если вопросов не было, он начинал экзаменовать и делал это с таким педагогическим искусством, что от него не ускользал ни один пробел, ни одно недоразумение.

Когда я однажды высказал удивление по поводу этого искусства, мне сказали, что Маркс читал лекции еще в Немецком рабочем обществе в Брюсселе. Во всяком случае он обладал всеми данными превосходного преподавателя.

Во время занятий он прибегал также к помощи черной доски, на которой писал формулы, между прочим, и всем нам известные формулы с первых страниц «Капитала».

Чрезвычайно жаль, что курс его лекций продолжался только полгода или даже меньше»².

Действительно, Маркс прекратил чтение лекций после того, как руководители Коммунистического просветительного общества заняли сторону Виллиха и Шаппера, позволяя себе недопустимые выходы по отношению к Марксу и его сторонникам.

Уже создав значительную часть экономической рукописи 1857—1858 гг., Маркс возобновляет поиски издателя и в 1858 г. через посредство Ф. Лассаля договаривается об издании своей работы отдельными выпусками. В июне 1859 г. вышел в свет первый выпуск экономического труда Маркса под заглавием «К критике политической экономии».

После выхода первого выпуска возобновилось чтение лекций по политической экономии. 5 октября 1859 г. Маркс сообщал

¹ MEGA, Abt. III, Bd. 3, S. 482.

² Цит. по кн.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе, с. 93—94.

Энгельсу: «Между прочим, я читаю в *избранном* кругу обывателей лекции о первом выпуске. Кажется, они весьма интересуют слушателей»¹. Месяц спустя в письме к Лассалу он приводит некоторые подробности, которые позволяют уточнить обстановку, в которой проходило чтение лекций: «Единственные рабочие, с которыми я встречаюсь,— это 20—30 избранных людей, которым я *частным образом* читаю лекции по политической экономии»². Упоминание о подобном рода лекциях в письме Маркса Фрейлиграту 29 февраля 1860 г. позволяет уточнить время, когда Маркс начал их читать: «Лекции по политической экономии, которые я читал после выхода моей работы (с осени 1859 г.) некоторым передовым рабочим, в том числе и *бывшим* членам Союза, не имели ничего общего с закрытым обществом»³. Об этих же лекциях рассказывал в своих воспоминаниях Ф. Лесснер. Вернувшись в 1856 г. после тюремного заключения в Германии в Лондон, он застал Коммунистическое просветительное общество в состоянии «не из блестящих». Но «мало-помалу стало восстанавливаться прежнее положение. Вильгельм Либкнехт стал посещать Общество, а также и Маркс, прочитавший ряд лекций по политической экономии, конечно, совершенно безвозмездно, так как Маркс за всю свою жизнь не принял от рабочих ни гроша»⁴. Очевидно, Маркс читал в этот период достаточно регулярный курс лекций, охватывавший не только проблемы первого выпуска «К критике политической экономии», но и многие другие проблемы политической экономии. Спустя два с половиной года Маркс в письме к Й. А. Веберу, одному из слушателей этих лекций, члену Просветительного общества, писал: «Одновременно,— так как я не располагаю адресом Общества,— ты окажешь мне услугу, если сообщишь туда, что из-за митинга я не смогу в понедельник выступить с лекцией»⁵. О чтении лекций в Обществе в письме говорится как о вполне привычном, регулярном деле. Лекции, очевидно, читались по определенному плану и охватывали весь курс политической экономии. Вместе с тем письмо Вебера Марксу от 10 декабря 1861 г.⁶ позволяет предположить, что иногда сами слушатели предлагали темы и вопросы для лекций.

До нас дошли два рукописных отрывка лекций Маркса по политической экономии — «О разделении труда» и «О земельной ренте». Они, безусловно, относятся уже к тому периоду, когда Маркс читал лекции в связи со своей работой «К критике политической экономии». Эти два отрывка достаточно наглядно показывают характер лекций, дают представление об их содержа-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 396.

² Там же, с. 508—509.

³ Там же, т. 30, с. 400.

⁴ Цит. по кн.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе, с. 158—159.

⁵ Маркс — Й. А. Веберу 15 января 1862 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 508.

⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 1269.

нии, а также о тщательной подготовке к ним Маркса. Для небольшой аудитории — самое большое 20—30 человек — Маркс заранее подготавливает текст лекции, выделяет основные вопросы, на которых собирается остановиться. Лекция о разделении труда сохранилась не полностью, до нас дошел лишь один листок, содержащий страницы 3 и 4. Первый листок со страницами 1 и 2 пока не обнаружен. Сравнение текста этой лекции с работой «К критике политической экономии» и ее первоначальным наброском показывает, что Маркс в своих лекциях популярно излагал основные положения своей уже опубликованной работы. Но необходимость разъяснить более четко недостаточно подготовленной аудитории теоретические проблемы заставляла Маркса искать более точные формулировки, обращать внимание на недостаточно еще разработанные моменты. В этом наброске Маркс характеризует разделение труда, «которое находит выражение в обмене различными видами полезного труда»¹.

Несколько позже был написан набросок лекции о земельной ренте². Это также очень небольшой набросок, всего 4 страницы, но и он наглядно позволяет судить о некоторых особенностях Марксовых лекций. Маркс начинает с повторения основных выводов предыдущей лекции, затем ставит новый вопрос, четко и подробно, приводя конкретные примеры, на него отвечает. В данном наброске Маркс разъясняет сущность земельной ренты при капитализме и характеризует ее как «превышение рыночной цены продукта земледелия над его ценой производства»³. По своим формулировкам этот набросок уже перекликается с отдельными местами рукописи 1861—1863 гг. А это означает, что, еще не завершив своего труда, Маркс знакомит с его основными выводами своих слушателей.

Пропаганда Марксом своей экономической теории сыграла немалую роль в распространении научных взглядов среди деятелей немецкого, английского, американского рабочего движения. Многие из них проявляли серьезный интерес к политической экономии, используя основы знаний, полученных от Маркса, в своей публицистической и практической деятельности. И. Вейдемейер, эмигрировавший в США, продолжал начатые им еще в 40-е гг. занятия политической экономией. Понимая необходимость распространения научных взглядов среди рабочих, он решил написать «как можно более легко воспринимаемую политическую экономию для рабочих». Советуясь об этом с Марксом, он, как о чем-то само собой разумеющемся, пишет: «При этом в основу я положу особенно твою «Нищету философии»»⁴. Марксу

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 44, с. 324. Ср. также положения о разделении труда в первоначальном тексте «К критике политической экономии» (там же, т. 46, ч. II, с. 449—452) и в самой работе (там же, т. 13, с. 38).

² См. там же, т. 50, с. 361—364.

³ Там же, с. 363.

⁴ MEGA, Abt. III, Bd. 3, S. 659.

понравились эти планы Вейдемейера: «Твое намерение написать популярную политическую экономию я очень одобряю и высказываю лишь пожелание, чтобы ты поскорее принял за его осуществление»¹. Вейдемейер много работал над этой брошюрой, но выпустить ее ему так и не пришлось. Интересен план брошюры, который он сообщил Марксу: «В 1) Введении я думаю коротко коснуться связи между экономическими и политическими вопросами, а также уже здесь рассмотреть классовые различия и отношение различных классов друг к другу.

2. Разделение труда.— Машины.

3. Возникновение денег.— Концентрация капитала. Кредит.

4. Налоги.

5. Покровительственные пошлины и свобода торговли.

6. Требования рабочих»².

Этот план Вейдемейера в некоторых чертах перекликается с планом Марксовой рукописи «Заработная плата». В США Вейдемейер по примеру Маркса читал лекции по политической экономике³. В апреле — августе 1853 г. он опубликовал в газете «Die Reform» серию статей под общим заглавием «Очерки по политической экономии». Это была, пожалуй, первая популяризация начал экономического учения Маркса.

Под прямым влиянием Маркса и с его помощью⁴ написал статьи о кооперации Э. Джонс, руководитель левого крыла чартистов, и опубликовал их в 1851—1853 гг. в чартистском еженедельнике «Notes to the People». В них разоблачались узкорформистские взгляды и деятельность буржуазных кооперативистов, «христианских социалистов», пытавшихся, подобно Прудону во Франции, отвлечь рабочих от классовой борьбы, проповедовавших возможность при помощи кооперативов преодолеть классовые противоречия капитализма. Джонс доказывал в своих статьях, что кооперативы при капитализме не могут быть орудием общественного преобразования, так как они не могут устоять против капиталистической конкуренции, но что они могут стать важным экономическим орудием рабочего класса, когда он завоюет государственную власть в национальном масштабе.

Прямое влияние взглядов Маркса можно обнаружить и в статьях Эккариуса о борьбе мелкого и крупного капитала, опубликованных в «Neue Rheinische Zeitung. Revue». На некоторых других материалах ближайших соратников Маркса и Энгельса также видно то влияние, которое на них оказывали прослушанные ими лекции Маркса на экономические темы.

С возникновением I Интернационала и выходом в свет I тома «Капитала» начался новый этап в пропаганде Марксовой экономической теории.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 473.

² MEGA, Abt. III, Bd. 3, S. 713.

³ J. Weydemeyer an Marx 19. Mai 1852 und an Engels 25. Mai 1852.— ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 499 и 503.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 7.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ МАРКСОМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Теория классовой борьбы пролетариата была разработана Марксом и Энгельсом, которые показали неразрывную связь всех ее форм — политической, идеологической и экономической. Их главным открытием в этой области было положение о том, что классовая борьба пролетариата с необходимостью ведет к завоеванию им политической власти и установлению диктатуры пролетариата. И в теории, и в практике Маркс и Энгельс всегда уделяли большое внимание проблемам экономической борьбы рабочего класса в капиталистическом обществе, рассматривая ее как необходимое звено в общем освободительном движении пролетариата.

В 40-х и начале 50-х гг. представления Маркса и Энгельса об экономической борьбе складывались на опыте практической классовой борьбы пролетариата (главным образом английского) и существующих теоретических представлений о ее ненужности, бесполезности и даже вреде для рабочих — представлений, опиравшихся на догмы буржуазной политической экономии. Уже в это время Маркс и Энгельс в теории сделали существенный шаг вперед по сравнению с передовой буржуазной и социалистической утопической общественной мыслью. Еще не видя социально-экономической целесообразности борьбы рабочих за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы, Маркс и Энгельс пришли к двум важнейшим выводам. Они признали необходимость экономической борьбы как средства повышения классового самосознания и организации рабочих для завоевания политической власти, а также установили неразрывную связь экономической борьбы с борьбой политической. Эти положения и были зафиксированы перед революцией 1848—1849 гг. в «Ниццете философии» и «Манифесте Коммунистической партии». 50-е и первая половина 60-х гг. показали на практике, что уже в рамках существующего строя экономическая борьба может принести пролетариату определенное улучшение его положения. Успехи стачечной борьбы английских рабочих, рост тред-юнионистского движения, законодательное ограничение продолжительности рабочего дня, создание рабочими производственных кооперативов позволили Марксу в «Учредительном Манифесте» сказать о победе политической экономии рабочего класса над

политической экономией собственности, капитала¹. Работая над «Капиталом», Маркс дал развернутый анализ и критику буржуазной политической экономии в лице ее классических представителей (Смит, Рикардо), а также ее эпигонов, вульгарных апологетов капитализма и авторов мелкобуржуазных доктрин (Прудон). Легенде о бесполезности борьбы за увеличение заработной платы и сокращение рабочего дня был положен конец. Маркс пришел к выводу об объективной обусловленности рабочего движения, вырастающего «из самих производственных отношений»². Он теоретически обосновал необходимость сопротивления капиталу со стороны рабочих как фактора, существенно влияющего на действующие в капиталистическом обществе экономические законы. Теоретическое исследование этих проблем в основном было закончено к моменту создания в 1864 г. Первого Интернационала.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы показать, когда и как от теоретической разработки проблем экономической политики пролетариата Маркс перешел к определению круга ее конкретных требований, к созданию экономической программы классовой борьбы пролетариата, а также раскрыть ту роль, которую она сыграла в разработке теории научного коммунизма и в рабочем движении, в процессе его соединения с марксизмом. Такая постановка вопроса диктуется необходимостью подвести определенный итог конкретным исследованиям различных аспектов дискуссий по проблемам экономической борьбы в Первом Интернационале и принятых в нем решений по этим вопросам³.

¹ Противопоставление «политической экономии рабочего класса» «политической экономии класса капиталистов», по-видимому, ведет свое начало со времен агитационной кампании во время стачки строительных рабочих в Лондоне в 1859—1860-х гг. (См.: *Рязанов Д. Б.* Возникновение I Интернационала.— В кн.: *Архив К. Маркса и Ф. Энгельса*. Кн. I. М., 1924, с. 411).

² Подробнее см.: *Выгодский В. С.* Марксистская политическая экономия и рабочий класс.— В сб.: *Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века*. М., 1970, с. 32; *Он же.* История одного великого открытия Карла Маркса. М., 1965, с. 154—172; *Международное рабочее движение*. Вопросы истории и теории: В 6-ти т. М., 1976, т. 1, с. 509—513; *Смирнова В. А.* Роль К. Маркса в разработке программы экономической борьбы пролетариата (по материалам Женевского конгресса I Интернационала 1866 года).— В сб.: *Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века*. М., 1970, с. 107, 118, 124, 128; *Вебер А. Б.* Рабочее движение.— *Экономическая энциклопедия*: В 4-х т. М., 1979, т. 3, с. 427.

³ См.: *Кашкарева Л.* Из истории организации Марксом всеобщей рабочей статистики в I Интернационале.— В кн.: *Вестник статистики*. М., 1951; *Полянский Ф. Я.* Экономические идеи I Интернационала. М., 1964; *Herrmann U.* Der Kampf von Karl Marx um eine revolutionäre Gewerkschaftspolitik in der I. Internationale 1864 bis 1868. Berlin, 1968; *Смирнова В. А.* Констигуирование Первого Интернационала как международной массовой организации пролетариата. Диссертация. М., 1966, с. 53—66, 142—155, 165—176, 234—361; *Она же.* Указ. ст.; *Она же.* Критика Ф. Энгельсом взглядов П. Ж. Прудона и его борьба с прудонизмом в международном рабочем

Принципиально новая оценка роли экономической борьбы пролетариата, опиравшаяся на фундаментальные экономические исследования, дала возможность Марксу приступить к составлению ее конкретных требований, что настоятельно диктовалось насущными задачами рабочего движения. Проблема эта стала совершенно неотложной после создания Международного Товарищества Рабочих. В то время как на практике (по крайней мере, в наиболее развитых странах) рабочие боролись за свои права, требуя сокращения рабочего дня, создавая профессиональные союзы и прибегая к стачкам, в теории продолжали господствовать старые догмы, враждебные любым проявлениям классовой борьбы, отрицающие целесообразность экономической борьбы рабочего класса. На основе этих ложных теоретических положений подлинным требованиям классовой борьбы противопоставлялись паллиативные меры, ложные рецепты, которые абсолютизировали частные требования рабочих, стремились реформировать сферу обмена. Прудонисты, например, придавали первостепенное значение взаимной помощи и беспроцентному кредиту; лассальянцы — образованию производственных ассоциаций с помощью государственного кредита; тред-юнионисты — планам «домашней колонизации», переселению безработных на национализированные земли и т. п. Эти требования были особенно опасны иллюзией простоты, доступности и кажущейся легкостью их осуществления¹.

В Интернационале эти взгляды нашли отражение в программе, с которой прудонисты пришли на Женевский конгресс², и в их выступлениях на нем, отчасти также в Памятной записке немецкой швейцарской секции, которая в качестве ее программно-го документа была представлена на этом конгрессе³, в выступлениях членов Генерального Совета, лидеров английских тред-юнионов в Генеральном Совете и на его конгрессах и т. д. Учи-

движении.— В кн.: История социалистических учений. М., 1981; *Smirnowa W. Der Genfer Kongress der ersten Internationale.*— In: *Marx-Engels-Jahrbuch* 5. Berlin, 1982; *Особова И. П.* Роль И. Ф. Беккера в организации и проведении Женевского конгресса Первого Интернационала (3—8 сентября 1866 г.).— В кн.: Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. М., 1982.

¹ Так, например, Лассаль доказывал возможность создания кооперативных рабочих обществ с финансовой помощью государства по образцу государственных субсидий железнодорожным компаниям. Заявление же правительства в ходе дискуссии в прусском ландтаге в 1865 г. о готовности рассмотреть вопрос об оказании государственной помощи кооперативным обществам рабочих создавало впечатление о возможности реализации этих планов в ближайшем будущем.

² Congrès de Genève. Mémoire des délégués français [Bruxelles, 1866].

³ Denkschrift der deutschen Abteilung (Genf) der Internationalen Arbeiter-association.— *Vorbote*, N 2—8, II—VIII, 1866. Несмотря на некоторые прудонистские и лассальянские влияния, в целом, однако, этот доклад, составленный ветераном рабочего и демократического движения И. Ф. Беккером, носил пролетарский, революционный характер. (См.: *Особова И. П.* Указ. ст., с. 297—298).

тывая уровень рабочего движения, Маркс противопоставил этим требованиям научную программу социально-экономической борьбы пролетариата, которая была изложена, главным образом, в «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам». Ее основные положения были приняты в качестве резолюции Женевским конгрессом Первого Интернационала в 1866 г.

Разумеется, «Инструкция» не была единственным документом такого рода. Еще в 1865 г. в Генеральном Совете в ходе дискуссии о целесообразности борьбы рабочего класса за повышение заработной платы Маркс прочитал обширный доклад «Заработная плата, цена и прибыль», в котором впервые публично изложил некоторые важнейшие положения теории прибавочной стоимости, научно обосновав тезис о возможности и необходимости экономической борьбы пролетариата, а также о роли профессиональных союзов в этой борьбе¹. Доклад подготовил членов Генерального Совета к тому, чтобы на Женевском конгрессе они целиком поддержали положения «Инструкции» и способствовали принятию резолюций, взятых из ее текста, в качестве социально-экономической программы Интернационала. Отдельные требования этой программы повторялись и развивались в решениях следующих конгрессов, разъяснялись в листовках, обращениях и других документах Товарищества. Они не только соответствовали задачам тогдашнего рабочего движения, но и вошли составной частью в программу социал-демократических рабочих партий, процесс создания которых начался в капиталистически развитых странах со второй половины 60-х гг. XIX в.

При составлении программы Маркс взял за основу требования самих рабочих и, опираясь на познанные им законы развития капиталистического общества, сумел найти место и определить значение каждого из этих требований в общей борьбе пролетариата за свое освобождение. Это был принципиально новый методологический подход, обусловивший действенный характер создаваемой программы. Например, требование сбора статистических данных о положении пролетариата с целью информации трудящихся разных стран было к этому времени довольно широко распространено в рабочем движении Англии² и воспринято в других странах. Так, во французском «Мемуаре» говорилось: «Ввести точную и полную статистику с целью избежать избытка рабочих рук в одних профессиях, что с неизбежностью ведет к упадку [стоимости] товара и, следовательно, заработной платы, и нехватки их в других, что является причиной увеличения стоимости продукции в пропорции, значительно превышающей зара-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 101—155; Генеральный Совет I Интернационала. Протоколы, 1864—1866. М., 1961, с. 47, 55. (Далее: Генеральный Совет...).

² См., например, выступления английских делегатов на Женевском конгрессе (Le Courrier international, 30 Mars 1867).

ботную плату, получаемую рабочими»¹. Хорошо налаженная информация, по мнению прудонистов, помогла бы избежать кризисов и безработицы. Англичане в свою очередь считали, что регулярный обмен статистическими данными о положении рабочего класса позволил бы с успехом бороться со штрейкбрехерами, защищать достигнутый уровень заработной платы.

Маркс целиком поддержал это требование рабочего движения². Он разработал анкету, содержащую одиннадцать вопросов о самых различных показателях положения рабочих в той или иной отрасли производства, что создавало возможность сравнивать условия труда и быта в разных странах. Тем самым намечался практический путь перехода от декларирования солидарности и осознания общности интересов к совместным действиям в защиту своих социально-экономических требований, осуществлению на практике принципов пролетарского интернационализма в классовой борьбе. Статистика в программе экономической борьбы пролетариата так, как сформулировал ее значение Маркс, становилась средством интернационального объединения действий при помощи Товарищества в борьбе между трудом и капиталом, для того чтобы «рабочие различных стран не только чувствовали, но и действовали как братья и товарищи, борющиеся за свое освобождение в единой армии»³.

Важнейшую роль сыграли в Интернационале дискуссии о заработной плате, машинах и сокращении рабочего дня. Марксу удалось в этих спорах показать теоретическую несостоятельность тезиса о так называемом «минимуме заработной платы». Его защитники, вульгарные буржуазные экономисты, утверждали, что в случае повышения заработной платы неизбежно будут повышаться и цены товаров, а следовательно, бесполезно и даже вредна борьба за ее увеличение⁴. Тезис о «минимуме заработной платы» явился теоретической основой для прудонистов и ласальянцев в их отрицании или недооценке стачечной борьбы и профессиональных объединений пролетариата. Маркс раскрыл внеисторический подход буржуазной политической экономии к стоимости рабочей силы, что позволило ему разработать основные принципы экономической борьбы с классом капиталистов, сформулировать, обосновать и закрепить для программы рабочего движения положения марксизма в этих вопросах.

В докладе «Заработная плата, цена и прибыль» Маркс показал, что стоимости товаров определяются не заработной платой, а относительным количеством труда, необходимого для их произ-

¹ Congrès de Genève. Memoire..., p. 23.

² Еще в 1854 г. Маркс подписал программу Рабочего парламента, которая требовала создания в рамках этой организации специального отдела для сбора статистических сведений с целью регулирования платы за труд (The People's Paper, 1854, N 100, April 1, p. 1).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 195.

⁴ См. там же, т. 26, ч. III, с. 15, 21, 47—53, 57, 171—175 и др.

водства. Исходя из разработанной им теории стоимости и прибавочной стоимости, Маркс впервые публично сформулировал определение стоимости «рабочей силы» (а не «труда») «стоимостью жизненных средств, необходимых для того, чтобы произвести, развить, сохранить и увековечить рабочую силу»¹. Он ввел в определение стоимости рабочей силы такие факторы, как физический и исторический (или социальный) элементы; показал, что капиталист всегда стремится понизить цену рабочей силы по сравнению с ее стоимостью, и перечислил конкретные формы, в которых проявляется эта тенденция (оплата товарами, фальсификация денег, удлинение рабочего дня). Маркс исключил зависимость цены товаров от уровня заработной платы, доказав тем самым теоретическую несостоятельность тезиса о «минимуме заработной платы». «Общее повышение заработной платы,— говорил Маркс в докладе Совету,— приводит к понижению общей нормы прибыли, но не влияет ни на средние цены товаров, ни на их стоимости»². Он подчеркнул, что величина заработной платы устанавливается «лишь путем постоянной борьбы между капиталом и трудом»³.

С неизбежностью при рассмотрении этих вопросов Маркс должен был дать представление рабочим о социально-экономических последствиях применения машинного труда. В теоретическом плане этот вопрос был решен им еще в «Ницете философии» в полемике с Прудоном. Маркс открыл социальную сущность машинного труда, подчеркнув, что современная фабрика, «основанная на употреблении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория»⁴. В «Капитале» он обратил внимание на то обстоятельство, что при существующих отношениях с введением машин, ростом органического строения капитала происходит вытеснение части рабочих из производства, рост относительного перенаселения, а следовательно, и ухудшение положения рабочих. Однако Маркс увидел в применении машин, в развитии фабричного производства не только отрицательные последствия (усиление эксплуатации рабочих, широкое применение женского и детского труда и др.), но и залог развития общества и индивида в будущем, переход на новую, более высокую ступень. Опираясь на раздел о машинах и крупной промышленности в первом томе «Капитала», он подчеркнул, что «одним из важнейших следствий применения машин является организованный труд, и это рано или поздно принесет свои плоды»⁵. В «Капитале» Маркс показал, что всестороннее развитие рабочего возможно только при сокращении рабочего времени, а послед-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 133.

² Там же, с. 149.

³ Там же, с. 151.

⁴ Там же, т. 4, с. 152.

⁵ Генеральный Совет..., 1866—1868, 1963, с. 165; Генеральный Совет..., 1868—1870, 1964, с. 221.

нее может быть обеспечено лишь применением машин, резко повышающих производительность труда. Однако полностью реализовать эту возможность сумеет только общество, где коренным образом будут изменены социальные отношения, т. е. в результате перехода средств производства в руки производителей. В качестве программного положения в 1868 г. на Брюссельском конгрессе I Интернационала была принята резолюция, написанная Марксом, которая отражала диалектический подход к оценке крупного машинного производства. «С одной стороны, машины оказались самым мощным орудием деспотизма и вымогательства в руках класса капиталистов, а с другой стороны, развитие машинного производства создает материальные условия, необходимые для замены системы наемного труда подлинно общественной системой производства»¹.

Тесно связанным с этими проблемами был и вопрос о сокращении рабочего дня. Теоретически этот вопрос был подробно разработан в «Капитале», однако, по-видимому, именно практическая борьба рабочего класса, движение за законодательное ограничение рабочего дня (многолетняя борьба английского рабочего класса за 10-часовой рабочий день, набиравшее в США силу движение за сокращение его до 8 часов) побудили Маркса написать специальный раздел о рабочем дне в первом томе «Капитала». Этого раздела не было в экономических рукописях 1857—1858 и 1861—1863 гг. Он был создан Марксом в значительной своей части в начале 1866 г.², т. е. уже после того, как вопрос о сокращении рабочего дня был включен в программу Женевского конгресса³. Решение конгресса о законодательном ограничении рабочего дня 8 часами Маркс считал настолько важным, что специально привел его в «Капитале»⁴.

Маркс доказывает экономическую, жизненно важную необходимость для рабочего бороться за сокращение рабочего дня. Позиция, изложенная в «Учредительном Манифесте», «Заработной плате, цене и прибыли» и «Инструкции», существенно отличается от отношения Маркса и Энгельса к этой проблеме в 50-х гг. Так, например, Энгельс в статьях в «Neue Rheinische Zeitung»

¹ Генеральный Совет..., 1868—1870, 1964, с. 221.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 146—147; т. 23, с. 242—311.

³ Рекомендации по программе Женевского конгресса, в которую в качестве 7-го пункта было включено требование сокращения рабочего дня, были приняты 25 июля 1865 г. Генеральным Советом, большинство в котором составляли английские рабочие. Затем в сентябре 1865 г. на Лондонской конференции этот пункт был включен в окончательную программу конгресса по предложению Маркса и французского рабочего прудониста Фрибура и утвержден большинством делегатов конференции при одном воздержавшемся. Непосредственно перед конгрессом Генеральный Совет уточнил свою позицию в этом вопросе, приняв резолюцию о том, чтобы «нормальной продолжительностью рабочего дня считать 8 часов». (См.: Генеральный Совет..., 1864—1866, 1961, с. 72, 73, 164, 175).

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 310.

Politisch-ökonomische Revue» и «The Democratic Revue» рассматривал ее как борьбу за «мелкую подачку»¹, которая лишь оттягивает момент гибели капиталистического общества, и оправдание ей видел лишь в том, что она дает возможность рабочему классу осознать свои интересы, организовать, обрести уверенность в своих силах и понять, что «никакое прочное улучшение его положения не может быть добыто для него другими, но что он сам должен добыть его, прежде всего посредством завоевания политической власти»². Исследование этого вопроса привело Маркса к заключению, что сопротивление рабочего класса является фактором, противодействующим тенденции капиталистического производства к сведению стоимости рабочей силы к ее низшему физическому уровню, к «физическому максимуму рабочего дня»³.

Раскрытие внутренних закономерностей капиталистического способа производства и объективной основы рабочего движения позволили Марксу в Интернационале занять принципиально новую позицию по отношению к профессиональному движению, к роли профессиональных организаций в общей освободительной борьбе пролетариата. В 40-х и начале 50-х гг. Маркс видел в них важный фактор формирования классового сознания, устранения разобщенности и конкуренции между рабочими, их организационного объединения для подготовки к свержению капиталистического общества. Теперь Маркс обогатил представление о роли профессиональных союзов доказательством экономической целесообразности их деятельности. В годы Первого Интернационала им были определены и наиболее характерные черты профессионального движения: роль профессиональных союзов как «подлинной классовой организации пролетариата»; их построение по производственному принципу; демократические основы организационной структуры; важность установления международных контактов и стремление к единству действий; участие в политической борьбе рабочего класса. Уже в 1866 г. в «Инструкции» Маркс требовал от тред-юнионов уметь сочетать задачи социального и политического движений и предостерегал от реформистских, соглашательских тенденций, проявившихся в английском тред-юнионизме, от опасности увлечения «узкими, эгоистическими интересами», в ущерб «освобождению угнетенных миллионов»⁴.

Принципиальная новизна постановки Марксом вопроса о тред-юнионах была с особой силой подчеркнута Лениным в 1899 г. в работе «Протест российских социал-демократов». Он писал: «Когда... образовалось Международное общество рабочих, вопрос о значении профессиональных рабочих союзов и экономической

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 244.

² Там же, с. 242—243.

³ Там же, т. 16, с. 151.

⁴ Там же, с. 201.

борьбы был поднят на первом же конгрессе в Женеве в 1866 году. Резолюция этого конгресса... признала, что профессиональные рабочие союзы не должны обращать исключительного внимания на «непосредственную борьбу против капитала», не должны стонуть от общего политического и социального движения рабочего класса; их цели не должны быть «узкими», а должны стремиться к всеобщему освобождению... рабочего люда»¹.

Разрабатывая социально-экономическую программу рабочего движения, Маркс большое внимание уделял теоретическим проблемам и практическим вопросам кооперативного движения. В опыте кооперативного движения Маркса интересовали не его непосредственные результаты, а то, что он свидетельствовал о развитии в недрах капиталистического способа производства общественной производительной силы, которая делала капиталиста ненужной фигурой общественного производства. И в этом вопросе Маркс сделал существенный шаг вперед по сравнению с «Манифестом Коммунистической партии». Он писал тогда, в 1848 г., что «с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа» и что «на место разъединения рабочих конкуренцией» приходит «революционное объединение их посредством ассоциации»². Теперь в «Учредительном Манифесте» абстрактный теоретический вывод наполнился конкретным содержанием. Благодаря практическому опыту кооперативного движения, кооперативных фабрик, писал Маркс, «не на словах, а на деле рабочие доказали» возможность существования крупной промышленности при отсутствии частной собственности на орудия и средства производства и неизбежность замены наемного труда «ассоциированным трудом»³. Маркс увидел в кооперации переходный институт к обратному превращению капитала в собственность объединенных производителей, в непосредственную общественную собственность. Этот вывод зафиксирован в «Учредительном Манифесте», а затем и в «Инструкции». Маркс оценил кооперацию «как великий социальный опыт»⁴, как одну «из сил, преобразующих современное общество, основанное на классовом антагонизме»⁵. «Не на словах, а на деле,— подчеркивал Маркс в «Учредительном Манифесте»,— рабочие доказали, что производство в крупных размерах и ведущееся в соответствии с требованиями современной науки осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных рабочих... и что, подобно рабскому и крепостному труду, наемный труд — лишь преходящая и низшая форма, которая должна уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с готовностью и воодушевлением»⁶.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 170—171.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 436.

³ Там же, т. 16, с. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 199.

⁶ Там же, с. 9.

В этот период Маркс выдвигает два важнейших программных положения рабочего движения: представление о том, что для освобождения трудящихся масс «кооперативный труд должен развиваться в общенациональном масштабе и, следовательно, на общенациональные средства»¹ (иными словами, при условии обобществления орудий и средств производства). Рассматривая кооперативное производство как возможный (но не единственный) путь к обобществлению собственности, Маркс считал его, однако, реальным только при господствующем положении пролетариата в обществе. Отсюда с неумолимой логикой следовал второй вывод о том, что «необходимы общие социальные изменения, изменения основ общественного строя, которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти от капиталистов и землевладельцев к самим производителям»².

Сравнение положений программы Интернационала о роли профессиональных организаций и кооперативных обществ с представлениями о роли экономической борьбы пролетариата в работах 40-х гг. показывает, как далеко вперед ушел марксизм в понимании этих вопросов. В «Принципах коммунизма», в «Манифесте Коммунистической партии» и «Требованиях Коммунистической партии в Германии» была четко поставлена задача ликвидации частной собственности на орудия и средства производства: уничтожение частной собственности «является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности»³. Однако тогда еще у Маркса и Энгельса не было четкого представления о том, как следует организовать управление производством после завершения акта экспроприации. Взгляды их в этой области еще носили отпечаток представлений утопического социализма о создании промышленных армий как средства организации труда. Так, в «Манифесте Коммунистической партии» было сказано: «Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия»⁴. В «Требованиях Коммунистической партии в Германии» это положение звучало так: «Всеобщее вооружение народа. В будущем армии должны быть одновременно и рабочими армиями, чтобы войско не только потребляло, как это было прежде, но и производило бы больше, чем составляют расходы на его содержание. Это является, кроме того, одним из способов организации труда»⁵.

Теперь же Маркс отходит от такой постановки вопроса. «Большая заслуга этого [кооперативного] движения,— писал он в «Ин-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 10.

² Там же, с. 199.

³ Там же, т. 4, с. 330.

⁴ Там же, с. 447 (№ 8).

⁵ Там же, т. 5, с. 1 (№ 4).

струкции», — заключается в том, что оно на деле показывает возможность замены современной деспотической и порождающей пауперизм системы *подчинения труда* капиталу — республиканской и благотворной системой *ассоциации свободных и равных производителей*»¹. В кооперации Маркс увидел одну из форм организации труда в будущем обществе, способную поощрять инициативу рабочего и дать ему возможность принять участие в управлении производством. Решающее слово в Интернационале в этой области должно было быть сказано на Майнцском конгрессе, в программу которого был включен вопрос об «условиях кооперативного производства в национальном масштабе»², однако начавшаяся в июле 1870 г. франко-прусская война помешала провести этот конгресс.

Социально-экономическая программа пролетарской партии в Интернационале существенно пополнилась разработкой требований в области образования, женского и детского труда. Это был сложный комплекс проблем, который широко обсуждался в рабочей и прогрессивной печати того времени. И каждая группа, каждый отряд национального рабочего движения имели свое представление об их решении.

Еще в «Манифесте Коммунистической партии» и в «Требованиях Коммунистической партии в Германии» Маркс и Энгельс высказали общие соображения о необходимости «всеобщего бесплатного народного образования» и «соединения воспитания с материальным производством»³. Теперь, в Интернационале, Маркс широко развернул эти общие положения. В противоположность трудонистам, которые требовали запрещения женского и детского труда как причины физического и нравственного вырождения человеческого рода⁴, Маркс считал, что вовлечение женщин и детей в общественное производство носит прогрессивный характер, отвечает возросшему уровню производительных сил, развитию крупной промышленности. Вместе с тем он показал, что при капитализме эта тенденция принимает уродливые формы. Уже при существующем строе, полагал Маркс, возможна законодательная защита женского труда и подрастающей смены рабочего класса.

Маркс рассматривал вопрос о воспитании и образовании в двух планах. Для будущего («при разумном общественном строе») он формулирует самый общий принцип: *«каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек, должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками»*⁵. Исходя

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 199.

² Там же, с. 456.

³ Там же, т. 4, с. 447 (№ 10); т. 5, с. 2 (№ 17).

⁴ Congrès de Genève. Mémoire..., p. 13.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 197.

из разработанных в первом томе «Капитала» положений о невозможности в условиях эксплуататорского строя всестороннего гармонического развития личности и преодоления отрицательных последствий разделения труда, Маркс тем не менее считал, что еще до завоевания пролетариатом политической власти необходимо принять конкретную программу в этой области. В одном из своих выступлений в Генеральном Совете в 1869 г. при подготовке к Базельскому конгрессу он говорил: «С одной стороны, для установления правильной системы образования требуется изменение социальных условий, с другой стороны, для того, чтобы изменить социальные условия, нужна соответствующая система образования; поэтому нам следует исходить из существующего положения вещей»¹. Программа Маркса носила ярко выраженный классовый характер. «В нашу задачу,— писал Маркс,— входит забота только о детях и подростках из рабочего класса... наиболее передовые рабочие вполне сознают, что будущее их класса и, следовательно, человечества всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения»².

В основу программы пролетариата в области воспитания и образования Маркс положил сформулированный отчасти еще Ж. Ж. Руссо и великими социалистами-утопистами принцип всестороннего воспитания, гармонического развития подрастающего поколения. Он считал необходимым с этой целью добиваться сочетания посильного труда детей с умственным образованием, физическим воспитанием и политехническим обучением, которое дало бы ребенку представление об основных процессах производства и элементарные навыки обращения с простейшими орудиями труда³. Для решения этой задачи Маркс предложил конкретную программу, в которой были определены основные моменты (разделение детей по возрастным группам, нормы нагрузки и т. п.).

Принципиально новым в разработанной Марксом программе было представление о политехническом обучении не как об узкоприкладном, профессиональном, но таком, которое должно было дать учащемуся теоретическую основу понимания окружающего мира. Эта идея разъяснена очень четко Марксом в Генеральном Совете в дебатах по поводу программы Базельского конгресса 17 августа 1869 г.: «Политехническое обучение, отстаиваемое пролетарскими авторами, рассчитано на то, чтобы компенсировать недостатки, вызываемые разделением труда, которое мешает ученикам приобрести основательное знание своего дела. За это ухватились и неправильно истолковали в том смысле, в каком буржуазия понимает техническое образование»⁴.

Важнейшим положением программы стал тезис о рабочем законодательстве. Маркс подчеркивал, что изолированный рабочий

¹ Генеральный Совет..., 1868—1870, 1964, с. 91.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 197, 198.

³ См. там же, с. 198.

⁴ Генеральный Совет..., 1868—1870, 1964, с. 96.

не в состоянии вести борьбу против капитала. В этой борьбе необходимо единство всех пролетариев, так как борьба за сокращение рабочего дня, повышение заработной платы и другие требования — это борьба совокупного рабочего против совокупного капиталиста. Маркс раскрыл объективную основу неразрывной связи экономической борьбы рабочего класса с борьбой политической: «Ограничения рабочего дня никогда нельзя было достигнуть путем частных соглашений между рабочими и капиталистами. Сама эта необходимость *общего политического действия* служит доказательством того, что в своих чисто экономических действиях капитал является более сильной стороной»¹.

На основании английского опыта еще в 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс сделали вывод, что «организация пролетариев в класс, и тем самым — в политическую партию... заставляет признать отдельные интересы рабочих в законодательном порядке, используя для этого раздоры между отдельными слоями буржуазии»². Теперь же, в 1866 г., Маркс подчеркнул не только возможность, но и необходимость закрепления побед пролетариата над капиталом путем законодательного акта в рамках существующего эксплуататорского государства. «Проведением в жизнь таких законов, — писал Маркс в «Инструкции», — рабочий класс отнюдь не укрепляет власти правительства. Наоборот, он превращает в свое орудие ту власть, которая теперь используется против него»³. Маркс считал, что рабочий класс в состоянии добиться от существующей государственной власти принятия законов, которые могли бы в какой-то степени оградить взрослых рабочих и подрастающее поколение от разрушительного действия современной фабричной системы, частично преодолеть последствия капиталистического разделения труда.

Представляет большой интерес сам метод составления программы, посредством которого Маркс определял место, значение и сравнительную ценность социально-экономических требований, выдвигаемых практикой классовой борьбы пролетариата. Маркс подробно развивал положения, относящиеся к сфере производства и производственных отношений, и отодвигал на второй план требования, относящиеся к области распределения общественного продукта. При этом он высказывал лишь принципиальные положения (так, по вопросу о прямых и косвенных налогах он поднял голос за *«полную отмену косвенных налогов и общую замену их прямыми налогами»*⁴) либо же, как это было в вопросе о международном кредите, просто делал пометки: «Инициативу следует предоставить французам»⁵. Тактика Маркса заключалась в том, чтобы рабочие на практике классовой борьбы сами убедились в истинном месте этих частных вопросов в общей борьбе за свое социальное освобождение.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 152.

² Там же, т. 4, с. 433.

³ Там же, т. 16, с. 198.

⁴ Там же, с. 201.

⁵ Там же, с. 202.

Маркс и Энгельс, например, не прошли мимо требования отмены процента на ссуды — безвозмездного кредита, которое, благодаря Прудону, многие рабочие считали основным условием ликвидации отрицательных последствий капиталистической эксплуатации. Показав его полную теоретическую несостоятельность¹, они сумели определить ему место в ряду некоторых второстепенных практических мер, которые в ходе социалистической революции могли бы сыграть определенную роль. Так, в предисловии ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии» в 1870 г. Энгельс писал, что крестьян, мелких собственников земли, обремененных ипотечной задолженностью, пролетариат должен «убедить в том, что они только тогда смогут освободиться от ростовщика, когда зависимое от народа правительство превратит все ипотечные долги в долг государству и таким путем понизит процент»². Здесь также заметен существенный отход от позиций 40-х гг. Если тогда в «Манифесте Коммунистической партии» высокий прогрессивный налог и отмена права наследования рассматривались как программа пролетарской революции³, то в Интернационале Маркс формулирует позицию пролетариата существенно по-иному. Продолжая высказываться за прямой и прогрессивный налог, Маркс подчеркивает, что «никакие изменения в форме налогового обложения не могут вызвать существенного изменения в отношениях между трудом и капиталом»⁴. В ходе дискуссии с бакунистами в Интернационале о праве наследования Маркс показал, что законы о наследовании являются «не *причиной*, а *следствием*, *юридическим выводом* из существующей экономической организации общества»⁵, а потому пролетарская партия должна бороться с причиной, а не со следствием; «признать отмену права наследования отправной точкой социальной революции означало бы только отвлечь рабочий класс от той позиции, с которой действительно следует повести атаку на современное общество»⁶.

* * *

Осмысление опыта классовой борьбы пролетариата за годы после поражения революции 1848—1849 гг., ее стихийно возникших форм совпало с высшим научным достижением Маркса — завершением разработки основных положений экономического учения и выходом в свет I тома «Капитала». Это дало ему возможность теоретически доказать неизбежность и необходимость тех форм экономической классовой борьбы, которые ранее рассматривались лишь как средство достижения конечной цели — завоевания политической власти и полного социального освобождения пролетариата.

¹ См.: Малыш А. И. Формирование марксистской политической экономики, с. 320 и сл.; Выгодский В. С. История одного великого открытия..., с. 56 и сл.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 419.

³ См. там же, т. 4, с. 332, 446; т. 5, с. 2.

⁴ Там же, т. 16, с. 201.

⁵ Там же, с. 383.

⁶ Там же, с. 384.

та. Большую помощь в разработке этих проблем Марксу оказал Энгельс.

Впервые в истории марксизма была сформулирована конкретная социально-экономическая программа пролетарской партии, которая в теоретическом отношении опиралась на исторический материализм и развитую экономическую теорию Маркса, в частности на его учение о вызревании производительных сил нового социального строя в недрах старого, а в практическом смысле была доступна для понимания широким массам пролетариата. Эта программа социально-экономических требований давала рабочим возможность «объединить, направив в общее русло, стихийное движение рабочего класса»¹; она не только соответствовала реальным задачам тогдашнего рабочего движения, но намечала для международного пролетариата стратегию действий при соответствующем развитии капиталистических отношений на много десятилетий вперед. Она стала основой программных положений социал-демократических рабочих партий, создание которых было подготовлено деятельностью Международного Товарищества Рабочих и развитием массового рабочего движения.

Впервые в теории научного коммунизма экономическая борьба стала рассматриваться Марксом как один из существенных моментов, влияющих на проявление объективных экономических законов капиталистического общества. Борьба рабочего класса за социально-экономическую программу давала возможность использовать преимущества, создаваемые развитием крупной промышленности в отличие от предшествовавшей мануфактурной и ремесленной стадий. Программа носила совершенно конкретный характер и была рассчитана на реализацию социальных требований рабочих в рамках существующего капиталистического строя.

В этой программе нашло отражение важнейшее положение научного коммунизма о необходимости сочетания политической и экономической борьбы рабочего класса. Борьба за социально-экономическую программу, за проведение в жизнь рабочего законодательства подводила рабочих к пониманию сущности государства как защитника интересов господствующих классов. Мысль о неразрывной связи этих двух форм классовой борьбы сыграла большую роль в дальнейшем развитии Товарищества и всего международного рабочего движения. Принципиальная постановка вопроса о неразрывной связи экономической борьбы рабочего класса с борьбой политической, содержавшаяся в первых программных документах Товарищества, была закреплена в резолюциях Женевского конгресса, принятых по написанной Марксом «Инструкции». В. И. Ленин придавал особое значение этим решениям. «Общий или принципиальный вопрос,— писал он в 1899 г.,— и сейчас стоит так, как он поставлен марксизмом. Убеждение в том, что единая классовая борьба пролетариата необходимо дол-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 199.

жна соединить политическую и экономическую борьбу, перешло в плоть и кровь международной социал-демократии»¹.

Социально-экономическая программа, принятая в Интернационале, наносила сокрушительный удар по мелкобуржуазному социализму, взглядам прудонистов, лассальянцев, а также английских тред-юнионистов. Впервые «рецептам» Прудона и прочим реформистским требованиям Маркс противопоставил конкретную программу борьбы за социально-экономические требования пролетариата в условиях, когда развитие классовой борьбы еще не поставило перед рабочими непосредственной задачи завоевания политической власти и осуществления социалистической революции. Маркс показал, что при капиталистическом производстве накопленный труд проявляется как все более растущая отчужденная и враждебная пролетариату социальная сила, в результате чего «для рабочего отпадает возможность самому овладеть» условиями труда, «как это иногда бывало при мелком производстве»². Тем самым он привел рабочим новые доказательства несостоятельности мелкобуржуазного социализма, не считавшегося с объективным и непреодолимым фактором развития крупной промышленности и пытавшегося повернуть назад ход исторического развития.

Теоретически доказанное Марксом положение о том, что «завоевание политической власти стало... великой обязанностью рабочего класса»³ прямо было направлено против лассалевской идеи социального преобразования общества и устранения эксплуатации пролетариата путем создания ассоциаций рабочих с государственной помощью. В той же мере оно отвергало и прудонистскую идею кооперации, основанной на началах взаимности. Таким образом, доктринерским рецептам решения социальных проблем с помощью «патентованных» средств, не учитывающих реальные законы развития общества и классовой борьбы, не оставалось места. В Интернационале был заложен также фундамент научной критики так называемого кооперативного социализма⁴. Маркс уже в 1866 г. рекомендовал рабочим «браться предпочтительнее за кооперативное производство, нежели за кооперативную торговлю», поскольку «последняя затрагивает только поверхность современного экономического строя, первое подрывает его основы»⁵. Тем самым задолго до получивших широкое распространение в конце XIX и первой половине XX в. мелкобуржуазных кооперативистских теорий «потребительского социализма» (в частности, нимской школы) Маркс сумел показать порочность такой идеи преобразования социальных отношений, согласно которой эти преобразования должны были начинаться со сферы обмена, торговли.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 171.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 364.

³ Там же, т. 16, с. 10.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 375.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 199.

Наконец, в борьбе с мелкобуржуазным социализмом, в первую очередь с прудонизмом, благодаря принятию Товариществом социально-экономической программы марксизм одержал еще одну победу. В кооперации, как форме организации производства и управления им «в общенациональном масштабе», Маркс нашел один из конкретных путей осуществления на практике сочетания личных и общественных интересов, осуществления провозглашенного еще в «Манифесте Коммунистической партии» принципа свободы развития личности в обществе, сбросившем ярмо капиталистической эксплуатации¹.

Выработанная Марксом социально-экономическая программа пролетарской партии сыграла громадную роль в процессе соединения марксизма с рабочим движением, создав для этого процесса идейные предпосылки. Стихийное развитие классового самосознания имело свои определенные пределы, выйти за которые самостоятельно теоретическая мысль рабочего класса не могла. «Исключительно своими собственными силами,— писал В. И. Ленин в «Что делать?»,— рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.»².

Программа, составленная Марксом, включала также и эти повседневные насущные и понятные рядовому рабочему требования. Вместе с тем она служила начальной ступенью в развитии его теоретических представлений о своем месте и значении в социальной структуре капиталистического общества, характеризовала роль отдельных требований социально-экономической программы в общей классовой борьбе пролетариата за свое полное социальное освобождение.

При стихийном развитии классового самосознания пролетариат, опираясь на свой частный опыт, мог самостоятельно выработать лишь отдельные идеи, лишь стихийно стремиться к солидарности. Теперь, овладевая марксизмом, он подводил под свои стремления научную базу, опирался на опыт всего международного рабочего движения, на опыт всей его истории. Пролетариат в Интернационале преодолевал взгляды мелкобуржуазного социализма, господствующего на определенных этапах рабочего движения, и обретал качественно новую ступень в своих воззрениях, овладевал научным материалистическим мировоззрением, марксизмом.

Социально-экономическая программа пролетарской борьбы, выработанная Марксом в I Интернационале и опирающаяся на теоретический фундамент «Капитала», явилась важным этапом в развитии теории научного коммунизма и практики рабочего движения.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 447.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 30.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ РУССКИХ УЧЕНЫХ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
ПО ПОВОДУ ИЗДАНИЯ «КАПИТАЛА» В РОССИИ
(1879—1896)

История русского перевода и издания главного труда К. Маркса является частью общей темы о распространении идей «Капитала». Маркс с удовлетворением отмечал, что «первой иностранной нацией, которая переводит «Капитал», оказывается русская»*. I том «Капитала» вышел в России в 1872 г. Перевод осуществлен Г. А. Лопатыным и Н. Ф. Даниельсоном при участии Н. Н. Любавина. Уже в начале работы над переводом этого тома Н. Ф. Даниельсон обратился к Марксу с просьбой — для ускорения подготовки русского издания II и III томов «Капитала» высылать ему корректурные листы этих томов по мере их выхода на языке оригинала. Перевод II тома намеревался вначале подготовить и издать Г. А. Лопатын, о чем свидетельствует его письмо Энгельсу от 15 января 1879 г.** Но, как известно, Марксу не удалось выпустить в свет последующие тома. Подготовка их к печати выпала на долю Энгельса, который, так же как и Маркс, поддерживал контакт с переводчиками «Капитала». Не удалось осуществить своего намерения и первому переводчику «Капитала» Г. А. Лопатыну. Подготовку русского издания II и III томов выполнил Н. Ф. Даниельсон. Начиная с февраля 1885 г. Энгельс регулярно высылал в Петербург корректуру сначала II, а потом и III тома «Капитала». В результате русские издания этих томов вышли в свет вскоре после появления немецких изданий — в 1885 и 1896 гг.

Ниже публикуются целиком или с сокращениями письма Н. Ф. Даниельсона, Н. А. Каблукова, Г. А. Лопатына и А. И. Чупрова, хранящиеся в ЦПА ИМЛ и позволяющие в какой-то мере воссоздать ту общественную атмосферу, в которой осуществлялась подготовка русских переводов II и III томов «Капитала». Письма раскрывают также тесные связи Маркса и Энгельса с прогрессивными учеными и общественными деятелями в России. Они дополняют обширный материал, содержащийся в опубликованных ИМЛ при ЦК КПСС сборниках «К. Маркс, Ф. Энгельс и

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 472.

** См. в сб.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. с. 357.

революционная Россия» (М., 1967) и «Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе» (М., 1969).

В данной публикации сохранены особенности авторского стиля того времени, сокращения в словах восстановлены в квадратных скобках либо без всяких оговорок.

Настоящая публикация подготовлена А. К. Воробьевой.

№ 1

Г. А. ЛОПАТИН — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ¹ В ПЕТЕРБУРГ

[Конец января — начало февраля 1879 г.]

...А то уж одна эта фраза: «Сначала надо поправиться здоровьем, а затем присесть за дело» — подрывает во мне всякую веру. Но если бы это оказалось правдой, то это было бы пречудесное дело со всех сторон: и ценный вклад в науку, и превосходная работа, для которой стоило бы бросить все остальное. — Я, конечно, очень люблю К. К.* и всю его семью; знаю, что и они меня любят, — любят просто, по-человечески, независимо от научных или партийных отношений; люблю я жить близко от них и беседовать с ними на невозможном международном языке — конгломерате; но писать им я все-таки не согласен. Писать умно, тепло, толково и по собственному вкусу я могу только по-русски; писать же им «не так, как хочется, а как бог велит», я не в состоянии. Напряженно нанизывать слово на слово и фраза на фразу, мучительно разыскивая в памяти недающиеся выражения и формы, да это такая каторга, что не приведи бог! Поэтому я всегда переписываюсь с иностранцами только о *делах*, да и то пишу как можно реже и короче. — Напрасно желая поощрить меня к подобному подвигу, ты выступаешь в совершенно ложном свете свои собственные отношения к К. К., которые я-то ведь знаю и понимаю отличнейшим манером. Я знаю, и знаю не с сегодняшнего дня, что отношения эти такие же *личные и задушевные*, как и мои, хотя сложились они несколько иначе. Да и странно было бы этому быть иначе. Для человека, живущего жизнью мысли, *понимающий* его и *сочувствующий* ему корреспондент становится понемногу настоящим, *живым* другом, особенно когда он постоянно оказывает ему всякое дружеское содействие в его труде и принимает к сердцу даже его личные интересы. К тому же в дружеских застольных беседах я так много болтал с К. К. и его семьей о тебе, что ты известен им даже с физической стороны, т. е. облакаешься в их представлении плотью и кровью. При каждом моем возвращении из России они всегда усердно расспрашивали меня о тебе. Не скрою, что я рассказывал К. К. даже и то,

* — Карла Карловича. Так Лопатин называет К. Маркса. *Ред.*

как, заезженные чисто физическими лишениями, подобно несчастным пассажирам пресловутой «Медузы», мы оба чуть не перегрызлись между собою и еле-еле не пустили ко всем чертям нашей старой дружбы. Любопытно то, что К. К., с его живым сердечным чувством, сейчас же заметил не только комическую сторону моей повести, но и ту печальную нотку, которая звучала в ней под сурдинкой. Впрочем, если бы он не был таков, то... *

№ 2

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — А. И. ЧУПРОВУ
В МОСКВУ

С.-Петербург, 26 ноября [18]85 г.

Милостивый государь!

Извините, что не имея чести знать Вас лично, я тем не менее решаюсь обратиться к Вам с просьбою сообщить Ваше мнение относительно следующего: намереваясь издать русский перевод II-го т[ома] «Капитала», я нахожусь в недоумении, как мне поступить с предисловием издателя **; насколько будет уместно к этому чисто теоретическому труду прилагать «полемиические красоты», по большей части для нашей публики мало интересные. В этом смысле я уже писал редактору нем[ецкого] издания, указывая на то, что Родбертус, против которого он полемизирует, сравнительно мало известен русской публике; что его отношение к автору «Капитала» еще менее его известно; что, наконец, притязания Родбертуса на первенство в научных открытиях лишаются почвы самим фактом опубликования подлинных исследований автора, т. к. утверждать данное положение еще не значит доказать его, еще не значит показать законы, которые управляют им. Вследствие всего этого я его просил переделать для русского издания вторую половину предисловия ² в том смысле, чтобы исключить полемику, оставить краткий очерк, выясняющий то место, которое занимает автор в развитии теории Merwehrt ***. Кроме того, я ему указывал, что и по цензурным условиям... в настоящем своем виде это предисловие пройти не может...

Ввиду всех этих соображений, Вы крайне обязали бы меня, сообщив Ваше мнение по этому делу: ограничиться ли первой половиной предисловия, или рискнуть напечатать и вторую, только с некоторыми сокращениями нецензурного свойства... ³

* На этом рукопись письма обрывается. *Ред.*

** — Ф. Энгельса. *Ред.*

*** — прибавочной стоимости. *Ред.*

А. И. ЧУПРОВ — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
В ПЕТЕРБУРГ

Москва, 19 декабря 1885 г.

...Вы предприняли большое дело, решившись издать 2-й том «Капитала» в русском переводе. Вопреки довольно распространенному мнению я нахожу, что в этом томе очень много нового и важного в научном отношении. Конечно, он не так хорошо отделан, как первый том, и потому, пожалуй, не найдет столько читателей; но во всяком случае, уважение к памяти автора * привлечет внимание к этому давножданному произведению⁴.

Относительно предисловия издателя ** я совершенно того же мнения, что и Вы. Если бы пришлось решать вопрос мне, я остановился бы на первой половине Vorwort'a (стр. № III) и не стал бы публиковать остальное. Полемика издателя только собьет с толку русскую публику...

От всей души благодарю Вас за воспроизведение той части письма, которая говорит о III томе⁵. Судя по всему, выход этого III тома будет истинным праздником для экономистов, не утративших интереса к вопросам теории...

№ 4

А. И. ЧУПРОВ — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
В ПЕТЕРБУРГ

[Москва], 11 января 1886 г.

Многоуважаемый Николай Францевич!

Приношу Вам самую искреннюю благодарность за любезное письмо и за присылку 2-го тома *** Маркса. Я успел уже просмотреть большую часть перевода и нахожу, что он выполнен с таким же совершенством, как и перевод 1-го тома. Вы оказали истинную услугу русской публике тем, что взялись за этот перевод. Только человек, так хорошо знающий Маркса, как Вы, мог столь удачно сладить с трудностями дела...

Я говорил с редактором «Юридического Вестника» о помещении ответа Маркса на статью Михайловского⁶. Он готов поместить, хотя, прибавлю со своей стороны, не выдав статьи, мудрено дать неременное обязательство напечатать ее. Во всяком случае, если бы почему-либо не пришлось напечатать статьи,

* — К. Маркса. *Ред.*

** — Ф. Энгельса. *Ред.*

*** — «Капитала». *Ред.*

С. А. Муромцев, известный своею аккуратностью, немедленно возвратит ее в полной целости.

Вы совершенно правы, полагая, что было бы хорошо опубликовать переписку Маркса⁷. Это тем более существенно, что редакция двух последних томов «Капитала» относится к слишком отдаленному времени, после которого автору пришлось очень много перечитать и передумать. Так как письма, по Вашим словам, носят преимущественно теоретический характер, то в них, несомненно, найдется множество дополнений и разъяснений к напечатанным трудам Маркса.

Мне приходит в голову еще одна мысль. Было бы в высшей степени жаль, если бы огромная подготовительная работа Маркса погибла бесследно. Нельзя ли попросить редактора* опубликовать эти труды, хотя бы в виде отрывочных заметок, если не все, то по крайней мере такие, на которых лежит печать мысли и личности автора. Если теперь принято предавать печати все письма значительных людей, хотя они иногда касаются вполне частных дел, то более чем несправедливо оставлять без внимания следы упорного умственного труда и долгих дум только потому, что эти следы разбросаны, разрознены и не приведены в форму. Автор «Капитала» был слишком живой человек, для того чтобы бесстрастно проводить через свой мозг груды печатного материала. Я заранее уверен, что в каждой выписке непременно высказалась — быть может, в нескольких лаконических словах — его собственная мысль и его отношение к жизненным фактам и к идеям других лиц. Мне кажется, что если бы появились на свет хотя важнейшие из его мелких заметок, то они вместе с перепискою могли бы в значительной степени уяснить характер воззрений автора в длинный период жизни, протекший со времени издания напечатанных и подготовляемых к печатанию его трудов.

Мне думается также, что вслед за изданием «Капитала» было бы полезно собрать и опубликовать все более ранние произведения Маркса, из которых большинство сделалось давно библиографическою драгоценностью...

№ 5

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — А. И. ЧУПРОВУ
В МОСКВУ

[С.-Петербург, январь 1886]

[Черновик]

Очень виноват перед Вами, многоуважаемый Александр Иванович, что долго не отвечал на Ваше в высшей степени лестное для меня письмо. Что касается до перевода, то я, право, не уверен, насколько верно передал многие «сомнительные» места, которые попадались довольно-таки часто...

* — Ф. Энгельса. *Ред.*

Перевод первого тома налагал обязательство перевести и дальнейшие. Но времена переменчивы: в начале 70-х годов в публике еще не успел утратиться интерес к теоретическим вопросам. Теперь не то. Несмотря на груды материалов, о которых и не мечтали теоретики прошлого десятилетия, необыкновенно ярко освещающих направление нашей экономической жизни, в настоящее время сравнительно очень мало экономистов, которые бы стремились соединить весь этот богатый материал в нечто организованное и вдохнуть в этот организм душу живую — оживить такой организм теорией. Издавая II том*, я имел в виду хотя сколько-нибудь привлечь внимание к теоретическим вопросам и публики вообще, и лиц, занимающихся фактической разработкой данных нашей хозяйственной жизни, например, наших земских статистиков...

При переводе первого тома попадалась масса вопросов, которые, казалось, получили бы для нас еще более рельефности, будучи освещены фактами нашей жизни. Мы переживали и теперь переживаем переходное время, когда старый экономический строй рушится и начинает созидаться новый. Но, как известно, реакция проявляется с особою силою *in statu nascendi*** . Так вот, вновь нарождающиеся экономические факторы, появляясь в среде относительно мало дифференцированной, действуют особенно сильно, дают возможность изучить их влияние с большею легкостью и наглядностью, чем в странах, где капиталистический строй сложился уже давно. Руководясь этою мыслью, я начал посылать автору все выдающиеся произведения русской экономической литературы, которая своею свежестью, непосредственностью, отсутствием рутины сразу очаровала его. Кроме того, у меня была задняя корыстная цель, именно, я надеялся, что труды наших работников на этом поприще не пропадут даром, будут воплощены в научный трактат, который прольет на них научный свет, расширит тем самым умственный кругозор самих работников — словом, отразится на их дальнейших занятиях. Но эта мечта так и осталась мечтою. Скажу более, моя мечта и стремление к ее осуществлению была одною из причин, почему самый любопытный для нас отдел, отдел о землевладении, ренте и прочих сходных вопросах, остался наименее законченным, наиболее отсталым. Вот что писал один из моих друзей по этому поводу вскоре после смерти автора (сентябрь 83)⁸: «Усердная помощь со стороны тебя и американских друзей сильно мешали окончанию «Капитала»... Как видно, весь II т. (полный, а не часть его, которая теперь вышла⁹) был выполнен не только в замысле, но и в черняке много лет тому назад... Тут подоспели тюки русских изданий и американские Blue Books***, которые це-

* — «Капитала». *Ред.*

** — в процессе зарождения. *Ред.*

*** — Синие книги. *Ред.*

лыми ворохами заваливали его. И редактор*, и дочь автора** уверяли, что автор не раз твердо решался приняться за окончательную редакцию II тома (что и видно по многим *началам*). Но тут подоспевал тюк, и бедяга К. К.*** считал своим священным долгом изучить его самым совестливым образом, чтобы подвести свою работу à jour. Вот почему III книга (рента) и осталась в наименее совершенном состоянии. Всякого материала для *иной* обработки накоплено *множество*, но он находится в таком состоянии (вырезки, выписки, заметки на полях, разные непонятные знаки), что редактор считает невозможным воспользоваться им...»

(Относительно этой книги я уже Вам привел позднейшие выписки из писем редактора, где он, между прочим, говорит, что самым добросовестным образом воспользуется всем, что найдет возможным поместить в выносках, и прочее)¹⁰.

Итак, несмотря на любовь к делу и полное страстное желание завершить его, оно осталось недоконченным, между прочим благодаря обилию скопившегося материала. А то, что оказалось невозможным для него, едва ли окажется возможным для кого бы то ни было другого, хотя бы уже только потому, что количество материала разрастается неимоверно... Мне уже и в то время казалось, что он будет подавлен массою материала и что часть чернового труда он мог бы, с пользою для дела, передать для разработки целой группе лиц. При отсылке книг я всегда прилагал письма, которые состояли главным образом в группировке посылаемого материала (часть которого впоследствии послужила материалом для особой статьи)...

№ 6

Н. А. КАБЛУКОВ — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
В ПЕТЕРБУРГ

Москва, 30 мая [18]88 г.

Многоуважаемый Николай Францевич,

Весьма рад, что могу сообщить Вам, что переданное Вами мне письмо будет напечатано в августовской или сентябрьской книжке Ю. В.****, причем оно будет сопровождено необходимыми комментариями⁶, но я совершенно упустил из виду спросить Вас — когда, то есть в каком году, оно было писано, кому послано — лицу или журналу; может быть, обо всем этом и не придется го-

* — Ф. Энгельс. *Ред.*

** — Элеонора Маркс-Эвелинг. *Ред.*

*** — Карл Карлович, т. е. К. Маркс. *Ред.*

**** — «Юридического Вестника». *Ред.*

ворить, но на всякий случай знать это надо, и я прошу Вас сообщить мне об этом. Полученный мною от Вас текст и перевод я сохранил и вышлю Вам со временем, то есть как в нем минует надобность...

№ 7

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — Н. А. КАБЛУКОВУ
В МОСКВУ

*С.-Петербург, 4 июня [18]88 г.
Мойка, 27*

...Заметка*, переданная мною Вам, написана в ответ на статью Михайловского, помещенную в «Отечественных Записках»; и автор хотел послать в этот журнал, но его отговорили. Так она и осталась в его бумагах до самой его смерти. Литературный душеприказчик** его, перебирая бумаги, натолкнулся на эту заметку и, так как она представляет интерес главным образом для русских, прислал ее в русский журнал для напечатания. Какой русский журнал — для него, конечно, было все равно. Письмо, обращенное в редакцию, гласило, что, «перебирая бумаги покойного, я нашел прилагаемый ответ на статью Михайловского. Имея в виду, что содержание его может заинтересовать русских, посылаю его Вам, так как Вы, может быть, найдете возможным напечатать его в Вашем журнале»¹¹. Письмо это одна здешняя редакция затеряла, затеряла и самую статью (т. е., собственно, перевод).

Желая писать Вам, я имел в виду указать Вам на следующее обстоятельство по поводу этой статьи или ответного письма. Как Вам известно, автор был крайне чуток ко всякой добросовестной критике, ко всякой заметке, которая вызывалась его книгой; всякое недоразумение он старался устранить при первой возможности. Этим объясняется то, что некоторые места, выпущенные в русском переводе, были опущены им и во 2-м издании (например, отзыв о Конте и некоторые другие), некоторые дополнения и пояснения, сделанные в русском издании, вошли целиком во 2-е немецкое. Вот почему он не оставил без дополнения и тот вопрос, предметом которого послужило ответное письмо Михайловскому. Те места в «Капитале», на которые ссылается автор, находятся на стр. 623 русского издания, выноска 211 и на странице 615, выноска 189¹². Так вот, к последней выноске, после того как он показал, что «крепостной в Италии освобождался раньше, чем успевал обеспечить себе давностью право на землю, поэтому освобождение обратило его в пролетария», как и он «нашел себе новых господ в городах», он прибавляет, и прибавка эта есть так-

* Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных Записок». *Ред.*

** — Ф. Энгельс. *Ред.*

же в 3-м издании, так как ответ Михайловскому писал по выходе 2-го. На стр. 740 3-го издания к выноске 189 находим следующее дополнение¹³: «После того как революция мирового рынка с конца XV столетия уничтожила торговое преобладание Северной Италии, началось движение в обратном направлении. Рабочие массами вытеснялись из городов в деревню и там положили начало неслыханному расцвету мелкой земледельческой культуры, организованной по типу садоводства» *...

№ 8

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — Н. А. КАБЛУКОВУ
В МОСКВУ

С.-Петербург, 10 июля [18]88 г.

В письме моем к Вам, уважаемый Николай Алексеевич, посланном... 4 июня, я забыл упомянуть, что приписка автора ** к 189 выноске (7-й отдел, 24-я глава) в первый раз появилась во французском издании *** (стр. 315). Там, после того, что есть в первых двух немецких изданиях и в русском, прибавлено¹³: «После того как революция мирового рынка с конца XV столетия уничтожила торговое преобладание Северной Италии, началось движение в обратном направлении. Рабочие массами вытеснялись из городов в деревню и там положили начало неслыханному расцвету мелкой земледельческой культуры, организованной по типу садоводства» ****.

Французское издание вышло в [18]75 году. Не знаю, когда писал Михайловский, но, во всяком случае, эта французская приписка удостоверяет время, когда она появилась. Во втором немецком издании [18]73 года ее нет.

Ваш Н. Даниельсон

№ 9

Н. А. КАБЛУКОВ — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
В ПЕТЕРБУРГ

*Москва, 2 октября 1888 г.
Арбат, Филипповский, 15*

Многоуважаемый Николай Францевич!

Простите великодушно, что так долго не отвечал на два Ваши письма и не посылал Вам тех томов санитарных исследований, которых у Вас нет. В настоящее время, по возможности, исправ-

* Это дополнение Даниельсон цитирует по-немецки. *Ред.*

** — К. Маркса. *Ред.*

*** — «Капитала». *Ред.*

**** Это прибавление Даниельсон цитирует по-французски. *Ред.*

ляю все свои неисправности: посылаю Вам особой посылкой томы санитарных исследований и в этом письме препровождаю письмо К. Маркса * с переводом, полученные от Вас. В только что выпущенной октябрьской книжке «Юридического Вестника» письмо это напечатано в виде особой статьи с предварительными примечаниями и выписками из статьи Михайловского тех мест, ответ на которые представляет письмо К. Маркса. Всеми сообщениями, сделанными в Вашем письме по поводу К. Маркса, я воспользовался, кажется, надлежащим образом и ни одно из них не оставил без внимания. В переводе кое-где сделал изменения, то есть заменил одни выражения другими. Книжку журнала, где помещена статья, и отдельный оттиск ее я вышлю Вам на днях, вслед за отправкой этого письма...

№ 10

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — Н. А. КАБЛУКОВУ
В МОСКВУ

С.-Петербург, 9 октября 18[88] г.
Мойка, 27

...С особенным удовольствием прочел Вашу заметку по поводу письма Маркса; с Вашими выписками, объяснениями получается впечатление как будто цельное; говорю «как будто» ввиду того, что предмет близко знаком, так что я плохой судья; послушаем, что скажут другие. Относительно же самого письма я пожалел, что в одном месте не приведены подлинные слова, именно в конце первой части¹⁴: «Si la Russie ...pour subir toutes les péripéties fatales du régime capitaliste» **.

Относительно верности подлинника у меня сомнения нет, т. к. во-первых, переписывал его сам Энгельс, а во-вторых, по переписке он был сличен с оригиналом лицом***, на которого я могу положиться, как на самого себя, даже более. Кроме того, смысл фразы как будто таков: Если Россия будет следовать по пути, которым она шла с [18]61 года (т. е. *после* освобождения), то она лишится самого прекрасного случая, который когда-либо представляла история (для развития идеи, лежащей в «Положении»), и подвергнется, подчинится всем перипетиям капиталистического строя.

Смысл, конечно, тот же, но выражен несколько иначе. Заметил две опечатки: последнее слово письма Вы, вероятно, желали передать выражением «над-исторически» (*supra* — над, сверх,

* — в редакцию «Отечественных Записок». *Ред.*

** — «Если Россия... испытает все роковые злоключения капиталистического строя». *Ред.*

*** — Г. А. Лопатиным. *Ред.*

по ту сторону, аналогично с *сверхъестественным*), а напечатано — *наи*, впрочем, опечатка эта сглаживается подлинным словом в скобках. На предыдущей странице (172) в Вашей выноске вместо *на* всемирный рынок напечатано *в* всемирный рынок. Строчкой выше выражение «историко-философская теория» как будто надо было поставить в кавычках, так как сам автор глумится над тем, что ее приписывают ему.— Впрочем, все это мелочи. От души благодарю Вас за напечатание этого письма, ведь я четыре (четыре!!) года носился с ним...

В то время, как писал к Вам настоящее письмо, получил ответ от редактора* «Капитала». Я послал ему эту табличку с кое-какими замечаниями. Вот что он, между прочим, пишет¹⁵:

«К словам Ранке... которого Вы цитируете по этому поводу, я нахожу нужным сделать одну небольшую оговорку: если 1 000 000 килограмметров в виде пищи только замещает сумму развитой теплоты и выполненной механической работы, то такое количество пищи еще не может считаться достаточным, так как оно не возмещает затраты мускулов и нервов; ведь для этого требуется не одна только теплопроизводящая пища, но и *белки*, которые не могут быть измеряемы только в килограмметрах, так как животный организм не обладает способностью создавать их непосредственно из элементов».

...Вот, между прочим, приятная новость. Редактор «Капитала» только что вернулся из двухнедельной поездки в Америку, и так как глаза его поправились (он не мог прежде заниматься более 2-х часов в сутки), то «теперь я принимаюсь за III том, чтобы закончить его».

Далее он, между прочим, пишет: «Чтобы показать Вам, до каких глубин деградации пала экономическая наука, Луйо Брентапо опубликовал лекцию «Классическая политическая экономия» (Лейпциг, 1888), в которой он провозглашает: общая или теоретическая политическая экономия ничего не стоит; вся сила лежит в специальной, или практической, политической экономии. Как и в естествознании (!), мы должны ограничиваться *описанием* фактов; такие описания бесконечно выше и ценнее, чем все априорные выводы. «Как в естествознании!» Это *неподражаемо!* И это в век Дарвина, Майера, Джоуля и Клаузиуса, в век эволюции и превращения энергии!...»

* — Ф. Энгельса. *Ред.*

Н. А. КАБЛУКОВ — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
В ПЕТЕРБУРГ

*Москва, 19 ноября 1888 г.
Арбат, Филипповский, 15*

...Благодарю Вас за указания на опечатки в статье К. Маркса * и сожалею, что не передал буквально французского текста указываемого Вами места; оно действительно может быть понято так, как Вы говорите. Статья, как слыхал от многих, действительно производит цельное впечатление. К сожалению, в «Русских Ведомостях» до сих пор все тянут с оповещением читателя о появлении этого письма, хотя все обещают. Не будь этого обещания, я бы давно сам это сделал.

Что касается слова «наисторическою», то это не опечатка; я сознательно перевел это так, понимая французское выражение в том смысле, что теория эта насколько только возможно историческая, так что приложимость ее к явлениям той и другой страны определяется лишь по изучении и проверке исторического хода развития данной страны; я согласен, что можно и это будет ближе к подлиннику (так сказать, буквальнее) перевести словом над-историческая, но это как будто бы для многих читателей (у нас много читателей студентов) будет не столь ясно, как употребленное мною выражение, которое, представляется мне, ясно передает смысл того, что хотел сказать автор письма...

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — Н. А. КАБЛУКОВУ
В МОСКВУ

*С.-Петербург, 14 сентября [18]90 г.
Большая Конюшенная, 8*

...Что за несчастная судьба теоретических работ Маркса у правящих классов и их идеологов. Тотчас после его смерти на него напустилась целая орава «ученых», которые утверждали, что вся его теоретическая работа принадлежит не ему, а что он ее украл у Родбертуса. На вызов, сделанный его душеприказчиком **, показать роль и происхождение торговой прибыли, процента, дисконта, ренты, роль кредита и прочее и прочее в смысле учения Родбертуса ¹⁶ никто до сих пор не откликнулся; травля как будто бы несколько смолкла. Но вот в Московский университет является аспирант, который перед лицом молодежи, пришедшей послушать его экономическую profession de foi, в нескольких словах

* Письмо в редакцию «Отечественных Записок». *Ред.*

** — Ф. Энгельсом. *Ред.*

уничтожает все учение Маркса¹⁷. Плата берется не из капитала — капиталист ничего не затрачивает на покупку рабочей силы, следовательно, нет и той части капитала, которую Маркс называл переменным капиталом, нет фактически возможности определить распределение рабочего дня на необходимое и прибавочное рабочее время, так что вся теоретическая постройка Маркса рухнула, вся она разнесена в прах. Что же за разрушительные снаряды употреблены лектором? Подтасовка, противоречие, пуганица. Подите разберитесь, да к тому же все это подкрепляется авторитетом, с позволения сказать, Джорджа. Возмущает во всем этом не то, что какой-то Г[ерценштейн] нагородил околесицу, а то, что вся эта чепуха раздается с кафедры Московского университета. Я бы и говорить не стал, если бы не это последнее условие. Ведь пишут же разные Кауфманы, Исаевы и прочие и прочие; «Новое Время», «Новости» и другие газеты наполнены их писаниями. Как будто кафедры-то были до сих пор застрахованы от подобных господ...

№ 13

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — Н. А. КАБЛУКОВУ В МОСКВУ

С.-Петербург, 5 ноября 1895 г.

...Вы спрашиваете, как перевод *? Перевод окончен еще 9 июля, но... но жду более благоприятной погоды, так как мне сообщили, что тотчас по представлении он будет задержан и что надо годить... Долго ли придется годить, опять-таки покрыто мраком неизвестности. Но это время все перечитываю его. Некоторые места положительно не даются, некоторые термины приводят меня в очень беспокойное состояние. С некоторыми выражениями, право, не знаю, как и совладать, как, например, в заголовке на стр. 187 I ч., *Kompensationsgründen* (стр. также 369), уже не говоря о цитате из Лютера (стр. 380); не знаю также, что автор понимает под *Monetarsystem* (во многих местах, например стр. 440 I, 317 II и кое-какие другие).

Обо всем об этом думал посоветоваться и порасспросить Ф. Ф.** Но... смерть его была для меня тяжелейшим ударом, и, конечно, не по этому по одному. Последнее письмо¹⁸, которое я от него получил, было от 4 июня, в котором он пишет (самое коротенькое): «Я в настоящее время довольно плохо себя чувствую (ничего, впрочем, серьезного... Надеюсь, что скоро смогу сообщить Вам лучшие известия)...»***. Это в ответ на множество

* — III тома «Капитала» на русский язык. *Ред.*

** — Федора Федоровича. Так называли Ф. Энгельса его русские корреспонденты. *Ред.*

*** Даниельсон цитирует письмо Энгельса по-английски. *Ред.*

моих вопросов чисто теоретического свойства... И действительно, только смерть не дала ему возможности поделиться своим взглядом: такого отзывчивого, терпеливого (на мои-то письма!!), такого добросовестного искания истины и такого, можно сказать, близкого человека потерять было очень тяжело... Да, для меня потеря Ф. Ф. невознаградима...

№ 14

Н. А. КАБЛУКОВ — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
В ПЕТЕРБУРГ

[Москва], 2 февраля [18]96 г.

...Знаете ли Вы, что на днях выходит в русском переводе «Zur Kritik»*, пропущенное здесь предварительной цензурой, за исключением нескольких слов в предисловии; все искали в книге «прибавочную стоимость» — именно ее боятся, — но так как ее не нашли, то книгу пропустили¹⁹. Предлагают, между прочим, Вам прислать сюда перевод III тома**, может быть, здесь и пропустят, но нужно: 1) не говорить, что переводчик Вы, иначе догадаются, почему предоставлено не в Питере, а сюда, а 2) из осторожности следует переписанный экземпляр перевода оставить у себя, а то попавший в цензуру в случае непропуска могут оттуда не вернуть. Что Вы на это скажете? — Буду ждать ответа.

Крепко жму Вашу руку

Н. Каблуков

№ 15

Н. А. КАБЛУКОВ — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
В ПЕТЕРБУРГ

[Москва], 26 июня [18]96 г.

Дорогой Николай Францевич!

Спешу ответить на Ваше письмо, хотя ответ мой несколько не удовлетворит Вас, так как на этот раз ничего не смогу Вам предложить от себя — просто не в силах. Я долго сидел над указанными Вами местами и вчитывался в них, чтобы уяснить себе, как точнее перевести их, и решительно ни к чему не пришел, не слажу; слово Rental тоже не знаю, как перевести, хотя тоже долго сидел над этим и все очень ясно, но перевод этого слова на русский язык не дается мне. Думаю, что при таких обстоятельствах Вам сильнее, чем когда-либо, недостает Ф. Ф.***, который мог бы помочь это перевести, хотя описательным выражением. Весьма сожалею самого себя, что так бессилён в данном случае...

* Маркс К. К критике политической экономии. Ред.

** — «Капитала». Ред.

*** — Ф. Энгельса. Ред.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — Н. А. КАБЛУКОВУ
В МОСКВУ

[С.-Петербург], 15 ноября [18]96 г.

...Вы как-то меня спрашивали, в каком положении находится издание перевода *. Он уже весь напечатан, представлен куда следует, но низшая инстанция не взяла на себя ответственность выпуска, а отправила на рассмотрение следующей. Что из этого выйдет, пока не знаю, но с типографщика взята подписка о том, чтобы без разрешения не выпускал.

В предисловии редактора ** я изрядно-таки повыпускал, конечно ради цензурных соображений. В тексте приходилось также выпускать, но очень, очень мало, если всего наберется строк 10—15; так что перевод, можно сказать, совсем полный. В предисловии переводчика есть неровности, повторения (например, на второй странице внизу и вверху), да исправить было уже поздно. Многое осталось недосказанным или недостаточно выясненным, ну да теперь уж поздно об этом думать...

Н. А. КАБЛУКОВ — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
В ПЕТЕРБУРГ

[Москва], 23 ноября [18]96 г.

Очень рад, дорогой Николай Францевич, и от души поздравляю Вас. Думаю, ошибки не будет, если в общем вышлете 25 экземпляров ***, из коих кроме намеченных Вами бесплатно просил бы один для библиотеки общезнания — бесплатно, а также хорошо было бы, если бы Вы нашли возможным выслать бесплатно для двух моих сотрудников... итого осталось бы для продажи 20, но уверен, что если бы Вы прислали всего не 25, а 50, то и тогда разойдутся; итак, высылайте лучше 50 и, может быть, экземпляров 5—10 второго тома — теперь у меня найдутся покупатели и из студентов.

Еще раз поздравляю

Ваш Н. Каблук

* — III тома «Капитала». Ред.

** — Ф. Энгельса. Ред.

*** — русского перевода III тома «Капитала». Ред.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — Н. А. КАБЛУКОВУ
В МОСКВУ

[С.-Петербург], 26 ноября [18]96 г.

Благодарю Вас, дорогой Николай Алексеевич, за поздравление. По правде сказать, я никак не ожидал, что так все хорошо кончится. Предзнаменования были не особенно благоприятны. Но all is well that ends well.

Все сделано по Вашему желанию. Высылаю Вам 62 экземпляра только что вышедшей книги*, кроме того, 10 экземпляров II т. Из них, как Вы увидите по надписям, прошу взять себе и при случае передать А. И. Чупрову и Вашим сотрудникам...

Не напишете ли коротенький отзыв в «Русские Ведомости» и затем статью в «Новое Слово»? Мне казалось, что недурно было бы в «Русских Ведомостях» упомянуть о значении пятого отдела (кредит, банки, банковое законодательство) для настоящего момента, переживаемого нами, когда как раз идет вопрос об урегулировании денежного обращения в связи с переустройством Государственного банка. Так как масса фактического материала и мнений множества разнообразных лиц, с критической оценкою автором, теперь для нас очень своевременна.— Если будете писать, укажите, пожалуйста, на опечатку или, лучше сказать, недосмотр на стр. 566, в верхней таблице последняя графа, недосмотр, который может ввести читателя в заблуждение. Именно, все цифры последней графы должны быть увеличены в 10 раз: 120%, 240% и 360%, а не 12% и т. д. Это вранье и в оригинале (стр. 224). Вообще в оригинале было много незамеченных опечаток, которые старался исправить, да, как видите, не все.

Еще просьба: располагайте, пожалуйста, посланными экземплярами как своими. Может быть, кроме двух библиотек и указанных лиц найдутся еще, так, пожалуйста, не стесняйтесь...

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — Н. А. КАБЛУКОВУ
В МОСКВУ

С.-Петербург, 4 декабря [18]96 г.

Благодарю Вас, дорогой Николай Алексеевич, за присылку адресов. Тотчас по получении отослал книги и тому и другому.— Вы пишете, что я хорошо, должно быть, себя чувствую, закончив такую работу. Как Вам сказать? Когда шли последние листы, мне

* — русского перевода III тома «Капитала». *Ред.*

жаль было расставаться с ними... Да и вообще как-то так всегда бывает, что стремление к достижению какой-нибудь цели как будто доставляет несравненно большее удовольствие, чем тот момент, когда все препятствия устранены, цель достигнута, а впереди пустое пространство... Самая работа подбодряла на другую сопредельную, а когда она кончена, чего-то недостает... Так что теперь придется приняться за какую-нибудь сходную работу. Говоря между нами, я писал уже Элеоноре Карловне, чтобы она присылала мне листы 4-го тома²⁰, хотя, думаю, что с этим последним я едва ли буду в состоянии справиться, просто знаний не хватает. Да вот как пришлет, увидим. А то возможна другая такая же большая работа — перевод первого тома *. Но это также будет чего-нибудь стоить. Каждую фразу надо сличать с немецким оригиналом и французским переводом, на этом настаивал автор **. Ну да это еще вилами на воде писано²¹. Как бы то ни было, но делать что-нибудь да надо.

Вы пишете, что мне следует написать о III томе²². Мне казалось, что для журнальной статьи следует, кроме изложения содержания, указать еще на то, что сделано автором, на его роль в развитии науки. А это опять-таки мне не по силам, знаний не хватает. Все, что мог сказать я, то уже мною и сказано, разве только могу еще более или менее развить отдельные части, наиболее спорные. Но ведь это для журнала, думается, очень мало...

* — «Капитала». *Ред.*

** — К. Маркс. *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данное письмо является единственным дошедшим до нас документом из переписки между Г. А. Лопатиным и Н. Ф. Даниельсоном, которая полностью, очевидно, не сохранилась или пока не обнаружена. О том, что переписка между переводчиками «Капитала» действительно была, свидетельствует ряд писем Даниельсона Марксу и Энгельсу, опубликованных в сборнике «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». Не имея часто сведений о местонахождении Лопатина во время его нелегальных поездок за границу, Даниельсон посылал иногда свои письма ему на адрес Маркса с просьбой передать их «нашему общему другу», как обычно в целях конспирации Маркс и Энгельс называли Лопатина в своих письмах в Россию. Анализ содержания публикуемого письма, сопоставление его с письмами Лопатина и Даниельсона Марксу и Энгельсу позволяют заключить, что оно являлось ответом на несохранившееся письмо Даниельсона Лопатину, в котором Даниельсон просил справиться у Маркса о состоянии работы над II томом «Капитала», а также о возможности подготовки второго русского издания I тома. Письмо написано, вероятно, в конце января — начале февраля 1879 г., незадолго до отъезда Лопатина в Россию, под свежим впечатлением его последней встречи с Марксом и Энгельсом.— 360.

² См.: Н. Ф. Даниельсон — Энгельсу 13 (25) июня 1885 г. (В сб.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 518—519).— 361.

³ См.: Энгельс — Н. Ф. Даниельсону 8 августа 1885 г. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 299—300). Энгельс согласился «опустить всю вторую часть предисловия» в русском издании II тома «Капитала» (см. там же, т. 24, с. 21—24).— 361.

⁴ II том «Капитала» был высоко оценен Н. Ф. Даниельсоном, который писал Энгельсу: «...изучать эту книгу — наслаждение (перевод ее уже закончен). По оригинальности и глубине мысли автора можно сравнить с Чарлзом Дарвином» (К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 520).— 362.

⁵ Возможно, Даниельсон к данному письму приложил выдержку из письма к нему Энгельса от 23 апреля 1885 г., в которой содержится высокая оценка рукописи III тома «Капитала». (См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 258—259).— 362.

⁶ Речь идет о публикации письма Маркса в редакцию «Отечественных Записок», которое было написано в связи со статьей идеолога русского народничества Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского», напечатанной в октябре 1877 г. (Отечественные Записки, № 10, с. 320—356) и содержавшей ложную трактовку «Капитала». Письмо осталось неотправленным и было найдено Энгельсом в бумагах Маркса уже после его смерти. Энгельс снял с письма несколько копий с целью рассылки их русским корреспондентам для публикации в русской печати. Одну из первых копий Энгельс передал Лопатину, очевидно, во время их встречи в сентябре 1883 г. В журнале «Юридический Вестник» письмо было опубликовано в переводе Н. Ф. Даниельсона в октябре 1888 г. с комментариями Н. А. Каблукова.— 362, 365.

⁷ См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 486.— 363.

⁸ Даниельсон приводит здесь не дошедшее до нас письмо к нему Г. А. Лопатина, написанное, очевидно, вскоре после встречи его с Энгельсом в сентябре 1883 г.— 364.

⁹ Первоначально Маркс намеревался включить во II том вторую и третью книги «Капитала».— 364.

¹⁰ Ср. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 275—276.— 365.

¹¹ См.: *Энгельс Ф.* В редакцию журнала «Северный Вестник» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 213).— 366.

¹² Первое из указанных Даниельсоном мест было исключено Марксом из второго издания I тома «Капитала». Второе место ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 728.— 366.

¹³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 728.— 367.

¹⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 119.— 368.

¹⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 90—93.— 369.

¹⁶ См. предисловие Энгельса к II тому «Капитала» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 24, с. 22—24).— 370.

¹⁷ Речь идет о лекции М. Я. Герценштейна «Учение о фонде рабочей платы», прочитанной в Московском университете и опубликованной в журнале «Русская Мысль» (июль 1890 г.).— 371.

¹⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 402—403.— 371.

¹⁹ Первое русское издание работы Маркса «К критике политической экономии» вышло в феврале 1896 г. в переводе П. П. Румянцева и под редакцией А. А. Мануйлова.— 372.

²⁰ Речь идет о части экономической рукописи Маркса 1861—1863 гг.— «Теориях прибавочной стоимости». Этот труд Энгельс намеревался опубликовать в виде IV тома «Капитала». Письмо Даниельсона Э. Маркс-Эвелинг от 30 ноября 1896 г. см.: Переписка членов семьи Маркса с русскими политическими деятелями. М., 1974, с. 136.— 375.

²¹ Над вторым русским изданием I тома «Капитала», которое делалось на основе 4-го немецкого издания (1890 г.), Даниельсон работал в течение двух лет (1897—1898). Оно вышло в 1898 г. тиражом 3000 экземпляров. Выпуском второго издания I тома «Капитала» завершилась деятельность Даниельсона как переводчика главного труда Маркса.— 375.

²² Статья Даниельсона «По поводу III-го тома» была опубликована в журнале «Русское Богатство», № 1, 1897 г.— 375.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Предисловие</i>	III—IV
<i>А. И. Малыш.</i> Учение, проверенное практикой	1
Революционный переворот в политической экономии	1
Первая ревизионистская атака на «Капитал»	7
Ленин — верный ученик Маркса и Энгельса, гениальный продолжатель их теории	8
Углубление общего кризиса капитализма	12
Достижения реального социализма — величайший триумф экономического учения Маркса, марксизма-ленинизма	15
<i>Л. Л. Васина.</i> О месте экспертных тетрадей Маркса первой половины 50-х гг. XIX в. в истории формирования марксистской теории денег	18
<i>Е. А. Меликьян.</i> Разработка Марксом теории денег в экономической рукописи 1857—1858 гг.	34
<i>М. В. Терновский.</i> Создание Марксом теории земельной ренты в 40—60-е гг. XIX в.	63
На позициях теории ренты Д. Рикардо	64
Начало преодоления теории земельной ренты Д. Рикардо: эксерпты 1851—1853 гг. Отражение полученных результатов в экономической рукописи 1857—1858 гг.	66
Решающий этап в разработке Марксом собственной теории земельной ренты. Экономическая рукопись 1861—1863 гг.	75
Вопросы теории земельной ренты в рукописи 1864—1865 гг.	90
<i>М. Мюллер (ГДР).</i> Экономическая рукопись 1861—1863 гг.— второй черновой вариант «Капитала»	103
Рукопись 1861—1863 гг. в контексте истории «Капитала»	104
Основное противоречие капиталистического способа производства	113
Основное противоречие капитализма и буржуазная политическая экономия	124
Понятие «капитала вообще» и разработка концепции «Капитала»	129
<i>В. С. Выгодский.</i> Работа Маркса над «Капиталом» в 1863—1865 гг.	136
<i>И. К. Антонова.</i> Разработка Марксом структуры I тома «Капитала» (1857—1867 гг.)	172
Первый набросок структуры экономического труда (1857 г.)	172
Центральная роль понятия «капитал вообще» в формировании структуры «Капитала» в 1857—1861 гг.	176
Формирование структуры «Капитала» в ходе дальнейшего развития учения о процессе производства капитала (1861—1863 гг.)	186

Судьба понятия «капитал вообще» в I томе «Капитала»	189
Роль исследования Марксом соотношения между производством и обращением в формировании структуры «Капитала»	190
Предпосылки и результаты капиталистического способа производства	194
<i>А. Ю. Чепуренко.</i> Из истории второй книги «Капитала» Маркса	206
<i>В. П. Шкредов.</i> Анализ формы стоимости в I томе «Капитала»	249
1. Переход к рассмотрению формы стоимости в «Капитале»	252
2. Многообразие меновых отношений, сведенное к своей простоте	256
3. Выведение формы стоимости из элементарного менового отношения	260
4. Диалектическое развитие определений товара	266
5. Определение специфической формы выражения абстрактного труда	270
6. Изложение для «диалектического» и «недиалектического» читателя	274
7. Внутренняя диалектика возникновения денежной формы товара	281
8. Возвращение к простой форме стоимости	293
9. Форма стоимости как историческая категория	297
<i>Л. Р. Миськевич.</i> Разработка и пропаганда Марксом своей экономической теории в 40—50-е гг. XIX в.	311
<i>В. А. Смирнова.</i> К вопросу о создании Марксом социально-экономической программы классовой борьбы пролетариата	342

Публикация

Из переписки русских ученых и общественных деятелей по поводу издания «Капитала» в России (1879—1896)	359
---	-----

*ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
«КАПИТАЛА»
К. МАРКСА*

Художник *Г. В. Колоскова*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Н. К. Капустина*
Корректоры *Т. И. Андрианова, Е. А. Хохлова*

ИБ № 4586

Сдано в набор 21.03.83. Подписано в печать 17.06.83.
А00419. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гар-
нитурa «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн.
печ. л. 24. Условн. кр.-отт. 24. Учетно-изд. л. 27,28. Ти-
раж 10 тыс. экз. Заказ 3284. Цена 1 р. 90 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА